НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ в XX веке

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ТОМ 3. КНИГА 2. 1980–1990

Глава I
Население России в 1980 г.

Численность и размещение населения

В 1980 г. СССР занимал площадь в 22,4 млн кв. км и включал 15 союзных республик: РСФСР, Украинскую ССР, Белорусскую ССР, Литовскую ССР, Латвийскую ССР, Эстонскую ССР, Молдавскую ССР, Грузинскую ССР, Азербайджанскую ССР, Армянскую ССР, Узбекскую ССР, Туркменскую ССР, Таджикскую ССР, Казахскую ССР, Киргизскую ССР.

Население СССР на 1 января 1981 г. составляло 266,6 млн чел.

РСФСР занимала площадь в 17,1 млн кв. км, или 76 % от всей территории СССР; население ее на 1 января 1981 г. насчитывало 138,4 млн чел., или 52 % от населения СССР.

По сравнению с 1970 г. население РСФСР выросло[1] на 7 %, так как в 1970-е гг. наблюдался хотя и невысокий, но стабильно-положительный естественный прирост населения.

Плотность населения в РСФСР на 1 января 1980 г. составила 8,1 чел. на 1 кв. км, что заметно превышало плотность населения в 1970 г.[2]

Активно развивающийся процесс урбанизации привел к тому, что процент городского населения непрерывно возрастал: на рубеже 1970-х гг. он составил 56 (136 млн) от всего населения СССР, а в начале 1980-х гг. — 62 (163,6 млн), в РСФСР соответственно — 62 (81 млн) и 70 (96,8 млн)[3].

Северо-Западный район на 1 января 1980 г. насчитывал 13,5 млн жителей, то есть прирост населения за 1970-е гг. составил 10,7 %[4] (что выше, чем в среднем по РСФСР). На рубеже 1970–1980-х гг. Северо-Западный район имел несколько более низкую, чем в целом по РСФСР, плотность населения — 8 чел. на кв. км.

Наиболее крупной по числу жителей в районе была в начале 1980-х гг. Ленинградская область с городом Ленинградом: 6,2 млн чел., в том числе г. Ленинград насчитывал 4,6 млн жителей. Таким образом, Ленинградская область концентрировала 46 % населения района. Кроме того, значительная часть населения приходилась на Архангельскую и Вологодскую области. В них проживало соответственно 1,5 и 1,3 млн чел. Однако эти области значительно разнились по плотности населения: если в Вологодской области плотность насе-

ления была даже несколько выше, чем по РСФСР в целом (9 чел. на 1 кв. км), то в Архангельской — очень низкой (2,5 чел. на 1 кв. км).

Население района росло довольно быстрыми темпами и в старых торгово-промышленных центрах, и в центрах развивающейся индустрии, и в автономиях. Так, в Мурманской области число жителей в течение 1970-х гг. увеличилось на 18,8 %, достигнув к началу 1980 г. 1 млн чел. (при плотности населения — 6,8 чел. на 1 кв. км), а в Коми АССР — на 15,9 %[5] (1,1 млн). Плотность населения в Коми АССР оставалась невысокой — 2, 7 чел. на 1 кв. км.

Рост населения происходил прежде всего за счет городов. Число городских жителей в процентном отношении ко всему населению района превосходило и общереспубликанский, и общесоюзный показатели. В 1980 г. в городах проживало 81 % всех жителей Северо-Западного района. За 10 лет городское население увеличилось во всех без исключения областях района. Резким возрастанием показателей численности городского населения отличались даже наименее урбанизированные Новгородская, Псковская и Вологодская области — на 25, 27 и 29 % соответственно. Однако эти области выделялись столь же значительным снижением численности сельского населения — на 25–27 %. Это обстоятельство не могло не сказаться на общем приросте населения, в результате чего в Новгородской области за те же 10 лет его численность осталась примерно на том же уровне (0,7 млн на 1 января 1980 г.), а в Псковской области даже несколько уменьшилась (на 3,8 %), составив 0,8 млн[6]. В Вологодской области общий прирост населения был незначителен — 0,7 %.

При повсеместном росте городского населения наиболее высокий процент горожан от всех жителей области приходился традиционно на Ленинградскую (с г. Ленинградом) и Мурманскую области, составляя соответственно 91,3 и 91 %. Несколько ниже этот показатель был в Архангельской области — 73 %. Наименьшей относительно всех других областей доля городского населения была в Псковской, Вологодской и Новгородской. Однако и там в 1980 г. городское население составило большинство — соответственно 56, 60, 66 %[7].

Довольно высоким был процент городского населения и в автономиях: в Коми АССР — 72, в Карельской — 78 %. Из приведенных данных видно, насколько интенсивным в районе был процесс урбанизации: повсеместно городское население к началу 1980-х гг. превалировало над сельским[8].

Население в Северо-Западном районе традиционно концентрировалось в крупных городах. В мегаполисе, каким уже являлся Ленинград, проживало около 44 % городского населения региона. Однако на протяжении 1970-х гг. городское население росло не только за счет мегаполиса, а за счет крупных городов с числом жителей от 100 до

499,9 тыс. чел. В них было сосредоточено около 25 % горожан. Удельный вес населения в малых городах имел тенденцию к убыли[9].

Самым высоким в Северо-Западном районе показатель плотности населения был в Ленинграде и Ленинградской области — 71,9 чел. на 1 кв. км. Ниже этот показатель был в Псковской и Новгородской областях: 15,2 и 13,1 чел. на 1 кв. км, а самый низкий показатель, как, впрочем, и в предшествующее десятилетие, был зафиксирован в Ненецком автономном округе — 0,3 чел. на 1 кв. км. Довольно низким, хотя и значительно выше, чем по Ненецкому а. о., был показатель плотности населения в обширных по занимаемой территории Коми и Карельской АССР, а также в Архангельской области — 2,7, 4,3 и 2,5 чел. на кв. км соответственно. Эти показатели несколько возросли по сравнению с началом 1970-х гг. Если в большинстве областей и автономий плотность населения повышалась, то в некоторых областях ее показатели падали. Примером может служить Псковская область, в которой происходило сокращение численности населения за счет миграций. В целом же плотность населения в большинстве областей Северо-Западного района по сравнению с другими районами РСФСР была невелика, за исключением г. Ленинграда[10].

В **Центральном** районе на 1 января 1981 г. проживало 29,2 млн чел.[11]

Центральный район занимал обширную площадь с очень высокой, по сравнению с общесоюзной и общереспубликанской, плотностью населения. Следует заметить, что этот район традиционно отличался высокой плотностью населения.

Наибольшую массу населения Центрального района концентрировала Москва.

В январе 1980 г. в столице проживало 8,1 млн чел., в Московской области — 6,4 млн, то есть вместе население столицы и области насчитывало 14,5 млн чел. Иначе говоря, здесь было сосредоточено 50 % населения района. Однако и другие области Центрального района отличались многочисленным населением. Так, в Тульской области на 1 января 1980 г. было 1,9 млн жителей, в Калининской — 1,6, в Брянской — 1,5, во Владимирской — 1,6 млн чел. и т. д.

Несколько меньше были населены Орловская и Калужская области. Но и там численность населения приближалась к миллиону: в Калужской области в самом начале 1980 г. насчитывалось 1014 тыс. чел., а в Орловской — 887 тыс. В наименее населенной Костромской области было зафиксировано 797 тыс. чел.[12]

Чрезвычайно высокой плотностью населения отличались г. Москва с Московской областью — 308,7 чел. на 1 кв. км.

Наибольшими (помимо Москвы) показатели плотности населения были в Тульской (74 чел. на кв. км), Ивановской (55,2 чел. на

кв. км) и Владимирской областях (54,7 чел. на кв. км). Высокими были показатели плотности населения также в Брянской — 43 чел. на кв. км, и в Ярославской областях — 39,3 чел. на кв. км. Менее плотно, чем другие области района, были заселены Костромская и Калининская области, соответственно: 13,3 чел. на кв. км и 19,6 чел. на кв. км. Однако нельзя не заметить, что показатели плотности населения в некоторых из перечисленных областей района в начале 1960-х гг. были выше (например, в Костромской), а в других областях остались на том же уровне, что и в 1960 г. (например, в Ивановской и Тульской). Зато в ряде областей плотность населения значительно возросла. В итоге по району в целом фиксируется тенденция роста плотности населения[13].

Уровень урбанизации в Центральном районе, и прежде очень высокий, к началу 1980-х гг. еще более возрос. Городское население составило в конце 1980 г. около 80 % всего населения района.

В январе 1980 г. самый высокий удельный вес имело городское население в Московской (включая г. Москву) и Ивановской областях — соответственно 90 и 80 % от всего населения областей. Немногим меньше он был в Тульской и Ярославской областях (по 78 % в каждой), а также во Владимирской (76 %). Самым низким этот показатель был в Брянской области, но и там он достигал 60 %[14].

Если сопоставить эти данные с данными, зафиксированными в 1970 г., то станет совершенно явным быстрый рост городского населения во всех без исключения областях района[15]. Действительно, удельный вес его в Ивановской области увеличился на 5 %, в Тульской — на 7, в Ярославской на 15 %. В некоторых областях района в 1970 г. горожане уступали по своей численности и удельному весу жителям села. Например, в Брянской области, Рязанской и Смоленской удельный вес городского населения составлял в 1970 г. от всего населения соответствующей области 47–48 %. В начале 1980-х гг. во всех этих областях доля городского населения была выше, чем сельского.

Для всех этих областей характерна устойчивая тенденция к сокращению сельского населения. Так, за период с начала 1970-х до начала 1980-х гг. сельское население в Брянской области сократилось на 29,7 %, в Калининской — на 30, в Костромской — на 31,2, в Орловской — на 33,9, в Рязанской — на 28,1 %[16].

В Центральном районе на рубеже 1980-х гг. преобладающая часть городского населения, как и в предыдущие десятилетия, проживала в сверхкрупных и крупных городах. Так, на города с населением свыше 500 тыс. жителей приходилось 39 % горожан, от 100 до 499,9 тыс. — 26 %. В средних городах с населением от 50 до 99,9 тыс. чел. и от 20 до 49,9 тыс. проживало 10 и 11 % населения соответственно, то есть

значительно меньше, чем в крупных городах. Удельный вес горожан малых городов в составе всего городского населения Центрального района был так же невелик, как и в Северо-Западном районе. В городах с населением менее 5 тыс. чел. проживало лишь 3 % всего городского населения[17].

Таким образом, в Центральном районе происходила концентрация городского населения в сверхкрупных и крупных городах. Там было больше, чем в Северо-Западном районе, крупных городов, которые наряду с мегаполисом сосредоточивали значительную массу населения. Поэтому и процент проживающих в крупных и сверхкрупных городах был выше, чем в Северо-Западном районе.

Волго-Вятский район, как и в начале 1970-х гг., заметно уступал по показателям численности и плотности населения Центральному и Северо-Западному районам. На протяжении 1970-х гг. общая численность населения претерпела здесь очень незначительные изменения. В итоге на 1 января 1980 г. она была равна 8,4 млн чел.[18]

На рубеже 1980-х гг. наибольшей плотностью населения отличалась Чувашская АССР (71,5 чел. на кв. км).

Высокой была плотность населения Горьковской области (49,4 чел. на кв. км), но по отношению к началу 1960-х гг. она практически не изменилась. Кировская область продолжала сохранять самую низкую плотность населения — 13,7 чел. на кв. км.

На уровне рубежа 1960-х гг. сохранилась плотность населения в Мордовской АССР — 37,5 чел. на кв. км. В Марийской АССР плотность заселения за двадцатилетие повысилась с 27,9 до 30,6 чел. на кв. км.

Таким образом, за исключением Чувашской АССР, за двадцатилетие с рубежа 1960-х до рубежа 1980-х гг. показатели плотности населения Волго-Вятского района не претерпели каких-либо существенных изменений[19]. Район в целом не был центром притяжения, равно как и оттока населения. Естественный прирост населения сохранял положительную динамику, демографические характеристики населения района были стабильными.

Население самой крупной по численности области района — Горьковской — на 1 января 1960 г. насчитывало 3,7 млн чел. Численность населения Кировской области составляла 1,7 млн чел., входящих в район автономий — Марийской и Чувашской АССР — соответственно 0,7 млн и 1,3 млн чел. Населенне Мордовской АССР сократилось на 4,4 % и, если в 1970 г. число жителей здесь превышало 1 млн, то в начале 1981 г. составило лишь 984 тыс.[20]

Во многих областях происходило сокращенне численности сельского иаселения. Значительнее всего убыль сельского населення по сравнению с началом 1970-х гг. отмечалась в Кировской областн

(27 %). В Горьковской области сельское население также сократилось, хотя и не столь значительно — на 16 %. Высокими темпами уменьшалось сельское население в автономиях. Так, в Чувашской АССР оно сократилось на 14,8[21], в Марийской АССР — на 21, а в Мордовской АССР — на 22 %. При этом городское население повсеместно увеличивалось. Хотя в Волго-Вятском районе процент городского населения был ниже, чем в Северо-Западном и в Центральном районах, однако оно увеличивалось очень быстро. Если в начале 1970-х гг. городское население составляло немногим более половины от всего населения района, то на рубеже 1980-х гг. уже почти две трети населения района проживало в городах. Самый высокий удельный вес горожан был в Горьковской (73 %) и Кировской областях (65 %).

Что касается автономных республик, входящих в состав района, то только в Марийской АССР к началу 1980-х гг. городские жители по численности и удельному весу превзошли сельское население (54 %). В Чувашской АССР, а также Мордовской АССР сельское население составляло 52–53 %, то есть городское население, хотя его доля была велика — практически половина населения соответствующих автономий, — не являлось преобладающим[22].

Распределение населения по городам разного типа здесь было иным, чем в рассматриваемых выше районах. Так, в 1980 г. в мегаполисах с населением свыше 500 тыс. чел. проживало чуть более четверти городского населения — 26 %. Почти столько же жителей было зафиксировано в городах с населением от 100 до 499,9 тыс. чел. — 27 %. Всего 10,5 % горожан проживало в городах с населением от 50 до 99,9 тыс. чел. Зато в средних и мелких городах число горожан было значительным. Так, удельный вес жителей городов с населением от 20 до 49,9 тыс. чел. составлял 13 % от всех горожан, а мелких городов с населением до 5 тыс. чел. — 6 %. Расселение горожан по разному типу городов, как мы видим, здесь было довольно равномерным. Преобладание мегаполисов и вообще крупных городов не отмечалось.

Центрально-Черноземный район в начале 1980 г. отличался очень высокой плотностью населения. Показатели плотности населения в областях района колеблются от 50,8 чел. на кв. км в Липецкой до 30,1 чел. на кв. км в Тамбовской областях. Промежуточное по величине показателя плотности населения положение занимают Белгородская, Воронежская и Курская области: 48,2 , 47,1 и 46,5 чел. на кв. км соответственно[23].

Население ЦЧР составляло 7,7 млн чел., то есть на 4 % меньше, чем в 1970 г.[24] Центрально-Черноземный район отличался от всех прочих районов РСФСР убылью населения. Причиной был, прежде всего, отток населения в промышленные районы на фоне невысокой рождаемости (особенно по сравнению с национальными автономиями).

ЦЧР продолжал сохранять преимущественно сельскохозяйственную специализацию. Лишь к рубежу 1970-х — 1980-х гг. урбанизационные процессы привели и в этом районе к тому, что городское население превысило сельское, достигнув 52 %.

Численность населения сократилась в большинстве областей: в Воронежской — с 2527 тыс. в 1970 г. до 2467 тыс. чел. в январе 1980 г.; в Курской — с 1474 тыс. до 1385 тыс.; в Тамбовской — с 1512 тыс. до 1374 тыс. чел. Рост населения отмечался только в Белгородской области — с 1261 тыс. до 1306 тыс. чел.

За тот же период городское население во всех областях выросло, причем значительно: на 62,4 % в Белгородской, на 42 % в Курской, на 31,5 % в Липецкой и даже Тамбовской, где был самый низкий естественный прирост населения, число горожан увеличилось на 16,9 %.

Однако сокращение сельского населения, происходившее во всех областях ЦЧР, было еще более значительным, чем рост городского, что и привело к уменьшению населения в целом. В среднем по ЦЧР сельское население убыло за десятилетие с рубежа 1970-х до рубежа 1980-х гг. более чем на 25 %, а в абсолютных цифрах более чем на 1 млн чел. При этом миграция сельских жителей направлялась не только в города собственного района, но и в города других районов республики, как удаленных, так и близлежащих. Мигранты достигали даже Дальнего Востока. Естественный прирост населения в ЦЧР и в городах, и в селах устойчиво снижался за счет низкой рождаемости и старения населения.

Более всего сократилось сельское население Курской области (на 30,6 %), но и в других областях ситуация в данном отношении была похожей. Так, в Белгородской области население убыло на 27,9 %, в Тамбовской — на 27,1, в Липецкой — на 25,2 %. Лишь в Воронежской области убыль сельского населения была меньшей, оно сократилось на 20,6 %, хотя и эта цифра высока[25].

В результате в 1980 г. во многих областях ЦЧР доля горожан превысила долю сельских жителей. В Липецкой области удельный вес городского населения превышал соответствующий показатель сельского на 14 %, в Белгородской — на 8, в Воронежской — на 10 %. В Курской и Тамбовской областях удельный вес городского населения составлял 50–51 % всего населения.

Крупные города в 1980 г. сосредоточивали и в этом районе довольно значительный процент городских жителей. Так, в городах с населением 500 тыс. и более проживало 20 % горожан; в городах с населением от 100 до 499,9 тыс. — 37 %. Таким образом, первое отличие ЦЧР состояло в том, что здесь не было таких крупных мегаполисов, как в Северо-Западном и Центральном районах. В городах с населением от 50 до 99,9 тыс. чел. было зафиксировано всего 9 % горожан,

с населением от 20 до 49,9 тыс. — 15, от 10 до 19,9 тыс. — 14 %. В то же время городское население малых городов было незначительным и составляло всего 3 % от всех горожан района. Развитие крупных и средних городов — второе отличие ЦЧР от вышеназванных[26]. При этом мелкие города устойчиво сохранялись, массового оттока населения из них не было.

Поволжский район в рассматриваемый период включал в свой состав Астраханскую, Волгоградскую, Куйбышевскую, Пензенскую, Саратовскую и Ульяновскую области, а также Калмыцкую и Татарскую АССР. Население этого района на 1 января 1980 г. составляло 15,7 млн чел.[27]

Наибольшая плотность населения отмечалась в Куйбышевской области (58,2 чел. на кв. км) и Татарской АССР (50,6 чел. на кв. км). Довольно высокой была плотность населения также в Ульяновской, Пензенской и Саратовской областях и составляла соответственно 34,1, 34,7 и 25, 6 чел. на кв. км.

Самый низкий показатель плотности населения наблюдался в Калмыцкой АССР — 3,9 чел. на кв. км[28].

Больше всего в 1970–1980-х гг. выросло население одной из самых крупных по численности жителей областей района — Куйбышевской (на 12,4 %), достигнув 3,1 млн чел.

Рост населения был значительным и в Татарской АССР — на 10,3 % (3,4 млн). Быстрый прирост населения имел место и в самой малонаселенной Калмыцкой АССР — до 298 тыс., или на 12,3 %. Увеличилось число жителей и в других областях района: в Волгоградской — на 7, 3 %, Саратовской и Ульяновской на 4,5 % в каждой. Сократилось население лишь в Пензенской области — до 1500 тыс. чел., или на 2,3 %. Эти изменения в численности населения в основном были связаны с промышленным строительством.

Рост городского населения отмечался повсеместно. Очень интенсивно увеличивалось число горожан в Татарской АССР — на 39,6 %, в Куйбышевской области — на 25,7, в Ульяновской — на 29,9, в Пензенской — на 26,5, в Калмыцкой АССР — на 33,7 %.

В итоге городское население района в 1980 г. превышало 11 млн, из которых в городах Куйбышевской области проживало 2,5 млн, Татарской АССР — 2,2 млн, Саратовской — 1,8 млн, Волгоградской — 1,8 млн чел.

Сельское население, как и в равее рассмотренных районах, сокращалось во всех областях, причем существенно: в Куйбышевской — на 15,5 %, в Астраханской — на 13,1, в Саратовской — на 16,1. Особенно интенсивно убывало сельское население в Ульяновской (на 23,8 %) и Пензенской (25,1 %) областях.

Уменьшалось сельское население и в автономиях, причем быстрыми темпами, например, в Татарской АССР — на 20,9 %. Исключением

являлась Калмыцкая АССР, в которой на фоне быстрого роста городского населения сельское практически осталось на том же уровне[29].

Удельный вес городского населения в Поволжском районе вырос с 57 % от всего населения района в 1970 г. до 73 % в 1980 г. Самая высокая доля горожан наблюдалась в Куйбышевской области, там ее показатель поднялся до 78 %. Куйбышевская область была, как мы видим, одной из самых урбанизированных областей РСФСР.

Высоким (более $^2/_3$ населения) был удельный вес горожан на рубеже 1980-х гг. в Астраханской области — 68 %, в Волгоградской и Саратовской — по 72 %. К началу 1980 г. резко поднялся удельный вес городских жителей в Татарской АССР и Ульяновской области. В автономии доля городского населения в 1970 г. едва превышала половину всех жителей, а на 1 января 1980 г. этот показатель достиг 64 %. Близким был показатель удельного веса горожан и в Ульяновской области. Быстрыми темпами росло городское население в Пензенской области. Если в 1970 г. там преобладало сельское население, а городское составляло лишь 48 %, то к январю 1980 г. доля городского населения превосходила долю сельского, достигнув 56 %. В Калмыцкой АССР продолжало преобладать сельское населеиие, городское же составляло 41 %[30].

Распределение по типам городских поселений в Поволжском районе отличалось высоким удельным весом городского населения в сверхкрупных городах с 500 тыс. и более жителей: в 1980 г. он составлял 43 %. Жителей крупных городов было несколько меньше — 26,3 %. В средних городах (например, с числом жителей от 20 до 49,9 тыс.), население увеличивалось относительно медленно, а в некоторых городах даже сократилось. Доля жителей этих городов составляла 9,1 % от всего городского населения района. В малых городах проживала небольшая часть городского населения, например, в городах с населением до 5 тыс. проживало до 2,6 %[31]. Таким образом, мы наблюдаем стабильно высокую концентрацию населения в сверхкрупных и крупных городах.

Северо-Кавказский район отличался среди других районов Европейской России быстрым ростом населения. К 1980 г. в нем проживало уже 15,8 млн чел., то есть в 1970-е гг. население увеличилось более чем на 1 млн чел., или на 10,2 %[32]. Большую роль играл приток населения в города этого района из других районов РСФСР и СССР в целом. При этом ситуация с сокращением аграрного населения в Северо-Кавказском районе была не столь однозначной, как во многих районах Европейской России.

В Краснодарском крае плотность населения составила 58 чел. на кв. км, а в Ростовской области — 40,8 чел. на кв. км. В Дагестанской АССР на 1 января 1980 г. был самый низкий показатель плотности

населения — 32,8 чел. на кв. км. В Северо-Осетинской АССР этот показатель достигал 74,6 %[33].

Более всего за период с начала 1970-х до начала 1980-х гг. повысилась численность населения автономий: Дагестанской АССР – на 21,4 % (с 1,4 до 1,7 млн чел.), в том числе городского населения — на 33,5 и сельского — на 8; Кабардино-Балкарской АССР — на 14,7 % (с 0,6 до 0,7 млн чел.), прежде всего, горожан на фоне сокращения сельского населения; Северо-Осетинской АССР — на 8 % также за счет городского населения, численность которого достигла 0,4 млн чел. при довольно стабильной численности сельского населения; Чечено-Ингушской АССР — на 8,4 % (с 1,1 до 1,2 млн чел.), в том числе городского населения — на 12,2 %, а сельского — на 8,2 %[34].

Выше среднерайонных показателей отмечен рост населения в Ставропольском крае — на 12,5 %, том числе городского — на 36 %.

Краснодарский край и Ростовская область имели близкие темпы прироста населения — 8,2 и 8,6 % соответственно. Сходные показатели были также в Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областях, население которых увеличилось на 4,9 и 6,9 % соответственно. И в Краснодарском крае, и во всех автономных областях происходил рост городского населения при сокращении сельского. Так, городское население в Ростовской области выросло на 19,5 %, в Карачаево-Черкесской АО — на 42,5, а сельское убыло на 11,6 и на 10,4 % соответственно[35].

В целом в районе преобладала тенденция роста городского и сокращения сельского населения.

Городское население в Северо-Кавказском районе выросло с 7,1 млн чел. в 1970 г. до 8,8 млн в начале 1980 г. В то же время сельское население уменьшилось с 7,2 до 7,0 млн чел. В результате доля городского населения в районе в 1980 г. достигла 56 % всех жителей. Если на рубеже 1960-х — 1970-х гг. во многих областях и автономиях сельское население превышало городское, то к началу 1980-х гг. во многих автономиях и областях число горожан составило свыше половины всего населения Краснодарского и Ставропольского краев и Кабардино-Балкарской АССР, и более $^2/_3$ населения Ростовской области и Северо-Осетинской АССР. Самым низким удельный вес горожан был в Дагестанской АССР (всего 40 %), Карачаево-Черкесской АО и Чечено-Ингушской АССР (44 и 43% соответственно)[36].

Рост городов и концентрация в них населения отличались в Северо-Кавказском районе некоторой спецификой. Особенностью являлась невысокая доля (11 %) городского населения сверхкрупных городов с числом жителей более 500 тыс. чел.[37] Крупные города с населением от 100 до 499,9 тыс. чел. в 1980 г. концентрировали 36,2 % городского населения. В малых городах (до 5 тыс. населения) в

1980 г. проживала небольшая по удельному весу часть городского населения — 1 %. Более значительным, чем в других районах РСФСР, был удельный вес городских жителей в городах с населением от 50 до 99,9 тыс. жителей, а также с населеннем от 20 до 49,9 тыс. На каждый из этих двух типов поселений приходилось почти по 16–18 % всех горожан района[38].

Уральский район — старый промышленный центр, для которого был характерен отток населения во вновь осваиваемые районы, однако менее интенсивный, чем из Центрально-Черноземного района. Прирост населения характеризовался положительной величиной, хотя и небольшой, что объясняется низкой смертностью населения, обеспечивавшей положительное сальдо естественного прироста населения. В целом число жителей района росло и составило на 1 января 1980 г. 19,6 млн чел. На протяжении всего предшествующего десятилетия прослеживается тенденция к росту городского населения (оно увеличилось на 14,5 %) на фоне значительного сокращеиия сельского (на 17,9 %)[39].

Уральский район, несмотря на высокую степень урбанизации, имел по сравиению с ранее рассмотренными районами не слишком высокие показатели плотности населения, хотя они были и выше средних показателей по РСФСР. Плотность населения Уральского района неравномерна: самая высокая в Челябинской области (39,4 чел. на кв. км) и Удмуртской АССР (35,7 чел. на кв. км). Довольно высокие показатели плотности населения имела Свердловская область и Башкирская АССР — 23 и 26,9 чел. на кв. км. В других областях эти показатели заметно ниже, в Курганской области — 15,3 чел. на кв. км, в Оренбургской — 17. Малонаселенным остается Коми-Пермяцкий автономный округ, там проживало всего 5,2 чел. на кв. км[40].

Во всех областях района на протяжении 1970-х гг. наблюдался очень невысокий прирост населения: от 5,7 % в Челябинской области (в начале 1980 г. здесь жило 3,5 млн чел.) до 1,2 % в Башкирской АССР (3,9 млн). В Курганской и Пермской областях численность жителей практически не изменилась, в Коми-Пермяцком автономном округе население убыло с 212,1 тыс. до 171 тыс. чел. Исключением является Удмуртская АССР, где фиксировался самый большой по району прирост городского населения, произошедший в связи с промышленным строительством в г. Ижевске, — более чем на 200 тыс. чел., или на 25,1 %, и где общий прирост населения, несмотря на сокращение сельского, достигал 7 %.

Сокращение сельского населения происходило во всех областях и автономиях района. Более всего этот процесс ощущался в Свердловской и Пермской областях, а также в Коми-Пермяцком автономном округе (на 20,1, 20,7 и 23,5 % соответственно). Наиболее стабильной

численность сельского населения была в Челябинской области, но и там оно сократилось почти на 11 %. Однако и городское население здесь росло не очень значительно. Самый высокий его прирост отмечается, как уже говорилось, в Удмуртской АССР, а также в Башкирской АССР (23,5 %), в Курганской (21,1 %) и Оренбургской областях (19,8 %). Самый низкий прирост городского населения в 1970-е гг. фиксируется в Коми-Пермяцком автономном округе — 3,2 %. В остальных областях прирост городского населения колебался от 9 до 10 %[41].

Соотношение городского и сельского населения здесь было типичным для старопромышленного района — преобладало городское население. В Уральском районе это преобладание было значительным, число горожан в 1980 г. здесь составляло 72 %. Однако ситуация в различных частях региона была неодинакова: в Свердловской и Челябинской областях уровень урбанизации очень высок и доля городского населения в 1980 г. достигала 85 и 82 % соответственно. Высокой была доля городского населения и в Пермской области (74 %). В то же время в Курганской области удельный вес горожан в 1980 г. составлял чуть более половины всего населения (51 %). Довольно быстрыми темпами увеличивался удельный вес городского населения в Оренбургской области и Удмуртской АССР. В итоге к 1980 г. и в области, и в автономии доля городского населения превысила 60 %. Если в Башкирской АССР в 1970 г. преобладало сельское население, то к январю 1980 г. доля городского населения превосходила долю сельского, достигнув 58 %. Удельный вес горожан в Коми-Пермяцком автономном округе был невелик: в 1980 г. он составлял всего 24 %[42].

Городское население в Уральском районе в 1980 г. концентрировалось как в сверхкрупных (с населением свыше 500 тыс. чел.), так и в крупных городах (от 100 до 499,9 тыс. жителей). В сверхкрупных городах проживало 32,7, а в крупных — 28,5 % всех горожан района. Были распространены города с населением от 50 до 99,9 и от 20 до 49,9 тыс. чел. В них насчитывалось соответственно 12,2 и 14,1 % всех городских жителей. Соотношение таких типов поселений характерно для старопромышленных центров. В старых промышленных центрах в малых городах, как правило, проживает малое число жителей района, в данном случае — всего 2,8 %[43].

Западно-Сибирский район отличался более высоким приростом населения, чем многие районы Европейской России, и более высоким, чем в среднем по РСФСР. Население этого района за 10-летний период с начала 1970-х гг. выросло на 11,5 %[44], достигнув численности в 13,5 млн чел.

Особенно высокие темпы прироста населения отмечались в Тюменской области, здесь оно выросло на 0,6 млн чел., или на 44,4 %.

Существенно увеличилась численность населения входивших в Тюменскую область Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов — соответственно на 298 тыс. чел., или на 110 %, т. е. вдвое, и на 77,6 тыс., или на 97,1 %. В этих округах традиционно увеличивалось сельское население — на 23,1 тыс. чел., или на 70,4 %. Но отмечался и бурный рост городского населеиия — на 161,2 тыс. чел., или на 132,7 %.

Более быстрыми темпами, чем в среднем по району, росло население Томской и Омской областей: в Томской на 12,8 %, а в Омской — на 8,2 %, достигнув к 1980 г. соответственно 0,9 и 2 млн чел.

Несколько медленнее росло население Новосибирской области — к началу 1980 г. оно выросло на 6 % и составило 2,6 млн. Примерно на том же уровне осталась численность иаселения Кемеровской области и Алтайского края, которые сосредоточили значительную часть населения Западной Сибири. На рубеже 1980 г. в Кемеровской области было зафиксировано 3 млн чел., а в Алтайском крае — 2,7 млн.

Во всех этих областях рост населения происходил за счет городского населения. Так, в Новосибирской области число горожан с начала 1970-х до начала 1980-х гг. увеличилось на 17,3 %, составив 1,9 млн чел., в Томской — соответственно с 465,8 тыс. чел. до 580 — на 24,5 %, в Омской — на 25,2 %, составив 1,2 млн жителей. Очень значительно (на 92,8 %) выросло городское население Тюменской области, составив в январе 1980 г. 1,3 млн чел.

Менее всего в этот период возросло городское население в Кемеровской области — на 8,1 %, или примерно на 200 тыс. чел. Эта область отличалась высокой численностью городского населения: к началу 1980-х гг. оно достигало 2,6 млн чел.

Сельское население убыло во всех областях. В принципе уменьшение численности сельского населения колебалось в пределах от 23,8 % в Кемеровской до 7,8 % в Томской областях[45]. Единственной областью, где, несмотря на уменьшение, сельское население продолжало преобладать, была Горно-Алтайская автономная область (сельское население здесь составляло 72 % от всех жителей).

В среднем по району горожане увеличили свою численность до 9,1 млн чел. (то есть на 23 % по сравнению с рубежом 1960-х — 1970-х гг.). Одновременно сельское население сократилось до 4,4 млн (на 6,8 %). Процесс урбанизации успешно развивался, охватывая все новые области и округа. Доля городского населения в Западно-Сибирском районе интенсивно увеличивалась и в начале 1981 г. достигла 68 %. Особенно значительным удельный вес городского населения был в Кемеровской (87 %), а также в Новосибирской областях (72 %). В Алтайском крае в городах проживало более половины населения (54 %), хотя во входившей в состав края Горно-

Алтайской автономной области горожан, как уже отмечалось, было всего 28 %. В Тюменской области к 1980 г. их доля достигла 64 %, в том числе 70 % — в Ханты-Мансийском автономном округе. В Ямало-Ненецком округе численность городского населения достигла 62 %. Высоким процентом городского населения отличались также Томская и Омская области. В 1980 г. оно составляло уже более двух третей всего населения этих областей. Район, таким образом, имел высокий уровень урбанизации.

Плотиость заселения территории района была неравномерной. В Кемеровской области она достигала 31,1 чел. на кв. км. В Новосибирской и Омской областях плотность населения была хотя и невысокой, но значительно выше средней по району — 14,8 и 14,1 чел. на кв. км соответственно. Очень низким был этот показатель в Томской области — 2,8 чел. на кв. км, а еще ниже — в Тюменской (1,4 чел. на кв. км). В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах средияя плотность населения составляла соответственно 1,2 и 0,2 чел. на кв. км. Следует при этом отметить, что по сравнению с 1959 г., когда этот показатель составлял 0,8 чел. на кв. км, средняя плотность населения Тюменской области к 1980 г. несколько увеличилась. Низкой была плотность населения в Горно-Алтайской автономной области — 1,9 чел. на кв. км, но в целом в Алтайском крае значительно выше среднего по району — 10,3 чел. на кв. км[46].

В 1980 г. городское население Западной Сибири концентрировалось, прежде всего, в сверхкрупных городах с населением 500 тыс. чел. и более, где проживало 38,8 % горожан. В крупных городах с населением 100–499,9 тыс. чел. было сосредоточено около 30 % городского населения. В районе были развиты средние города с числом жителей от 20 до 49,9 тыс. чел., на них приходилось 12 % всех городских жителей. В городах с населением 50–99,9 тыс. чел. проживало немногим более 4 % горожан. На малые города района приходилось 2,2 % городского населения[47].

Восточно-Сибирский район быстрее, чем Западно-Сибирский, увеличивал население. Это был район нового освоения и сюда стекался поток мигрантов. Однако по численности населения он уступал и Западно-Сибирскому, и Уральскому регионам. На январь 1980 г. в нем насчитывалось 8,3 млн, то есть численность его населения за 1970-е гг. выросла на 11,7 %. Рост населения происходил за счет городов, куда направлялся миграционный поток из старых, обжитых районов. В то же время естественный прирост населения в городах был ниже, чем в сельской местности. Города увеличивали численность населения прежде всего за счет механического прироста. Сельское население убывало в первую очередь из-за его оттока в города. Городское население выросло за 1970-е гг. с 4,6 до 5,8 млн чел., или на 26,2 %, одновременно

сельское населенне сократилось на 300 тыс. чел., или на 12 %. Население района возрастало и за счет традиционно высокой рождаемости в национальных автономиях, а показатели смертности в рассматриваемый период были иевысокими[48].

Быстро увеличивалось население входивших в состав Красноярского края Эвенкийского (на 24,1 %) и Таймырского (Долгано-Ненецкого) (на 15,9 %) автономных округов и Хакасской автономной области (на 12,2 %), в то время как показатели роста населения в целом по Красноярскому краю (10 %) были ниже средних по Восточно-Сибирскому району. Выше средних по району показателей были темпы увеличения числа жителей в Тувинской и Бурятской АССР — соответственно на 16,5 и 14,4 %. Однако ситуация в национальиых автономиях была неоднозначной. Например, в и без того малонаселенном Усть-Ордынском Бурятском автономном округе наблюдался отток населения. В 1970 г. там проживало 148 тыс. чел., а в начале 1980 г. — лишь 131 тыс. Во всех остальных областях и округах Восточной Сибири по сравнению с рубежом 1970-х гг. население численно выросло: в Иркутской области с 2,3 млн до 2,6 млн чел., в Читинской — с 1,1 до 1,3 млн, в Агинском Бурятском автономном округе, входнвщем в состав Читинской области, — с 65,8 тыс. до 70 тыс. чел. Темпы роста, как мы видим, различны, но тенденция к росту устойчива.

Городское население Восточной Сибири росло высокими темпами, особенно в автономиях. Например, в Бурятской АССР оно выросло на 41,3 %, и к 1980 г. его численность достигла 524 тыс. чел., в Тувинской — на 30,2 %, и составило 115 тыс. жителей.

Быстрыми темпами прибывало население в Эвенкийском автономном округе, но городское население там было очень малочисленно (в 1980 г. — лишь 6 тыс. чел.). В Красноярском крае, Иркутской и Читинской областях, сосредоточивших в себе большие массы городского населения, оно возросло по сравнению с началом 1970-х гг.: в Краспоярском крае до 2,3 млн (на 21,2 %), в Иркутской области до 2,0 млн (на 18,6 %), в Читинской — до 0,8 млн (на 18 %).

Одновременно сохранялась тенденция к сокращению численности сельского населения во всех областях. Наиболее значительно оно убыло в Красноярском крае — на 13,4 %, в Иркутской — (на 10,1 %) и Читинской (на 6,2 %) областях. Иной была ситуация с сокращением сельского населения в национальных автономиях. Там эта тенденция проявлялась не повсеместно. Если в Бурятской АССР численность сельского населения заметно снизилась (на 13,7 %), то в Тувинской, напротив, возросла на 6,4 %, в Хакасской автономной области, входившей в состав Красноярского края, сельских жителей стало меньше на 11,5 %, а в Таймырском (Долгано-Ненецком) и Эвенкийском

автономных округах, также входивших в состав Красноярского края, их число увеличилось на 5,8 и 11,8 % соответствеино. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе (в составе Иркутской области) сельское население заметно сократилось — на 12,1 %, а в Агиискем Бурятском автоиомиом округе (в составе Читинской области) оно осталось практически на том же уровне[49].

Соотношение городского и сельского населения в областях и национальных автономиях имело существенные различия. В целом в районе городское население заметно преобладало над сельским[50]. В начале 1980 г. доля горожан составляла 69 %. Близкой к средней по району была ситуация и в Красноярском крае, Хакасской автоиомной области н Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе. Самый высокий удельный вес городского населения наблюдался в Иркутской области — 78 %. В Читнпской области в 1980 г. доля городского населения была гораздо ниже — 63 %.

В Бурятской АССР к 1 января 1980 г. численность городского населения превысила численность сельского и составила 57 % от всего населения автономни. В Тувинской АССР доля городского населения составлила 43 %, то есть приближалась к 50 %. В автономных округах региона урбанизационные процессы были еще слабо развиты. Хотя городское население росло повсюду, но его удельный вес был пока незначителен. Так, к 1980 г. в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе доля горожан составила 19 %, в Агинском Бурятском — 26, в Эвенкийском — 35.

При обширной территории плотность населения в районе была низкой. По областям и автономиям показатели плотиости разнятся, но практически везде невелики: в Иркутской области — 3,4 чел. на кв. км, Читинской — 2,9, Бурятской АССР — 2,6, Тувинской АССР — 1,6 чел. Самый высокий показатель плотиости населения зафиксирован в Хакасской автономной области — 8,1 чел. на кв. км, самый низкий — в Эвенкийском автономном округе — 0,05 чел. При этом нельзя не отметить, что по сравнению с концом 1950-х гг. он несколько возрос[51].

В 1980 г. самый большой удельный вес городского населения приходился на крупные города района. Доля их составляла 30,2 %. В сверхкрупных городах проживало 24 % всех горожан района. В городах с иаселением 50–99,9 тыс. жителей было зафиксировано 12,6 % всех горожан, с населением от 20 до 49,9 тыс. — 13,7 %. На малые города приходился несколько больший удельный вес городского населения, чем в прилегающих районах, — более 5 %[52].

Дальневосточиый район в рассматриваемый период был районом иитенсивного освоения и притяжения миграционных потоков. Показатели естественного прироста населения здесь были более высокими, чем в центральных районах, вследствие большого притока моло-

дежи и наличия автономий с более высокой рождаемостью. Общий прирост населения по району только за 1970-е гг. составил 20 %, в результате чего оно увеличилось до 7,0 млн чел. Причем увеличение населения происходило как за счет горожан, так и за счет сельского населения, хотя его рост значительно отставал. Так, за десятилетие городское население увеличилось более чем на 1 млн чел., или на 29,3 %, а сельское — на 0,1 млн, или на 5,4 %. Однако и такой слабый рост населения в сельской местности, как мы видели, был в РСФСР редким явлением[53].

Плотность населения этого огромного по территории района была, несмотря на его освоение, очень низкой. При этом в Корякском автономном округе этот показатель составлял 0,1 чел. на кв. км, в Чукотском — 0,2 чел., в Магаданской области — 0,4, в Якутской АССР — 0,3. Наибольшая плотность населения в 1980 г. отмечалась в Приморском крае и Сахалинской области — 12 и 7,6 чел. на кв. км соответственно[54].

Особенно быстро выросло население на Камчатке (на 31,7 %), в Магаданской области и входящем в ее состав Чукотском автономном округе (более чем на 30 %), а также в Якутской АССР (на 26,3 %). К рубежу 1980-х гг. самые большие массы населения в этом районе были сосредоточены в Приморском и Хабаровском краях, там проживало 2 и 1,6 млн чел. соответственно.

По сравнению с началом 1970-х гг. городское население по всему Дальневосточному району увеличивалось высокими темпами: в Камчатской области оно выросло на 42,8 %, в Якутской АССР — на 37,3, в Магаданской области — на 38,2. В других немногочисленных районах темпы роста городов были не столь быстрыми, но и там эти показатели достаточно высоки. Например, городское население Амурской области увеличилось на 24,2 %, или на 118,8 тыс. чел., а в Сахалинской области — на 11,7 %, или на 56,7 тыс.

Сельское население практически во всех областях и автономиях этого района медленно, но росло. Убыль сельских жителей отмечается только в Сахалинской (на 13,1 %) и Камчатской (на 4,3 %) областях. Довольно большой прирост сельских жителей отмечался в Чукотском автономном округе — их численность увеличилась на 28,3%.

Дальний Восток традиционно отличался высоким процентом городского населения. В 1980 г. доля горожан в населении района составила 75 %. Городское население, таким образом, составляло три четверти всех жителей региона.

Все области отличались высоким удельным весом городского населения, а особенно Камчатская и Сахалинская, в каждой из которых в январе 1980 г. доля городского населения достигла 83 %. Несколько

ниже была доля горожан в населении в Якутской АССР и Амурской области — 62 и 65 % соответственно. В Корякском автономном округе она была еще более низкой — 39 %[55].

В 1980 г. на Дальнем Востоке два города перешагнули рубеж, составлявший 500 тыс. городского населения, — Владивосток и Хабаровск[56]. В крупных городах с населением от 100 до 499,9 тыс. чел. проживало 44,1 % горожан. Как и в некоторых других районах республики, города с числом жителей от 20 до 49,9 тыс. чел. имели больший удельный вес, чем города с населением от 50 до 99,9 тыс. чел.: 13,8 % против 8 % от численности всех горожан. К 1980 г. малые города концентрировали в себе до 9 % всех горожан, и эта цифра оставалась наиболее высокой по сравнению с другими районами РСФСР[57].

Демографическая характеристика населения России в 1980 г.

К началу 1980-х гг. практически все районы России были отмечены пониженным уровнем смертности и низким уровнем рождаемости. Однако рост населения происходил во всех районах РСФСР. Повсюду имел место положительный естественный прирост населения, хотя и невысокий. Вместе с тем фиксируются определенные региональные различия в темпах естественного прироста населения и, прежде всего, в показателях рождаемости. Наибольший разброс в показателях естественного движения населения наблюдался в национальных районах, хотя значительное снижение рождаемости характерно почти для всех народов, населяющих Россию. В целом в РСФСР общий коэффициент рождаемости в 1980 г. составил 15 ‰, смертности — 11 ‰, а естественный прирост населения — 4,9 ‰[58].

В центральных районах России эти показатели держались на очень низком уровне, а естественный прирост населения проявлял тенденцию к понижению. Так, в Центральном районе рождаемость в 1980 г. держалась на уровне 13,4 ‰, смертность — 12,1 ‰, естественный прирост населения — 1,3 ‰. В Центрально-Черноземном районе, испытывавшем интенсивный отток трудоспособного и детородного населения, естественный прирост населения к 1980 г. опустился до 0,3 ‰. В Поволжском и Волго-Вятском районах он был несколько выше – 4,8 и 3,3 ‰. При этом в Марийской и Татарской АССР, входивших в состав этих районов, естественный прирост был выше общероссийского. Так, в 1980 г. в Татарской АССР коэффициент рождаемости составлял 15,3 ‰, а естественный прирост — 6,3, одновременно в Марийской АССР — 18,6 и 7,2 ‰ соответственно. Более высокие показатели естественного прироста населения были на Северном Кав-

казе. Например, в Дагестанской АССР в 1980 г. он составлял 19,9 ‰. В среднем же по району его показатель равиялся 6,7 ‰. Уровень естественного прироста выше по сравнению с общереспубликанскими в Сибири, особенно в Восточно-Сибирском регионе и на Дальнем Востоке. В Восточно-Снбирском районе в 1980 г. он составлял 10,1 %, на Дальнем Востоке — 9,7 ‰[59].

Значительно выше, чем в Центральном районе, в тех же районах была и рождаемость. В Восточио-Сибирском регионе она составляла в 1980 г. 19,8 ‰ и на Дальнем Востоке — 18,5 %. В этих районах показатели смертности были нестабильными. Будучи более низкими, чем в других районах страны, они несколько повысились в период между 1970 и 1980 гг. с 7,7 до 9, 7 ‰. Показатели смертности в районах центра выше, поскольку там острее чувствовалось старение населения. Напротив, в районах Дальнего Востока и Сибири преобладание в миграционных потоках молодежи повышало показатели рождаемости и, следовательно, долю в возрастной пирамнде молодежной и детской возрастных групп. Наиболее высокие темпы естественного прироста населения сохранялись в Калмыкии (1980 г. — 14,6 ‰), Якутии (12,2) и Дагестане (19,9), но и в этих районах они имели тенденцию к понижению, хотя и недостаточно устойчивую[60].

Общий коэффициент смертности от 1960 к 1980 г. поднялся почти в два раза (с 5,5 до 11 ‰). В начале 1980-х гг. средняя продолжительность жизни населеиия составляла 68 лет.

На рубеже 1980-х гг. статистика фиксирует остроинфекционные заболевання, хотя перечень этих болезней по сравнению с военным и послевоенным периодами сильио сократился за счет исчезновения чумы, холеры и черной оспы. Однако в этом перечне еще присутствуют и брюшной тиф, и паратиф. Случаи этих заболеваний нечасты. Остроинфекционные кишечиые заболевания были распространены более широко: 1290 случаев на 100 тыс. чел. к началу 1980-х гг. Отмечались случаи вирусных гепатитов. Зафиксированы, хотя и немногочисленные, заболевания менингококковой инфекцией[61].

Среди детских заболеваний в 1980 г. чаще всего встречаются скарлатина, корь и ветряная оспа. В 1980 г. наблюдалось 642,7 случаев этих заболеваний. Возросла заболеваемость сальмонеллезом — с 17,2 случая в 1970 г. до 42,5 в 1980 г. Первое место среди острозаразных заболеваний занимали остроинфекционные заболевания верхних дыхательных путей и грипп. Инфекциями верхних дыхательных путей в 1980 г. страдало уже свыше 22 тыс. чел.

Хотя в 1970-е гг. заболеваемость активным туберкулезом и сокращалась, но не перестала существовать, и в 1980 г. было выявлено 47,4 случая заболевания с установленным диагнозом «активиый туберкулез»[62].

На смену старым инфекционным болезням пришли новые — грипп с его осложнениями, сальмонеллез, веиерические заболевания. Статистика показывает: число впервые заболевших сифилисом с 1970 по 1980 г. увеличилось в 2,5 раза (в расчете на 100 тыс. чел.), гонореей с 13,6 чел. до 19,6 (в расчете на 100 тыс. чел.). Однако надо учитывать, что статистика венерических заболеваний страдает неполнотой, многие заболевшие предпочитали лечиться анонимно[63].

Наконец, существеино возросла заболеваемость злокачественными новообразованиями: больных, состоящих на учете, в 1975 г. было 815, а в 1980 г. — уже 949, с впервые установленным диагнозом — 218 и 232 соответствеино[64].

Таким образом, несмотря на значительное сокращение, болезни, являющиеся экзогенными причинами смерти, еще далеко не были изжиты. Фиксировался рост заболеваемости злокачествеиными новообразованиями, которые относятся к «псевдоэндогенным» причинам смерти. Кроме того, росла заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами: за десятилетие она выросла в 2,5 раза. Наркомания и токсикомаиия в то время еще практически не фиксировались.

В то же время экологически неблагоприятные условия жизни, прежде всего, в крупных индустриально развитых городах оказывали самое негативное влияние, особенно на организм женщин наиболее активных репродуктивных возрастов. Из числа женщин, прервавших беременность, в 1980 г. страдали (в процентах)[65]:

Анемией	3,6
Болезнями системы кровообращеиия	3,5
Отеками, протеинурией и гипертензивными расстройствами	8,3
Болезнями мочеполовой системы	2,3

Приведенные данные свидетельствуют о том, что беременные женщины были подвержены многочисленным серьезным заболеваниям. Особенно вырос удельный вес беременных женщии, страдающих анемией, а также отеками, протеинурией и гипертензивными расстройствами.

Состояние здоровья беременных женщин непосредственио отражалось в основных классах причин смерти младенцев. Анализ статистических даиных показал, что высокие показатели смертности младенцев в России в большинстве случаев определялись врожденными эндогенными факторами и ярко проявлялись в заболеваниях перинатального периода, а также врожденных аномалиях. Высокий уровень смертности младенцев также был обусловлен болезнями органов дыхания.

Показатели смертности у мужчин и женщин повышались с увеличением возраста. Вместе с тем коэффициенты смертности у женщин были значительно ниже, чем у мужчин.

Исследование причин смертности свидетельствует о повышении летальных исходов от ишемической болезни сердца, острого инфаркта миокарда и нарушений мозгового кровообращения. В РСФСР на 100 тыс. чел. населения от болезией системы кровообращения в 1975 г. умерло 492 чел., в 1980 г. — 580. Увеличилось число смертей от злокачественных новообразований. Сказывалось отсутствие диспансеризации населения, запоздалое обращение к специалистам, недоступность дорогостоящего лечения, особенно операционного. Мужчины умирали от онкозаболеваний в два раза чаще, чем женщины. От этого класса причин в 1975 г. умерло на 100 тыс. чел. населения 156 чел., а в 1980 — 164. В отличие от западиых стран, в РСФСР сохраиялся высокий уровень смертности от несчастиых случаев, отравлений и травм. По этой причине на 100 тыс. населения в 1975 г. умерло 142 чел., а в 1980 г. — 165. Что касается смерти от самоубийств, то она ежегодно превышала 20 случаев на 100 тыс. чел. В целом от самоубийств, случайных отравлений алкоголем и убийств в 1980 г. погибло 35, 23, 13 чел. соответственно.

В 1980 г. фиксируется высокая смертность от заболеваний органов пищеварения. В 1980 г. на 100 тыс. чел. населения по этой причине умерло 30 чел.

Смертность населения от болезней органов дыхания была выше, чем от заболеваний органов пищеварения и особенно от инфекционных и паразитарных болезней. На 100 тыс. чел. населения от болезней органов дыхания в 1975 г. в России умерло — 93 чел., а в 1980 г. — 92.

На рубеже 1970–1980-х гг. нарастали важные изменения в брачном, внебрачном и добрачном поведении населения: участились разводы, добрачные и внебрачные связи, респространялся фактический брак. Усилилась «безотцовщина» при живых отцах, то есть не связаннвя с их гибелью на фронтах войны. По большей части в результате разводов заметно увеличилось число неполных семей. Получила достаточно широкое распространение так называемая вторая семья и гражданская жена (муж). Явление это было столь масштабным, что активизировало государственную политику, направленную на укрепление молодых семей. Был предпринят ряд социологических обследований в области семейно-брачных отношений, разрабатывалась система поощрительных мер, которые впоследствии были усилены. Однако это ие могло кардинально изменить ситуапию. Кризисные тенденции в брачно-семейном поведении усиливались.

Возрастно-половой состав населения на рубеже 1970–1980-х гг.

Возрастная пирамида в этот период выглядела следующим образом:

Таблица 1

Распределение населения РСФСР по полу и возрасту в 1980 г. (в процентах)*

Возраст (лет)	Мужчины	Женщины	Оба пола
0–4	8,4	7,0	7,7
5–9	7,8	6,4	7,1
10–14	7,6	6,3	6,9
15–19	10,1	8,1	9,0
20–24	10,5	8,6	9,5
25–29	9,5	7,9	8,7
30–34	6,4	5,4	5,8
35–39	6,5	5,8	6,1
40–44	8,0	7,3	7,6
45–49	7,0	6,6	6,8
50–54	6,6	7,5	7,1
55–59	3,0	5,0	4,1
60–64	2,7	4,6	3,7
65–69	2,7	5,1	4,0
70–74	1,7	3,9	2,9
75–79	0,8	2,5	1,8
80–84	0,4	1,2	0,8
85–89	0,2	0,5	0,3
90–94	0,1	0,2	0,1
95–99	0,0	0,1	0,0
100 и более возраст не указан	0,0 0,0	0,0 0,0	0,0 0,0
Все население	100	100	100

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 2. Д. 1530. Л. 37–39; Ч. 4. Д. 6128. Л. 4–8. Подсчеты автора.

Удельный вес детей от 0 до 9 лет в возрастной структуре населения меньше, чем во все предшествующие десятилетия XX века — 14,8 %. При этом в Центральной России их удельный вес еще меньше (в Центральном районе — 12,4 %, в Центрально-Черноземном — 12,6, в Северо-Западиом — 13,9), а на Северном Кавказе и в Сибири заметно выше — 16–18 %[66]. В итоге, несмотря на явную тенденцию к снижению, удельный вес детей в возрастиой структуре населения, особенно по Южным и Восточным рагионам России, еще довольно значителен, так же как и молодежных возрастных групп вообще.

Молодежь до 30 лет все еще составляла 48,9 %, так как ее формировали уже люди 1950-х и более поздних лет рождения. Несколько ниже, чем, например, в начале 1970-х гг., удельный вес лиц 35–39 лет (военных лет рождения) — 6,1 %. Еще более понизился по сравнению даже с 1970 г. удельный вес группы 30–34-летнего возраста. Видимо, сказывалось ослабленное здоровье родившихся в годы войны и в первые послевоенные годы. Это характерно для всех районов России. Следует также отметить еще одну особенность возрастиой структуры: на фоне старения населения и при увеличении его общей численности в РСФСР уменьшается абсолютная численность долгожителей, в частности лиц, перешагнувших столетиий рубеж. В 1970 г. их было 8,6 тыс. чел., а в 1979 г. — 6,3 тыс. Удельный же вес женщин среди них вырос в 1970 г. до 80 %, а в 1979 — до 85 %[67]. Более всего 100-летних было в Северо-Кавказском районе (2,5 тыс. чел.), менее всего — в Дальневосточном (всего 174 чел.)[68].

Дисбаланс в соотношении полов — следствие пережитых Россией войн, в нервую очередь Великой Отечественной войны — к началу 1980-х гг. практически сгладился. Соотношение полов в детских и молодых возрастах постепенно нормализовалось. Так, в 1980 г. в возрасте от 0 до 34 лет мужчин было несколько больше, чем женщин, так как мальчиков рождалось больше, а снизившаяся детская смертиость привела к тому, что выравнивание соотношения полов происходило позднее, чем в традиционном обществе с высокой детской смертностью. Нарушение соотношения полов в пользу женщин проявляется уже в довольно поздней по возрасту группе — 35–39 лет. Однако оно еще невелико — женщин в этой возрастной группе 51,1 %. Резкий скачок происходит в возрасте 55–59 лет, где женщин уже 65,6 %[69]. В возрастной группе 70 лет и старше женщины составляют уже более 70 %. Кроме более высокой смертности мужчин в пожилых возрастах, являвшейся в тот период характерной чертой демографического развития России, сказывалось, о чем уже говорилось выше, «эхо войны», очень длительное после столь огромных людских потерь.

По регионам также наблюдается более позднее нарушение соотношения полов в пользу женщин. В большинстве регионов Европейской России в 1980 г. оно проявляется в 30–34 года, на Урале и в Сибири — в 35–39 лет[70]. Исключением является Центральный район, где нарушение в соотношении полов в пользу женщин проявляется уже в 24–29 лет. В основном эти различия связаны с миграцией, прежде всего, взрослых молодых мужчин из старых центров в районы нового освоения. На Дальнем Востоке, например, куда в этот период направлялся очень активный миграционный поток, нарушение численности полов в пользу женщин выражено слабее и начинается позже — только в возрастной группе 40–44 года женщин 51,4 % от всех лиц данного возраста. Резкое изменение в нарушении соотношения полов происходит по всей стране в 55–59 лет, то есть в наиболее пострадавшей во время войны группе. В престарелом возрасте также по всем регионам наблюдается большой перевес женщин. Как правило, уже в 70–74 года женщин 74–75 %. Только на Северном Кавказе и на Дальнем Востоке такое соотношение наступает в более позднем возрасте — после 80 лет[71].

Итак, возрастная структура конца 1970-х — начала 1980-х гг. характеризуется, с одной стороны, старением населения, а с другой — все еще значительными по удельному весу молодежными группами. К этому времени не изжиты последствия военных потерь и голодных лет. В старших и пожилых возрастах наблюдается дисбаланс полов, но отрадно, что среди молодежи его уже нет.

Благодаря повышенной рождаемости в послевоенные годы почти половина населения находится в трудоспособном возрасте, а около 40 % — в репродуктивном. Однако настораживают данные анализа этой возрастно-половой структуры с точки зрения дальнейшего воспроизводства населения. Критерием, введенным еще в XIX веке шведским ученым А. Г. Сунтбергом и признанным в мировой науке, является соотношение детей и подростков от 0 до 15 лет и старшего поколения в возрасте после 50. В соответствии с этим критерием выделены прогрессивный, стационарный и регрессивный типы возрастных структур. В первом случае население растет, во втором — сохраняет свою численность, а в третьем — сокращается. В прогрессивной возрастной структуре доли детей и «стариков» соотносятся как 40 и 10 %, в стационарной — 27 и 23, в регрессивной — 20 и 30. В возрастной структуре населения РСФСР соотношение этих долей выглядит как 21,7 и 24,8 %. Такую структуру уже нельзя назвать прогрессивной, хотя население еще продолжает расти. Скорее, она может

характеризоваться как переходная к регрессивной модели воспроизводства населения.

Если рассматривать возрастно-половой состав населения РСФСР с точки зрения демографической шкалы старения Ж. Боже-Гарнье — Э. Россета, то лица 60 лет и старше составляют в ней 13,6 %, то есть население находится на стадии начального уровня демографического старения. По шкале демографического старения ООН, если лица 65 лет и старше составляют 7 % и более, то такое население считается уже старым. В российском же населении удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше достиг 9,9 %.

Глава II
Урбанизационный процесс в России и его демографические последствия

Урбанизация и рост городского населения

Период 1980-х гг. без преувеличения правильнее всего определить как вершинное десятилетие процесса урбанизации в России и СССР, истоки которого тянутся к началу XX столетия.

Таблица 2

Динамика численности городского населения России (РСФСР) в 1980-е гг.*

Годы	Численность населения (тыс. чел.)			Доля городского населения, %
	всего	городское	сельское	
1980	138 191	96 590	41 702	69,8
1981				
1982				
1983				
1984				
1985	142 823	102 822	40 001	72,0
1986	143 835	104 146	39 689	72,4
1987	145 115	105 698	39 417	72,8
1988	146 343	107 126	39 218	73,2
1989	147 378	108 368	39 010	73,5
1990	148 041	109 238	38 802	73,8
1991	148 543	109 799	3 874	73,9
1992	148 704	109 672	38 744	73,8

* Население России. Второй ежегодный демографический доклад. М., 1994. С. 16.

Вплоть до 1917 г. городская сеть страны развивалась слабо и почти исключительно в районах нового освоения, а Первая мировая и Гражданская войны основательно попридержали наметившийся было интенсивный рост городского населения. Однако в конце 1920-х гг. этот

процесс резко ускорили тесно связанные друг с другом индустриализация и насильственная коллективизация, вызвавшие мощный приток сельских мигрантов в города и места промышленных новостроек. Кроме того, значительная часть сельских жителей стала горожанами в результате массового административного перевода крупных сельских поселений в категорию городов. Все это способствовало радикальному росту городского населения, не остановленному и войной, впрочем, сдвинувшей урбанизацию на восток и юго-восток страны, в тыловые районы (за счет эвакуации учреждений и промпредприятий). Тем не менее во время Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы смертность в городах превышала рождаемость, и абсолютный рост числа горожан замедлился. Но уже в начале 1950-х гг. довоенная динамика восстановилась, и рост городского населения страны вновь стал превышать убыль сельского. Однако село постепенно исчерпывало свой демографический потенциал, а естественный прирост городского населения сокращался.

Темпы прироста как городского населения, так и населения в целом со временем неуклонно снижались. Это снижение не было абсолютно равномерным: так, существенный перелом произошел в середине 1960-х гг., когда вследствие кампании по укрупнению сел с ликвидацией так называемых неперспективных деревень темпы убыли сельского населения резко возросли, что привело к замедлению роста населения в целом. После этого в течение четверти века рост городского и всего населения вновь носил довольно равномерный характер, но в самом начале 1990-х гг. он резко прекратился.

Динамика изменения численности сельского населения, нередко имевшая даже разные знаки, по регионам существенно разнилась, а городское население до 1990-х гг. везде росло, различались только темпы роста. Но в начале 1990-х гг. динамика изменения численности обоих компонентов населения, какова бы она ни была прежде, практически в каждом регионе сменила характер, в том числе и в регионах с относительно благоприятной демографической ситуацией, что подтверждает вывод об обусловленности этой смены внешними факторами[1]. Выражались изменения везде по-разному: в одних регионах, как и в России в целом, динамика городского и сельского населения меняла знак, в других — имело место лишь замедление роста/убыли компонентов населения.

Это проявило себя по всем линиям, но в особенности — в динамике урбанизированности и развитии городских агломераций (ГА).

Урбанизированность характеризует уровень процесса урбанизации, и поскольку процесс этот многоаспектный, то соответственно и индикаторы урбанизированности должны быть различными и разнообразными. Доля городского населения в общем населении — это,

хотя и очень важный, но всего лишь один из индикаторов урбанизированности и при этом далеко не самый синтетический. Но он самый распространенный и самый простой, так что начнем анализ с него, совершив необходимый экскурс в историю.

В России в 1950 г. доля городского населения составляла 43,1 %. В течение большей части рассматриваемого периода соблюдалась следующая зависимость: чем выше доля городского населения, тем медленнее она растет. Как отмечала Ж. А. Зайончковская, данный тип динамики утвердился в стране с 1959 г., прежде такой зависимости не наблюдалось, и темпы прироста постоянно были велики[2].

Определение именно 1959 г. в качестве рубежа в данном случае привязано к дате переписи населения (Зайончковская проводит анализ динамики населения по межпереписным интервалам). Но и ежегодная диинамика доли городского населения дает основание считать эту дату пороговой: в 1958 г. Россией был преодолен 50-процентный барьер в доле городского населения, состоялся, по терминологии Р. А. Попова, так называемый урбанистический переход. Данное обстоятельство носит, конечно, во многом символический характер, но вместе с тем и принципиальный: история урбанизации России этой датой делится на, условно говоря, сельский и городской периоды. Примечательно, что в СССР в целом урбанистический переход был зафиксирован на три года позже, чем в РСФСР.

Таблица 3

Время урбанистического перехода регионов России*

Год(ы) урбанистического перехода	Регион**
До 1897	Ленинградский регион
1897–1926	Московский регион, Мурманская область
1926–1939	Приморский край, Хабаровский край, Ивановская, Кемеровская, Сахалинская, Свердловская, Челябинская области, Еврейская АО
1939–1950	Карелия, Таймырский (Долгано-Ненецкий) а. о., Амурская, Иркутская, Калининградская, Магаданская, Пермская, Самарская, Читинская области
1952	Северная Осетия, Астраханская, Саратовская, Тульская, Ярославская области
1953	Владимирская, Новосибирская, Ростовская области
1954	Камчатская область
1955	Чукотский а. о.

Год(ы) урбанистического перехода	Регион**
1956	Архангельская, Волгоградская области
1957	Коми
1958	Хакасия, Нижегородская область
1961	Красноярский край, Томская область
1962	Якутия (Саха)
1964	Удмуртия
1965	Ханты-Мансийский а. о., Тверская область
1966	Ненецкий а. о.
1967	Кировская, Омская, Оренбургская области
1968	Костромская, Новгородская области
1969	Татарстан, Калужская, Ульяновская области
1971	Кабардино-Балкарская АССР
1972	Башкортостан, Вологодская, Смоленская области
1973	Брянская, Рязанская области
1974	Бурятия, Тюменская область
1975	Краснодарский край, Воронежская, Липецкая, Пензенская области
1976	Марий Эл, Орловская, Псковская области
1977	Ставропольский край, Белгородская область
1978	Курганская область
1979	Ямало-Ненецкий а. о.
1981	Тамбовская область
1982	Курская область
1983	Мордовия, Чувашия
1984	Адыгея
Урбанистический переход не осуществлен	Алтай, Дагестан, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Тува, Чечено-Ингушетия, Агинский Бурятский а. о., Коми-Пермяцкий а. о., Корякский а. о., Усть-Ордынский Бурятский а. о., Эвенкийский а. о.

* Расчеты Р. А. Попова. См.: Урбанизированность регионов России во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005. С. 215–244.

** Административно-территориальное деление РФ приводится по состоянию на конец 1990-х гг., при этом Москва и Московская область и Санкт-Петербург и Ленинградская область объединены в сводные регионы.

Вплоть до 1990-х гг. суммарный показатель доли городского населения от года к году рос, хотя темпы роста со временем снижались. Максимальным уровнем стала отметка в 73,9 %, достигнутая в 1991 г. После этого характер динамики доли городского населения кардинально изменился: фактически наступил ее новый этап, характеризующийся прежде всего неустойчивостью. Вплоть до 1995 г. доля городского населения России снижалась, затем на три года замерла на отметке 73 %, а в 1998 г. увеличилась на 0,1 %. Этот же уровень был подтвержден и в 1999 г., но в 2000 г. показатель вновь понизился, и возобновления роста уже не произошло.

В 1960-е гг. урбанистический переход произошел в 15 регионах, и таких регионов впервые стало абсолютное большинство. Городское население получил последний из чисто сельских регионов — Агинский округ. Вместе с тем один регион показал сокращение доли городского населения — Магаданская область, терявшая его за счет покидающих регион реабилитированных заключенных и ссыльных. В 1970-е гг. урбанистический переход произошел в 20 регионах (максимальный показатель за все межпереписные периоды!), и доля регионов с преобладанием городского населения достигла 80 % от общего их числа. Регионов с отрицательным приростом за данный период не было.

В 1980-е гг. урбанистический переход произошел всего лишь в 5 регионах (последней по счету в 1984 г. стала Адыгея). Убыль долн наблюдалась только в Эвенкии — крайне малонаселенном регионе с одним городским поселением.

В 1990-е гг. урбанистический переход ие произошел ни в одном из 11 регионов с долей городского населения менее 50 %. В их числе — половина всех автономных округов (кроме двух тюменских, Ненецкого, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Чукотского), три республики Северного Кавказа (Дагестан, Карачаево-Черкесия и Чечено-Ингушетия[3]) с тяготеющей к ним географически Калмыкией и два южносибирских региона (Республика Алтай и Тува). В 11 других регионах, в основном в тех, где происходила административная рурализация городского населенння, доля городского населения сиизилась.

В распределении регионов по доле городского населения всегда наблюдались четкие макрогеографические закономерности. Изначально высокими значениями показателя характеризовались, с одной стороны, старопромышлениые регионы Центральной России и Урала, с другой — малонаселенные и большие по площади регионы европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Практически полностью из аутсайдеров состояли периферийная часть Центрального, юг Северного и Северо-Западного районов н

весь Центрально-Черноземный район. Ядро старопромышленных областей, таким образом, со всех сторон окружал пояс слабоурбанизированных территорий, и контраст между ними был очень высок, особенно на юге. Другие ареалы с низкой долей горожан располагались на территории Северо-Кавказского района (кроме Ростовской области и Северной Осетии) и предгорно-степного юга Сибири (Тува, Республика Алтай, Алтайский край). В 1950 г. низкой долей горожан в общей численности населения характеризовались Тюменская область и ее округа, Курганская область и Башкирия.

В дальнейшем эта картина трансформировалась в результате отмеченной выше разнохарактерной динамики изменений состава населения в регионах с различным начальным уровнем значений. Общей тенденцией стало постепенное выравнивание значений доли городского населения и, как следствие, сглаживание территориальной неравномерности к концу рассматриваемого периода. В 1989 г. картина географического распределения регионов по доле городского населения в общем составе их населения была уже значительно менее контрастной. Так, прежде отставшее Поволжье подтянулось до уровня промышленного Центра и Урала, приблизился к лидерам Центрально-Черноземный райои. Заметнее всего подняли свой начальный уровень Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа. В результате существенно сгладилась контрастность цеитра Европейской части, который приобрел вид сплошной зоны высокой урбанизации и сомкнулся с северным и южным ареалами.

Другим показателем урбанизированности является доля большегородского[4] населения в городском. Это вспомогательный индикатор, показательный только на макроуровне (на уровне России в целом).

Население больших городов в России в 1959 г. составляло 46,6 % от всего городского. В 1979 г. этот показатель достиг 62,2 %, увеличившись, таким образом, в 1,3 раза, к 1989 г. остался фактически на прежнем уровне (62,4 %), а к 1998 даже незначительно понизился (до 61,6 %). 1990-е гг. в данном случае характеризуются отрицательной динамикой. К этому времени большие города в основном замедлили или прекратили свой рост, что в отдельных случаях может знаменовать переход к стадии преимущественно качественных сдвигов в урбанизации либо кризисную паузу в их развитии.

В 1980-е гг. возникли 11 новых больших городов. Они находились в 10 регионах, в том числе два — в Башкирии. Впервые ни одного большого города не появилось в Московском регионе, прежде лидировавшем по их приросту. Последними городами, достигшими отметки 100 тыс. чел., стали Анжеро-Судженск (Кемеровская область) и Черкесск (Карачаево-Черкесия). Однако в Кемеровской области переход в новое качество Анжеро-Судженска был погашен выпаде-

нием из числа больших города Белово (первый подобный случай по стране). Доля регионов с большими городами достигла своего максимума — 84 %. В 1990-е гг. этот процесс практически остановился: только три города перешли в разряд стотысячных — Железнодорожный (Московская область), Обнинск (Калужская область) и Зеленодольск (Татарстан), и еще один большой город был рассекрачен — ранее закрытый Северск (Томская область). Но при этом четыре города покинули этот разряд, в том числе Анжеро-Судженск, Воркута, Грозный[5] и Жуковский (Московская область). По России прирост, таким образом, оказался нулевым, и в конце 1990-х гг. было 13 регионов, не имевших больших городов — это 9 из 10 автономных округов (за исключением Ханты-Мансийского), Еврейская автономиая область, республики Калмыкия, Тува и Алтай (впрочем, Тува, Калмыкия и Ямало-Неиецкий округ — благодаря Кызылу, Элисте и Ноябрьску в 2000-е гг. покинули эту «чертову дюжину»). Со снижением интенсивности образования новых больших городов усиливалась концентрация населения в существующих. Этот процесс постепенно подтягивал значеиия доли большегородского иаселения в отставаших регионах к уровню лидеров.

Единственный показатель, который и в 1990-х гг. продолжал расти, притом довольно быстро — средняя людиость городских населенных пунктов. Такой характер динамики данного показателя определяется его структурой. Средняя людность прямо пропорционально зависит от численности городского населеиия и обратно пропорционально — от числа городских населенных пунктов, а первый из этих показателей в 1990-е гг. снижался медленнее второго.

На смену динамики урбанизированности в 1990-е гг. повлиял комплекс факторов. В своей основе она явилась следствием проходивших в России иа протяжеиии второй половины XX в. процессов сокращения естественного прироста населения, снижения интенсивности индустриального строительства и исчерпания демографического потенциала села. Однако чрезвычайно резкий характер этой смены, а возможно и время ее наступления, были обусловлеиы наложением на общий урбанизационный тренд дополнительных факторов. К ним относились массовый перевод городских населенных пунктов в разряд сельских, механический отток горожан в сельскую местность. Эти факторы, в свою очередь, сами явились прямым или косвенным следствием экономических и политических изменений в стране.

Относительно того, насколько закоиомерна пауза в росте урбанизированности в 1990-е гг. и какая динамика придет ей на смену, существуют различные точки зрения. Так, по мнеиию О. и Ю. Медведковых, после 1991 г. в России начался естественный переход к «конечной фазе урбанизации», которая должна была иаступить вне

зависимости от политических и экономических потрясений. Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш полемизируют с данной точкой зрения, полагая, что правильнее считать паузу 1990-х гг. своего рода кризисным сбоем в урбанизации, имеющим в значительной степени «наведенный» характер и оттого преодолимым[6].

Динамика урбанизированности России в межпереписные периоды

Рассмотрим динамику урбанизированности России и ее регионов по совокупности показателей в разрезе межпереписных периодов, начиная с 1959–1970 гг. (период 1950–1959 гг. хуже обеспечен данными). В десятилетие с 1959 по 1969 г. Россия вступила как преимущественно городская страна. С 1958 г. доля горожан по стране превысила 50 %. На протяжении данного периода городское население росло достаточно активно как в интенсивном, так и в экстенсивном направлении. Число регионов с преобладанием городского населения именно в этот период превысило число сельских.

Основным фактором появления новых и роста старых городских поселений оставалось индустриальное строительство. На этом этапе оно в значительной степени было связано с ресурсным освоением (КМА, нефтегазовые месторождения Западной Сибири) и гидроэнергетикой, что обусловило особенно быстрый рост урбанизированности Центрального Черноземья, Поволжья и Тюменских округов. Встречались тем не менее и случаи сугубо административного градообразования, когда статус поселков городского типа организованно получали крупные сельские райцентры.

Сокращение городской сети наблюдалось в этот период редко, в основном в малонаселенных регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока, где отмирали небольшие поселки городского типа лесопромышленного и рыболовецкого профиля. Основным механизмом административной убыли городских населенных пунктов было, как правило, поглощение одних поселений другими, перевод городских поселений в сельские не практиковался.

На фоне экстенсивного и интенсивного количественного роста урбанизированности усиливалась концентрация городского населения. Один из ее признаков — увеличение числа больших городов. К концу данного периода их не было только в пятой части всех регионов, в то время как в 1959 г. доля регионов без крупногородского населения составляла 35 % от общего числа. Другое проявление концентрации городского населения и усиления качественных преобразований в

урбанизации — рост и развитие городских агломераций. На протяжении данного периода число ГА на территории России увелнчилось в полтора раза — с 26 до 37. Бóльшая их часть (кроме Барнаульской и Красноярской областей) возникла в Европейской части страны.

В 1970–1978 гг. доля регионов с преобладанием городского населения достигла 80 % от общего их числа. Скорость роста городского населения в стране несколько снизилась, еще сильнее замедлился рост числа городских населенных пунктов, а в их структуре меньше появлялось собственно городов. В то же время сокращение сети городских поселений по-прежнему было редкостью.

Быстрее всего городское население увеличивалось в регионах Дальнего Востока и на периферии Европейского Центра, в особенности Центрально-Черноземного района. В последнем случае был значителен прирост не только абсолютной численности, но и доли горожан в населении. В абсолютные лидеры по росту численности городского населения выдвинулись тюменские округа.

Продолжалось образование больших городов, но только в трех регионах они появились впервые. В основном шло расширение их сетей в высоко урбанизированных регионах — в частности, стотысячной людности достигли некоторые из региональных субцентров. Многие из новых больших городов возникли в пределах городских агломераций, общее число которых увеличилось за данный период даже несколько значительнее, чем за предшествующий — на 13 единиц (все исключительно в Европейской части). Однако рост людности и развитости сложившихся ГА по сравнению с предыдущим периодом замедлился.

Средняя людность городских населенных пунктов ни в одном из регионов уже не удвоилась. Повышенные на общем фоне темпы ее роста сохранялись главным образом в регионах Европейского Севера, Кавказа и Дальнего Востока.

В 1979–1988 гг. рост численности и доли городского населения существенно замедлился. Численность горожан еще росла во всех регионах, но сравнительно высоки темпы ее роста были только в тюменских округах. Доля горожан остановила рост уже в 35 регионах. В то же время регионов, снизивших долю, по-прежнему почти не было (кроме Эвенкийского а. о.).

Снизилась и интенсивность градообразования: в трети всех регионов городская сеть на протяжении данного периода осталась неизменной. Сравнительно высокий ее прирост, наблюдаемый в отдельных регионах, объяснялся единовременным повышением статуса крупных сел.

Всего два города пополнили число больших, и один регион — крупногородских. Притом впервые было зафиксировано выпадение города из числа больших (Белово).

На рубеже 1980–1990-х гг. отчетливо проявляется существенное замедление роста урбанизированности по большинству показателей.

Зарожденне и развитие городских агломераций

Но наряду с количественными изменениями урбанизированности существуют и качественные ее показатели, например, агломерирование.

Остановимся несколько подробнее на процессе городского агломерирования и его предистории.

Если не само агломерирование, то предпосылки к его зарождению и появлению в России начали складываться еще в XIX в. по ходу развития капиталистических отношений. Важнейшие из таких предпосылок — индустриализация, ускоренный рост ведущих городов и бурное железнодорожное строительство. Несмотря на слабое развитие российской системы городов, к 1913 г. было уже 4 крупных[7] города — Санкт-Петербург, Москва, Одесса и Рига. Однако в их ближних окрестностях имелось немало фабричных и мануфактурных сел и поселков (как, например, вокруг Москвы — Мытищи, Балашиха илн Орехово-Зуево), производственно-трудовой цикл в последних был изолированным и замыкался на них самих. Ни производственных, ни трудовых, ии социально-культурных связей с крупным городом тогда не завязывалось и, соответственно, ие было и регулярно-циклических поездок (например, пригородных крестьян и кустарей на рынок)[8].

По существу, российские агломерации — это детища XX в. Если и есть исключение, то единственное — Саикт-Петербург, города-спутники которого создавались одновременно со строительством метрополии или чуть позже: тут и монаршие резиденции (Петергоф, Царское Село, Гатчина), и крепости (Кронштадт), и промышленные центры (Колпино, Сестрорецк). Создавались и дальние спутники, к примеру, Лодейное Поле — колыбель Балтийского флота. Петербургская агломерация, возникшая задолго до агломерационной эры, выглядела необычным явлением в городском расселении Российской империи.

Города, первейшей обязанностью которых было исполнение административных функций, разделялись значительными расстояниями, ибо каждый город должен был иметь опекаемую территорию достаточных размеров. В результате продуманной и масштабной «екатерининской» административно-территориальной реформы 1775–1785 гг. тогдашняя государственная территория более или менее равномерно была покрыта сетью губернских и уездных городов.

С развитием промышленности, особенно в периоды индустриального бума (в пореформеиные годы и иа рубеже XIX–XX вв.), вблизи крупных городов стали возникать предприятия. Поселения при них (на первых порах незначительные) послужили зародышами будущих городов-спутников. Однако не все города были склонны размещать у себя фабрики и заводы. Перепись 1926 г. зафикснровала в качестве таких городов-«эмбрионов» располагавшиеся вокруг Москвы бывшие села, пристанционные или дачные поселки Люберцы, Пушкино, Мытищи, Щелково, Кунцево, Кусково, Лосиноостровская, Перово (четыре последних давно уже в черте столицы), Орехово-Зуево.

Предпосылки развития будущих агломераций создавались также иа Урале (гнезда заводов с поселеииями при них возникали начиная с петровского времени) и Донбассе. Однако городскими агломерациями (ГА) назвать их было тоже нельзя, поскольку далеко не все поселения при шахтах, рудиниках и заводах были истинными городами[9].

В годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны агломерационные процессы, естественно, не получили своего дальнейшего развития, но в середине 1920-х гг., когда восстанавливаемое после разрухи хозяйство и произошедшие как в городе, так и в деревне гигантские сдвиги в социальных и экоиомических отношениях вызвали массовый приток сельского населения в города, процессы эти получили особенио мощные импульсы. По переписи 1926 г. в СССР было 9 городов 250-тысячиików.

В конце 1920-х и в теченне 1930-х гг. — в годы первых пятилеток и ускоренной индустриализации — процесс городского агломерирования получил дальнейшее развнтие. Урбанизация на волне индустриализации развивалась сверхвысокими темпами. Переписью 1939 г. было зафикснровано уже 32 крупных города (не считая Риги, Львова и Кенигсберга, не входивших тогда в состав СССР). На первый план выходили города, по своему размеру и экономическому потенциалу способные создавать агломерации, и среди них многие старые города, прежние губернские центры, сохранившие административные функции высокого уровня, выросшие в размерах и усилившие свою многофункциональность, что и предопределило потребность в городах-спутниках.

Вторая мировая война нанесла жестокие удары по зарождавшейся сети агломераций на западе СССР. Вместе с тем она форсировала процессы агломерирования в Поволжье, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, а также в Средней Азии, то есть в тех тыловых районах, куда были эвакуированы мирные жители и многие промышленные предприятия из западиой части страны.

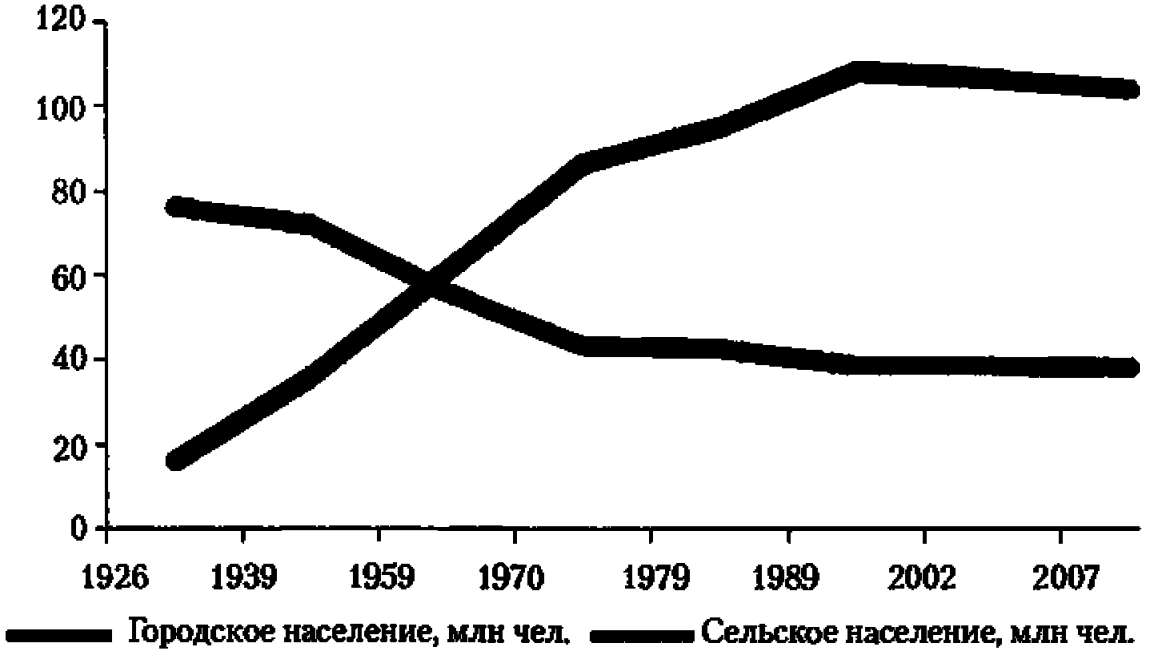
Первая послевоенная перепись 1959 г. выявила в общей сложности 42 городских агломерации, то есть примерно вдвое больше, чем

в 1939 г. И не случайно, что среди новичков большинство составили ГА, располагавшиеся в бывших тыловых районах, в том числе в Сибири и Средней Азии — например, Новокузнецк-Прокопьевская, Иркутская, Карагандинская, Омская, Кемеровская и Владивостокская агломерации).

1960-е и 1980-е гг. — это период бурного развития большинства городских агломераций, а также наращивания их совокупной сети. Общее число ГА выросло за это время чуть ли не вдвое, а численность населения перешагнула половину от общей численности городского населения страны (рис.1, 2, 3).

Рисунок 1

Динамика численности городского и сельского населения



1970-е гг. правомерно считать годами интенсификации урбанистических процессов. Это, в частности, проявилось и в формировании шести двухъядерных агломераций[10] — Горьковско-Дзержинской, Ярославско-Костромской, Днепропетровско-Днепродзержинской, Крымской (Симферопольско-Севастопольской), Фергано-Маргиланской и Кавминводской. Многие агломерации выросли территориально, главным образом за счет формирования достаточно мощных субцентров в периферийной зоне, а также благодаря развитию инфраструктурной сети агломерации или расширению территориальных границ города-ядра.

В 1980-е гг. продолжался рост численности населения и площади ГА, шло формирование пригородов и интенсификация связей между городом-ядром и близлежащими городами и поселками городского типа. Однако процесс формирования новых ГА практически остановился.

Рисунок 2

Динамика количества городских агломераций СССР и России, количество

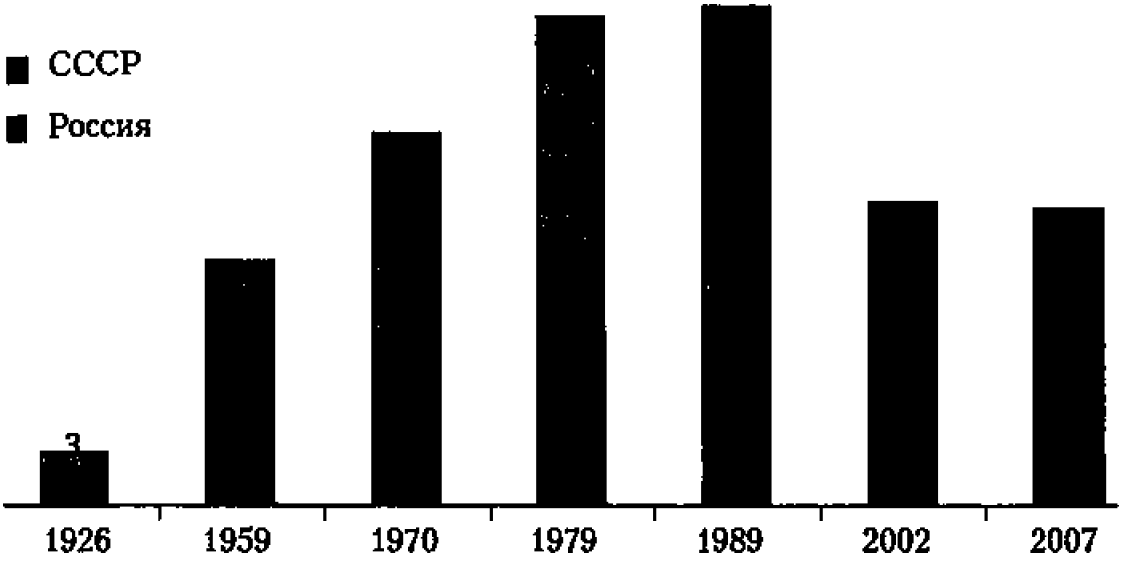
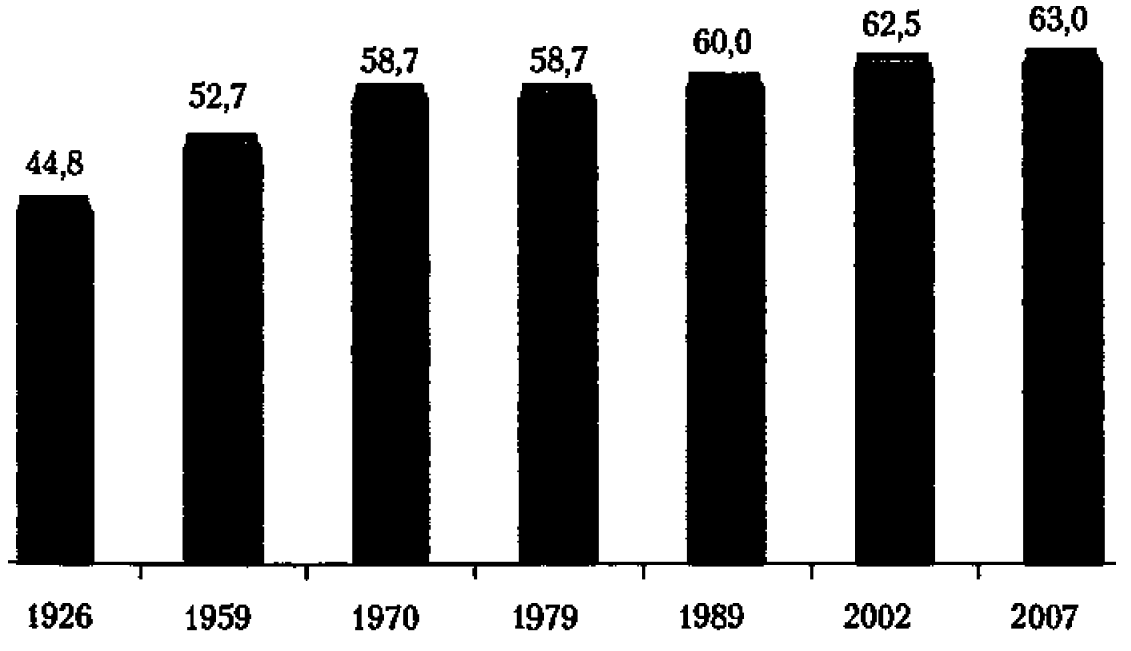


Рисунок 3

Динамика доли городского населения, проживающего в городских агломерациях, в процентах



Глава III
Демографические процессы в России

Численность населения

В РСФСР численность населения за период с 1979 по 1990 г. непрерывно, хотя и медленно, возрастала: в 1979 г. она составила 137 410 тыс. чел., 1985 — 143 528, 1989 — 147 022 и в 1990 г. — 147 662. Важно отметить, что общий прирост населения в основном осуществлялся за счет естественного прироста. Однако к концу 1980-х гг. общий прирост населения начал заметно снижаться: в 1980 г. — на 0,5 %, 1986 — 0,9, 1988 — 0,7, 1989 — 0,4, 1990 гг. — на 0,3.

Численность населения в СССР увеличилась в 1989 г. по отношению к 1979 г. на 9 % в основном за счет роста населения в республиках Средней Азии, особенно заметного по сравнению с РСФСР, Украинской, Белорусской, Латвийской и Эстонской ССР. В Таджикской ССР число жителей выросло на 34 %, Узбекской — 29, Туркменской — 28, Киргизской — 22, Азербайджанской — 17, Казахской — 13, Молдавской — на 10. На этом фоне за тот же период в РСФСР население увеличилось лишь на 7 %, в Белоруссии на столько же, Литве — на 9, на Украине — на 4, в Латвии — на 6 и в Эстонии — на 7 %. Различные темпы увеличения численности населения по союзным республикам были обусловлены разным уровнем рождаемости. Самым высоким он был в республиках Средней Азии. Прирост населения в этих республиках в 1980-е гг. составлял в среднем 2,6 % за год, тогда как в РСФСР, Украинской, Белорусской, Латвийской, Эстонской ССР — 0,4–0,7 %[1].

Крайне неравномерное размещение населения по территории Российской Федерации сохранялось и в 1980-е г. Особенно низкой плотность населения оставалась в Сибири и на Дальнем Востоке[2].

В РСФСР и СССР в целом продолжался, как уже отмечено выше, процесс градообразования. За период с 1979 по 1988 г. в СССР был образован 131 город, из них в РСФСР — 39, Узбекской ССР — 34, Украинской ССР — 28. Половина новых городов в РСФСР возникла в Западной и Восточной Сибири: в Тюменской области — 8, Томской — 1, Алтайском крае — 2, Красноярском — 5, Иркутской области — 1, Бурятской АССР — 1.

Данные Всесоюзной переписи населения 1989 г. показали, что в РСФСР домннировалн поселки городского типа (67,9 % от общего числа городских поселений). Доля малых городов с числом жителей до 50 тыс. составляла 68,4 %, от 50 до 99,9 тыс. — 15,7, от 100 до 249,9 тыс. — 8,4, от 250 до 499,9 тыс. — 4,2, 500 тыс. и более — 3,3 %, а в СССР — 73,9, 12,6, 4,4, 7,4, 3,6, 2,6 % соответственно. Крупные города с числом жнтелей 100 и более тыс. составляли в РСФСР 16 %, СССР — 14.

Наблюдалось дальнейшее сокращенне числа сельских населенных пунктов. В 1979 г. нх было 177 047, в 1989 г. — 152 922, то есть на 86,4 % меньше. Для сравненння отметим, что сокращение сельских населенных пунктов с 1950 по 1970 г. составило 73,7 % (в 1950 г. их было 294 059, а в 1970 — 216 845). Кроме того, среди сел доминировали небольшие населенные пункты с населением от 11–25 до 201–500 чел.[3]

Доля городских жителей РСФСР была значительно выше, чем сельскнх: в 1979 г. горожане составляли 69 % от общей численности населения РСФСР), сельчане — 31, а в 1989 г. — 74 и 26 % соответственно. В СССР — соответственно 62, 38, 66 и 34 %. В РСФСР в 1989 г. наиболее высокий удельный вес городского населения по сравненню с сельским был в Мурманской областн — 92 % против 8, в Ханты-Мансийском автономном округе — 91 против 9,1, в Свердловской области — 87 против 13, в Кемеровской — 87 против 12,7 % и т. д. Однако в Челябинской области, а также в Карельской АССР, Ивановской, Ярославской, Сахалинской, Тульской, Куйбышевской, Камчатской и Магаданской областях отмечалось понижение доли городского населения. Тем не менее в РСФСР доля городских жителей оставалась высокой.

Несколько ниже был удельный вес городского населения в Московской области (79 %) и особенно в Ленинградской (66 %). Однако по сравнению с 1979 г. он увеличился — тогда он составлял 74 и 64 % соответственно.

Хотя доля городских жителей РСФСР в 1980-е гг. была выше, чем в 1970-е, ее увеличение за десятилетие было незначительным: с 70 % в 1980 г. до 74 в 1990 г.

Численное пополнение населения городов в эти годы происходило за счет естественного прироста и миграции сельских жителей в города. Преобразование сельских населенных пунктов в городские играло небольшую роль.

В городах в 1980-е гг. общий прирост населения был особенно высоким в 1982, 1985 и 1986 гг. Однако после пика общего прироста городских жителей в 1986 г. наблюдалось его ежегодное сниженне (см. табл. 4).

Таблица 4

Общий прирост городского населения РСФСР в 1980-е гг. (в процентах)*

Годы	Общий прирост
1980	1,2
1981	1,2
1982	1,4
1983	1,2
1984	1,2
1985	1,3
1986	1,5
1987	1,4
1988	1,2
1989	0,8
1990	0,5

* *Составлено по:* Демографичсский ежегодник России, 1998. Стат. сб. М., 1998. С. 20; Демографический ежегодник России, 2001. М., 2001. С. 19–21; Российский статистичсский ежегодник, 2001. Стат. сб. М., 2001. С 85; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 8, 10–14; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2005. Т. 14. С. 35–36. См. также: Город и деревня в Европейской России. Сто лет перемен. М., 2001. С. 156.

За период с 1979 по 1988 г. среднегодовой темп прироста городского населения СССР сократился на 1,4 % (в 1959–1969 гг. — на 2,8, 1970–1978 гг. — на 2,1).

В эти годы продолжалось также снижение численности сельского населения РСФСР: в 1979 г. оно составляло 42 468 тыс. чел., в 1985 — 39 838, 1989 — 39 063, 1990 — 38 890. За 20 лет (с 1970 по 1990 г.) сельское население РСФСР сократилось на 10 420 тыс. чел. Наиболее низкий удельный вес сельских жителей в 1989 г. фиксировался в Северо-Западном — 13 % (для сравнения в 1979 г. — 15) и Центральном районах — 17 (в 1979 г. — 22), а наиболее высокий — в Центрально-Черноземном — 40 (48) и особенно Северо-Кавказском — 43 % (45) районах.

Данные статистики свидетельствуют об отрицательном приросте сельского населения (см. табл. 5)[4].

Таблица 5

Общий прирост сельского населения РСФСР в 1980-е гг. (в процентах)*

Годы	Общий прирост
1980	−1,0
1981	−1,1
1982	−1,2
1983	−0,4
1984	−0,6
1985	−0,8
1986	−0,7
1987	−0,5
1988	−0,6
1989	−0,4
1990	−0,2

* *Составлено по:* Демографический ежегодник России, 1998. Стат. сб. С. 20; Демографический ежегодник России, 2001. С. 19–21; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 85; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 8, 10–14; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 14. С. 35–36; Город и деревня в Европейской России. С. 156.

Сокращение в РСФСР в 1980-е гг. общего прироста населения, особенно сельского, было обусловлено понижением уровня рождаемости.

Рождаемость

В Росснйской Федерации вплоть до 1987 г. наблюдался подъем рождаемости, а затем началось ее резкое падение к концу десятилетия. Коэффициеит рождаемости в 1985 г. составил 16,6 ‰, а в 1989 и 1990 гг. — 14,6 и 13,4 ‰ соответственно. В 1987 г. родилось 2,5 млн детей, то есть почти столько же, сколько в период послевоенной демографической компенсации, а в 1991 г. — только 1,8 млн детей. Пик рождаемости в 1980-е гг. пришелся на 1987 г.[5]

Рождаемость городского населения в начале 1980-х гг. повышалась и в 1983 г. был зафиксироваи ее пик. После кратковременного понижения уровня рождаемости в 1984 и 1985 гг. отмечалось его повышение в 1986 г.

Однако в последующие годы показатели рождаемости городских жителей ежегодно сокращались (см. табл. 6).

Таблица 6

Динамика уровня рождаемости городского населения РСФСР в 1980-е гг.*

Годы	На 1000 населения родилось
1980	15,8
1982	16,3
1983	17,2
1984	16,5
1985	16,1
1986	16,7
1987	16,6
1988	15,4
1989	14,0
1990	12,7

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 1920. Л. 13–20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 9,13,14; О положении семей в Российской Федерации. М., 1994. С. 17; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 81.

Высокий уровень рождаемости был отмечен в городах Дагестанской АССР и Ханты-Мансийского, Усть-Ордынского и Агинского Бурятского автономных округов (см. табл. 7)[6].

Таблица 7

Динамика уровня рождаемости городского населения регионов РСФСР в 1982 и 1984 гг.*

Города регионов РСФСР	На 1000 населения родилось	
	1982	1984
Агинский Бурятский автономный округ	27,0	30,9
Агинское районное поселение	28,6	31,8
Ханты-Мансийский автономный округ	26,3	22,8
Ханты-Мансийск	23,6	22,8
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	26,2	22,8
Усть-Ордынское районное поселение	28,5	25,1
Дагестанская АССР	25,4	23,8
Махачкала	25,5	23,1

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 1920. Л. 13–20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 9, 13–14.

Приведенные данные свидетельствовали о наиболее высоких коэффициентах рождаемости городских жителей в 1982 г. и их понижении в 1984. Исключением было население городов Агинского Бурятского автономного округа и районного поселения Агинское. В этих городах коэффициенты рождаемости населения в 1984 г. повысились.

Положительную роль в повышенни уровня рождаемости городского населения в 1980-е гг. играло увеличение в его возрастном составе доли женщин детородных возрастов — 25–29 лет и особенно 30–34 года и 35–39 лет (см. табл. 8)[7].

Таблица 8

Женщины детородных возрастов в возрастном составе городского и сельского населения РСФСР, 1979–1989 гг.*

Возраст (лет)	Доля женщин детородных возрастов (в процентах к итогу)			
	1979		1989	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население
15–19	16,2	6,9	13,6	4,5
20–24	17,8	6,5	13,0	5,5
25–29	16,6	5,8	16,7	7,1
30–34	11,5	3,4	17,7	6,9
35–39	11,6	5,0	16,6	5,8
40–44	14,2	6,7	11,2	3,5
45–49	12,1	7,0	11,2	5,0

* *Составлено по:* Демографический ежегодник СССР, 1990. Стат. сб. М., 1990. С. 30–32 (подсчеты автора); Семья в России. Стат. сб. М., 1990. С. 14.

Вместе с тем доля женщин детородных возрастов за десятилетний период понизилась в наиболее молодых возрастных группах — 15–19 лет и 20–24 года, а также в средних — 40–44 года и 45–49 лет. В возрасте 25–29 лет фиксировалось небольшое увеличение доли женщин активных репродуктивных возрастов.

Уровень рождаемости сельского населения в 1980-е гг. повысился по сравнению с 1970-мн гг., а в 1990 г. значительно снизнлся — в 1970 г. на 1000 чел. населения родилось 14,3, в 1975 — 15,3, в 1980 — 16,1, в 1985 — 17,8, в 1990 — 15,5 чел. Показатели рождаемости в селах в эти годы были выше, чем в городах. Это явление было характерно, например, для Западной Сибири. Сопоставление показателей рождаемости в селах РСФСР и Западной Сибири также показало, что в 1980-е гг. уровень рождаемости в селах Западной Сибири был выше,

чем в РСФСР. Однако понижение рождаемости сельского населения РСФСР и Западной Снбири в этн годы обусловило сближение показателей. На 1000 чел. населения в селах Западной Сибири 1970 г. родилось 15,2, в 1980 — 19,4, 1990 — 15,6 чел. Вместе с тем данные статистики свидетельствовали о повышении уровня рождаемости в селах Западной Сибири, особенно в первой половнне 1980-х гг. по сравнению с 1970-ми гг.[8]

Повышение уровня рождаемости в эти годы было связано с проведением в Российской Федерации мер поощрения рождаемости и поддержки молодых семей (см. об этом в гл. VII). Из них наиболее важным был указ «О мерах по усилению государственной помоши семьям, нмеющим детей», принятый Президнумом Верховного Совета СССР 2 сентября 1981 г.[9]

Позитивную роль в увеличении рождаемости сыграл также указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством», принятый 16 мая 1985 г. и введенный в действие уже с 1 нюня этого года[10].

Данные, полученные в ходе социально-демографического обследования населения России 1985 г., показали, что у женщин разных поколений среднее ожидаемое число детей составляло 2. Специалисты видели в этом серьезную проблему, так как ожидаемое число детей было меньше необходнмого для простого воспроизводства населения в будущем.

К тому же проведенные социологами в 1984 г. опросы женщин и мужчин Москвы, Саратова и Уфы показали, что желаемое число детей в семье (потребность в детях) оказалось больше ожидаемого (готовность к рождениям). Желаемое число детей у женщин Москвы было 2,32, Саратова — 2,42, Уфы — 2,59; у мужчин — 2,59, 2,52, 2,76 соответственно. Ожидаемое число детей — соответственно 1,74, 1,92, 2,13 и 1,91, 2,04, 2,25. Ответы респондентов свидетельствовали об их ориентации на малодетную семью[11].

Средний возраст женщин, родивших ребенка, оставался в РСФСР стабильным — 26 лет. Однако в конце 1980-х гг. наблюдалось его небольшое понижение. Это явление фиксировалось в городах и селах РСФСР: в 1980–1981 гг. он составлял 25,7 г. (в городах — 25,6, селах — 25,8), в 1982–1983 — 25,9 (25,9 и 25,6), в 1984–1985 — 25,8 (25,8 и 25,6), 1986–1987 — 26 (26 и 26), 1990 — 25,2 (25,3 и 25).

В Москве до 1980 г. наблюдалось снижение возраста матери прн рождении как первого ребенка, так и детей последующих очередностей, а в середине 1980-х гг. было вновь зафиксировано его повышение: в 1960 г. он составил 26,9 года, в 1965 — 27,3, в 1970 — 26, 1975 — 25,6, 1980 — 25, 1985 — 25,9.

Аналогичная тенденция оставалась характерной для полных и неполных семей. В Москве средний возраст матери при рождении детей в полных семьях составлял в 1960 г. 26,7 года, в 1965 – 27,2, в 1970 – 26, в 1975 – 25,5, в 1980 – 25, 1985 – 25,8; в неполных – 31,5, 29,8, 26,1, 26,7, 25,7, 26,8 соответственно. Кроме того, в этих семьях до 1985 г. обнаруживалось снижение возраста матери при рождении детей, а в 1985 г. – его увеличение[12].

Женщины рожали первого ребенка в большинстве случаев в возрасте 20–24 года. Из данных статистики видно, что в период с 1980–1981 до 1983–1984 г. и с 1985–1986 до 1987 г. коэффициенты рождаемости у женщин этой возрастной группы повышались, а с 1988 по 1990 г. – понижались. На 1000 женщин в возрасте 20–24 года родилось живыми: в 1980–1981 гг. – 157,6 детей, в 1983–1984 – 166,3, в 1984–1985 – 164,2, в 1985–1986 – 165,7, в 1987 – 170,6, 1990 – 156,8.

Из данных статистики видно, что средний возраст женщин, родивших первого ребенка, в 1980-е гг. составлял 22–23 года, а детей всех последующих очередностей рождения – 25–26 лет. Отметим, что в 1960-е гг. он был выше, чем в 1980-е гг. – соответственно 24–25 и 27–28 лет[13].

Горожанки в основном рожали в возрастах 20–24 и 25–29 лет. Однако у горожанок в 1981–1982 и 1984–1985 гг. и в конце 1980-х гг. уровень рождаемости в этом возрасте несколько понижался. С увеличением возраста женщин показатели рождаемости снижались. Наиболее низкая рождаемость была в средних возрастах 45–49 лет. Данные российской статистики свидетельствуют также о том, что в 1980-е гг. по сравнению с 1970-ми гг. показатели рождаемости значительно выросли в возрастных группах 20–29 лет, и особенно в возрасте 20–24 года. Высокая рождаемость в этих возрастах фиксировалась в городах Архангельской (на 1000 женщин здесь родилось 169,7 детей), Костромской (161,7) и Кировской (161) областях , Калмыцкой (176) и Дагестанской (174,5) АССР. Такое увеличение рождаемости наблюдалось до 1987 г. включительно. В конце 1980-х гг. рождаемость в возрастах 20–29 лет понизилась. В 1969–1970 гг. на 1000 женщин в возрасте 20–24 года родилось живыми в среднем 135,1 детей, в возрасте 25–29 лет – 97,2; в 1979–1980 гг. – 141,2 и 93,8 соответственно; в 1987 – 152,9 и 108; в 1989 – 149,1 и 96,4; в 1990 – 141,5 и 86,1.

У сельских женщин показатели рождаемости в возрасте 20–24 года были выше, чем у горожанок. У сельских женщин в отличие от городских рождаемость повышалась в период с 1980–1981 до 1984–1985 гг., а в последующие годы снизилась. В городах на 1000 женщин в возрасте 20–24 года в 1980–1981 гг. родилось живыми в среднем 139,4 детей, 1981–1982 – 137,9, 1982–1983 – 140,5, 1983–1984 – 141,8, 1984–1985 – 141,5, 1985–1986 – 145,1, 1987 г. – 152,9, а в се-

лах в 1980–1981 гг. — 223,4, 1983–1984 — 271,1, 1984–1985 — 256,8, 1990 г. — 207,5.

Данные статистики свидетельствовали также о повышении в РСФСР уровня рождаемости у женщин наиболее молодых возрастов — 15–19 лет. В 1980–1981 гг. на 1000 женщин в этом возрасте родилось живыми в среднем 43,6 детей, в 1990 г. — 55,6.

Ранняя рождаемость в возрастах до 20 лет (15–19 лет) в городах не получила распространения. Однако показатели рождаемости у женщин этих возрастов увеличивались (исключение составили 1985–1986 гг.). На 1000 женщин в возрасте 15–19 лет в 1969–1970 гг. родилось живыми в среднем 27 детей, в 1979–1980 — 38,4, в 1980–1981 — 39,8, 1984–1985 — 42,3, 1985–1986 — 41,8, 1987 — 43,3, в 1989 — 45,6, в 1990 г. — 48,1.

Большинство городских женщин, родивших в молодых возрастах до 16 лет и в 16 лет, не имело занятий. В возрастах от 17 до 19 лет увеличивалось число женщин с занятиями. Однако в основном эти женщины занимались физическим трудом. Женщины, родившие в возрастах 20–24 года и 25–29 лет, преимущественно были заняты умственным трудом. С увеличением возраста родивших сокращалось число женщин, занятых умственным трудом, и повышалось число, занятых физическим.

Мужчины, ставшие отцами в возрастах до 20 лет, в большинстве случаев занимались физическим трудом, в 20–24 и 25–29 лет — умственным трудом; от 30–34 и до 50–54 лет — умственной и физической деятельностью; 55 лет и старше — преимущественно физическим трудом.

В 1985 г. в Москве ранняя рождаемость у матерей в возрастах до 18 лет и в возрастах 18–19 лет и 20–24 года преобладала среди учащихся (соответственно 8,4, 16,1, 70,1%); в 25–29 лет — у деятелей искусства (45,5 %) и работников с высшим образованием (44,7); в 30–34 года — у деятелей искусства (36,4%) и научных работников (33,3); в 35–39 лет (21,4 %) и 40–44 года (4,8) — у научных работников.

Самая высокая доля первых рождений (92,2 %) отмечалась среди учащихся, низкая — у домохозяек (44,2) и работников сферы обслуживания (43,6). Наиболее высокая доля вторых рождений фиксировалась среди военнослужащих (53,8 %). Важно отметить, что у работников сферы обслуживания доля вторых рождений (49 %) превышала долю первых (43,6). Низкая доля вторых рождений была среди учащихся. Высокая доля третьих рождений была у домохозяек — 15,8 %, а низкая — среди учащихся — 0,6.

У сельских женщин этих возрастных групп уровень рождаемости был выше, чем у горожанок. Коэффициент рождаемости в 1980-е гг. за исключением 1981–1982 гг. рос и был выше, чем у горожанок: в

1980–1981 гг. он составил 53,5 ‰, в 1981–1982 — 52,2, 1982–1983 — 53,7, 1990 — 83,2 ‰[14].

Показатели рождаемости российских женщин в репродуктивных возрастных группах 15–49 лет в первой половине 1980-х гг. повысились с 60,1 ‰ в 1980–1981 гг. до 66,6 в 1983–1984, в 1984–1985 гг. наблюдалось их понижение до 65 ‰, а в 1985–1986 гг. и особенно в 1987 г. — увеличение с 66 до 68,2 ‰. Однако в конце 1980-х гг. уровень рождаемости вновь снизился: в 1988 г. до 64,5 в ‰, 1989 — до 59,8, 1990 — до 55,3 ‰.

В 1980-е гг. аналогичные явления были характерны для рождаемости городских и сельских женщин репродуктивных возрастов. У горожанок в возрастах 15–49 лет рождаемость в первой половине 1980-х гг. повышалась: в 1980–1981 до 56,1 ‰, в 1983–1984 гг. — до 60,7. Это явление особенно заметно при сопоставлении с 1970-ми гг. Тем не менее в конце 1980-х гг. уровень рождаемости понизился практически до показателя 1969–1970 гг. — на 1000 городских женщин в возрастах 15–49 лет в 1969–1970 гг. родилось живыми — в среднем 49,2 ребенка, в 1979–1980 — 55,3, в 1987 — 61,4, в 1989 — 54,0, в 1990 г. — 49,3. В конце 1980-х гг. снижение показателей рождаемости фиксировалось и у сельских женщин. Вместе с тем уровень рождаемости у женщин в селах был выше, чем в городах и в целом в РСФСР. На 1000 городских женщин в возрастах 15–49 лет в 1980–1981 гг. родились живыми в среднем 74,6 детей, в 1983–1984 — 86,4, 1985–1986 — 81,8, 1987 — 93,2, 1988 — 89,5, 1989 — 80,6, в 1990 г. — 76,5[15].

Изучение данных статистики показало, что наиболее высокие показатели рождаемости были у супругов в молодых возрастах и состоявших в зарегистрированном браке. Это явление наиболее ярко проявлялось в среде городского населения: отец и мать — ровесники (20–24 года); отцу — 25–29 лет, матери — 20–24 года или 25–29 лет; отцу 30–34 года, матери — 25–29 лет; отцу — 35–39 года, матери — 25–29 лет; отцу — 40–44 года, матери — 30–34 года. С увеличением возраста отца возраст матери понижался. Эта возрастная разница особенно была заметна в средних возрастах отцов и матерей: отцу — 45–49 лет, матери — 30–34 или 35–39 лет; отцу — 50–54 года, матери — 30–34 или 35–39 лет; отцу — 55 лет и более, матери — 40–44 года[16].

В 1980-е гг. в РСФСР женщины рожали в среднем 1–2 детей. В регионах РСФСР с традиционно высокой рождаемостью (Калмыцкая, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская, Бурятская, Тувинская, Якутская АССР) — 2–3 детей. Самая низкая рождаемость была в Московской, Мурманской, Ленинградской, Тульской, а также Орловской областях (в среднем 1–1,4 ребенка на женщину). Низкие показатели фиксировались на Камчатке и в Магадане. Наиболее высокий уровень рождаемости отмечался

в Калмыкии и Туве, Дагестане, Чечне и Ингушетии (в среднем 2,2–2,6 ребенка на женщину).

В 1980-е гг. в городах РСФСР женщины в среднем рожали 1–2 детей. Из данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. видно, что в российских городах на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше женщин, родивших 0 детей было 218, 1 ребенка — 290, 2-х детей — 337, 3-х детей — 91, 4-х детей — 29, 5-х детей и более — 35. В активных репродуктивных возрастах 25–29 лет преобладали женщины с одним ребенком. Однако в среднем возрасте 30–39 лет доминировали женщин с 2-мя детьми, а также увеличилось число женщин с 3-мя и 4-мя детьми. К окончанию репродуктивного возраста 40–49 лет превалировали женщины с 1–2 детьми. В то же время фиксировалось заметное число бездетных женщин Все это отразилось в показателях суммарного коэффициента рождаемости.

Суммарный козффициент рождаемости (число детей, приходящихся в среднем на 1 женщину) в Российской Федерации в 1980 г. был наиболее низким, особенно при сопоставлении с данными 1950–1970-х гг. Однако за период с 1981 по 1987 г. наблюдалось его повышение, а в последующие годы — понижение. В 1990 г. суммарный козффициент рождаемости опустился до показателя 1980 г. (см. табл. 9).

Таблица 9

Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения РСФСР в 1959–1990 гг.*

Годы	Суммарный коэффициент рождаемости
1959	2,63
1965	2,14
1970	1,97
1980	1,89
1981	1,90
1982	1,95
1983	2,05
1984	2,08
1985	2,06
1986	2,11
1987	2,19
1988	2,13
1989	2,01
1990	1,89

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 67. Д. 1796. Л. 4–5; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 14. С. 270; Демографический ежегод-

ник России, 1998. С. 154; Демографический ежегодник России, 2002. С. 94; О положении семей в Российской Федерации. С. 18, 20; Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 477.

Показатели суммарного коэффициента рождаемости городского населения сближались с общероссийскими. В 1980-е гг. наблюдалось повышение суммарного коэффициента рождаемости городских жителей. Вместе с тем он был заметно ниже, чем в 1950-е гг., и в 1959 г. составлял 2,07, 1965 — 1,73, 1970 — 1,73, 1980–1981 — 1,7, 1981–1982 — 1,739, 1982–1983 — 1,820, в 1983–1984 гг. — 1,85. После незначительного понижения в 1984–1985 гг. до 1,826 в последующие годы наблюдалось его увеличение: в 1985–1986 гг. — 1,874, 1986–1987 — 1,947. Однако в конце 1980-х гг. суммарный коэффициент рождаемости городских жителей ежегодно снижался: в 1988 г. — 1,896, 1989 — 1,826, 1990 — 1,701. Суммарный коэффициент рождаемости сельского населения в 1979–1980 гг. составлял 2,50, в 1989 — 2,63, в 1990 — 2,60.

Понижение суммарного коэффициента рождаемости российского населения во 2-й половине XX в. создало проблему замещения поколений родителей поколениями их детей.

Однако число детей, приходившихся в среднем на 1 женщину, понижалось практически во всех западноевропейских странах (см. табл. 10).

Таблица 10

Суммарный коэффициент рождаемости в западноевропейских странах*

Страны	Годы					
	1960	1964	1970	1978	1982	1984
ФРГ	2,37	2,51	2,06	1,38	1,40	1,29
Австрия	2,69	2,68	2,29	1,60	1,56	1,52
Франция	2,73	2,85	2,47	1,82	1,91	1,80
Нидерланды	3,12	3,20	2,75	1,58	1,49	1,49
Великобритания	2,69	2,86	2,44	1,77	1,78	1,77
Дания	2,54	нет св.	1,95	1,66	1,42	1,40
Италия	2,41	2,65	2,39	1,84	1,57	1,51
Швеция	2,17	2,41	1,94	1,60	1,61	1,65

* *Составлено по:* Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 14. С. 270; Демографический ежегодник России, 1998. С. 154; Демографический ежегодник России, 2002. С. 94; О положении семей в Российской Федерации. С. 18, 20; Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 477; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 259–260.

Из приведенных данных видно, что в 1960-е гг. в этих странах женщины в среднем рожали 2–3 детей, а в 1980-е гг. — 1–2. Сокращение уровня рождаемости уменьшало число детей в семье и тем самым ее величину.

Изучение этого явления свидетельствовало о значительной трансформации в 1980-е гг. репродуктивного поведения и в Российской Федерации, и в западноевропейских странах. Расширялся круг женщин наиболее активных репродуктивных возрастов, стремившихся к труду, овладению профессией и профессиональному росту. В то же время у обоих супругов заметно возросли требования к качеству жизни. Наличие детей серьезно ограничивало возможность удовлетворения этих требований. Тем более что воспитание детей, их социализация усложнились и материально, и психологически, что значительно ограничивало претензии родителей. Кроме того, в семье снижалась традиционная ценность детей в качестве помощников в домашнем хозяйстве, а также в случаях старости и болезни престарелых родителей и родственников. Супругам для эмоционально насыщенных брачно-семейных отношений достаточно было иметь 1–2 детей. Отдельные супружеские пары вообще не связывали семейное счастье с наличием детей[17].

У городских женщин, главным образом, были одноплодные роды. Так, их доля в общем числе родов в 1989 г. составляла 99,3 %. Процент многоплодных родов был низким — 0,7 %. Аналогичная ситуация фиксировалась у сельских женщин.

Мальчиков рождалось численно больше, чем девочек. В 1980 г., например, в городах РСФСР родилось 1 535 723 младенца, из них мальчиков — 785 882 (51,2 %), девочек — 749 847 (48,8). Численное преобладание мальчиков при рождении наблюдалось у матерей всех репродуктивных возрастов. Исключение составили самые молодые возраста — моложе 16 лет. В этих возрастах из 765 родившихся детей мальчиков было 368 (48,1 %), а девочек — 397 (51,9 %)[18].

Уровень образования оказывал влияние на репродуктивное поведение женщин. Самое большое число рождений отмечалось у женщин со средним общим образованием. Значительно меньше рожали женщины со средним специальным, высшим и незаконченным высшим образованием, а также с неполным средним, начальным и не имевшие начального образования. В наиболее молодых возрастах 15–19 лет число рождений повышалось у женщин со средним общим образованием до 16 лет и 16 лет — с неполным средним образованием; 17 лет — со средним общим и неполным средним общим образованием; 18 и 19 лет — со средним общим образованием. В возрастных группах от 20 до 34 лет максимальное число рождений было у женщин со средним специальным и средним общим образованием, в

возрасте 35–39 лет — с высшим и иезаконченным высшим образованием, в возрастных группах 40–44 — 50 лет и старше — с неполным срадним образованием.

Проведенное в Москве в 1985 г. обследованне показало, что в возрастах 15–19 лет в основном рожали женщнны с неполным средним (24,3 %) и общим средним образоваинем (10,1 %). В нанболее актнвных репродуктивных возрастах 20–24 года пренмущественно рожали женщины с незаконченным высшим (77,3 %), в 25–29 лет — с высшим образованием (43,9), в средних возрастных группах 30–34 года — с высшим (25,7) и неполным среднм образованнем (20,3); 35–39 лет — с неполным средним (13,5); 40–44 года — с высшим (0,5) и неполным средним — (0,4); 45–49 лет — со средним спецнальным образованнем (0,1).

Нанболее равномерное распределение рождений первых н очередных детей было зафиксировано у женщин со среднм общнм образованнем. В этой группе доля первых рождеинй у женщнн составляла 55,3 %, вторых — 37,8, третьих и последующих очередностей — 6,9. Близкне показатели наблюдались в группе женщнн со среднм специальным образованнем — соответственно 55,6, 38,4 и 6 %. У женщин с неполным средним образованнем доля первых рожденнй была заметно меньше, чем в других группах (40,6 %), а третьих и последующих очередностей — выше (21,6). Наиболее высокая доля первых рождений и низкая третьих и последующих очередностей была в группе женщин с незаконченным высшнм образованнем — 79,6, 19,3, 1,1 %. У женщнн с высшим образованнем отмечалась самая высокая доля вторых рождений — 54,4 , 41,9 , 3,7 %[19].

В Российской Федерации наблюдалось дальнейшее разъединение н автономнзацня брачного, сексуального и репродуктивного поведения населення. Это явление сопровождалось индивидуальным н нндивндуально-семейным контролем над предотвращеннем рождаемости. Однако низкнй в целом уровень сексуальной культуры населения обусловил шнрокое распространение абортов во всех репродуктивных возрастах женщнн, а также увеличеиие внебрачной рождаемости и т. д.

Доля внебрачной рождаемостн в РСФСР в общем числе рожденнй в 1970 г. составляла 10,6 %, в 1980 — 10,8, 1990 — 14,6. Повышенне внебрачных рождений фиксировалось и в росснйскнх городах. Если в 1975 г. доля внебрачных рождений в общем числе детей, роднвшихся живымн, у городских женщин была 9,3 %, то в 1985 г. она увелнчилась до 11,3. Внебрачная рождаемость у горожанок была значительно ннже, чем у сельчанок. Удельиый вес внебрачных детей в общем числе родившнхся живымн в 1980 г. составлял в городском

населении РСФСР 9,6 %, сельском — 13,4; в 1989 — соответственно 12,6 и 15,6 %; в 1990 — 13,8 и 16,5 %.

В динамике брачиых и внебрачных рождений численно преобладали рождения вне брака. Из расчетов исследователей видно, что с 1980 по 1987 г. прн росте общего числа рожденнй на 13,5 %, число брачных рождений увелнчилось на 11,1 %, а внебрачных — на 33,6; с 1987 по 1993 г. чнсло брачных рождений снизилось на 36,8 %, внебрачных — на 21 %. Вместе с тем в РСФСР брачная рождаемость домнпировала. В 1970 г. в зарегистрированном браке родилось 89,4 % детей от числа родившихся живыми, в 1980 — 89,2, 1984 — 88,5, 1987 — 87,4, 1990 г. — 85,4 %.

Увелнчение внебрачных рождений было характерно для женщин наиболее молодых (15–19 лет) н средних (40–44 года) возрастных групп. Рождения вне брака в возрастах 15–19 лет были связаны с либерализацией половой морали и низким уровнем сексуальной культуры в обществе. Внебрачные рождения в среднх возрастах объяснялнсь желанием женщнн иметь семью и детей (материнскне семьн).

Женщиины, родившне вне брака, в большннстве случаев заннмались физическим трудом. В возрастах до 16 лет они не имели заиятий н в основном находнлись на нждивенни. В возрасте 16 лет большинство из них также не имело занятий. Вместе с тем наблюдалось численное увеличенне женщин, заннмавшнхся физическим трудом. В возрастах 17–19 лет виден дальнейший рост чнсла женщин, занимавшихся фнзическим трудом. В возрастном нитервале от 20–24 лет до 55 лет и старше женщины, родившие вне брака, преимущественно были заняты фнзическим трудом.

Родителн моглн регистрировать рожденного ребенка в фактическом браке по совместиому заявлению. Тем не менее преобладала регистрация новорожденных по заявлению матери; в 1970 г. по совместному заявлению родителей были зарегнстрнрованы: 41 % детей, от числа роднвшнхся вне брака, по заявленню матерн — 59 %, в 1980 — 38,2 н 61,8 соответственно, в 1990 г. — 42,8 и 57,2 %.

Показатели искусственного прекращения беременностн (абортов) оставались в РСФСР высокнми. Так, в 1980 г. на 100 родов приходилось 203 аборта. Показатель искусственного прекращения беременности в РСФСР и Белорусской ССР был выше, чем в целом в СССР, а в Азербайджанской и Армянской ССР — ниже. В СССР в 1989 г. нз 1000 женщин в возрасте 15–49 лет аборты сделали 96, в РСФСР — 118, Белорусской ССР — 102, Азербайджанской — 24, Армянской — 31[20].

В 1989–1990 гг. в Российской Федерацин нз 100 000 беременностей закончилнсь абортамн 66 811, поздиимн выкидышами —1493, рожденнем живого ребенка — 31 411, мертворождеинем — 285[21].

Мертворождений у городских женщин было немного: в 1980-е гг. в среднем 1 % детей от общего числа родившихся рождались мертвыми. В конце этого десятилетия у горожанок в общем числе родившихся доля родившихся живыми составляла 99 %, мертвыми — 1, у сельчанок — 99,3 и 0,7 , а в целом — 99,1 и 0,9 %. По числу мертворожденных детей выделялись города Центрального, Уральского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальне-Восточного районов[22].

В городах число мертворожденных детей было выше, чем в селах. Доля мертворождений в 1980 г. в городах составила 78,5 %, в селах — 21,5, в 1982 г. — 77,5 и 22,5 соответственно, в 1984 г. — 77,7 и 22,3 %.

В составе мертворожденных детей доминировали мальчики. В 1980 г. в городах среди мертворожденных детей мальчиков было 55,5 %, девочек — 44,5, в 1982 — 55,4 и 44,6, в 1984 г. — 54,2 и 45,8. Из данных статистики видно, что причина мертворождений в большинстве случаев связана с токсикозами у матерей во второй половине беременности[23].

Таким образом, женщины рожали в наиболее активных репродуктивных возрастах. Увеличение уровня рождаемости в РСФСР в начале 1980-х гг. завершилось его понижением в конце этого десятилетия. В РСФСР возникала проблема замещения поколений родителей поколениями детей, наиболее остро проявившаяся в 1990-е гг. Заметное влияние на уровень рождаемости продолжала оказывать смертность населения.

Смертность

Показатели смертности населения в РСФСР увеличивались начиная с середины 1960-х гг. На 1000 чел. населения в 1970 г. смертность составляла 8,7, в 1975 г. — 9,8, в 1979 — 10,8, 1980 — 11, 1984 — 11,6, 1985 — 11,3. Смертность населения в 1986–1989 гг. несколько понизилась — с 10, 7 до 10, 4 ‰. В 1990 г. фиксировалось увеличение уровня смертности населения до 11,2 ‰. Из данных статистики видно, что самые высокие показатели смертности населения в 1990 г. были в Воронежской (13,9 ‰), Курской (13,9), Ивановской и Рязанской (по 14), Новгородской (14,1) и Псковской (15,1) областях[24].

В эти годы повышался также уровень смертности городского населения Российской Федерации — в 1980 г. он составлял 10 ‰. Наиболее высокий уровень смертности фиксировался в городах Калининской области (11,6 %) и Краснодарского края (11,6), Костромской (11,8) и Ивановской (12,0) областей, Коми-Пермяцкого автономного округа (14,0 ‰). В Москве коэффициент смертности населения был немного выше, чем в Ленинграде, — соответственно 11,8 и 11,6 ‰. Самые низ-

кне показатели смертности отмечались в городах Чукотского (2,9 ‰), Ямало-Неиецкого (4,8) и Таймырского (Долгано-Ненецкого) (4,9) автономных округов, а также Магаданской области (5,2 ‰) и Чувашской АССР (6,8).

В 1981–1982 гг. показатели смертности в росснйскнх городах немиого понизились; в 1981 г. они составнли 9,9 ‰, в 1982 — 9,8. Однако это явление не было продолжительным. Уже в 1984 г. уровень смертности достиг нанболее высокого показателя — 10,6 ‰. В некоторых регионах этот показатель был еще выше. Напрнмер, в городах Калиинской областн он составлял 12,0 ‰, Краснодарского края — 12, Костромской области — 12,1, Ивановской — 13,3 н др. Даже в городах с иаиболее ннзкими показателямн смертности в 1980 г. ее уровень к середине 1980-х гг. повысился и в городах Чувашской АССР составнл 7,1 ‰, а Чукотского автономного округа — 3,2. Вместе с тем в остальных городах этой группы ои уменьшился (Ямало-Неиецкнй автономный округ — 4,1 ‰, Таймырский — 4,4, Магаданская область — 4,9 и др.).

Антналкогольные мероприятия несколько поннзнли показатели смертиости в 1986 и 1987 гг. Но уже в 1989 г. онн снова составили 10 ‰, а в 1990 г. — 10,4. Та же картнна наблюдалась н в Москве (см. табл. 11).

Таблица 11

Днпамика уровня смертности в Москве в 1960–1989 гг.*

Годы	На 1000 чел. населения умерло
1960	7,6
1965	8,5
1970	9,5
1975	10,5
1980	11,7
1984	12,7
1985	12,1
1986	11,6
1987	11,9
1988	12,0
1989	12,4

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20; Демографический ежегодник России, 1998. С. 51; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. М., 1992. С. 79.

В Ленинграде показатели смертиостн были немного ниже московских: в 1975 г. — 10,2 ‰, в 1984 — 12,2[25].

Данные по иациональному составу умершнх показали, что среди умерших в городах увеличилось число русских, украинцев и белорусов, а также татар, казахов и узбеков. В то же время число умерших евреев в этот период снизилось. Среди умерших русскнх и евреев численно преобладали женщины, а украинцев и белорусов, узбеков и татар, казахов и армян — мужчиины[26].

Уровень смертиости сельского населения был выше городского: в 1975 — 11,8 ‰, 1979 — 13,1, 1980 — 13,4. После небольшого снижения уровня смертностн сельскнх жителей в самом начале 1980-х гг. наблюдалось его повышение, особенно в 1984 г. — 13,3 ‰ против 14,3. В последующне годы, так же как и в городах, под влнянием антиалкогольной кампанин 1985–1987 гг. уровень смертности понизился до 12,5–12,7 ‰[27], но к концу десятилетия смертность снова поднялась до 13,3 ‰ (1990).

Ожидаемая продолжительность жизни населеиия РСФСР повышалась начиная с 1979 г. н в 1983 г. достигла 68,3 года. После небольшого сокращення ожндаемой продолжительностн жнзнн в 1983–1984 гг. до 67,9 года наблюдалось ее увеличение. Нанболее высокий показатель ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерацнн был достигнут в 1987 г. — 70,2 года. В последующие годы он постепенно снижался: в 1988 г. он составнл 69,9 года, в 1989 — 69,6, в 1990 — 69,2. Однако ожидаемая продолжнтельность жнзнн была выше, чем в начале 1980-х гг.

Аналогичным образом демографическне процессы развивались н в городах. Ожидаемая продолжнтельность жнзни городского населения была выше общероснйскнх показателей: в 1979–1980 гг. — 68 лет, в 1980–1981 гг. — 68,1 года, в 1981–1982 — 68,5, 1982–1983 — 68,7. Небольшое ее пониженне до 68,4 года фнксировалось в 1983–1984 гг., а в последующие годы ее показатели снова повысилнсь до 68,6. Пик был достигнут в 1987 г. и составил 70,4 года. Снижение ожидаемой продолжительности жнзни горожан наблюдалось в конце 1980-х гг.: в 1988 г. — до 70,1 года, в 1989 — до 69,9, в 1990 — 69,6.

Продолжнтельность жнзни сельского населения была ниже, чем населення РСФСР, а также городских жителей. Ее показатель во второй половнне 1980-х гг. хотя и повысился, ио был ниже, чем в 1970–1971 гг. и составлял в 1970–1971 гг. — 68,13 года, в 1975–1976 — 66,14, в 1980–1981 — 66,02, в 1985–1986 — 67,86, в 1990 — 67,92[28].

Ожидаемая продолжительность жизнн мужчнн была меньше, чем женщнн. Это явленне особенно ярко проявлялось в селах (см. табл. 12).

Таблица 12

Ожидаемая иродолжительность жизни мужского и женского населения РСФСР, 1978–1990 гг.*

Годы	Ожидаемая продолжительность жизни россиян (лет)	
	мужчины	женщины
1978–1979	61,7	73,1
1980–1981	61,5	73,1
1982–1983	62,3	73,6
1984–1985	62,3	73,3
1985–1986	63,8	74,0
1986–1987	64,9	74,6
1988	64,8	74,4
1989	64,2	74,5
1990	63,8	74,3

* *Составлено по:* О положении семей в Российской Федерации. С. 22–23; Российский статистичсский ежегодник, 2001. С. 125.

Продолжительность жизнн в коице 1980-х гг. у женщин сократилась заметно меньше, чем у мужчнн. Аналогичное явлеине отмечалось н в городах, н в селах РСФСР. Продолжительиость жизни у городских и сельских мужчнн в 1990 г. была ниже, чем в 1985–1986 гг., а у женщнн — выше. Ожидаемая продолжительность жизнн городских мужчин в 1985–1986 гг. составляла 64,46 года, в 1990 г. — 64,39; городскнх женщин — соответственно 74 н 74,35; сельских мужчнн — 61,76 и 62; сельскнх женщин — 73,55 и 73,89[29].

Коэффициенты мужской смертности увеличились в 1980–1981 гг. по сравнению с 1970–1971 н поннзилнсь в 1985–1986 гг.: в 1970–1971 гг. они составилн 9,4 ‰, в 1980–1981 — 11,9, в 1985–1986 — 11. У женщин, в отличне от мужчнн, общие коэффнциенты смертности испрерывно повышалнсь н в 1970–1971 гг. составилн 8,1 ‰, в 1980–1981 — 10,2, в 1985–1986 — 10,7. Наиболее высокие коэффициенты смертности были у сельскнх мужчин.

Из статистических данных видно, что число умерших в городах было выше средн мужчнн н женщнн, не нмевших заиятий. Очевидно, эта группа состояла в основном из маргинальных слоев общества. Средн имевших занятия чнсленность умерших мужчнн н женщин значнтельно увеличивалась в группах, занятых главным образом физнческим трудом. Именно в этих группах населения особенно был велик рнск получення тяжелейшнх травм, нифекционных заболеванний, а также болезней органов дыхання[30].

Наиболее высокие показатели смертности у мужчин и женщин в России были в средних и особенно пожилых возрастах. Однако уровень смертности у женщин в этих возрастах был значительно ниже, чем у мужчин.

Важно отметить, что показатели смертности в 1985–1986 гг. снизились в трудоспособных возрастах (мужчины — 16–59 лет, женщины — 16–54 года), видимо, в связи антиалкогольной кампанией.

В 1980 г. в городах Российской Федерации удельный вес умерших в пожилых возрастах значительно увеличился: в возрастах 65–69 лет он составил 11,6 %, 70–74 — 13,0, 75–79 — 12,3 %. В возрастных группах 80 лет и старше он снижался (80–84 года — 9,5 %, 85–89 лет — 5,3, 90–94 года — 2,2, 95–99 лет — 0,6, 100 лет и старше — 0,1%).

Смертность мужчин в российских городах была выше смертности женщин в младенческих и детских, молодых и средних возрастных группах. В пожилых возрастах (65–69 лет и старше) женская смертность преобладала, особенно в возрасте 75–79 лет (см. табл. 13)[31].

Таблица 13

Умершие в городах РСФСР в 1980 и 1982 гг. по полу и возрасту (в процентах к итогу)*

Возраст (лет)	1980		1982	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
0–4	4,8	3,4	4,5	3,2
5–9	0,5	0,3	0,5	0,3
10–14	0,4	0,2	0,4	0,2
15–19	1,3	0,4	1,1	0,4
20–24	2,7	0,6	2,5	0,6
25–29	3,6	0,8	3,5	0,7
30–34	3,9	1,0	4,1	1,0
35–39	3,5	1,0	3,0	0,8
40–44	7,3	2,3	6,7	2,1
45–49	7,3	2,6	7,0	2,5
50–54	11,2	4,8	10,9	4,5
55–59	7,6	5,6	10,0	6,3
60–64	7,3	6,0	7,5	6,2
65–69	11,5	11,7	10,1	10,2
70–74	10,8	15,2	11,2	15,6
75–79	7,8	16,9	8,6	17,3
80–84	4,8	14,1	4,8	14,9

Окончание таблицы 13

Возраст (лет)	1980		1982	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
85–89	2,5	8,1	2,5	8,5
90–94	0,8	3,7	0,8	3,5
95–99	0,2	1,0	0,2	1,0
100 лет и старше	0,03	0,1	0,02	0,1
неизвестный возраст	0,2	0,2	0,1	0,1
Итого	100	100	100	100

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1994. Л. 10–12; Оп. 65. Д. 1941. Л. 2а–2 об. Подсчеты автора.

Уровень смертности городского населения в 1983–1984 гг. заметно повысился в пожилых возрастных группах. Коэффициент смертности горожан в трудоспособных возрастах 15–59 лет составил 5,1 ‰, а в пожилых возрастах 60 лет и старше — 52,5. Самый высокий уровень смертности горожан в возрастах 15–59 лет был в эти годы в Тувинской АССР (7,9 ‰) и Сахалинской области (6,6). Показатель смертности в пожилых возрастах 60 лет и старше в Камчатской и Сахалинской областях поднялся до 61,9 ‰, а в Калмыцкой АССР — до 59,2[32].

Уровень смертности мужчин в конце 1980-х гг. был выше смертности женщин практически во всех возрастах. Это явление было характерно и для городского, и для сельского населения. Вместе с тем в селах в возрастных группах до 60 лет и старше показатели смертности мужского и женского населения были выше, чем в городах (см. табл. 14).

Таблица 14

Возрастные коэффициенты смертности мужского и женского населения РСФСР в 1989 г.*

Возраст (лет)	Умершие на 1000 чел. населения			
	городское население		сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
до 5	4,5	3,2	5,5	4,1
5–9	0,6	0,4	0,9	0,5
10–14	0,6	0,3	0,7	0,4

Окончание таблицы 14

Возраст (лет)	Умершие на 1000 чел. населения			
	городское население		сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
15–19	1,4	0,6	2,0	1,0
20–24	2,2	0,6	3,9	0,9
25–29	2,9	0,7	4,4	1,0
30–34	3,7	0,9	5,1	1,3
35–39	4,9	1,4	6,5	1,9
40–44	6,7	2,2	8,8	2,7
45–49	10,3	3,4	12,8	4,1
50–54	14,6	5,1	16,8	5,7
55–59	22,5	8,5	22,9	8,4
60–64	32,7	13,6	32,3	12,3
65–69	45,8	22,4	10,1	19,9
70–74	68,3	38,2	66,4	33,9
75–79	99,3	63,8	95,3	56,3
80–84	166,3	105,9	141,3	97,1
85–89	225,7	195,2	222,1	187,7

* *Составлено по:* Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 363.

В трудоспособных возрастах показатели смертности в РСФСР в конце 1980-х гг. увеличивались (1988 г. — 4,4 ‰, 1989 — 4,7, 1990 — 4,9). В этих возрастных группах уровень смертности у мужчин был значительно выше, чем у женщин. Самый высокий показатель мужской смертности отмечался в 1984 г. — 9 ‰ (у женщин — 2,3). В последующие годы смертность снижалась: у мужчин — с 8,2 ‰ в 1985 г. до 6,7 в 1987, у женщин — с 2,1 до 1,8. В конце 1980-х гг. после окончания антиалкогольной кампании показатели смертности повысились. Мужская смертность в трудоспособных возрастах составляла в 1988 г. 6,8 ‰, в 1989 г. — 7,3, 1990 — 7,6; женская смертность — соответственно 1,8, 1,9, 2,0[33].

Анализ данных об умерших по возрасту, полу и уровню образования показал, что число умерших повышалось в группах населения с неполным средним и начальным образованием и в группе не имевших образования. Самое большое число умерших было среди мужчин и женщин с низким образованием или не имевшим образования в возрастах 65–69 лет и 70 лет и старше.

Таким образом, к концу 1980-х гг. проявились тенденции повышения смертности, в том числе в трудоспособных возрастах.

Состояние здоровья населения

Изучение здоровья населения в РСФСР выявило высокий удельный вес хронических заболеваний. Их доля (от общего числа лиц соответствующего возраста) в 1989 г. у детей составляла 8,5 %, у подростков — 16,9, у взрослых — 21,1. Состояние здоровья населения влияло на заболеваемость, основные причины смерти и уровень смертности[34].

Основными классами причин смерти российского населения в 1980-е гг., как и в 1970-е, были болезни системы кровообращения, новообразования онкологического характера, а также несчастные случаи, отравления и травмы. Значительное влияние на распространение сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, а также отравлений оказали экзогенные факторы: загрязнение почвы, воды, воздуха, прежде всего, промышленными отходами. Подобное загрязнение было наиболее опасно в индустриально развитых городах. Закономерно, что в 1980-е гг. были приняты специальные законы и постановления об охране воздушно-водного бассейна от загрязнения: постановление Совета Министров СССР от 8 октября 1980 г. «Об усилении охраны малых рек от загрязнения, засорения и истощения и о рациональном использовании их водных ресурсов»; постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 января 1981 г. «О мерах по усилению охраны морей, рек и других водоемов Арктического бассейна от загрязнения»; постановление Совета Министров СССР от 16 декабря 1981 г. «О нормативах предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и вредных физических воздействий на нее»; закон СССР от 25 июня 1980 г. «Об охране и использовании животного мира»[35].

Существенным фактором, влиявшим на широкое распространение онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, особенно у жителей крупных городов, было курение. Негативное влияние курения на организм человека отмечалось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июня 1980 г. «О мерах по усилению борьбы с курением»[36].

Влияние экзогенных факторов на распространение в РСФСР болезней системы кровообращения, новообразований, в том числе злокачественных, и отравлений также было обусловлено низким уровнем санитарии и гигиены, медицинского и медикаментозного обслуживания, качеством питания населения и т. д.

Сопоставление сведений статистики свидетельствовало о повышении в 1980-е гг. уровня смертности населения от ведущих классов причин смерти — от болезней системы кровообращения в РСФСР на

100 000 чел. населения в 1970 г. умерло 412, в 1975 — 492, в 1980 — 580, в 1985 — 634, в 1990 — 617; от новообразований — соответственно 147, 156, 164, 176, 194; от несчастных случаев, отравлений и травм — 125, 142, 165, 138, 134. Эти причины смерти были распространены не только среди пожилого, но и среди трудоспособного населения.

Вместе с тем из приведенных данных видно, что во второй половине 1980-х гг. уровень смертности населения от новообразований, а также несчастных случаев, отравлений и травм понизился. Одним из факторов этого снижения было усиление в российском обществе борьбы с пьянством и самогоноварением, нарушением общественного порядка и трудовой дисциплины. Президиум Верховного Совета СССР 16 мая 1985 г. принял указ «Об усилении борьбы с пьянством» и ввел его в действие с 1 июня 1985 г.[37] Наиболее высокий уровень смертности от несчастных случаев, отравлений и травм в Российской Федерации был в 1989 г. в Уральском регионе, особенно в Пермской области и Удмуртии — соответственно на 100 тыс. чел. населения 131,4, 146,9 и 145,6.

Ведущее место в этом классе причин смерти играли самоубийства. Специалисты считают показатель самоубийств высоким, если он ежегодно превышает 20 случаев на 100 000 чел. населения. В РСФСР в 1970 г. на 100 000 чел. населения от самоубийств умерло 30, от случайных отравлений алкоголем — 14, убийств — 7, в 1975 — 33 (соответственно 17 и 10); в 1980 — 35, 23 и 13; в 1985 — 31 (16 и 11); в 1990 — 26 (11 и 14). Из приведенных данных видно численное увеличение самоубийств, особенно в 1980 г., и понижение в 1985 и 1990 гг. Тем не менее уровень самоубийств в Российской Федерации оставался высоким. По уровню самоубийств в 1989 г. выделялись Свердловская область и Удмуртия. Так, в РСФСР в целом коэффициент смертности от суицидов составлял 25,4 на 100 тыс. чел. населения, на Урале — 32,3, в Свердловской области — 34,3, в Удмуртии — 37,7.

Мотивами самоубийств в 1980-е гг. в основном были конфликты в семье, а также тяжелые обстоятельства личной жизни (супружеская измена, неразделенное чувство, смерть близких, одиночество и т. д.).

Проведенные в эти годы социально-демографические обследования выявили в населении группы, наиболее подверженные суициду. Это люди с невысоким уровнем образования, занимавшиеся, главным образом, физическим трудом; одинокие мужчины с высоким уровнем образования; одинокие женщины; пенсионеры[38].

Смертность мужчин была выше, чем женщин от злокачественных новообразований, особенно в трахее, бронхах и легких, а также от острого инфаркта миокарда и болезней органов дыхания. Высоким был уровень мужской смертности от несчастных случаев, связанных с транспортными средствами, самоубийствами и убийствами. Среди

женщин доминировала смертность от ишемической болезни сердца. В РСФСР в 1989 г. на 100 000 чел. населения от злокачественных новообразований умерло 220,6 мужчин и 159 женщин, из них от злокачественных новообразований трахеи, бронхов и легкого — 74,4 и 12,4 соответственно; от острого инфаркта миокарда — 46 и 29,5, от других форм ишемической болезни сердца — 221,3 и 291,8, от несчастных случаев, убийств, самоубийств и внешних воздействий — 206,3 и 40. Высокий уровень смертности также был у беременных женщин, рожениц и родильниц от осложнений беременности, родов и послеродового периода. В РСФСР от этого класса причин смерти на 100 000 родившихся женщин в 1985 г. умерло 54, в 1989 — 49. Российские показатели этого класса причин смерти были выше общесоюзных — соответственно 47,7 и 43,8[39].

В российских городах смертность мужчин и женщин от острого инфаркта миокарда была выше, чем в целом по РСФСР (49,5 на 100 тыс. чел. населения против 34,1), а от других форм ишемической болезни сердца — ниже (203,2 против 244,6).

В 1989 г. в городах коэффициент смертности мужчин от злокачественных новообразований был равен 219,3 (на 100 тыс. чел. населения), а от несчастных случаев, убийств, самоубийств и внешних воздействий — 166,2, а у женщин — 187,6 и 52,4 соответственно. Высокий уровень раковых болезней был непосредственно связан с ухудшением экологических условий жизни, особенно населения мегаполисов. Не случайно в городах с развитой металлургической, химической и нефтехимической промышленностью и опасным уровнем загрязнения (Медногорск, Норильск, Нижний Тагил, Комсомольск-на-Амуре, Красноярск, Челябинск, Кемерово, Серпухов и др.) наблюдался рост числа онкологических заболеваний органов дыхания. Самые высокие показатели смертности от онкологических заболеваний были у мужчин от рака трахеи, бронхов, легкого: на 100 000 чел. населения умершие мужчины составляли 71,4 чел., женщины — 12,7. Широкое распространение этого онкологического заболевания у мужчин также объяснялось пристрастием к курению. Среди злокачественных новообразований ведущее место занимал рак желудка: коэффициент смертности у мужчин на 100 тыс. чел. населения от рака желудка — 41,8 , женщин — 31,9. У женщин отмечался высокий уровень смертности от рака молочной железы — 21,9.

Высокие показатели смертности мужчин фиксировались от дорожно-транспортных травм, особенно в возрастах 25–29 лет. У женщин самый высокий показатель смертности от дорожно-транспортных травм отмечался в пожилых возрастах — 70–74 года. В эти годы смерть от онкологических и сердечно-сосудистых болез-

ней в большинстве случаев поражала мужчин и женщин пожилого возраста.

В то же время в конце 1980-х гг. наблюдалось относительное понижение смертности горожан от инфекционных заболеваний: у мужчин на 100 тыс. чел. населения она составляла 18 ‰, у женщин — 5,2. Показатели смертности от болезней органов дыхания и органов пищеварения составляли у мужчин соответственно 57,2 и 30,0 ‰, у женщин — 33,2 и 24,8.

Изучение структуры причин смерти российского населения показало ведущую роль новых патологий (заболевания системы кровообращения и онкологические болезни). Однако влияние экзогениых факторов оставалось значительным, что проявлялось в сохранении причин смерти от болезней органов дыхания и пищеварения, инфекционных и паразитарных заболеваний, а также от несчастных случаев, отравлений и травм. Они были причиной снижения возраста смерти от болезней системы кровообращения и злокачественных новообразований.

Близкая структура причин смерти была в Москве. Среди причин смерти населения Москвы лидировали болезни системы кровообращения. За период с 1980 по 1989 г. фиксировалось увеличение доли умерших от этих болезней с 55,8 до 57,7 % среди всех умерших. Второе место занимали злокачественные новообразования. Доля умерших от них в 1980 г. составляла 21,2 %, а в 1989 гг. увеличилась до 21,5. Высокий удельный вес умерших отмечался от несчастных случаев, отравлений и травм — соответственно 8,4 и 7,4 %. Однако он понижался. В конце 1980-х гг. в Москве увеличилась доля умерших от болезней системы пищеварения и снизилась — от болезней дыхания, инфекционных и паразитарных болезней. Доля умерших от болезней системы пищеварения в 1980 г. была 3 %, в 1989 г. — 3,07; от болезней органов дыхания — соответственно 4,6 и 3; от инфекционных и паразитарных болезней — 1,3 и 0,8 %[40].

Вместе с тем в 1980-е гг. фиксировалась смерть от онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний в трудоспособных группах населения. Это явление ярко проявлялось в наиболее крупных городах, например, в Москве.

Данные статистики свидетельствовали о том, что в Москве у мужчин трудоспособных возрастов преобладала смерть от болезней системы кровообращения, а также от несчастных случаев, отравлений и травм, а у женщин — от злокачественных новообразований. Смерть от болезней системы пищеварения и органов дыхания, инфекционных и паразитарных заболеваний, болезней эндокринной системы, анемии и других заболеваний крови у мужчин и женщин не имела распространения (см. табл. 15)[41].

Таблица 15

Смертность трудоспособного населения Москвы по основным причинам смерти в 1988 г.*

Основные причины смерти	Умершие в трудоспособных возрастах (в процентах к общей численности умерших в этих возрастах)	
	мужчины	женщины
Болезни системы кровообращения	39,0	24,8
Злокачественные новообразования	25,6	38,1
Несчастные случаи, отравления и травмы	20,6	16,4
Болезни системы пищеварения	3,7	3,6
Болезни органов дыхания	2,8	2,3
Инфекционные и паразитарные заболевания	2,1	1,2
Заболевания эндокринной системы	0,6	0,3
Анемия и другие заболевания крови	0,2	1,6
Прочие болезни	5,4	11,7

* *Составлено по:* Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 84.

Данные статистики свидетельствуют о том, что в конце 1980-х гг. основными классами смерти сельского, как и городского населения, были болезни органов кровообращения, онкологические болезни, несчастные случаи, отравления и травмы. Однако уровень смертности от этих причин в селах выше, чем в городах. На 100 тыс. чел. населения умерших от болезней органов кровообращения мужчин, живущих на селе, было 552,5 (женщин — 897,3), умершнх от онкологических заболеваний — 224,1 (соответственно 138,6), от несчастных случаев, отравлений и травм — 258,1 (25,6). Приведеиные сведения также показывают высокий уровень смертностн мужчин от онкологическнх заболеваний, несчастных случаев, отравлений и травм, женщин — от болезней органов кровообращения[42].

Таким образом, в структуре основных классов причин смерти доминировали новые патологии, в значительной степени связанные с влнянием ухудшавшейся экологии. Однако эти болезни, несмотря на увеличение уровня смертности от них в трудоспособных возрастах, все-таки пренмущественно поражали пожилых людей. Наряду

с этим снижался уровень смертности горожан от распространенных ранее инфекционных и паразитарных заболеваний, а также болезней органов дыхания и пищеварения.

Изучение смертности российского населения в 1980-е гг. свидетельствует о существовании значительных различий в качестве медицинского и медикаментозного обслуживания сел и городов. Так, фиксировалась разница в уровне и структуре смертности горожан и сельчан. Коэффициенты смертности сельского населения, как отмечалось, были выше городского. В селах заболеваемость и смертность от болезней органов дыхания и кровообращения, несчастных случаев, отравлений и травм, а также инфекционных заболеваний имели более широкое распространение, чем в городах.

Показатели продолжительности жизни были выше в группах населения с более высоким уровнем образования, особенно у мужчин. За десятилетний период с 1979 по 1989 г. разница в продолжительности жизни между группами населения с высшим и неполным средним образованием у мужчин повысилась с 6 до 7 лет, у женщин не изменилась (осталась на прежнем уровне — около 2 лет); между группами населения с высшим и средним общим образованием у мужчин увеличилась с 3 до 5 лет, у женщин — с 1 года до 2 лет. Это явление было связано с тем, что мужчины и женщины с высшим образованием внимательнее относились к своему здоровью, образу жизни, условиям труда, качеству питания, чем с неполным средним и средним общим образованием.

Из данных обследований видны различия в структуре смертности по профессиональным группам. Наиболее высокая доля умерших от злокачественных новообразований наблюдалась в группе высококвалифицированных служащих и научных работников. Сердечно-сосудистая заболеваемость и смертность была меньше связана с профессиональной принадлежностью. Смерть от этих болезней в молодых возрастах имела значительное распространение среди работников сферы управления, а также высококвалифицированных служащих и научных работников. Для этих профессиональных групп также была характерна смерть от острого инфаркта во всех возрастных группах. Смерть от инсульта не имела профессиональной специфики[43].

Младенческая и детская смертность

Младенческая смертность (в возрасте до 1 года) в Российской Федерации в 1980-е гг. понижалась. Однако этот процесс не был стабильным: в 1984–1985 гг. и 1987 г. ее показатель несколько повышал-

ся (в ‰): в 1980 г. он составлял 22,1, 1983 — 20,1, 1984 — 20,9, 1985 — 20,7, 1986 — 19,3, 1987 — 19,4, 1988 — 18,9, 1989 — 17,8, 1990 — 17,4[44].

В городах показатели младенческой смертности в эти годы были ниже, чем в селах и в целом по РСФСР. Так, в городах РСФСР на 1000 родившихся в 1980 г. умер 21,2 младенца в возрасте до 1 года, в 1982 — 19,5, 1985 — 19,8, 1987 — 18,8, 1989 — 17,3, 1990 — 17; в селах — соответственно 24, 22,4, 22,8, 21, 18,9, 18,3. Несмотря на тенденцию к понижению, показатель младенческой смертности в течение всего десятилетия оставался высоким.

В эти годы понизился уровень младенческой смертности в Ленинграде, здесь на 1000 родившихся в 1980 умерло 22,9 младенцев, в 1984 гг. — 19,2[45].

В Москве в 1980-е гг. показатели младенческой смертности также сокращались (см. табл. 16)[46].

Таблица 16

Младенческая смертность в Москве, 1979—1989 гг.*

Годы	Умершие в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми
1979	23,8
1980	23,7
1982	20,7
1983	20,6
1984	22,1
1985	21,5
1986	20,8
1987	19,9
1988	19,4
1989	18,4

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 81.

Данные статистики свидетельствуют о том, что в некоторых российских городах были зафиксированы очень высокие показатели смертности младенцев.

Однако с 1980 по 1984 г. уровень младенческой смертности понизился и в этих городах (см. табл. 17).

Таблица 17

Младенческая смертность в городах национальных регионов РСФСР в 1980–1984 гг.*

Города	Умершие в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми	
	1980	1984
Ненецкий автономный округ	40,8	23,8
Коми-Пермяцкий автономный округ	39,9	27,6
Горно-Алтайский автономный округ	39,4	19,9
Калмыцкая АССР	32,5	22,8
Еврейская автономная область	30,6	28,9

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20.

Однако в других регионах наблюдалось повышение показателей младенческой смертности в городах, особенно в Тувинской АССР она выросла с 47,0 ‰ в 1980 до 50,4 в 1984 г.; а также в Смоленской области соответственно с 16,3 ‰ до 16,6; Марийской АССР — с 14,1 до 15,0; Пензенской области — с 14,2 до 16,9; Краснодарского края — с 15,9 до 17,6; Чукотского автономного округа – с 14,3 до 25,8 ‰ и т. д.[47]

Сопоставим показатели смертности младенцев за период с 1970 по 1992 г. в Российской Федерации и зарубежных странах (см. табл. 18)[48].

Таблица 18

Младенческая смертность в РСФСР и зарубежных странах, 1970–1992 гг.*

Страны	Умершие в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми		
	1970	1980	1992
РСФСР	23	22	18
Австрия	26	14	8
Германия	24	13	7
Греция	30	18	10
Испания	28	12	8
Италия	30	15	8
Португалия	56	24	11

* *Составлено по:* О положении семей в Российской Федерации. С. 23–24.

Во всех этих странах, включая и РСФСР, видна тенденция сокращения смертности младенцев. Однако темпы этого сокращения в РСФСР наиболее низкие. Если в 1970 г. коэффициент младенческой смертности в Российской Федерации был несколько ниже, чем в зарубежных странах, то в 1980 г. он стал одним из наиболее высоких, а в 1992 г. — самым высоким.

В РСФСР с увеличением возраста детей коэффициент их смертности понижался. Это явление было особенно ярко выражено в российских городах (см. табл. 19).

Таблица 19

Младенческая и детская смертность по возрастам в городах РСФСР, 1980–1982 гг. (в процентах к итогу)*

Возраст (лет)	1980	1982
0	3,3	3,2
1	0,4	0,3
2	0,2	0,1
3	0,1	0,1
4	0,1	0,1
0–4	4,1	3,8
5–9	0,4	0,3
10–14	0,3	2,8

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1994. Л. 10; Оп. 65. Д. 1941. Л. 2а–2а об.; Оп. 67. Д. 1799. Л. 7–8.

Наиболее высокие показатели младенческой смертности (до 1 года) в 1983–1984 гг. были зафиксированы в городах Чечено-Ингушской — 35,8 ‰ и Тувинской АССР — 41. В детских и подростковых возрастах (1–14 лет) по уровню смертности выделялись города Калмыцкой (1,4 ‰), а также Тувинской АССР (1,7). В этих городах уровень смертности младенцев, детей и подростков был выше, чем в российских городах в целом (коэффициент смертности младенцев по РСФСР в возрастных группах до 1 года составлял 19,6 ‰, детей и подростков в возрастах 1–14 лет — 0,6 ‰)[49].

Смертность мальчиков была значительно выше смертности девочек во всех младенческих и детских возрастах (см. возрастно-половой состав умерших в городах РСФСР) [50].

Изучение статистических данных за период с 1980 по 1984 г. показало увеличение численности умерших младенцев у русских, узбеков и татар, казахов и других национальностей. Вместе с тем в эти

годы сократилось число умерших младенцев у украинцев, белорусов, евреев (см. табл. 20)[51].

Таблица 20

Национальный состав умерших младенцев в возрасте до 1 года в городах РСФСР, 1980–1984 гг. (в процентах)*

Национальный состав умерших младенцев	1980			1984		
	мальчики	девочки	оба пола	мальчики	девочки	оба пола
Всего	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
Русские	85,6	84,7	85,2	83,4	83,4	83,4
Украинцы	2,0	2,1	2,0	1,9	2,0	1,9
Белорусы	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5
Узбеки	0,03	0,01	0,02	0,1	0,02	0,1
Татары	3,5	3,7	3,6	4,3	4,0	4,2
Казахи	0,3	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3
Евреи	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2
Армяне	0,2	0,3	0,2	нет данных	нет данных	нет данных
Прочие	7,5	8,1	7,9	9,3	9,6	9,4

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1991. Л. 4 об.; Оп. 67. Д. 1828. Л. 6 об.

Высокий уровень заболеваемости детей наблюдался от болезней органов дыхания. Дети в возрастах до 1 года, от 1 до 2 лет, 3 года и старше часто болели гриппом и острыми инфекциями дыхательных путей, а также острым тонзиллитом. Широкое распространение получила пневмония. Однако в 1980-е гг. у детей снизились болезни органов дыхания, прежде всего, туберкулез легких. Дети в возрасте от 1 до 2 лет страдали пищевой токсико-инфекцией, а также эптеритом, гастроэнтеритом и колитом, в том числе ннфекционного происхождения. У детей в возрастной группе 3 года и старше регистрировались остроинфекционные заболевания — корь и скарлатина.

Сложная экологическая ситуация в российских городах способствовала увеличению числа новообразований у детей, в том числе онкологического характера, заболеваний эндокринной системы, распространению болезней органов кровообращения, а также нервной, костно-мышечной и мочеполовой систем. В условиях сильного загрязнения почвы, воды, воздуха, особенно в промышленно разви-

тых городах, выросло число врожденных пороков развития у новорожденных детей. Увеличилось также число детей с хроническими заболеваниями. Вместе с тем отмечалось сокращение венерических заболеваний у детей.

Смерть младенцев, в возрасте 0–6 дней, была связана с родовыми травмами, асфиксией новорожденного, пневмонией, врожденными аномалиями и т. д. Дети в возрастах 0–4 года, 5–9 лет и 10–14 лет в основном умирали от заболеваний органов дыхания, инфекционных болезней, а также несчастных случаев, отравлений и травм. В городах РСФСР у детей (как у мальчиков, так и у девочек) в возрастах до 1 года, 1 год, 2 года численно преобладали бытовые травмы. С увеличением возраста значительно повышалась численность умерших детей, особенно мальчиков, от дорожно-транспортных травм.

В Москве в структуре младенческой смертности в 1988 г. доминировала смерть от врождеиных аномалий. Распространенными классами причин смерти были гипоксия, асфиксия в родах, врожденная пневмония, острые респираторные инфекции, грипп, острые пневмонии, абсцесс легких и др. (см. табл. 21).

Таблица 21

Младенческая смертность в Москве в 1988 г. по основным причинам смерти (в процентах)*

Основные причины смерти	Доля умерших младенцев
Инфекционные и паразитарные заболевания	4,5
Расстройство пищеварения и заболевания органов пищеварения	1,7
Менингит	0,5
Болезни центральной нервной системы	1,5
Острые респираторные инфекции	7,3
Грипп, острые пневмонии, абсцесс легких, родовые травмы	4,5
Сепсис	3,3
Гипоксия, асфиксия в родах, врожденная пневмония	9,2
Гемолитическая болезнь	1,1
Несчастные случаи	2,8
Врожденные аномалии	27,1
Другие причины	36,5
Всего	100

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2020. Л. 4; Оп. 65. Д. 2002. Л. 11–11 об.; Д. 2003. Л. 4а–4а об.; Д. 2045. Л. 11–13; Оп. 67. Д. 1881. Л. 13;

Население России, 1994. С. 84–85, 96–98; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 85, 86.

В детских и подростковых возрастах преобладали смертные случаи от инфекционных и паразитарных болезней. Их доля составляла 17,8 %. Фиксировалась также смерть от заболеваний органов дыхания — 6,9 %; несчастных случаев, отравлений и травм — 5,4 %. Вместе с тем такие классы причин смерти, как смерть от заболеваний системы кровообращения, злокачественных новообразований, болезней органов пищеварения имели небольшой процент — соответственно 0,1, 0,1, 0,6. Кроме того, специалисты отмечали, что в период с 1980 по 1990 г. в РСФСР на 89 % повысилось число детей с хроническими заболеваниями[52].

Таким образом, снижение уровня смертности населения, наблюдавшееся в начале 1980-х гг., было кратковременным, и уже в конце десятилетия он снова повысился. Сокращалась также ожидаемая продолжительность жизни, особенно мужчин. В эти годы наблюдалось понижение младенческой смертности. Однако ее показатели оставались высокими. Смертность мужского населения была выше женского. Наиболее высокие показатели смертности у мужчин и женщин были в средних и особенно в пожилых возрастах. В условиях усиления загрязнения городов промышленными отходами выросла смертность городских жителей от злокачественных новообразований, болезней системы кровообращения, а также отравлений. Повышался уровень смертности горожан от несчастных случаев и травм. Особое место среди причин смерти занимали самоубийства.

Понижение уровня рождаемости и повышение смертности российского населения в конце 1980-х гг. обусловили уменьшение его естественного прироста, но он оставался положительным. Естественный прирост в 1980 г. составил 4,9 ‰, в 1983 — 6,4, 1985 — 5,3, 1986 — 6,8, 1989 — 3,9, 1990 — 2,2. По ряду областей Европейской России, прежде всего, центральных и западных, уже в 1980-е гг. был отмечен отрицательный прирост населения: во Владимирской — 0,4 % (1990 г.), Воронежской — 2,4 (1990), Ивановской — 0,3 (1985) и 2,4 (1990), в Костромской — 0,8 (1990), Курской — 0,4 (1980), 0,5 (1985) и 2,1 (1990), Липецкой — 0,7 (1990), Московской — 2 (1990), Орловской — 0,8 (1990), Рязанской — 0,4 (1980),1 (1985) и 2,4 (1990), Смоленской — 1,4 (1990), Тамбовской — 1,4 (1980), 1,5 (1985) и 3,2 (1990), Тверской — 2,3 (1980), 2,1 (1985) и 3,3 (1990), Тульской — 0,5 (1980), –2 (1985), 4,2 (1990), Ярославской — 1,9 (1990), Ленинградской — 1,5 (1990), Новгородской — 0,2 (1985) и 1,9 (1990), Псков-

ской — 2,6 (1980), 2,6 (1985) и 3,2 (1990), Ростовской — 0 (1990), Нижегородской — 1,6 (1990), по Краснодарскому краю — 0,1 (1990).

В 1980-е гг. происходило сокращение естественного прироста населения и в городах, и в селах. Если в начале 1980-х гг. в городах он составлял 5,9, а в селах 2,7 ‰, то к 1990 г. — соответственно 2,3 и 2,25 ‰. Поощрительные меры демографической политики 1980-х гг. дали кратковременный эффект. Уже к концу 1980-х гг. наметились негативные тенденции в демографическом развитии российского населения. Появилась опасность его депопуляции.

Глава IV
Особенности старения населения в России

В 1980-е гг. обозначился процесс старения населения в России. Старение населения — одна из глобальных демографических проблем современности. Особенно актуальна она для развитых цивилизаций мира. Как правило, этот процесс развивается за счет снижения рождаемости и увеличения средней продолжительности жизни.

Вследствие этого в возрастно-половом составе населения увеличивается доля лиц пожилого возраста (старше 60–65 лет).

Страны Западной Европы переступили порог старости в конце XIX — первой трети XX в.

В России процесс демографического старения начался позднее, но развивался ускоренными темпами. Причины этого явления могут быть поняты только при совершении исторического экскурса в историю демографического развития российского населения в минувшие десятилетия XX в.

Актуальным аспектом исследования демографического старения в России является выяснение степени влияния на этот процесс факторов экзогенного порядка: кровопролитных войн на территории нашей страны и глубоких политических и социально-экономических катаклизмов.

Войны сопряжены с длительными и неизгладимыми в ряде случаев последствиями и в области экономики, и в области политики, и в социальной сфере. Но есть область, в которой «эхо» войн особенно длительно и трагично, — это область демографии: гибель населения, повышение смертности, падение рождаемости, сокращение брачности, ухудшение здоровья населения, нарушение возрастно-полового состава. Волны демографических потерь многократно повторяются в течение длительного времени и затрагивают многие поколения людей, родившихся далеко за пределами самой войны.

Первая мировая и Гражданская войны оставили глубокий след в истории российского населения, надолго определивший его демографическое развитие.

По даиным С. В. Захарова, людские потери страны в 1916–1921 гг. могут быть исчислены в пределах от 12 до 18,6 млн чел. (в зависимости от методики исчисления темпов прироста населения в этот период).

По известным подсчетам Ю. А. Полякова[1], население России в годы Гражданской войны уменьшилось на 11–15 млн чел. (включая

эмиграцию), в том числе из-за разных инфекционных заболеваний. Военные потери, ослабленное здоровье истощенных людей, антисанитария, недостаток питания и отопления и пр. привели к тому, что показатель смертности населения возрос, в частности, в Европейской России — до 40,9 ‰[2]. Потери мужского населения и снижение брачности привели к падению рождаемости. За годы Первой мировой и Гражданской войн катастрофически снизилась рождаемость. В России в конце XIX в. показатель рождаемости был равен 50,5 ‰[3], а в 1920 г. его величина колебалась по разным губерниям от 23 до 35 ‰.

В военные годы значительно возросла смертность населения. По сравнению с 1913 г. количество умерших в 1915 г. увеличилось в Вятской губернии на 10 %, Саратовской — на 16, Самарской – на 35 и т. д. В годы Гражданской войны уровень смертности еще более возрос, в том числе в крупных городских центрах — Москве, Петрограде, Саратове, Киеве, Самаре и т. д. Так, в Москве в годы Первой мировой войны смертность составляла в среднем 23,1 ‰. В начале 1919 г. ее показатель поднялся до 50,4 ‰. В 1920 г. ее уровень снизился слабо, составив более 45 ‰. По расчетным данным, в 1918 г. (сведения текущего учета населения за этот год весьма неполны) смертность достигала 30 ‰[4].

Смертность населения была высокой и в Петрограде. Если в 1914 г. ее уровень составлял 21,5 ‰, а в 1917 г. — 22,9, то в 1918 — 46,7 , в 1919 — 77,1, а в 1920 — 50,6 ‰. Пик смертности, как видно из этих данных, приходится на 1919–1920 гг. Эти годы не только в столичных, но и в провинциальных городах отмечены высокими показателями смертности. В городах Череповецкой губернин в 1920 г. смертность составляла около 55 ‰, Саратовской — около 57 , в Самаре — 60 ‰ и т. д.[5]

В городах Владимирской губернии в 1920 г. на 100 родившихся было 368 умерших, в Калуге — 212, в городах Орловской губернии — 266, в Перми — 211[6].

В сельской местности показатели смертности были такими же неблагополучными. В 1917 г. в Калужской губернии на 100 рождений приходилась 91 смерть, в 1919 — уже 109 смертей, а в 1920 — 101; в Орловской губернин в 1920 г. на 100 рождений приходилось 127 смертей, в Нижегородской в 1919 г. — 78, а в 1920 — 118.

Таким образом, на селе смертность была ниже, чем в городе, однако нужно учитывать, что статистика по сельской местности отличается неполнотой.

В 1920 г. во многих районах и городах Европейской России, в частности в Саратове, Екатеринбурге, Москве, Петрограде, смертность была почти в 2 раза выше, чем в 1914 г. В 1920 г. было зафиксировано 3,1 млн умерших (по неполным данным)[7]. Смертность мужчин была

в 1,5 раза выше, чем смертность женщин. Оставалась высокой младенческая и детская смертность.

Такие высокие показатели смертности и в городах, и в селах объяснялись не только военными потерями, разрухой, ухудшением общих условий жизни и питания, трудными материально-бытовыми условиями, но и распространением эпидемических заболеваний: возвратного, брюшного и сыпного тифа, оспы, дизентерии. В 1918 г. от этих заболеваний умерло 116 тыс. чел., в 1919 — 910 тыс., а в 1920 — свыше 1 млн. За три года войны число умерших от острых инфекционных болезней составило более 2 млн чел., при этом основные жертвы были связаны с сыпным тифом[8].

В 1920 г. естественный прирост населения был отрицательным. Особенно сильно это проявилось в Иваново-Вознесеиской, Костромской, Вятской, Пензенской, Орловской и ряде других губерний. Превышение смертиости над рождаемостью в годы войны, особепио Гражданской, наблюдалось и в 1917 г. (в Северодвинской, Владимирской, Калужской губерниях), и в 1919 г. (в Нижегородской, Калужской, Николаевской губерниях, а также в Карелии).

Не успела отгреметь Гражданская война, как страну постигло новое бедствие — голод 1921 г., охвативший обширную территорию страны. Смертность населения в связи с этим бедствием оставалась высокой и в 1921, и в 1922, и отчасти в 1923 г. Ее показатели намного превосходили довоениый уровень. Так, в 1920–1922 гг. в Москве коэффициент смертности достигал 36,7 ‰ по сравнению с 25,6 ‰ в 1911–1913 гг. Особенно большими были людские потери в Поволжье, сильно пострадавшем от голода: общий коэффициент смертности в Саратове составил более 60 ‰, Казани — 45, Самаре — 60,3 и т. д. В ряде городов смертность превысила рождаемость. Высокий показатель смертности был характерен и для некоторых других районов. В среднем в российских городах, где люди особеино страдали от голода, коэффициент смертности в 1921 г. составлял 38,2 ‰, а в сельской местности — 26,1[9].

В связи с последствиями голода рождаемость еще более сократилась. Например, в городах Саратовской губериии — с 32,9 ‰ в 1921 г. до 21,4 в 1922, в сельской местности соответственно с 33,4 до 27,4, в Казани — с 34 до 14 ‰, в сельской местности Орловской губернии — с 41,4 до 30,3 ‰ и т. д. Особенно высокими были показатели детской и младенческой смертности[10]. В период демографической компенсации после Граждаиской войны, который охватывал 1925–1928 гг., довоенный уровень рождаемостн так и не был достигнут.

В мирных условиях в Европейской России общий коэффициент смертности в 1925 г. понизился до 24,1 ‰, а в Центрально-Промышленном районе — до 22,1. Увеличилась средняя продолжи-

тельность жизни — мужчин до 42 лет, женщин — до 47[11]. Однако уже к 1928 г. повысился коэффициент смертности, а к 1930 г. снизилась рождаемость. Проявилась, особенно в городах, неблагоприятная тенденция к ранней смерти мужчин в трудоспособных возрастах и как следствие — увеличивающийся разрыв между продолжительностью мужской и женской жизни. Кроме того, даже в те относительно благоприятные годы (середина 1920-х гг.) на долю внешних (экзогенных) причин смертности приходилось $^2/_3$ всех смертей, что свидетельствует о подверженности населения массовым инфекционным заболеваниям, высоком травматизме на фоне недостаточного медицинского обслуживания, которым большая часть населения еще не была охвачена. Это неблагоприятное положение в области здравоохранения постоянно фиксировалось демографической литературой разных лет.

Повышение рождаемости и некоторое снижение смертности в середине 1920-х гг. не могли полностью компенсировать людские потери 1914–1922 гг., а главное — не могли преодолеть нарушения в развитии демографических процессов и демографической структуре населения.

«Демографическое эхо» войны нашло отражение в деформации половозрастной структуры населения России, на восстановление которой требовались десятки лет. Диспропорция полов и возрастных групп во всей полноте нашла отражение во Всесоюзной переписи населения 1926 г.

К 1926 г., по данным переписи 1926 г., население Союза в целом увеличилось до 147 млн чел., по оценке статистика 1920 — 1930-х гг. М. В. Курмана — до 145,8 млн, по оценке современных исследователей — до 148,5 млн[12].

По данным переписи, на территории РСФСР в границах 1926 г. (включая Казахстан и Киргизию) проживали 100,8 млн чел.: 48,2 млн мужчин и 52,6 млн женщин[13]. Война нарушила соотношение полов: мужчин стало на 4,5 млн меньше, чем женщин, а их доля в составе населения равнялась 47,8 % по сравнению с 52,2 % женщин. В ряде возрастных групп женщины значительно преобладали и составляли от 52,4 до 61,8 %. Как уже отмечалось, особенно пострадала от военных потерь группа молодежи в возрасте 25–29 лет, в которой женщины составляли 55,1 %. Этот показатель выше общесоюзного на 0,7 %. Нарушение в соотношении полов наблюдалось и в группе 30–34 года, самом трудоспособном возрасте, этим людям в годы Гражданской войны было 22–26 лет. Среди них количество женщин превышало количество мужчин на 7 %. Нарушение в соотношении полов в этих группах отрицательно сказывалось на демографической ситуации, поскольку их возраст являлся детородным. Значительно нарушенным оказалось равновесие полов среди лиц старше 55 лет, где жен-

шины составляли от 54 до 62 %[14]. Однако здесь сказывалось влияние и таких факторов, как большая продолжительность жизни женщин по сравнению с продолжительностью жизни мужчин.

Высокий уровень рождаемости после войны обусловил увеличение доли детей и подростков в составе населения РСФСР. Удельный вес детей от 0 до 4 лет составлял 15,3 %, доля же детей от 5 до 10 лет, рожденных в военные годы, не превышала 10,2 %. Война отразилась на уровне смертности детей 10–14 лет, появившихся на свет в основном еще до Первой мировой войны. На их долю приходилось 11,8 % населения. В целом же дети и подростки от 0 до 14 лет составляли 37 %, т. е. более трети всего населения. Так, возрастная группа 15–19 лет составляла 11 %, 20–24 лет — 9,4, а 25–29 лет — 8. Если учесть все возрастные группы молодежи, то в совокупности доля молодых людей составляла около 30 % населения.

Особенно большие потери понесли группы среднего возраста. Удельный вес лиц 30–34 лет едва превышал 6 %, 35–39 и 40–44 — 4,7, а 45–49 лет — 4, т. е. доля наиболее зрелой части населения не достигала и 20 %.

Кроме того, война сказалась и на группах лиц пожилого возраста — разруха, голод способствовали повышению уровня их смертности.

Итак, население РСФСР в 1926 г. все еще было молодым: 67 % его составляли дети, подростки и молодые люди до 30 лет. Удельный вес лиц пожилого возраста был незначителен (50–59 лет — 6,5 %; 60 лет и более — 6,7 %)[15]. Такая структура по шкале стареиия считается прогрессивной. Но при этом необходимо отметить, что, безусловно, негативным явлением было появление демографической ямы, образовавшейся в результате гибели людей самого репродуктивного возраста.

Демографическая ситуация вновь резко осложнилась в 1930-е гг. Нормализация демографической ситуации вновь была прервана, многие наметившиеся в демографическом развитии положительные тенденции, которые могли бы привести в перспективе к устойчивому снижению смертности и значительному увеличению средней продолжительности жизни на фоне все еще высокой рождаемости и в итоге — к значительному росту населения, не реализовались.

На протяжении 1930-х гг. демографические процессы испытывали на себе воздействие тяжелых по своим последствиям социально-экономических катаклизмов. Форсированная индустриализация, повлекшая за собой сверхсмертность населения из-за тяжелых условий труда и быта, неподготовленности коммуникаций, антисанитарии; насильственная коллективизация, сопровождавшаяся переселением раскулаченных, причем целыми семьями с детьми, в необжитые районы, казнями, подавлением крестьянских мятежей, хозяйственными трудностями; голод 1932–1933 гг. с многомиллионными жертвами,

шквал репрессий — все это тяжело сказалось на демографическом развитии российского населения.

С учетом последних данных от голода 1932–1933 гг. в СССР погибло приблизительно 8 млн чел.[16]

Последними исследованиями, проведенными на основе новых архивных данных, установлено, что начало голода следует относить к 1929 г., когда разразился глубокий хозяйственный кризис, и население начало употреблять в пищу суррогаты, страдать от голода, были зарегистрированы случаи смерти и заболеваний на почве голода, а конец — датировать 1934 г. 1932–1933 гг. были пиком голода.

От голода пострадали многие республики СССР — Украина, РСФСР, Казахстан, входивший в состав РСФСР, Белоруссия, Молдавия (в составе Украины).

География голода была обширной. Трудами В. В. Кондрашина установлено, что голод начался в СССР с территории РСФСР, а в 1929 и особенно в 1930 г. охватил Средневолжский, Нижневолжский и Северо-Кавказский края, Западную Сибирь и Казахстан.

В РСФСР голод поразил обширную территорию: Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, некоторые районы Московской и Западной областей, Южный Урал, Западную Сибирь, часть Восточной Сибири, Дальний Восток.

Значительные потери понесли районы Кубани, Дона и Ставрополья. В Поволжье наиболее высокие показатели смертности фиксировались в Саратовской и Самарской областях, Автономной республике немцев Поволжья. От голода пострадало население Сталинградской, Оренбургской, Пензенской, Курской, Орловской, Ярославской областей. Голод охватил часть Уральской области — территории современных Курганской, юг Свердловской и часть Челябинской областей. В Западно-Сибирском крае — территорию современного Алтайского края, а также юг современной Новосибирской и южную часть Омской областей.

Статистические данные по России показывают отрицательный прирост населения в этот период. Так, отрицательный естественный прирост в 1933 г. составил: в Саратовском крае — 45 ‰, Сталинградском — 18,4, Северо-Кавказском — 38,5, Азово-Черноморском — 35,5, в АССР немцев Поволжья — 74,5[17].

В ряде областей численность потерь была несколько меньше, однако убыль населения также наблюдалась. Так, население Курской области сократилось на 8 ‰, Воронежской — на 4, Челябинской области и Западной Сибири — на 5. Убыль являлась как результатом значительного роста смертности, так и резкого снижения рождаемости. В 1933 г. рождаемость в сельской местности колебалась в

пределах 22–25 ‰, в городе — 14 (Азово-Черноморскнй край), 12 (Саратовская область), 17 (Сталннградская)[18]. В национальных автономнях рождаемость была несколько выше, даже в городах — 28 ‰, в деревне — 36 ‰. Между тем на рубеже 1920 — 1930-х гг. рождаемость по России в целом достнгала 40 ‰, но уже в 1933 г. была ниже этого уровня, даже среди сельского населения в тех национальных автономиях, которые оказались вне основного «голодного фронта».

Показателн смертности в 1933 г. былн чрезвычайно высоки на терртории всей Россни. Если во второй половине 1920-х гг. они не превышали 27–28 ‰, то в 1933 г. поднялись до 60 ‰, а в некоторых случаях — до 70. В Саратовском крае уровень смертностн сельского населення достиг 70 ‰, городского — 64; в Азово-Черноморском крае соответствеино — 60 и 42 ‰; в Северо-Кавказском крае — 68 н 36; в Сталинградском крае — 38 и 64[19]. В Центрально-Черноземном районе показателн смертности бмлн несколько ниже. Напрнмер, в Курской области для сельского населения они составнли 33 ‰, а для городского — 44[20].

Прнмерно на таком же уровне держались показатели смертности в Западно-Снбирском крае — 35 ‰[21]. Повышеиие показателей смертности отмечалось и в Уральском регионе, н т. д.

Статистические данные свидетельствуют также об убыли населения в голодиые годы в Западной областн и Северном крае. Эти районы ранее не рассматривались в качестве пострадавших от голода, однако людские потери в 1933 г. отмечены н там. Так, в Западной области в 1933 г. отрицательная величина естественного прнроста населения составила 2 ‰[22].

Высокая смертность была зарегистрнроваиа и у детей. Доля умерших детей в возрасте до одного года из родившихся в 1933 г. в городах Европейской частн РСФСР была равна 42 %, а в селах — 35,3. Из роднвшихся в 1934 г. — 58 и 64,7. В 1934 г. высокая смертность наблюдалась не только в детскнх, но и в молодых возрастах.

Абсолютно точными эти оцеики быть не могут, так как учет в это время был неполным, далеко не все смертн былн зарегнстрированы, особенно среди беженцев из голодных районов.

Как следует нз приведенных архивиых материалов, потери населения в голодные годы охватывают и город, и село. Причем в некоторых регионах, напрнмер, в Азово-Черноморском н Северо-Кавказском краях, в некоторых областях Поволжья отрицательный прирост населення выше в селе, в других — в городе. В некоторых же регионах на фоне положительного прироста населения в сельской местности сохраняется отрицательный прнрост в городах, например, в Татарии, в ряде городов Западной Сибирн.

В городах, как мы видели, нередко фнкснровался более высокий по сравненню с деревней уровень смертностн на фоне очень низкой рождаемости. Следует учитывать, что статистнка смертностн городского населеиия была более точна, чем статистика сельского. Однако высокие показателн смертностн в городах объясняются не только полнотой учета. В города, особенно крупные, прибывали многочисленные беженпы нз деревень н малых городов голодающих райоиов. Многие нз беженцев былн физическн ослаблены, смертиость среди ннх была чрезвычайно велика. От голода погнбало и коренное население городов. Снабженне городов продовольствием было нарушено, выдавались явно недостаточные нормы питания по карточкам. Сверх карточек приобрести продукты питання было трудно, практически невозможно. Особенно страдали от недостатка питания дети н беременные женщины. Но н средн взрослого и мужского, н женского населення от голодного нстощения и сопутствующих ему заболеванн многие погибали, поскольку, несмотря на слабость и недостаточность питания, вынуждены были работать на производстве с полной нагрузкой.

Таким образом, встречавшнйся в научной и иаучно-популярной литературе тезис о городах как островах райского благополучня среди стихин голода не подтверждается архивными статистнческнми материалами. От голода погибало не только сельское, но и городское население, не только прибывавшие в города беженпы, но и коренные горожане.

В 1934 г. продолжают существовать крупные очаги людских потерь от голода. Причем отрицательный прирост населения чаще фикснровался нменно в городах, где высокая смертность сохранялась нз-за плохого снабжения, антисанитарии, вспышек остроинфекционных заболеванн, на фоне устойчиво более низкой, чем на селе, рождаемости. Демографическая компенсация в городах началась позже и реализовывалась медленнее. Так, в 1934 г. естественный прнрост населения в городах Куйбышевского края характеризовался отрицательным значеннем и составлял 12,5 ‰, Саратовского — 3, Азово-Черноморского — 2,2, Воронежской области — 2,4 ‰[23]. Сельское население уже, как правило, имело положнтельный естественный прирост.

Кроме голода на населенне отрицательно повлняла форсированиая нндустриализация. Обращает на себя вниманне неровный, скачкообразный характер днпамнки демографических показателей, то повышенне, то пониженне их на очень коротком отрезке времени, прежде всего, в городах России. Так, уже в 1929 и 1930 гг. наблюдалось повышенне смертности и в городах, и в селах. Таким образом, не-

гатнвные тенденции появились не в 1932 г. в связн с началом голода, а ранее, и не только в селе из-за раскулачивания, но н в городе.

В годы, непосредственно последовавшне за голодом, также фиксировалась сверхсмертность, которая затронула н детские, н молодые возраста.

Только в 1934 г. уровень смертности понизился на 8 % относнтельно 1928 г. В 1935 г. снижение смертности продолжилось, но уже в 1936 г. пронзошел скачкообразный подъем этого показателя — он повысился на 23 % относительно 1928 г. В 1937–1938 гг. уровень смертности несколько понизнлся, но остался высокнм. В 1939 г. показатель смертиости вновь начал расти.

Мужская смертность значительно опережала женскую. По сохранившимся сведениям о возрасте, поле н социальном статусе умершнх в самодеятельном населенни, мужчины, умершне в середине 1930-х гг. в возрасте от 16 до 29 лет, насчнтывалн почти 20 % от всех умерших лиц мужского пола, от 30 до 49–30 %, то есть половнна умершнх приходилась на самые молодые трудоспособные возраста. Среди рабочнх смертность была выше, чем среди служащих, у которых самый высокий уровень смертности прнходился на возраст от 30 до 49 лет. Средн крестьян уровень смертности был заметно выше, чем у рабочих и служащнх, в возрасте от 10 до 18 лет. Причины этого — тяжелая жнзнь, тяжелые условия труда, болезни, свойственные ненндустриальному обществу с неразвитой медициной. Наиболее распространенной прнчиной смерти в 1930-е гг. н у детей, и у взрослых являлись болезни органов дыхания: туберкулез, крупозная пневмоння, бронхопневмония, пневмоння и бронхит. Эти причины смерти давали 26,4 % всех смертей. Много жизней уносил тиф.

Большую роль в налнчии сверхсмертности сыграл травматизм, прежде всего производственный. Причиной его было не только отсутствие квалификапии и недостаточность обучения, но и хроническая усталость работнпков, недосыпанне, недоеданне, в результате которых люди засыпалн за станкамн или имели замедленную реакцию и рассредоточенное внимание. В 1935 г. на 1000 работнпков прнходилось 75 случаев травм со смертельным исходом, в 1936 г. — 100. Иными словами, средн получивших производственную травму погибал каждый десятый.

Особенно высокой в 1930-е гг. была детская и младенческая смертность. После очень короткого н неустойчивого понижения в 1934 н 1935 гг. в 1936 г. по сравнению с 1934 г. младенческая смертность в СССР в целом возросла в 1,3 раза, а в РСФСР — в 1,7 раз. В 1937 г. младеническая смертность продолжала расти и сохранялась на высоком уровне н в 1938, н в 1939 гг.

Во второй половине 1930-х гг. начиная с 1935 г. имели место вспышки инфекционных детских заболеваний: 1935 г. — коклюша и скарлатины, 1936 — скарлатины, дифтерита, кори, 1937 — кори. В 1936–1937 гг. от кори погибало от 45 до 60 % умерших в эти годы детей, от скарлатины — 20 %, от дифтерии — 16–20 %. Смертность от кори выросла в эти годы на $^1/_3$ по сравнению с началом 1930-х гг. В секретном донесении ЦУНХУ в правительство в 1937 г. заболевание детей корью рассматривалось как «фактическая эпидемия», охватившая в основном города. Причиной детских смертоносных эпидемий были в первую очередь сложные условия жизни в индустриальных центрах и на стройках пятилеток. Скученность, бараки, отсутствие элементарных удобств, недостаточное питание, недостаток лекарств, антисанитария привели к тому, что во второй половине 1930-х гг. детские болезни превратились в смертельный бич. Остановить распространение инфекций в тех условиях проживания было практически невозможно. Больных детей клали в стационарные больницы, но там немногим могли помочь, так как условия содержания детей в них были также очень плохими — перегруженные палаты, недостаток лекарств и плохой уход. Родители далеко не всегда имели возможность в течение нескольких недель ухаживать за ребенком, так как не освобождались от работы. Детские инфекции, кроме того, приводили к многочисленным осложнениям — ухудшению слуха и зрения, нарушению работы печени и желчного пузыря, почек, сердечной недостаточности вследствие длительной высокой температуры и т. д. Следует отметить, что даже в этих условиях детские эпидемии не нанесли бы такого ущерба и не унесли бы столько детских жизней, если бы здоровье детей не было ослаблено пережитым голодом.

В 1939 г. дала высокие показатели младенческая смертность, особенно в РСФСР, в таких ее областях, как Рязанская, Пензенская, Куйбышевская, Тамбовская, Воронежская, Ростовская, Алтайский край. Во всех этих районах детская смертность на 30 % превышала показатели 1938 г. В 1938 г. в России умирал, не дожив до 1 года, каждый пятый новорожденный, а в 1939 г. — каждый четвертый[24].

Избыточная смертность, особенно младенческая и детская, в середине и второй половине 1930-х гг. составила 1,2 млн.

Людские потери коснулись не только детских, но и всех возрастных групп населения. В результате в мирные годы (конец 1920-х — 1930-е гг.) сверхсмертность в СССР составила более 11 млн чел.[25], причем в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) в 1930-е гг. сверхсмертность с учетом новых данных о потерях от голода была более 5 млн чел.

В возрастно-половой структуре населения в 1930-е гг. четко прослеживаются демографические «ямы». Обращают на себя внимание

лакуны в детских возрастных группах — малая численность и соответственно малый удельный вес детей 1932–1933 гг. рождения. Этим детям было в конце 1930-х гг. от 5 до 9 лет. Особенно низкая численность была присуща детям, рожденным в 1932 г. Они составляли 2 % от всего населения[26]. Кроме того, доли детской и подростковой групп по своим показателям почти равны показателям 1926 г. Но в то время общество только что пережило две кровопролитные войны, сопровождавшиеся разрухой и голодом. А в 1930-х гг. крупномасштабных войн не было.

Другая демографическая «яма» приходится на возрастные группы 15–19 лет и 20–24 года. Это лица 1916–1921 гг. рождения. От голода 1930-х гг. сильно пострадала старшая возрастная группа — лица старше 50 и старше 60 лет. Но в связи с тем, что еще сильнее пострадали лица в молодых и зрелых возрастах, особенно мужчины, и пожилые люди старше 50 лет составили почти 20 % всего населения. В 1930-е гг. дети и молодые люди до 30 лет составляли 27 % общества. Однако их было меньше, чем в 1926 г., когда их доля равнялась 30 % населения[27]. Специфика сложившейся демографической структуры состояла в том, что в ней были аномально сокращены средние возраста. Кроме того, для достаточно традиционного общества с высокой рождаемостью (демографический переход к современному типу воспроизводства населения в этот период даже у славянских народов России находился еще в начальной стадии) были недостаточно многочисленны и молодые возраста. Оказались «выбиты» самые перепективные в репродуктивном отношении возраста, что в дальнейшем ускорило процесс демографического старения российского населения.

В условиях сложной демографической ситуации началась Великая Отечественная война, которая унесла миллионы человеческих жизней. Негативные последствия Великой Отечественной войны для российского населения были связаны с многомиллионными людскими потерями, особенно среди мужчин. Население СССР не досчиталось почти 27 млн чел. Кроме того, по подсчетам ученых, жертвами голода в послевоенное время (1947 г.) вследствие болезней и недоедания стали около 1 млн чел., в том числе в РСФСР — 0,5 млн[28].

Особенно велики были жертвы среди мужского населения. Численность мужчин 1920–1924 гг. рождения в 1939 г. составляла в России 4 млн 685 тыс. чел. В 1949 г. их осталось почти в два раза меньше — 2 млн 719 тыс., а к 1959 г. из-за последствий фронтовых ранений, ущерба здоровью, нанесенного войной, эта возрастная группа потеряла еще 155 тыс. чел. Возрастная группа мужчин 1915–1919 гг. рождения в 1939 г. насчитывала 4 млн 221 тыс. чел., а в 1949 — лишь 2 млн 514 тыс.[29]

Следствием людских потерь была серьезная деформация возрастно-половой структуры.

В результате потерь мужского населения было нарушено соотношение полов в населении России. В РСФСР в 1946 г. мужчины составляли 43,6 %, в 1950 — 43,3, а в 1951– 43,4[30].

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. удельный вес мужчин в населении составлял 44,7, а женщин — 55,3 %[31]. О значительных нарушениях в соотношении полов говорят и абсолютные данные. В населении России женщин на 12,7 млн чел. было больше, чем мужчин. В городском населении диспропорция полов была выражена слабее, чем в деревне. Так, в городах РСФСР мужчин было 45 %, а в селах — 44,3.

Нарушено было соотношение полов и внутри возрастных групп: среди 40–44-летних (1914–1918 гг. рождения) на 100 женщин приходилось 61,6 мужчины; 35–39-летних (1919–1923 гг. рождения) — 62,6; 30–34-летних (1924–1928 гг. рождения) — 83,5[32].

Изменилось и соотношение самих возрастных групп в составе населения. Уменьшились численность и удельный вес лиц, родившихся в 1920–1924 гг., составлявших в годы войны основные призывные возраста.

Поколения, рожденные во время войны, и те, чье детство и отрочество пришлось на это время, также имели пониженную численность в возрастной структуре населения.

На начало 1946 г. было 6 млн 825 тыс. детей 1941–1945 гг. рождения; на начало 1951 г. детей 1946–1950 гг. рождения — 11 млн 703 тыс.; в 1956 г. детей 1951–1955 гг. рождения — 13 млн 126 тыс.

Впоследствии численность первых двух из вышеназванных возрастных групп убывала и довольно заметно. В итоге к началу 1956 г. детей 1941–1945 гг. убыло более чем на 0,5 млн; а 1946–1950 — почти на 450 тыс.

Дети 1936–1940 гг. рождения перед войной насчитывали 14 млн 848 тыс., и их численность сократилась к концу войны на 1 млн 870 тыс., или на 12 ‰. На начало войны им было от 0 до 4 лет. Их убыль объяснялась очень высокой детской смертностью в годы войны.

Детей 1931–1935 гг. рождения, которым в начале войны было от 5 до 9 лет, в 1941 г. осталось 10 млн 487 тыс., а в начале 1946 г. их убыль составила 428 тыс. или 4 %[33]. Среди них потерь было меньше, чем среди младенцев, старшие дети были крепче и более адаптированы. Однако потери от голода, бомбежек, болезней, фашистского геноцида и в этой возрастной группе были велики.

Понесли жертвы и подростки 1926–1930 гг. рождения, которым на начало войны было 10–14 лет. В 1941 г. их насчитывалось 13 млн 450 тыс. Из них было потеряно 734 тыс. чел. При этом мужчины пострадали больше — среди них погиб каждый десятый. На долю этого

поколення выпал голод 1932–1933 гг., тяжелый труд в годы войны в промышленностн и сельском хозяйстве, огромный травматнзм, часто со смертельным исходом, высокая заболеваемость и т. д. Только в Москве за первые военные годы от травм погибло более 15 тыс. подростков. Следует учесть также, что подросткн часто прнннмали актнвное участие в боевых действиях, особенно в партизанских отрядах, подполье, отрядах противовоздушной обороны, на стронтельстве обороннтельных сооруженнй.

К 1959 г. численность детей 1940–1949 гг. рожденння убыла на миллион жнзней. Прежде всего, сказались их ослабленное здоровье, врожденная слабость, хронические болезнн, которыми онн страдали с первых лет жизнн. Все это усугублялось тяготами послевоенного времени и особенно голодом 1947 г.

Такнм образом, людские потери в войне привелн к пониженной доле самых перспективных в демографическом отношении групп в возрастной структуре населения России.

В связи с этим насторажнвает спецнфнка возрастной пирамиды населения, сложившаяся к концу 1950-х гг., — низкие численность и удельный вес подростково-юношеской группы — 10–19 лет (менее 15 % от населеиня РСФСР). Как правило, это родившиеся во время войны нли пережнвшие ее в раннем детстве. Поннжена числеиность и следующей группы — 20–24 года. На ее долю выпали и детские эпидемии 1930-х гг., н тяготы военного детства. Эта группа составляла менее 10 %.

Судя по имеющимся данным, уже в это время достаточно ясно проявилась тенденция старения населения, которая должна была реалнзоваться в самой ближайшей перспективе, тем более что в 1960-е гг. показатель средней продолжнтельности жизни в России достиг стандартов развнтых европейскнх стран.

В результате военных потерь мужского населения к концу 1950-х гг. внутри возрастных групп, которым в 1941 г. было 18–27 лет, соотношение мужчин и женщин было нарушено гораздо существеннее, чем в других возрастиых группах. На долю мужчин в этих группах приходилось 38, а на долю женщин 62 %. Даже в возрастной группе 30–34 года мужчин было 45 %, а женшин — 55.

В более старшнх возрастах доля женшнн была еше больше. Существенная разница в продолжительности мужской и женской жизней, наметившаяся еще после Гражданской войны и углубившаяся в годы Великой Отечественной, на многие годы закрепилась в возрастно-половой структуре росснйского населення. Это значило, что процесс старення населення в нашей стране пронсходил прн резком чнсленном преобладанни лиц женского пола и «дефиците мужчин», начинавшемся уже в молодых возрастах и постоянно увеличнвавшемся.

Другим фактором, ускорившим процесс старения российского населения, была неполная и недостаточная реализация послевоенной демографической компенсации.

После Второй мировой войны с ее многомиллионными людскими потерями во многих странах Западной и Центральной Европы и США произошел взрыв компенсаторной рождаемости, который в зарубежной литературе получил название «бэби-бум». Рождаемость в этих странах превысила предвоенный уровень на 20–40 %, например, во Франции — на 44, в США — на 42,2, в Чехии — на 40, в Финляндии — на 40,2, в Англии — на 33,3 %. Однако так было не во всех странах, участвовавших в войне. В Италии, Западной Германии, Румынии рождаемость не только не поднялась, но уменьшилась — соответственно на 7,7, 7,6 и 16 %[34].

Несмотря на неблагоприятную демографическую ситуацию в послевоенной России увеличение компенсаторной рождаемости произошло, но эта тенденция была непоследовательна и неоднозначна.

В силу экзогенных причин компенсаторный период не превратился в длительный и поступательный процесс, результатом которого во многих странах стал «бэби-бум». Период повышенной компенсаторной рождаемости после войны был очень коротким и фактически прервался голодом 1947 г. В основном он охватил лишь самый конец 1940-х и начало 1950-х гг. Следует учесть, что, несмотря на повышение рождаемости в компенсаторный период, она так ни разу не поднялась на довоенный уровень.

Анализ конкретных данных статистики 1945–1959 гг. дает возможность проследить, как развивался в России процесс послевоенной компенсации населения. Эти данные фиксируют подъем рождаемости в 1946 г. во многих регионах России, даже в сильно пострадавших в период войны.

В 1946 г. во всех регионах и республиках РСФСР и в СССР в целом естественный прирост населения был положительным, хотя ситуация в регионах не была однозначной. В РСФСР, по данным архивной статистики, в 1946 г. родилось 2332,8 тыс. чел., умерло — 1064,8 тыс., соответственно естественный прирост в абсолютном выражении составил 1268 тыс. чел. По расчетным данным сотрудников НИИ статистики Комитета по статистике РСФСР, рождаемость составила 2,4 млн чел., смертность — 1,1 млн, а естественный прирост — 1,3 млн чел.

В относительном выражении коэффициент естественного прироста составил в первом случае 11,3 ‰, а во втором — 13,6[35]. Смертность в РСФСР в 1946 г. достигала 12,3 ‰, а рождаемость — 26[36].

Рождаемость оставалась высокой в районах массовой эвакуации и сосредоточения военной промышленности, где в годы войны было

больше мужчин, работавшнх по «брони», и демобилизованных. Кроме того, тыловые районы гораздо меньше пострадали, чем те, которые оказались в полосе военных действий. Жилой фонд, хотя н недостаточный, не был разрушен, а нормы питания на заводах былн повышеннымн.

Так, в Свердловской области коэффициент рождаемости составлял 31,7 ‰, в Новосибирской вместе с Новосибнрском — 27.

В Европейской части Россин (как в районах, переживших оккупацию и активные боевые действия, так и в тыловых районах) рождаемость была нпже. Так, в Курской областн коэффнциент рождаемостн в 1946 г. составнл 20,2 ‰, Орловской — 15,2, Сталинградской — 15,8, в Саратовской — 19,5[37].

Национальные автономни, находящиеся в Европейской части Россин, несмотря на сохранявшнеся еще у некоторых народов традиции много- и среднедетностн, имели понпженный коэффнцнент рождаемостн. Напрнмер, ни в одной из автоиомий Поволжья коэффнциент рождаемости не поднялся на уровень среднего по России. В Марийской АССР он составлял 24 ‰, Мордовской — 20,3, Татарской — 22,1, Чувашской — 24.

В некоторых из названных областей н национальных автономий зимой и весной 1946 г. даже имел место отрнцательный прнрост населения — смертность превышала рождаемость: в Кировской — в феврале и марте, в Костромской — с января по апрель, Марийской АССР — в марте. Так, в Костромской области в феврале рождений было на 308 случаев меньше, чем смертей, в Кировской области в марте — на 403[38].

Рождаемость в Москве и Ленинграде также уступала общероссийскому показателю, она составляла 23,1 и 23,8 ‰.

Голод 1947 г. прнвел к резкому снижению рождаемости. Ее показатели в большинстве областей Европейской частн РСФСР в 1947 г. опустилась до 3–6 ‰: в Горьковской области ее коэффициент составил 5,7 ‰, Кнровской — 6,1, Сталинградской — 3,8, Ивановской — 5,2, Астраханской — 4,5, в Брянской — 5,1 и т. д. Даже в автономиях имело место сииженне рождаемости, напрнмер, в Башкирии коэффициент рождаемости был равен 6,4 ‰, в Чечне — 5,3.

В 1948 г. почтн во всех областях Россни, кроме Южных и Восточно-Сибнрских регионов, рождаемость резко снижается. По сравнению с уровнем 1946 г. в 1948 г. ее показатели составили: в Ставрополье — 97,5 % от уровня 1946 г., в Воронежской области — 97,5, Курской — 84,7, Московской — 89,5, Владимнрской — 101,3, Ивановской — 93,5, Калининской — 98,2, Ленннградской — 76,1, Новгородской — 91,2, Вологодской — 79,1, Мурмаиской — 90,8, Горьковской — 98, Саратовской — 97,95, в Кировской — 94,2 %.

В результате повышеиня смертности от голода н мнграции населения из голодных мест в Вологодской, Владимирской, Калининской, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Тамбовской, Ярославской, Рязанской, Костромской, Курской, Ленинградской и ряде других областей Центральной Россин в конце знмы и весной (чаще всего в феврале — апреле) 1948 г. отмечался отрицательный естественный прирост населения. Отрицательный естественный прирост в марте — мае 1948 г. был зафиксирован в Удмуртской АССР н в апреле — в Чувашской. На Урале низким естественным приростом — 93,2 % по сравнению с 1946 г. н убылью населения в апреле, а в сельской местности — в апреле и мае была отмечена Свердловская область.

Таким образом, последствия голода 1947 г. сказались на довольно обшнрной территорни России. При анализе людскнх потерь от голода следует учитывать ослабленное напряженнем военных лет физическое здоровье населения, последствия ранений, недоедания, тяжелого труда, нервного напряженння. В 1947 г. в отличие от 1933 г., когда, прежде всего, возросла детская смертность, средн умерших было более всего лиц среднего, еще репродуктнвного, возраста. Это обстоятельство еще более сокращало рождаемость, способствуя старению населеиия.

Падение рождаемостн в 1947 и особеино в 1948 гг. пронсходило не повсеместно. Напрнмер, во многих областях Юга и Запада Россни, в некоторых районах Поволжья в 1948 г. наблюдался рост рождаемости даже по сравненню с 1946 г. Так, в Орловской области рождаемость в 1948 г. выросла по сравнению с 1946 г. на 8,5 % (хотя соседние областн Центрального Черноземья были отмечены снижением рождаемости), в Калужской — на 9,8, Астраханской — на 5,8, Куйбышевской — на 3,7, Сталинградской — на 10,6, Чувашской АССР — на 6,2, Марийской АССР — на 16,5 %.

Повышение рождаемостн по сравнению с первым послевоенным годом в 1948 г. наблюдалось н в Снбнри, например, в Омской области она повысилась на 16,6, а в Новосибирской — 14,2 %.

Самый большой рост рождаемости в 1948 г. отмечался в Дагестане, где было довольно благополучно с пнтанием — там она выросла на 20,8, и в Смоленской области, где рождаемость повысилась на 21,6 %. Сюда в это время начался приток демобилизованиых, более поздний, чем в районы промышленного центра; возвращалось население как эвакуировавшееся, так и угнанное во время войны в Германню. Поскольку голодом Смоленщина не была затронута, то она прнняла поток мигрантов из пострадавшнх северо-западных областей.

Однако локальные проявления демографнческой компенсации в 1948 г. в силу их слабости и малочисленности не смогли преодолеть общей теиденцин сокрашения рождаемости. Показательно, что в

Москве и Ленинграде при огромном притоке населения, в том числе молодого мужского и женского, как уже отмечалось выше, наблюдалась относительно низкая рождаемость с устойчивой тенденцией к дальнейшему понижению. В Ленинграде в 1949 г. по сравнению с 1946 г. родилось на 27,4 тыс. младенцев меньше, чем в 1946, а в Москве — на 23,8 тыс. меньше. Конечно, бытовые трудности внесли свой вклад в снижение рождаемости, однако состояние снабжения и жизнеобеспечения крупнейших городов страны было лучше, чем многих провинциальных. Основными причинами снижения рождаемости в Москве и Ленинграде были, на наш взгляд, следующие.

Высокая занятость женщин на производстве и учебе (причем у многих работа и обучение сочетались, для чего в крупнейших городах существовали богатые возможности). В принципе в этих городах женщине было легче самореализоваться в профессиональном плане, получить образование, сделать карьеру. Играла роль и значительная удаленность места работы или учебы от места проживания. Детских учреждений было недостаточно, и они также часто были значительно удалены от места проживания ребенка и родителей.

Известно, что в городах, особенно мегаполисах, быстрее развивается демографический переход, быстрее становится преобладающей и малочисленная, и малодетная семья. Это, безусловно, во многом объясняет падение рождаемости. Однако в условиях послевоенной демографической компенсации оно могло быть менее значительным, и даже вообще приостановиться на несколько лет. Названные выше причины обусловили столь значительное и устойчивое падение рождаемости в Москве и Ленинграде, откладывание и вступления в брак, и рождения даже первого ребенка на более-менее длительный срок. Эти же причины усиливали и неустойчивость брака.

К этому следует добавить и еще одну причину — ухудшение экологической обстановки в мегаполисах. В послевоенный период столицы стали крупнейшими центрами промышленности, в том числе оборонной. Быстро развивались химические производства и смежные — химико-биологические и прочие. Разрабатывалось ядерное оружие. Производились новые виды техники. Эти производства нередко находились на окраинах городов или же в ближайших пригородах. Степень вредности производств и система мер безопасности были еще во многом неизвестны и не разработаны. Жилые корпуса для рабочих и служащих, детские учреждения, дачные и приусадебные участки, как правило, находились в непосредственной близости от предприятий, в том числе с высокой степенью вредности.

В целом же по стране кризисная ситуация с рождаемостью, сложившаяся в 1947 и особенно в 1948 г. изменилась в положительную сторону в 1949 г. Активно реализовывалась демографическая ком-

пенсация. Повышение рождаемости, причем значительное не только по сравнению с тяжелыми 1947 и 1948 гг., но и по сравнению с 1946 г. произошло почти во всех регионах России.

Так, в Вологодской области рождаемость по сравнению с 1946 г. в 1949 г. составила 124 %, Владимирской — 128,5, Воронежской — 129,1, Кемеровской — 133,1, Новосибирской — 139,6, Свердловской — 136, Смоленской — 144,2, в Ставропольском крае — 121,8, в Татарской АССР — 125,5, Чувашской АССР — 120,8 и т. д. Повышение рождаемости фиксируется и в тех районах, где наблюдалось ее падение в голодные годы, и там, где и ранее ситуация с рождаемостью была относительно благополучной. Более медленными темпами рождаемость росла в Нижнем Поволжье: в Куйбышевской области по сравнению с 1946 г. она составляла 112,8 %, в Саратовской — 105.

Однако даже в 1946 г., отмечением повышеиием рождаемости, показатели эффективной рождасмости были снижены высокой младенческой смертностью.

В среднем по Россин младенческая смертность составляла 75,5 ‰. Даже в наиболее благополучных районах этот показатель был довольно высоким. Так, в южных районах, в частности, в Краснодарском крае он составлял 50,9 ‰, Дагестане — 49,4, Центральном Черноземье, в частности, в Воронежской областн — 56,3 ‰, Курской — 42,2, Орловской — 42,7.

Значительно выше среднероссийских были показатели младенческой смертности в Северных и Северо-Западных областях: в Новгородской — 89 ‰, Архангельской — 97, Вологодской — 107,9, в Коми АССР — 87,5.

В Центральиом районе наиболее значительной была детская смертность во Владимирской области — 102,7 ‰.

В большинстве районов Поволжья младенческая смертиость ниже общероссийского показателя, но все же довольно значительна: в Сталинградской области — 67,1 ‰, в Мордовской и Чувашской АССР — 64–65, Татарской — 68 и т. д. Однако наиболее высокая младенческая смертиость отмечается в Марнйской АССР — 90 ‰. Высокими были показатели младенческой смертиости на Урале и в Приуралье: в Свердловской области — 86,1 ‰, Кировской — 112.

Неблагополучными были эти показатели также в Сибири, в частности, в Новосибирской области оии составляли 55,5 ‰, Омской — 60 и на Дальнем Востоке, в Приморском крае они доходили до 79,6 ‰[39].

Причинм столь сложной и неблагополучной картиины с младенческой смертностью разнообразны. На одном из первых мест стоит ослабление организма женщии во время войны в результате недостатка питаиия, психической и физической перегрузки матерей и отцов во время войны, недостатка лекарств и медицинской помощи. Надо

также учесть, что до войны рождались более крепкие и жизнеспособные младенцы, меньше было недоношенных и врожденно слабых детей. Соответственно не было и потребности в сложном и длительном выхаживании новорожденных, что стало после войны одной из главных задач преодоления высокой младенческой смертности. Условий же для подобного выхаживания было мало.

Большую роль среди причин младенческой смертности играли тяжелые условия быта и труда, неблагоприятные климатические условия, которым ослабленное войной потомство противостояло с большим трудом, отсюда — повышенная смертность в северных и северо-западных районах, прежде всего, от пневмоний, бронхитов и прочих простудных заболеваний. Сказывалось разорение хозяйства во время войны. Повышение младенческой смертности в Поволжье, Центральных, Северо-Западных районах стало результатом эпидемии дизентерии, прокатившейся по стране в этот год и поразившей более всего детей до 2 лет. Даже в отчетах о заболеваемости первых послевоенных лет детская дизентерия выделена как особая группа заболеваний в отличие от общей дизентерии, и ей присвоен особый шифр в медицинской отчетности.

Сезонная детская смертность подтверждает это. Практически во всех регионах — Орловской, Новосибирской, Саратовской, Курской областях, Башкирской, Марийской АССР и др. — отмечалось повышение детской смертности в декабре. В Ленинграде к декабрю по высоким показателям детской смертности добавлялся март, в Саратовской и Смоленской областях — январь и февраль. Зимой и ранней весной младенцы умирали, как правило, от простудных заболеваний. Как видим, статистика смертности именно в это время года была очень велика. В 1946 г. высокая младенческая смертность отмечалась летом и в начале осени, в частности, в Москве — в июле — августе, в Ленинграде — в августе, в Западных областях, Среднем и Нижнем Поволжье — в августе и сентябре, Центральном Черноземье — в июле — августе, Северных областях и на Урале — в сентябре, в Сибири — в июле — августе. Именно в эти месяцы свирепствовала дизентерия. Распространенность этой причины смерти говорит об эпидемическом характере заболеваемости младенцев дизентерией в 1946 г.[40]

Младенческой смертности принадлежит особое место в статистике общей смертности в крупных городах. Безусловно, с медицинским обслуживанием и снабжением медикаментами там дело обстояло лучше, чем в глубинке и тем более в сельской местности, тем не менее в Москве младенческая смертность составляет 88,2 ‰, в Ленинграде — 90,4, Свердловске — 113,5, Горьком — 116,9[41]. Иными словами, в Москве среди всех умерших в 1946 г. младенцем был

каждый шестой, в Горьком — каждый пятый, Ленинграде — каждый четвертый, Свердловске — каждый третий. Разумеется, городское население в силу скученности жилья и антисанитарии, неудовлетворительного состояния городского хозяйства, разрушенного войной, было очень сильно подвержено эпидемическим заболеваниям, прежде всего, детским. Кроме того, матери и отцы были чрезмерно загружены производственной работой, дети в возрасте нескольких месяцев или даже недель попадали в детские учреждения, условия в которых далеко не всегда были благоприятны. Декретные отпуска в тот период были очень короткими, а занятость женщин — высокой. Отсюда высокая детская смертность, в основном из-за простудных и инфекционных заболеваний, особенно опасных для ослабленных от рождения младенцев.

У особо крупных городов — Москвы и Ленинграда — была своя специфика. Младенческая смертность здесь в этот период была высокой, что подтверждается тем, что среди всех умерших дети до 1 года составляли в Москве — 15,8 %, при этом мальчики в младенческом возрасте среди всех умерших мужчин — 16,5 %; в Ленинграде же этот показатель вообще достигал астрономической высоты — среди всех умерших младенцы до года составили 30 %, мальчики средн всех умерших мужчин — 32,7, девочки среди всех умерших женщин — 28,1 %. Вклад детской возрастной группы в статистику смертности самый значительный среди вкладов всех возрастных групп. Так, среди всех умерших в Москве умерших в возрасте до 4 лет было 18,9 %, мальчиков указанного возраста среди всех умерших мужчин — 20 %, девочек среди всех умерших женщин — 17,7 %; в Ленинграде соответственно — 34,7, 37,6, 31,5 %.

Если у девочек смертность понижалась к 5–6 годам, то у мальчиков — только к 9. Новое повышение смертности начиналось у мальчиков очень быстро — с 15 лет, а у девочек — только с 18. Это объясняется большей выживаемостью девочек и меньшим их участием в производстве в годы войны, когда они находились в детско-подростковом возрасте. Подростки мужского пола из-за работы в оборонной промышлениости часто имели ослабленное здоровье и сильно страдали от травматизма, у подростков особенно высокого. Так, мальчики 10–14 лет составляли в Москве среди всех умерших мужчин 1,5 %, а 15–19-летние — 3,8; в Лениинграде соответственно — 2,4 и 4,1 %[42].

В 1947 г. в связи с голодом уровень младенческой смертности еще более повысился. В целом в РСФСР коэффициент младенческой смертности поднялся до 127,5 ‰, т. е. по сравнению с 1946 г. увеличился в 1,7 раза[43].

Если в Восточной Сибири и на Алтае этот печальный показатель был заметно ниже общероссийского — соответственно 120 и 112 ‰,

в Краснодарском крае — 115,6 ‰, то уже на Дальнем Востоке, в Центральной России, на Урале он достнгал астрономической высоты (и это несмотря на активную политику по охране детства, которая велась в послевоенные годы): в Хабаровском крае — 171 ‰, в Калининской области — 151, Ивановской — 164, Иркутской — 183, Кемеровской — 203, Ярославской — 208, Сталиградской — 164, Астрахаиской — 275, Воронежской — 295 ‰ и т. д. На этом фоне благополучно выглядели показатели детской смертности в Западных областях, например, в Брянской области соответствующий коэффициент составлял 94 ‰. Ситуация в автоиомиях была неоднозначной: в Башкирии в 1947 г. этот показатель превысил 135 ‰, т. е. был выше общероссийского, а в Дагестане — однпм из самых низких — 95 ‰[44]. Тем не менее практически повсеместно наблюдалось повышение именио младенческой смертности, что послужило одной из причин того, что «бэби-бум» в России не состоялся.

Причины младенческой смертности в 1947 г. типичны для голодных лет: диспепсия, дизеитерия, гастро- и энтероколиты, воспаление легких[45]. Приведем несколько примеров. В Ростове-на-Дону из 1239 детей, умерших в возрасте до года, от диспепсии умерли 162 ребенка, от гастро- и энтероколита — 413, от воспаления легких — 293, т. е. на эти прнчины смерти пришлось почти $^3/_4$ от общего числа случаев младенческой смерти; в Саратове из 1431 умерших детей 256, 104, 359 соответственно, кроме того, от дизентерии — 249; в Свердловске — из 2855 умерших младенцев погибли от диспепсии 116, от колита — 297, от воспаления легких — 758, от дизентерии — 702. В более благополучиых районах — Ставрополье, Западных областях, Западной Сибири младенцы умирали в основном от простудных заболеваний, для того времеии традиционных. В Туле в 1947 г. зафиксировано довольно много случаев младенческой смерти от диспепсии, нехарактерной в принципе для этой области. В Ярославле из 1562 умерших младенцев от дизентерии погибли 145, от диспепсии — 164, колита — 182, от воспаления легких — 356, т. е. всего от вышеназванных причин умерло $^2/_3$ младенцев. То же в Уфе и других городах. Врожденные пороки развития встречались в то время отиосительно редко.

В принципе распространенность экзогенных причин смерти младеицев говорит о незавершенности эпидемиологического перехода и неблагоприятной экологической и демографической ситуации, что крайне негативно сказалось иа протекании процесса демографической компенсации.

Показатели младенческой смертности иачали сиижаться только в 1948 г., когда коэффициент младенческой смертности в южных и в цеитрально-промышленном районах, в части Поволжья и Централь-

ного Черноземья заметно снизился по сравнению с показателями 1947 г. Например, в Воронежской области он составил 70,7 ‰, Краснодарском крае — 64,6; Кемеровской области — 106,3 ‰.

В 1949 г. шла медленная нормализация демографических процессов и почти повсеместно младенческая смертность снижалась. Если в 1948 г. ее коэффициент составлял 94,8 ‰, а в 1949 — 83,3. В Поволжье и Центральном Черноземье он опустился до 62–67 ‰, исключением была лишь Куйбышевская область, где показатель младенческой смертности остался на уровне 78 ‰. В таких, как Владимирская и Вологодская области, очень неблагополучных в 1947 г., коэффициент младенческой смертности не превысил 84–86 ‰. Даже в Свердловской и Кемеровской областях, где показатели младенческой смертности оставались высокими (106,7 и 102 ‰ соответственно), наблюдалась тенденция к их снижению. В Московской области младенческая смертность также заметно понизилась по сравнению с 1948 г. — до 68,7 ‰. Лучше стало и в национальных республиках, например, в Татарии коэффициент младенческой смертности за один год (с 1948 по 1949 г.) опустился с 91 до 86 ‰.

Таким образом, в 1949 г. мы видим явное понижение показателей младенческой смертности, хотя они были еще далеки от западного и среднеевропейского уровня. Обращает на себя внимание устойчивость высоких показателей младенческой смертности в районах крупных промышленных строек — в Свердловске и Кемерово. При этом в столице, несмотря на активное промышленное строительство, младенческую смертность удалось снизить, прежде всего, за счет качества медицинского обслуживания. Удалось добиться понижения этого показателя и в Ленинграде, несмотря на пережитую блокаду и очень большой приток возвращавшихся из эвакуации, у которых довольно часто было ослаблено здоровье, были трудности с жильем и трудоустройством.

Итак, война и особенности послевоенного периода привели к тому, что в России не было «демографического выигрыша», то есть активного пополнения населения молодым поколением, что произошло в странах, переживших «бэби-бум». Здесь он практически не состоялся, его очень скоро сменил процесс, который определяется как «бэби-спад». В итоге демографическая компенсация в России была недостаточной и неполной. Россия в отличие от других стран не получила ожидаемого притока молодого населения.

Положение усугублялось еще и тем, что и следующие возрастные группы — детские и подростковая — не могли быть достаточным резервом для пополнения потерянного населения молодежью. Дети, родившиеся во время войны, и подростки, на чью долю выпали не только война, но и голод 1932–1933 и 1946–1947 гг. и волна детских

инфекционных заболеваний второй половины 1930-х гг. были ослаблены физически. Их ряды были немногочисленны, а в послевоенные годы продолжали убывать.

Исследования причин смертности показали, что в послевоенные годы фиксировалась высокая заболеваемость детей и подростков пневмонией, туберкулезом, рахитом, трахомой.

Заболеваемость детским туберкулезом упорно держалась на довольно высоком уровне — 7 тыс. больных в год. Пик заболеваемости туберкулезом среди детей пришелся на 1949 г., когда болело 8 тыс. детей. И это не случайно. На детях дольше сказывались последствия войны и пережитого в 1947 г. голода. В 1950 г. произошел спад заболеваемости этой болезнью — болело 6 тыс. детей.

Особой проблемой были детские инфекции, с которыми медицина вела упорную борьбу. В детских инфекционных клиниках ежегодно лечились сотни тысяч детей, в частности, в 1946 г. — 96 тыс., в 1947 — на порядок больше — 113 тыс., в 1948 — 119[46]. Массу детей определяли в больницы в связи с «голодными поносами» и голодным истощением.

Остроинфекционные заболевания ежегодно уносили детские жизни сотнями, а порой и тысячами, сокращая и без того немногочисленные группы детей и подростков.

Существовали также специализированные детские психоневрологические санатории, хотя и немногочисленные. Очень многие дети пережили стрессы в военное время, потеряли родителей, близких, на глазах у них гибли родственники. Многие жили сложной жизнью — скрывались, бродяжничали, попрошайничали, занимались воровством. Были и такие дети, которые непосредственно участвовали в военных действиях в составе партизанских отрядов, в рядах действующей армии, в подполье. В военные годы дети много пережили, у некоторых из них была расстроена психика. Они нуждались в медицинской помощи. Однако санаториев для таких детей было явно мало: в 1945 г. — 1, в 1946 г. их — 3 , в которых было от 100 до 200 коек.

Остро стояла проблема детей — инвалидов войны. В РСФСР по окончании войны было 64 детских инвалидных дома, в них содержалось 4,3 тыс. детей, в т. ч. 1,7 тыс. девочек. Но данные о детях-инвалидах неполны, так как фиксируют лишь детей, содержащихся в инвалидных домах. Детям-инвалидам оказывалась медицинская помощь, осуществлялось протезирование, велся учет нуждающихся в нем, проводилось их обучение.

Такие болезни, как бронхит, пневмония, туберкулез, дизентерия и разного вида энтероколиты и другие болезни наблюдались и в довоенное время. Однако в тяжелых условиях послевоенного периода они приняли массовый характер и часто имели летальный исход.

Так, в 1946 г. в Свердловске от пневмонии умерло 32 % от всех умерших младенцев, в Челябинске – 37. В Западных районах пневмония была абсолютным лидером среди причин детской смертности. Среди причин смерти весьма распространены и инфекционно-эпидемические заболевания. Так, в Саратове в 1946 г. среди лиц старше 1 года только от дизентерии погибло более 100 чел. В основном это были дети дошкольного и младшего школьного возраста. Среди причин смерти присутствуют такие острозаразные заболевания, как брюшной тиф (57 случаев смерти), дифтерия (18 случаев), корь (14 случаев) и малярия.

В итоге численность детских и подростковых возрастов в структуре населения сокращалась быстрее, чем это могло бы быть при более благоприятной ситуации с детской заболеваемостью.

Негативным фактором, влияющим на возрастную структуру населения в послевоенное время, была высокая смертность и заболеваемость взрослого населения.

Загрязнение воздуха, отсутствие правильного питания, нехватка топлива, антисанитарные условия существования способствовали, прежде всего, распространению заболеваний органов дыхания: пневмонии, плевритов, хронических бронхитов и, наконец, туберкулеза (в том числе скоротечного) и среди взрослого населения.

Эти болезни часто поражали мужчин и женщин молодого работоспособного репродуктивного возраста, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть войны и послевоенных лет. Среди них было много тех, чье здоровье было ослаблено ранениями и травмами, недоеданием, нервными стрессами, тяжелым физическим трудом на оборонных предприятиях и в сельском хозяйстве.

Таблица 21а

Смертность в городах России в 1946 г.*

Саратов	
Умерло от установленных причин смерти, в том числе:	100
Туберкулез органов дыхания	26,5
Туберкулез прочий	5,4
Круп	1,2
Другие виды воспаления легких	16,4
Брюшной тиф	2,7
Дизентерия	12,6
Малярия	0,4
Грипп	0,3

Продолжение таблицы 21а

Токсическая диспепсия	8,4
Сепсис	0,1
Аборт	1,5
Искусственный аборт	0
Травмы	6,0
Прочие причины	18,5
Сталинград	
Умерло от установленных причин смерти, в том числе	100
Туберкулез органов дыхания	29,5
Туберкулез прочий	4,3
Круп	3,7
Другие виды воспаления легких	14,9
Брюшной тиф	1,3
Сыпной тиф	0,3
Дизентерия	2,6
Малярия	4,4
Грипп	0
Токсическая диспепсия	6,7
Сепсис	0,6
Аборт	0,6
Искусственный аборт	0,7
Травмы	11,6
Прочие причины	18,8
Свердловск	
Умерло от установленных причин смерти, в том числе:	100
Туберкулез органов дыхания	25,8
Туберкулез прочий	6,9
Круп	3,3
Другие виды воспаления легких	20,6
Брюшной тиф	0,5
Дизентерия	13,3
Малярия	0
Грипп	0,1
Токсическая диспепсия	5,3
Сепсис	0

Продолжение таблицы 21а

Аборт	0,3
Искусственный аборт	0,1
Травмы	4,3
Прочие причины	19,5
Смоленск	
Умерло от установленных причин смерти, в том числе:	100
Туберкулез органов дыхания	22,9
Туберкулез прочий	4,4
Круп	4
Другие виды воспаления легких	31,6
Брюшной тиф	0,6
Сыпной тиф	0,8
Дизентерия	1,5
Малярия	0,1
Грипп	0
Токсическая диспепсия	4,7
Сепсис	0,8
Аборт	0,1
Искусственный аборт	0
Травмы	12,8
Прочие причины	15,7
Хабаровск	
Умерло от установленных причин смерти, в том числе:	100
Туберкулез органов дыхания	15,5
Туберкулез прочий	5,4
Круп	4,2
Другие виды воспаления легких	23,5
Брюшной тиф	1,8
Сыпной тиф	0,5
Дизентерия	14,3
Малярия	0
Грипп	0,3
Токсическая диспепсия	9,7
Сепсис	0,2
Аборт	0,7
Искусственный аборт	0,6
Травмы	4,5
Прочие причины	18,8

Окончание таблицы 21а

Челябинск	
Умерло от установленных причин смерти, в том числе:	100
Туберкулез органов дыхания	23,4
Туберкулез прочий	5,4
Круп	1,9
Другие виды воспаления легких	22,9
Брюшной тиф	0,9
Сыпной тиф	0
Дизентерия	3,4
Малярия	0
Грипп	0,6
Токсическая диспепсия	6,7
Сепсис	0
Аборт	0,5
Искусственный аборт	0
Травмы	12,7
Прочие причины	21,6
Чебоксары	
Умерло от установленных причин смерти, в том числе:	100
Туберкулез органов дыхания	26,9
Туберкулез прочий	1,6
Круп	2.7
Другие виды воспаления легких	25,8
Брюшной тиф	0,6
Сыпной тиф	0,6
Дизентерия	6,6
Малярия	0
Грипп	0
Токсическая диспепсия	9,7
Сепсис	0,2
Аборт	0,7
Искусственный аборт	0,6
Травмы	4,5
Прочие причины	19,5

* *Таблица составлена по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 639. Л. 23, 31, 35, 39, 73–74. Подсчеты автора.

В 1946 г. во многих городах России разные формы туберкулеза и пиевмония были на первом месте среди причии смерти: в Саратове туберкулез занимал первое место среди причин смерти взрослого населения — от туберкулеза здесь умерло 31,9 % от общего числа умерших (с установленными причинами смерти), второе место принадлежало воспалению легких, в т. ч. крупозное, и составляло 17,6 %; в Сталинграде — соответственно 33,8 и 18,6[47]. В Чебоксарах в 1946 г. от этих причин умерло по 28,5 % всех умерших. В Свердловске скончалось от туберкулеза 32,7 всех умерших, от пневмонии — 23,9 %. В Челябинске пневмония была причиной смерти 23,8 % всех умерших. В Смоленске умирал от пневмонии каждый третий. От туберкулеза здесь погибло 27,3 %. В Хабаровске от пневмоиии и прочих простулных заболеваний погибло около 30 % всех умерших. Таким образом, смертность от заболеваний оргаиов дыхания, в первую очередь от пневмонии и туберкулеза легких, имела широкую географию распространения (см. табл. 21а).

Потери населения от этих заболеваний были весьма значительны — только от туберкулеза в РСФСР скончалось 20,9 % всех умерших.

Следуюшей группой болезней, уносивших человеческие жизни после войны, были заболевания желудочно-кишечного тракта: дизеитерия, токсическая диспепсия, различные виды эитеритов, гастроэнтероколит, язвенная болезнь и т. д. Например, в 1946 г. в РСФСР было зафиксировано свыше 26 тыс. заболеваний дизентерией. Как видно из таблицы 21 а, была высока доля летальиых исходов, в том числе среди взрослого населения.

Вспышки остроинфекционных заболеваний (брюшной тиф, сыпной тиф, бруцеллез, паратиф) наблюдались почти повсеместно. Оии не переросли в массовую эпидемию благодаря усилиям медицины, но нанесли серьезный урон здоровью населения, а в ряде случаев заканчивались летальным исходом. Голод 1946–1947 гг. усугубил ситуацию и способствовал распространению и остроинфекционных, и желудочно-кишечных заболеваний. Вследствие общего ослаблеиия организма людей участились и случаи смерти от легочных заболеваний.

В военные годы не велось должной работы по осушеиию болот, обработке водоемов против возбудителей малярии[48]. Она широко распространилась по территории РСФСР и долго свирепствовала в послевоенное время. Только в год окончания войны в РСФСР насчитывалось 2 млн заболевших, при этом малярия фиксировалась во всех без исключения районах и областях России. Как видно из таблицы 21 а, в 1946 г. только в одном городе Сталинграде было зафиксировано более 4 % смертей от малярии от общего количества смертей.

Лишь к началу 1950-х гг. в результате борьбы с малярией на государственном уровие массовые заболевания населения малярией удалось прекратить.

В санитарно-медицинской статистике послевоенных лет зафиксировано оживление туляремии («малой чумы»). В 1945 г. в РСФСР было 134 тыс. больиых туляремией, в 1946 г., благодаря массовой вакцинации, их число было сокращено ло 75 тыс., однако борьба с туляремией продолжалась до конца 1940-х гг.[49]

В связи с действовавшим законодательством, запрешавшим аборт, вследствие распространившейся «подпольной» практики искусственного прерывания беременности, погибали десятки тысяч женщин (см. табл. 21а).

В послевоенные голы приходилось вести борьбу с вспышкой венерических заболеваний и их последствиями. Статистика заболеваемости этого характера иеполна, так как многие предпочитали лечиться неофициальным путем, что приводило нередко к серьезным осложнениям, прежде всего, к неизлечимому бесплодию[50].

Появились новые виды опасных заболеваний, прежде всего, онкологических. В 1948 г. например, в России было зафиксировано 17,8 тыс. онкобольных[51]. Однако эта статистика очеиь неполная, так как диагностика онкозаболеваний была еще слабо разработана.

Из таблицы 21 а видно, что значительное число смертей происходило по причине травматизма, прежде всего, производственного. На предприятиях все еще трудились подростки и женщины. Играл свою роль и тот факт, что оборудование на предприятиях за годы войны значительно износилось и часто давало сбои. Приходилось работать на неисправном, неотлаженном оборудовании. Отсюда — высокая смертность больных (см. табл. 21а).

Воины, сражавшиеся на фронтах, и жители прифронтовых районов часто страдали разного рода неврозами и психозами. В послевоенное время для них были открыты психоневрологические диспансеры, специализированные клиники и институты[52].

В послевоенное время ущерб здоровью, нанесенный войной, был причиной повышенной смертности и заболеваемости всех групп населения. С 1949 по 1959 г. численность мужчин 1920–1924 гг. рождения сократилась на 155 тыс. чел., а 1915–1919 гг. рождения — на 177 тыс. Численность женщии соответствуюших лет рождения сократилась на 200 и 169 тыс. соответственно. Это были трудоспособиые группы населения, перспективные в демографическом отношении, но они не смогли оставить после себя достаточного по численности потомства.

В итоге к 1959 г. сложилась следуюшая возрастно-половая структура иаселения. Если в переписи 1937 г. лица 15–19 лет составляли 8,2 % от всего населения России как в городах, так и в сельской местности,

то в 1959 г., — когда они достигли возраста 35–39 лет, их удельный вес в населении упал до 5,5 %. Лица от 20 до 24 лет в 1937 г. составляли 9 % от всего населения, а через 20 лет их осталось 5,3 %. Удельный вес 25–29-летних уменьшился с 9,6 % до 6; 30–34-летних — с почти 8 до 5,1 %; 35–39-летних — с 6,6 до 4 %, а 40–44-летних, этой последней группы призывного возраста (им в 1959 г. было 60–64 года), — с 4,8 до 3 %[53]. Естественная смертность, особенно в условиях развивающегося демографического перехода с его устойчивой тенденцией к снижению смертности во всех возрастах, не могла привести к такой убыли молодых и средневозрастных групп, да еще за относительно небольшой отрезок времени.

В силу указанных выше причин — пониженной в годы войны рождаемости, не состоявшегося в послевоенное время «бэби-бума», высокой смертности, в том числе детской, понижением и быстро сокращающейся численности в возрастной структуре групп населения, переживших войну и трудности первых послевоенных лет, были заложены предпосылки для ускоренного старения общества. Судя по шкале демографического старения Ж. Боже-Гарнье — Э. Россета в 1959 г. в РСФСР было общество, находившееся, по демографической терминологии, на стадии преддверия старости — люди 60 лет и старше составляли здесь 9 % населения. Средняя продолжительность жизни в России была невелика, и как только в 1960-е гг. она достигла уровня мировых показателей, поднявшись в 1965 г. у мужчин до 64,3 года, а у женщин — до 73,4 (во Франции — соответственно 68,3 и 75,5, Великобритании — 67,9 и 73,9), а рождаемость стала падать, процесс старения значительно ускорился, и в 1980 г. доля лиц старше 60 лет составила 13,6 %, к 1989 г. превысила 15, а к концу XX в. — 18 %. Среди мужчин эта доля составила 13,7 %, а среди женщин — 22,6 %[54].

Уже в 1960–1970-е гг. страна начала испытывать дефицит трудовых ресурсов, к которому еще ни экономически, ни морально не была готова. Этим обстоятельством объясняется появление серии правительственных постановлений о привлечении пенсионеров к посильному труду на промышленных предприятиях и в учреждениях и запоздалые правительственные меры 1980-х гг., направленные на поощрение рождаемости (см. главу VII).

Таким образом, процесс старения российского населения отличался от мировых стандартов тем, что был ускорен факторами экзогенного порядка, происходил при преобладании женщин в старших возрастных группах и в условиях повышенной смертности населения, в том числе в трудоспособных и перспективных в демографическом отношении возрастах.

Ускоренный экзогенными причинами процесс старения населения был одной из причин разразившегося в 1990-е гг. тяжелого демографического кризиса.

Глава V
Демографическое развитие народов России в 1979–1989 гг.

Перепись населения 1989 г. – последняя Всесоюзная перепись – подвела итог социально-демографическому развитию России и других союзных республик за 1980-е гг. Как и во всех предыдущих советских переписях, переписной лист образца 1989 г. содержал вопросы о национальной принадлежности и родном языке. В соответствии с принятым в советских переписях принципом самоопределения национальность взрослого населения записывалась со слов опрашиваемых, национальность детей – со слов их родителей. В семьях, где отец и мать принадлежали к разным национальностям, и родители затруднялись определить национальность детей, рекомендовалось отдавать предпочтение национальности матери. Ответ на вопрос о родном языке также давался по самоопределению. Если опрашиваемый указывал, что он, кроме родного языка, свободно владеет двумя или более языками народов СССР, то в переписной лист записывался только тот из них, которым он по собственному мнению владел лучше.

Особенностью разработки материалов переписи 1989 г. по сравнению с переписью 1979 г. является то, что она охватила более широкий перечень национальностей: 128 вместо 123. Перечень национальностей в 1989 г. подразделялся на две части. В первой части списка перечислялись народы, имеющие национально-государственные и национально-территориальные образования: союзные и автономные республики, автономные области и округа. Обязательной частью списка были 26 народностей Севера, хотя только 7 из них – ненцы, ханты, манси, долгане, эвенки, коряки и чукчи – имели свои автономные округа. Далее назывались остальные национальности страны. Во второй части представлен перечень (в алфавитном порядке) национальностей, в основном проживающих за пределами СССР.

В период с 1979 по 1989 г. в масштабе всей России непрерывно велась разработка данных текущей регистрации демографических событий по 6 национальностям: русские, украинцы, белорусы, казахи, татары, евреи. В 1978–1980 гг. в эту группу вошли также армяне. В отдельных регионах, главным образом в автономных образованиях, также разрабатывались данные по другим, главным образом, ти-

тульным национальностям автономий. С введением в 1988 г. электронной обработки информации данные по естественному движению стали разрабатывать также для титульных народов союзных республик и для немцев[1]. Кроме того, в тот же год началась разработка данных текущего учета о национальном составе мигрантов.

Численность и размещение народов РСФСР

В январе 1989 г. в России насчитывалось 119,9 млн русских, и они составляли 81,5 % из 147-миллионного населения республики. Многочисленность русских предопределяла их главную роль в общем приросте населения: за период с 1979 по 1989 г. численность населения РСФСР возросла на 9,6 млн, из которых 6,3 млн, или 66 %, приходилось на русских. Однако по сравнению с предыдущим межпереписным периодом (1970–1979 гг.) доля русских в общем приросте уменьшилась на 12,6 процентных пункта. Как следствие, закрепилась медленная устойчивая тенденция к уменьшению доли русских в общей численности населения России (см. табл. 22).

Как и в предыдущие годы, второе и третье места по численности занимали татары и украинцы. В 1989 г. их насчитывалось соответственно 5,5 млн и 4,4 млн чел., а доли в населении России составляли 3,8 % и 3 %. В 1959 г. в РСФСР было только 5 народов с численностью, превышающей 1 млн чел.: русские, татары, украинцы, чуваши, мордва. В 1970 г. к ним добавились башкиры, а в 1979 г. — белорусы. В 1979 г. доля народов-миллионеров, без учета русских, составляла 10 % численности населения РСФСР, к 1989 г. их удельный вес увеличился на 0,4 %.

В 1989 г. в РСФСР насчитывалось 30 национальностей с численностью менее миллиона и более 100 тыс. Их доля в населении России возросла с 6,5 % в 1979 г. до 7,5 в 1989, а за 1959–1989 гг. увеличение составило 1,4 %. В своем большинстве народы России, несмотря на быстрый демографический рост некоторых из них, как и прежде, оставались малочисленными: численность примерно $^3/_4$ от их общего числа, представленного в разработках переписей, не превышала 100 тыс. чел. (см. табл. 23). Почти половина народов России насчитывала менее 10 тыс. чел., а их совокупная доля в населении страны была невелика — всего 0,1 %. В основном к этой группе относились малочисленные народы Севера и народы, имеющие государственность за пределами РСФСР.

Таблица 22

Наиболее многочисленные народы России в переписях 1959–1989 гг.*

Национальности	Численность				Удельный вес (в процентах)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Все	117534 313	130079210	137409921	147021869	100	100	100	100
Русские	97863579	107747630	113521881	119865946	83,3	82,8	82,6	81,5
Татары	4074253	4755061	5065757	5522096	30,5	30,7	30,6	30,8
Украинцы	3359083	3345885	3657647	4362872	20,9	20,6	20,7	3
Чуваши	1436218	1637028	1689847	1773645	10,2	10,3	10,2	10,2
Башкиры	953801	1186913	1290994	1345273	00,8	80,9	00,9	00,9
Мордва	1211105	1177492	1111075	1072939	1	00,9	00,8	00,7
Белорусы	843985	964082	1051900	1206222	00,7	00,7	00,8	00,8
Немцы	820016	761888	790762	842295	00,7	00,6	06,6	00,6
Чеченцы	261311	572220	712161	896899	00,2	00,4	00,5	00,6
Евреи	855498	791892	692311	536848	00,7	00,6	06,5	00,4
Удмурты	615640	676393	685718	714833	00,5	00,5	00,5	00,5
Марийцы	498066	581082	599637	643698	00,4	00,4	00,4	00,4
Казахи	302431	477820	518060	635085	00,3	00,4	00,4	00,4
Аварцы	249529	361613	438306	544016	00,2	00,3	00,3	06,4
Армяне	253078	298718	364570	532300	00,2	00,2	00,3	00,4
Осетины	247834	313458	352080	402275	00,2	00,2	00,3	00,3
Буряты	251504	312647	349700	417425	00,2	00,2	00,3	00,3
Якуты	238125	295223	326531	380242	00,2	00,2	00,2	00,3

Окончание таблицы 22

Национальности	Численность				Удельный вес (в процентах)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Коми	282780	315347	320078	336369	00,2	00,2	00,2	00,2
Кабардинцы	200634	277435	318822	388055	00,2	00,2	06,2	00,3
Даргинцы	152563	224172	280444	353348	00,1	00,2	00,2	00,2
Кумыки	132836	180890	225800	277163	00,1	00,1	00,2	00,2
Лезгины	114210	170494	202854	257270	00,1	00,1	00,1	00,2
Ингуши	55799	137300	165997	215068	0	00,1	00,1	00,1
Тувинцы	99864	139013	165426	206100	00,1	00,1	00,1	00,1
Народности Севера	126419	151325	155675	181517	00,1	00,1	00,1	00,1
Азербайджанцы	70047	95689	152421	335889	00,1	00,1	00,1	00,2
Коми-пермяки	149980	150244	145993	147269	00,1	00,1	00,1	00,1
Калмыки	100603	131318	140103	165821	00,1	00,1	00,1	00,1
Карелы	164060	141148	133182	124921	00,1	00,1	00,1	00,1
Карачаевцы	70537	106831	125792	156332	00,1	00,1	00,1	00,1
Цыгане	72488	97955	120672	152939	00,1	00,1	00,1	00,1
Адыгейцы	78561	98461	107239	122906	00,1	00,1	00,1	00,1
Молдаване	62298	87538	102137	172671	00,1	00,1	00,1	00,1
Поляки	116422	107084	99733	94594	00,1	00,1	00,1	06,1
Корейцы	91445	101369	97649	107051	06,1	00,1	00,1	00,1

* *Источники:* РГАЭ. Ф. 1302. Оп. 336. Д. 1565; Оп. 336. Д. 3999; Д. 6174; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г. М., 1990.

Таблица 23

Распределение национальностей по численности в 1959–1989 гг.*

Численность	Число национальностей			
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Менее 1 тыс.	28	18	21	25
От 1 до 10 тыс.	30	39	33	35
От 10 до 100 тыс.	32	30	31	31
От 100 тыс. до 1 млн	23	25	26	30
Свыше 1 млн	5	6	7	7

* *Источники:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1565; Д. 3999; Д. 6174; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г.

Следует отметить, что темпы прироста населения республики в целом за 1979–1989 гг. возросли по сравнению с предшествующим десятилетием с 5,6 % до 7 %. Этому во многом способствовали семейная политика, проводившаяся в СССР в середине 1980-х гг. и обусловившая увеличение в эти годы уровня рождаемости. Дополнительный демографический эффект дало и снижение уровня смертности в период антиалкогольной кампании. Народы России по темпам прироста их численности можно разделить на шесть групп (см. табл. 24). Этническая дифференциация скорости демографического роста определялась, прежде всего, этническими различиями по уровню естественного прироста. Эти различия, в свою очередь, в большей степени задавались значительными, в отличие от смертности, различиями в уровнях рождаемости. Нельзя не учитывать, что многие из коренных народов России по-прежнему находились на разных стадиях демографического перехода. Динамику численности народов, прежде всего тех, историческая родина которых находилась за пределами РСФСР (например, народы Закавказья и Средней Азии), в большей степени определяли миграционные процессы. В-третьих, для ряда народов важной компонентой динамики их численности являлась высокая скорость ассимиляционных процессов (например, евреи, мордва, карелы, украинцы) (см. табл. 24).

Таблица 24

Классификация народов РСФСР по темпам прироста*

Прирост более 100 %	татары крымские (310), удины (410,2), евреи среднеазиатские (318,8), курды (189,6), киргизы (178,3), турки (177,7), таджики (125,2), гагаузы (140,7), евреи грузинские (801), афганцы (400) **азербайджавцы** (120,4)**, вьетнамцы (224,0), каракалпаки (170,5)
Прирост от 50 до 100 %	абхазы (78,4), **узбеки (75,3)**, туркмены (72,9), **молдаване (69,1)**, ительмены (81,9), таты (52,3), агулы (50,9), вепсы (60,8), евреи горские (73,3), румыны (56,3), уйгуры (51), сербы (93,9), итальянцы (76,1), словаки (62)
Прирост от 25 до 50 %	грузины (46,2), **даргинцы (26,0)**, греки (31,3), **армяне (46)**, гагаузы (38,6), эвены (37,0), алтайцы (31,9), лезгины (26,8), удэгейцы (32,9), балкарцы (26,7), юкагиры (38,8), эскимосы (31,4), **чеченцы (26,2), ингуши (29,6), тувинцы (24,6)**, долганы (34,1), ульчи (27,2), нганасаны (49,9), юкагиры (38,8), алеуты (31,7), **цыгане (26,7)**, табасараны (27,4), болгары (31,4), рутульцы (31,5), цахуры (36,0), венгры (33,1), персы (47,2), ногайцы (25,7)
Прирост от 0 до 25 %	хакасы (23,6), **казахи (22,7), кумыки (22,7, кабардинцы (21,1), буряты (19,3), якуты (16,4)**, абазины (14,5), **белорусы (14,7), осетины (14,3)**, коряки (17,1), **татары (10,3)**, алеуты (22,6), ительмены (21,8), ульчи (21,7), испанцы (21,4), тофалары (21,0), **марийцы (7,3)**, халха-монголы (19,9), евреи грузинские (19,3), чукчи (8,4), нивхи (6,1), **чуваши (5,0), башкиры (4,2)**, манси (17,7), нганасаны (16,8), **русские (5,6)**, румыны (15,7), **коми (5,1)**, эвенки (10,6), **удмурты (4,2), украинцы (19,3)**, ханты (7,4), цахуры (7,6), **корейцы (9,6)**, кеты (5,4), афганцы (5,1), венгры (3,3), **коми-пермяки (0,9)**, шорцы (1,6), саамы (3,4), **немцы (6,5)**, ненцы (15,9), нанайцы (14,7),), манси (11,4), селькупы (1,3), эскимосы (16,7), кеты (1,1), тафалары (25,3), негидальцы (23,1), **калмыки (18,4)**, карачаевцы (19,5), **адыгейцы (14,6), лакцы (16,2)**, хакасы (13,4), балкарцы (26,7), ногайцы (25,7), литовцы (5,5), алтайцы (17,9), черкесы (13,9), шорцы (3,7,), ассирийцы (10,5), арабы (15,6), халка-монголяы (116,8), испанцы (4,7), ижорцы (0)
Убыль от 0 до 25 %	орочи (−15,1), **мордва (−3,4)**, латыши (−30,4), словаки (−11,7), **поляки (−5,2)**, белуджи (−16,7), **карелы (−6,2), евреи (−22,5), ижорцы (−20,4)**, финны (−15,4), чехи (−2,6), японцы (−9,8)
Убыль от 25 % и более	японцы (−26,2), эстонцы (−16,5), чехи (−37,4), караимы (−41,6), французы (−43,0), вепсы (−53,3), англичане (−63,1), китайцы (−9,5), американцы (−70,3), албанцы (−85,6), караимы (−37,6), лунгане (−45,2), крымчаки (−73,2)

* *Источник:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336 . Д. 6174; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г.

** В скобках указан общий прирост населения в процентах за 1979–1989 гг., жирным шрифтом выделены национальности с численностью более 100 тыс. чел.

Как видно, уже перед распадом СССР в России наиболее быстро росла численность народов Североиого Кавказа, отличавшихся высокой рождаемостью, а также народов Закавказья и Средней Азии. Для народов Средней Азии, помимо высокой рождаемости, была характерна высокая (относительно их численности) интенсивность миграционного притока в Российскую Федерацию. За ними по темпам прироста располагались народы Сибири и Крайнего Севера, которые также отличались высоким уровнем рождаемости. Наиболее многочисленная группа населения с иизким положительным приростом включала в себя русских, украинцев, белорусов, чувашей, удмуртов. Уровень рождаемости этих народов, как будет показано далее, не обеспечивал им простого демографического воспроизводства. Народы с отрипательной демографической динамикой (мордва, карелы, поляки, евреи и др.) отличались ие только низкой рождаемостью, но также или высокими темпами ассимиляции, или миграционным оттоком за пределы РСФСР. Так, В. И. Козлов отмечал, что по уровню рождаемости мордва ничем не отличалась от русских. Однако ее численность сокращалась имеиио по причиие ассимиляпии[2]. Подобиый вывод представляется верным и для других народов, в первую очередь финских. Говоря о динамике численности еврейского населения России, М. Тольц считал, что до 1970 г. сокращение их числеиности объяснялось негативным балансом между числом рождений и смертей, а также ассимиляцией. После 1970 г. к этим факторам добавилась эмиграция[3]. По данным Госкомстата РФ, за период с 1979 по 1988 г. в Израиль выехало порядка 25 тыс. чел. Начиная с 1987 г. резко увеличилась эмиграция, в первую очередь евреев и немцев, а также этнических греков, поляков и финнов.

География размещения народов России отражает историю происходивших с ними демографических, миграционных и этнических процессов, национальную политику государства. По даниым переписи 1989 г., Центральиая Россия, север и юг Западной Сибири, юг Дальнего Востока оставались относительно однородными по национальному составу, русские составляли здесь более 90 % населения. На Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге, иа Урале и в Восточной Сибири, севере Дальнего Востока, особенно в находящихся здесь автономных образованиях, этническая картина отличалась большей мозанчиостью.

Таблица 25

Национальный состав автономных республик и областей РСФСР (в процентах)*

	Титульные народы				Русские			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Башкирская АССР	24,1	23,4	24,3	21,8	42,4	40,5	40,3	39,2
Бурятская АССР	20,2	22	23	23,9	74,6	73,5	72	70
Дагестанская АССР	69,3	74,2	77,8	76	20,1	14,7	11,6	9,2
Кабардино-Балкарская АССР	53,4	53,7	54,5	57	38,7	37,2	35,1	32
Калмыцкая АССР	35,1	41,1	41,5	45	55,9	45,8	42,6	38
Карельская АССР	13,1	11,8	11,1	10	63,4	68,1	71,3	73
Коми АССР	30,4	28,6	25,3	23	48,4	53,1	56,7	57,2
Марийская АССР	43,1	43,7	43,5	43,2	47,8	46,9	47,5	47,5
Мордовская АССР	35,8	35,4	34,2	32,5	59	58,9	59,7	60,8
Северо-Осетинская АССР	47,8	48,7	50,5	52,8	39,6	36,6	33,9	29,8
Татарская АССР	47,2	49,1	47,6	48,5	43,9	42,4	44	43,2
Тувинская АССР	57	58,6	60,5	64,2	40,1	38,3	36,2	31,9
Удмуртская АССР	35,6	34,2	32,1	30,9	56,8	57,1	58,3	58,7
Чечено-Ингушская АССР	41,1	58,5	64,6	70,3	49	34,5	29,1	23,1
Чувашская АССР	70,2	70	68,4	67,9	24	24,5	26	26,7
Якутская АССР	46,4	43	36,9	33,8	44,2	47,3	50,4	50,9
Адыгейская АО	23,1	21,1	19,3	22,2	70,4	71,7	70,6	60,4
Горно-Алтайский АО	24,2	27,8	27,5	30,8	69,8	65,6	63,2	60,2
Карачаево-Черкесская АО	33,1	37,2	39,1	41,8	51	47,2	45,1	43,3
Коми-Пермяцкий АО	58	58,3	61,4	59,9	32,9	36	34,7	36,1
Хакасская АО	11,8	12,3	9,9	11,1	76,5	78,4	79,4	79,1

* *Источник:* РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Л. 1565; Д. 3999; Л. 6174; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи 1960 г.

В 1989 г. русские составляли 70 % от общей численности населения только в трех из всех автономных республик и областей: Бурятской и Карельской АССР и Хакасской АО. В Коми, Мордовской, Удмуртской и Якутской АССР, Адыгейской и Горно-Алтайской автономных областях русских насчитывалось от половины до двух третей всего населения. В остальных автономиях удельный вес русскнх был менее 50 %. В 1979–1989 гг. произошло заметное сокращение доли русского населения в Чечено-Ингушской (на 5,4 %), Калмыцкой и Дагестанской АССР (на 3,2 и 3,1 %, соответственно). Тогда как в Коми, Карельской и Якутской АССР доля русских возросла (см. табл. 25).

На момент проведеиия переписи 1989 г., как и переписи 1979 г., численное преобладание титульных народов было зафиксировано в 7 автономных образованиях — Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Тувинской, Чувашской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР и Комн-Пермяпком АО. В Башкирской АССР этнический состав населения, как и раньше, определяли три иациональности. Помимо башкир (21,9 %) и русских (39,3), более четверти населения (28,4) республики составляли татары. В автономиях на Севере доля в населении украинцев и белорусов составляла от 2 до 8 %. В Северной Осетии были представлены группы ингушского (5,2 %), армянского (2,2) и грузинского (1,9) населения. В Калмыцкой АССР относительно высоким был удельиый вес народов Дагестана (около 6 %), проживали чеченцы (2,6), а также казахи и немпы.

Согласно данным переписи 1989 г., представители более $^4/_5$ всех народов, имеюших в России свои автономные образования, проживали на нх территории (см. табл. 26). Наиболее высокий уровень концентрации отмечался у балкарцев, кабардинцев, аварцев, адыгейцев, якутов и тувиицев, более 90 % которых проживали в своих автономиях. У башкир, карелов, удмуртов, коми-пермяков уровень концентрации был ниже (менее 90 %, но более 60). Самая низкая доля проживающих на территории своих автономных республик и областей была зафиксирована у мордвы (29,2 %), татар (32), марнйпев (50,4) и чувашей (51,1).

У большинства титульных народов уровеиь их коннентрации в республиках за 1979–1989 гг. мало изменился. Также практически не изменился удельный вес русских на территории, не включающей автономные республики. Тенденпия к повышению степени рассеянности наметилась у бурятов, лезгин н башкир. В то же время обратная тенденция — к концентрации — наблюдалась у адыгейпев, черкесов, алтайцев, хакасов, карелов. Однако если у алтайцев она объясняется их высокой рождаемостью, то у карелов эта тенденция была связана с их быстрой ассимиляцией вне Карелии, в первую очередь в Калининской области.

Таблица 26

Доля титульных народов, проживающих на территории автономных республик и областей (в процентах)*

Национальность	1959	1970	1979	1989	Национальность	1959	1970	1979	1989
Башкиры	84,5	75,6	72,5	64,2	Татары	33	32,3	32,8	32
Буряты**	81,1	63,2	82,4	59,8	Тувинцы	98,1	97,3	97,9	96,3
Аварцы	95,9	96,6	95,5	91,2	Удмурты	77,3	71,4	70	69,5
Даргинцы	97,1	92,7	88	79,4	Чеченцы	93,4	69,9	85,9	81,7
Кумыки	90,9	90,5	89,6	83,6	Ингуши	86,5	82,7	81,2	76,1
Лезгины	95,1	95,4	93,1	79,4	Чуваши	53,6	52,3	52,5	51,1
Кабардинцы	94,8	95,4	95,2	94,2	Якуты	95,7	96,8	96,1	96,1
Балкарцы	96,6	97	96,6	90,4	Адыгейцы	83,9	82,8	72,8	94,6
Калмыки	64,5	64	87,2	88,2	Карачаевцы	96,2	90,9	86,8	86,1
Карелы	52,1	59,6	61	63,1	Черкесы	83,3	81,3	77,2	79,3
Коми	86,7	87,6	87,7	86,6	Коми-пермяки	88	82,3	80	64,8
Марийцы	56,1	51,5	51,1	50,4	Хакасы	86,6	83,8	71	80,1
Мордва	29,6	31	30,5	29,2	Алтайцы	85,1	85,6	80,3	85,2
Осетины	86,9	85,9	64,9	83,2	Русские***	91,7	91,5	91,4	90

* *Рассчитано по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566; Д. 4014–4101; Д. 6181–6208; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г.

** Включая Бурятскую АССР, Усть-Ордынский и Агинский Бурятский автономные округа.

*** Доля русских, проживающих вне автономных республик и областей (включая автономные области и округа на Крайнем Севере и Дальнем Востоке).

Этнические аспекты роста городов

Народы России были в разной степени вовлечены в процесс урбанизации (см. табл. 27). В определенной мере это предопределялось территориальиыми закономерностями концентрации и интенсификации производства. В советский период политика государства в значительной степени определяла географию размещения производительных сил. Вместе с тем национальные особенности урбанизации в отдельных регионах РСФСР и СССР зависели и от сложившегося жизненного уклада проживавших на их территорни народов. В республиках Средней Азин и Закавказья, в национальных образованиях Российской Федерации процесс урбанизации в 1920–1950-х гг. характеризовался притоком в города и новые промышлениые районы русских, украинцев, белорусов, евреев и других национальиостей, представители которых отличались сравнительно высоким уровнем образования и профессиоиально-квалификационной подготовки. Этот приток вызывался, прежде всего, потребностями экономического развития национальных областей в условиях, когда коренное население не располагало еще достаточными кадрами городских профессий.

До 1959 г. титульные народы в автоиомных республиках и областях РСФСР состояли преимущественно из сельских жителей (см. табл. 28). В 1960–1970-х гг. процесс урбаннзации среди титульных народов ускорился. К 1989 г. доля городского населения превысила 60 % у карел, осетин и татар. Если еще в конце 1950-х гг. подавляющая часть башкир, бурят, кабардиицев, балкарцев, коми, чувашей, удмуртов проживала в сельской местности, то к 1989 г. у этих народов сформировалась значимая городская прослойка.

В городском населении республик Северного Кавказа, Башкирской н Калмыцкой АССР одновременно с увеличеиием доли коренных национальностей сокращалась доля русских. Это было обусловлено, с одной стороны, усилившимся притоком мигрантов из сельской местности, а с другой — более высоким естественным приростом живущих в городах титульных народов по сравнению с русскими.

Исторически самым урбанизированиым народом России являлись евреи, среди которых горожане преобладали еще до революции 1917 г. Уже к 1959 г. 94 % еврейского населения были городскими жителями. В 1960–1970-е гг. эта доля продолжала возрастать, составив 98,2 % в 1979 г., и в последующие десять лет практически не изменилась. По данным переписи 1989 г., в городах проживало почтн все (98,4 %) еврейское иаселение республики.

Таблица 27

Уровень урбанизации народов России (в процентах)*

	Городское население			Сельское население			Доля городского населения			
	1970 к 1959	1979 к 1970	1989 к 1979	1970 к 1959	1979 к 1970	1989 к 1979	1959	1970	1979	1989
Все население	31,4	17,2	13,71	−12,2	−13,5	−8,02	52,4	62,3	69,1	73,4
Русские	31,5	16,5	11,69	−16	−15,9	−10,51	54,9	65,6	72,5	76,7
Татары	37,6	23,5	24,53	1,5	−12,7	−9,54	42,2	49,7	58,3	65,8
Украинцы	16,3	17,1	24,23	−25,3	−8,7	4,53	59,8	69,9	74,9	78,0
Чуваши	70	40	39,4	1,2	−10,8	−15,71	16,5	27,6	37,5	49,8
Башкиры	67,1	54,9	48,52	14,3	−5,4	−19,19	18,1	24,4	34,5	49,2
Мордва	22,3	19,5	19,18	−11,8	−18,2	−20,01	26,6	33,4	42,3	52,2
Белорусы	27,8	16,3	17,96	−11,1	−10,2	3,2	65,2	72,9	77,7	79,9
Немцы	−0,4	12,5	11,72	−12,3	−3,9	1,1	43,9	47,1	51	53,5
Чеченцы	302,9	48,7	39,78	96,3	18,3	21,92	11	20,2	24,2	26,8
Евреи	−4,9	−11,8	−22,3	−53,1	−39,8	−30,73	94,8	97,4	98,2	98,4
Удмурты	59,2	32	22,53	−3,4	−13,1	−8,44	21,7	31,4	41	48,1
Марийцы	103,6	69,9	45,41	5,9	−10,6	−9	11	19,3	30	40,7
Казахи	55,6	37,5	59,41	18,2	0	8,12	18,1	22,5	28,5	37,0
Аварцы	167,4	63,4	55,06	30,7	11,2	13,32	10,4	19,2	25,9	32,3
Армяне	25,7	24,6	40,12	−1,7	15,4	62,62	67	72,2	73,7	70,7
Осетины	94,7	26,6	22,55	−11,2	−4,9	0,69	35,6	54,8	61,7	66,2

Буряты	80,8	59	45,52	13,1	−3,3	5,61	16,7	24,2	34,4	42,0
Якуты	53,8	32,8	28,91	19,2	4,8	12,29	16,9	26,8	25	27,7
Коми	37,6	24,6	16,85	0,9	−11,3	−4,11	28,9	35,7	43,8	48,7
Кабардинцы	132,3	80,9	45,75	23,1	−5,2	6,74	13,9	23,4	36,8	44,3
Даргинцы	122,7	42,6	51,3	34,5	20,4	17,87	14,1	21,3	24,3	29,2
Кумыки	72,2	29,2	30,95	25,2	15,5	16,68	32,5	39,8	42,5	45,4
Лезгины	144,2	64,2	73,69	33,5	50,2	4,61	14,2	23,3	32,2	44,0
Ингуши	663,7	33,7	31,8	84,4	14,5	27,51	10,7	33,1	36,6	37,6
Тувинцы	168,7	57,3	77,09	26,7	11,2	9,48	69,8	16,9	22,4	31,8
Народности Севера	104,2	30,2	36,57	10,1	−2,9	10,93	10,2	17,5	22,1	25,9
Азербайджанцы	40,4	81,5	131,18	27,6	27,2	98,66	58,8	59,1	67,4	70,7
Коми-пермяки	66,4	37,8	27,37	−5	−14,4	−11,33	14	22,2	31,5	39,8
Калмыки	106,3	30,6	34,56	8,4	−6,6	5,75	22,6	35,8	43,8	49,7
Карелы	25,3	16,8	6,14	−30,8	−23,1	−20,76	30	43,7	54,1	61,2
Карачаевцы	144,3	90,6	54,84	41,6	40,4	7,65	90,6	15,5	25,1	32,6
Цыгане	48,1	30,5	41,12	24,5	16	10,93	45,1	49,4	52,4	58,3
Адыгейцы	82,9	75,5	42,16	15,8	−8,5	0,77	14,2	20,7	33,4	41,5
Молдаване	50,9	26,8	70,63	24,7	−2,1	65,3	66,4	64,8	70,5	71,1
Поляки	−1,9	−5,4	−4,65	−30,4	−12,5	−7,23	73,2	79,4	80,7	81,1
Корейцы	29,2	5,4	10,44	−24,8	−33,9	5,32	66	77	84,2	64,8

* *Рассчитано по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1565; Д. 3999; Д. 6174; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г.

У русских, а также у «российских» украинцев и белорусов доля городского населения в 1989 г. составляла 77–80 %. Рост городского населения у русских отражает динамику процесса урбанизации в РСФСР в целом. Если в предвоенные годы в городах проживало почти 36 % русских, то в конце 1950-х гг. — уже 54,9 %. До войны уровень урбанизированности украинцев в России был чуть ниже, чем уровень урбанизированности русских. Однако из-за интенсивного миграционного оттока из сельской местности и притока населения в города России из Украины к концу 1950-х гг. он приблизился к отметке 60 %. У белорусов удельный вес горожан в 1959 г. составлял 65 %. С 1959 по 1989 г. доля городского населения у этих народов заметно увеличилась — на 22 процентных пункта у русских, на 18 и 15 соответственно у украинцев и белорусов (см. табл. 6). Темпы роста городского населения в период с 1959 по 1970 г. были заметно выше тех, которые отмечались в последующие два десятилетия.

Высокий уровень урбанизации (70–80 %) отмечался у молдаван, поляков и корейцев. Уже в 1959 г. городские жители составляли более 60 % их численности. За 1979–1989 гг. доля городского населения у этих народов изменилась незначительно, однако динамика городского и сельского населения у них была различной. Так, у поляков наблюдалось сокращение общей численности населения, причем сельское население в этом движении опережало городское. У молдаван численность горожан увеличилась в 1,7 раз, сельского населения — в 1,6 раз. К группе народов с высоким уровнем урбанизации также относились азербайджанцы и армяне, доля горожан у которых в 1989 г. составляла 71 %. Данные переписи свидетельствуют о заметном увеличении темпов прироста их численности в 1979–1989 гг., причем как в городской, так и в сельской местности. У армян в это десятилетие прирост сельского населения даже превышал прирост городского.

Удельный вес горожан у осетин, татар, карел, немцев, мордвы, чувашей и калмыков (50–60 %) был ниже среднего по стране (73 %). Однако доля городского населения у народов этой группы увеличивалась достаточно быстро. Так, в конце 1930-х гг. почти 80 % татар проживали в сельской местности. За военный и послевоенный период доля городских жителей среди татар увеличилась втрое, составив в 1989 г. 66 %. Интенсивный рост этого показателя отмечался у чувашей, у которых сельские жители еще в 1959 г. составляли более 80 % населения, а в 1989 г. в городах проживала уже половина чувашей. Заметно увеличилась доля городского населения у осетин, карел и калмыков, городское население у них наиболее быстро росло в 1959–1970 гг. У большинства вышеперечисленных народов прирост городского населения сопровождался абсолютным сокращением численности сельских жителей.

Таблица 28

Национальный состав городского населения автономных республик и областей РСФСР*

Автономные образования	Доля в городском населении (в %):								Титульные народы:			
	титульные народы				русские				городское население (в %)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Башкирская АССР	70,9	90,6	12,1	14,5	63,9	59,8	55,8	51,1	13,65	19,7	28,2	42,3
Бурятская АССР	80,1	11,5	14,5	17,3	84,5	73,5	72	75	16,6	23,5	35,9	44,5
Дагестанская АССР	33,6	50,1	59,7	67,3	43,3	31,6	24,4	18,1	15,2	21,7	29,6	
Кабардино-Балкарская АССР	16,7	25,7	36,2	43	69,4	66,1	49,8	43,4	12,3	22,8	38,2	45,7
Калмыцкая АССР	34,6	44,3	45,1	49,4	66,2	48,8	46,9	41,9	20,6	36,8	43,7	49,6
Карельская АССР	60,5	70,7	70,9	70,6	72,5	74,9	76	77,1	31	44,7	55	61,8
Коми АССР	13,6	15,3	14,9	14,4	59,2	63	64,8	64,5	26,4	33,1	41,7	46,7
Марийская АССР	11,4	15,6	21,7	26,1	75,6	72,2	67,5	63,4	70,4	14,6	26,4	36,8
Мордовская АССР	11,8	16,8	19,5	22,1	82,2	77,4	74,8	71,9	60,1	17,2	26,4	38,2
Северо-Осетинская АССР	28,8	39,8	44,4	49,3	55,4	45,2	40,5	35	31,8	52,6	72,7	63,8
Татарская АССР	33,2	36,8	37,7	42,1	61,1	57,9	56,1	59,8	29,4	38,6	49,8	63,4
Тувинская АССР	15,3	24,7	59,6	41,2	79,5	69,6	63,6	52,6	70,8	15,9	21,2	30,3
Удмуртская АССР	14,8	18,5	19,8	19,8	74,2	71,3	69,6	69,1	18,5	28,1	37,7	44,7

Окончание таблицы 28

Автономные образования	Доля в городском населении (в %):								Титульные народы:			
	титульные народы				русские				городское население (в %)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Чечено-Ингушская АССР	70,6	28,5	37,8	46	77,5	60,8	52,6	44,7	90,1	20,3	24,8	26,9
Чувашская АССР	38,9	44,4	48,7	54,7	59,9	49,8	45,8	40	12,2	22,6	32,4	46,5
Якутская АССР	15,2	14,9	13,9	12,8	72,8	73,3	71,1	67,8	16,1	19,5	23,1	25,7
Адыгейская АО	60,2	66,8	11,7	14,1	85,3	84,2	79	75,4	9	12,8	28,7	33,4
Горно-Алтайская АО	8	90,1	90,9	12	87,4	86,8	85,3	82,6	60,3	7,7	9,9	10,5
Карачаево-Черкесская а. о.	90,6	14,2	20,2	25,2	78,4	73,2	66,8	59,7	60,8	12,4	22,2	59
Коми-Пермяцкий АО	55	43	48,3	51,4	39,1	52,5	48,6	45,5	90,5	14,1	17,3	25,5
Хакасская АО	30,1	30,6	40,6	59,5	65,2	88,1	87,2	65,5	14,1	17,6	31,7	33,6

* *Рассчитано по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1565; Д. 3999; Д. 6174; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г.

Наименее урбанизированными согласно переписи 1989 г. оставались в своем большинстве коренные народы Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Севера и некоторые народы Поволжья, у них доля городского населения составляла менее 50 %. Интенсивное развитие процессов урбанизации у народов этой группы началось в 1960-е гг. В этот период в этой группе национальностей наблюдались самые высокие в РСФСР темпы прироста городского населения. В целом за 1959–1989 гг. доля горожан заметно возросла у кабардинцев (с 14 до 44 %), марийцев (с 11 до 41) и башкир (с 18 до 49). Благодаря высокой рождаемости, накопленный народами Северного Кавказа и Сибири демографический потенциал способствовал увеличению численности не только городского, но и сельского населения. В то же время у некоторых народов — коми, коми-пермяков, башкир, марийцев, удмуртов — численность сельского населения заметно сокращалась.

Этнические особенности процесса урбанизации проявлялись в том, что национальный состав городского и сельского населения России заметно отличался. Так, в 1959 г. доля русских в городском населении РСФСР достигала 87 %, а к 1989 г. сократилась до 85 %. Доля русских в сельском населении в 1959 г. была ниже и равнялась 79 %, в 1989 г. она уменьшилась до 71 %, т. е. почти треть жителей российского села составляло нерусское население. Следует отметить, что к концу советского периода различия между народами по уровню урбанизации сократились. Их уже нельзя было назвать «исключительно сельскими» и «исключительно городскими».

Дифференциация рождаемости народов России

Статистические возможности изучения тенденций и особенностей рождаемости у отдельных народов России в 1980-е гг. ограничены, поскольку разработка данных по возрасту матери, как отмечалось выше, велась только для небольшого числа национальностей. Вместе с тем этническую дифференциацию и изменение уровня рождаемости за этот период можно проследить, обратившись к материалам переписей населения 1979, 1989 и также 2002 гг. В ходе переписей 25 % постоянного населения отвечали на дополнительные вопросы, в частности женщинам задавался вопрос о числе рожденных ими детей. Разработка полученных ответов велась по возрасту, состоянию в браке, числу рожденных детей и национальности.

Как далеко к концу советского периода те или иные народы России продвинулись в переходе от традиционного к современному типу

рождаемости, можно увидеть, обратившись к таблице 8. Этническая картина рождаемости в 1970-е и 1980-е гг. выглядела очень мозаичной. Как известно, до начала демографического перехода среди женщин, завершивших репродуктивную деятельность, преобладали те, у кого родилось много детей, после его окончания — те, у кого было 1–2 рождения. Во время же перехода столь выраженное распределение женщин по числу рожденных детей размывается. Сравним данные переписей 1979 и 1989 гг. о распределении рожденных детей по очередности в возрастной группе 50–54 года. У женщин этой группы в 1979 г. (поколения 1924–1928 гг. рождения) пик репродуктивной деятельности пришелся на 1950–1960-е гг., у их ровесниц в 1989 г. (поколения женщин 1934–1938 гг. рождения) — на 1960–1970-е гг. Данные таблицы 8 позволяют выделить национальности, у которых переход к новому типу рождаемости завершился еще до начала 1980-х гг. — это евреи, русские, украинцы, белорусы. Причем у большинства еврейских женщин, родившихся в первое советское десятилетие, первые и вторые рождения составляли более 90 % от общего числа рожденных ими детей. Раннее завершение перехода к новому типу рождаемости у еврейского народа во многом объясняется давно присущим ему высоким уровнем образования и долей горожан. Становление нового типа рождаемости у восточнославянских народов началось в конце 1920-х гг., а закончилось на рубеже 1960–1970-х гг. Заметно продвинулись к завершающей стадии демографического перехода коми, татары, мордва, удмурты, осетины, чуваши и особенно карелы и российские армяне. Некоторые национальности Кавказа (кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы, адыгейцы), народы Поволжья (башкиры, калмыки), а также Сибири и Севера находились на более ранней стадии демографического перехода. В то же время, как показывает сравнение результатов переписей 1979 и 1989 гг., переход к новому типу рождаемости у некоторых этносов (тувинцы, российские казахи, чеченцы и ингуши, народы Дагестана) начался не так давно — в 1970-е гг. (см. табл. 29).

Таблица 29

Распределение детей по очередности рождений у женщин различных национальностей в возрастной группе 50–54 года по данным переписей населения 1979 и 1989 гг. (в процентах)*

Национальности	1989			1979		
	1–2	3–4	5 и более	1–2	3–4	5 и более
Евреи	93,5	4,9	1,6	90,4	7,8	1,7
Русские	77,8	18,7	3,5	65,6	26,7	7,7
Украинцы	75,4	20,7	3,9	64,4	28,2	7,4

Продолжение таблицы 29

Национальности	1989			1979		
	1–2	3–4	5 и более	1–2	3–4	5 и более
Белорусы	75,3	20,6	4,0	...	...	...
Карелы	61,1	29,3	9,6	...	...	...
Армяне	60,5	32,4	7,1	61,1	30,5	8,4
Коми	51,0	31,1	17,9	...	...	...
Татары	50,7	33,4	16,0	38,2	34,2	27,6
Мордва	48,4	35,7	15,9	37,4	33,9	28,8
Удмурты	45,9	33,0	21,1	41,6	32,3	26,1
Осетины	44,3	44,7	11,0	35,9	42,8	21,3
Чуваши	42,8	33,7	23,5	35,9	30,2	33,9
Коми-пермяки	42,3	28,7	29,0	...	...	...
Хакасы	40,2	29,6	30,2	...	...	...
Долганы	38,4	20,3	41,3	...	...	...
Мари	38,1	32,8	29,0	32,5	23,8	43,7
Адыгейцы	37,7	40,7	21,6	...	...	...
Манси	37,1	29,7	33,2	...	...	...
Ханты	34,1	25,6	40,2	...	...	...
Башкиры	32,2	32,6	35,2	...	...	...
Буряты	31,3	28,4	40,4	29,6	26,3	44,1
Алтайцы	29,2	25,9	44,9	...	...	...
Кабардинцы	28,7	38,9	32,4	22,1	31,3	46,6
Эвенки	28,0	30,9	41,1	...	...	...
Черкесы	27,3	37,4	35,2	...	...	...
Чукчи	26,6	30,1	43,2	...	...	...
Якуты	25,2	30,6	44,2	21,3	24,9	53,8
Ненцы	24,7	24,7	50,5	...	...	...
Калмыки	24,3	31,1	44,6	18,6	25,3	56,0
Коряки	23,9	23,3	52,8	...	...	...
Карачаевцы	22,9	28,2	48,9	...	...	...
Балкарцы	21,6	33,2	45,2	...	...	...
Аварцы	16,7	25,7	57,6	...	...	...
Тувинцы	16,3	19,3	64,4	14,3	20,1	65,6
Кумыки	15,3	26,2	58,6	...	...	...

Окончание таблицы 29

Национальности	1989			1979		
	1–2	3–4	5 и более	1–2	3–4	5 и более
Казахи	13,2	21,9	64,9	...	...	...
Чеченцы	12,8	16,9	70,3	13,2	19,0	67,8
Ингуши	11,9	15,3	72,8	...	...	...
Даргинцы	11,8	17,4	70,8	...	...	...
Лезгины	10,2	22,1	67,7	...	...	...

* *Источник:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3010; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Т. 12. М., 1992.

Особенности процесса снижения рождаемости у отдельных народов обнаруживаются при анализе динамики среднего числа рождений у одной женщины по поколениям (см. табл. 30). У евреев уровень рождаемости не обеспечивал простого воспроизводства фактически у всех поколений, родившихся в XX в., у русских, белорусов, украинцев — у поколений, начиная с 1930-х гг. рождения, у армян и карелов — с поколений, родившихся сразу после войны, у остальных народов — с поколений 1950-х и последующих годов. Следует отметить, что у некоторых национальностей (например, башкиры, балкарцы, чеченцы, якуты), которые сравнительно недавно отошли или начали отходить от традиционной модели рождаемости, среднее число рождений у более молодых поколений (1920–1930-х гг. рождения) было выше, чем у старших поколений (рожденных в первой четверти XX в.). В значительной степени это было связано с улучшением репродуктивного здоровья женщин. Замедлившееся на фоне других этносов снижение рождаемости у армянок обусловлено усилившимся с 1960-х гг. миграционным притоком из Закавказья населения с более высокими репродуктивными установками.

Анализ этнической дифференциации рождаемости по поколениям на основе результатов переписей 1979 и 1989 гг., а также переписи 2002 г. показывает, что она достигла своего максимума у женщин 1930-х гг. рождения. В послевоенных поколениях наметилось устойчивое ослабление этнической дифференциации. Заметно сократился и размах вариации признаков. Так, в возрасте 50–54 года среднее число рожденных у чеченок в 1979 г. было больше, чем у русских, в 2,9 раза, в 1989 г. — в 3,1, в 2002 г. — в 2,1.

Сопоставив средние числа рожденных детей для женщин в одних и тех же репродуктивных возрастных группах на 1979 и 1989 гг., можно проследить, как изменился уровень рождаемости за указанный пе-

Таблица 30

Среднее число рожденных детей на одну женщину в поколениях женщин различных национальностей по данным переписи 1989 г.*

Национальность	Год рождения											
	До 1919	1919–1923	1924–1928	1929–1933	1934–1938	1939–1943	1944–1948	1949–1953	1954–1958	1959–1963	1964–1968	1969–1973
	Возраст											
	70 и старше	65–69	60–64	55–59	50–54	45–49	40–44	35–39	30–34	25–29	20–24	15–19
Евреи	10,52	10,41	10,38	10,35	10,34	10,33	10,33	10,40	10,30	10,02	00,41	00,04
Русские	20,91	20,17	20,10	20,01	10,88	10,82	10,73	10,77	10,67	10,34	00,69	00,07
Белорусы	30,09	20,38	20,23	20,10	10,97	10,89	10,86	10,80	10,69	10,32	00,68	00,08
Украинцы	20,97	20,29	20,18	20,12	10,98	10,90	10,85	10,85	10,73	10,38	00,73	00,08
Армяне	20,99	20,30	20,31	20,34	20,21	20,10	20,01	20,01	10,85	10,52	00,80	00,68
Карелы	30,45	20,61	20,63	20,47	20,32	20,11	10,99	10,87	10,83	10,50	00,73	00,05
Осетины	30,40	20,75	20,76	20,52	20,49	20,39	20,27	20,15	10,78	10,17	00,42	00,02
Татары	40,12	30,25	30,13	20,89	20,65	20,43	20,09	10,99	10,77	10,33	00,69	00,04
Мордва	30,79	20,99	30,04	20 ,07	20,70	20,49	20,15	20,02	10,82	10,43	00,73	00,68
Коми	30,81	30,32	30,32	30 ,21	20,83	20,53	20,16	20,12	10,94	10,51	00,78	00,07
Удмурты	30,47	30,05	30,06	3 0,05	20,85	20,61	20,32	20,22	20,01	10 ,59	00,80	00,05
Чуваши	30,00	30,17	30,13	30,02	20,88	20,67	20,43	20,25	10,98	10,52	00,70	00,05
Адыгейцы	30,35	30,04	30,56	30,33	20,96	20,77	20,45	20,22	10,85	10,36	00,07	00,04

Продолжение таблицы 30

Национальность	Год рождения											
	До 1919	1919–1923	1924–1928	1929–1933	1934–1938	1939–1943	1944–1948	1949–1953	1954–1958	1959–1963	1964–1968	1969–1973
	Возраст											
	70 и старше	65–69	60–64	55–59	50–54	45–49	40–44	35–39	30–34	25–29	20–24	15–19
Марийцы	30,75	30,33	30,48	3033	30,18	20,63	20,56	20,42	20,14	10,00	00,74	00,05
Манси	30,56	40,61	40,39	40,01	30,67	20,95	20,36	20,47	20,22	10,56	00,76	00,12
Коми-пермяки	30,55	30,21	30,38	30,30	30,15	20,99	20,48	20,35	20,15	10,65	00,86	00,06
Хакасы	30,93	30,78	30,83	30,62	30,42	30,14	20,80	20,64	20,17	10,65	00,79	00,07
Кабардинцы	30,67	30,43	30,87	30,77	30,47	30,17	20,87	20,71	20,33	10,06	00,76	00,05
Башкиры	40,68	30,97	40,14	30,87	30,63	30,20	20,59	20,39	20,06	10,49	00,65	00,06
Балкарцы	30,06	30,32	40,11	40,43	30,86	30,21	20,65	20,45	10,95	10,22	00,42	00,02
Черкесы	30,64	30,19	30,81	30,90	30,55	30,21	20,63	20,46	20,06	10,52	00,72	00,05
Карачаевцы	30,89	30,83	40,37	40,45	40,02	30,31	30,09	20,73	20,12	10,37	00,43	00,02
Калмыки	40,25	40,64	40,74	40,87	40,16	30,48	20,37	20,23	10,93	10,42	00,62	00,05
Якуты	50,63	40,54	40,73	40,82	40,15	30,51	20,92	20,55	20,07	10,40	00,59	00,04
Эвенки	50,07	40,57	40,76	40,45	40,06	30,51	30,26	20,76	20,46	10,76	00,79	00,09
Ханты	40,53	40,73	40,42	40,59	30,00	30,61	30,08	20,73	20,37	10,80	00,83	00,08
Буряты	30,70	30,85	40,28	40,33	40,03	30,66	30,03	20,71	20,31	10,61	00,70	00,06
Чукчи	40,68	40,00	30,86	30,99	40,04	30,84	30,45	20,97	20,52	10,75	00,87	00,12
Алтайцы	30,71	40,02	30,99	40,20	40,13	30,86	30,22	20,87	20,41	10,74	00,76	00,06

Ненцы	40,48	40,58	40,55	40,76	40,40	40,14	30,91	30,43	20,62	10,76	00,78	00,06
Кумыки	40,36	40,38	5,01	50,34	40,77	40,42	30,67	30,31	20,64	10,73	00,67	00,04
Аварцы	30,40	30,52	40,13	40,48	40,68	40,52	40,25	30,63	20,63	10,76	00,68	00,04
Лезгины	40,80	40,80	50,24	50,50	50,47	40,06	40,12	30,62	20,85	10,82	00,72	00,03
Тувинцы	50,55	50,76	50,62	50,73	50,49	40,08	40,33	30,65	20,87	10,78	00,70	00,05
Казахи	40,56	40,99	50,53	50,73	50,54	50,02	30,59	20,85	20,24	10,52	00,58	00,04
Чеченцы	40,40	50,10	50,40	50,98	50,87	50,05	40,39	30,00	20,68	10,68	00,70	00,05
Даргинцы	30,63	40,27	40,84	50,24	50,62	50,39	40,62	30,97	30,11	10,97	00,79	00,04
Ингуши	40,53	50,14	50,34	60,99	60,38	50,45	40,49	30,76	20,58	10,35	00,37	00,01

* *Рассчитано по:* Итоги Всесоюзной переписи...

риод. В данном случае интерес вызывает вопрос о том, как повлияла семейная политика советского государства, начавшаяся в 1981 г., на репродуктивное поведение отдельных народов страны. Рост среднего числа рождений наблюдался у народов, которые завершили или которые продолжали переход к новому типу рождаемости. Причем можно отметить следующую закономерность: чем меньше было рожденнй в 1979 г., тем заметнее и в большем числе возрастных групп увеличилось их среднее число. Среди народов, у которых демографический переход начался недавно, семейная политика не вызвала роста рождаемости — ее уровень продолжал снижаться, у этих народов уменьшилось также среднее число рождений в средних и старших репродуктивных возрастах.

Таблица 31

Средний возраст вступления в первый брак и доля никогда не состоявших в браке*

	Средний возраст вступления в первый брак (лет)		Доля никогда не состоявших в браке к 50 годам (%)	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Все	24,3	21,9	5,1	4,1
Русские	24,1	21,9	5,2	4,1
Татары	25,0	22,2	5,8	3,1
Башкиры	25,6	21,8	4,4	1,8
Чуваши	25,2	22,3	7,0	3,4
Мордва	23,8	21,2	3,6	2,8
Удмурты	24,5	22,3	7,1	3,2
Немцы	23,0	21,0	1,4	1,7
Евреи	26,0	22,9	6,1	7,1

* Рассчитано по материалам микропереписи 1994 г.

Обращает на себя внимание более высокая рождаемость в возрастах от 15 до 19 лет у славянских и некоторых других народов. Более того, вероятно, не без влияния демографической политики в 1980-х гг., уровень рождаемости даже у этих народов увеличился в отличие от тех, у которых процесс деторождения еще слабо регулировался. Также следует отметить, что омоложение рождаемости сопровождалось и омоложением брачности. Известные российские демографы Л. Е. Дарский и И. П. Ильина подвели итог этим изменениям с

помощью таблиц брачности за 1989–1993 гг.[4] Таблицы были построены для восьми национальностей, выделенных при разработке данных микропереписи населения России 1994 г. Как видно из таблицы 31, брачность у народов России на рубеже 1980–1990-х гг. была ранней, а ее показатель — очень высоким.

Этническая дифференциация смертности

Данные государственной статистики позволяют оценить тенденции и различия в смертности между народами России в изучаемый период[5]. Национальные особенности в долговременных тенденциях эпидемиологического перехода можно рассмотреть на примере показателей младенческой смертности за 1958–1989 гг. Причем, если для русских, украинцев, белорусов, казахов, татар, евреев и армян тенденции можно проследить в масштабе всей России, то для других, главным образом, титульных народов автономных образований — только на соответствующей территории. Возрастно-половые закономерности смертности отдельных народов раскрывают показатели таблиц смертности. Но, в отличие от младенческой смертности, их можно построить только для 7 перечисленных выше национальностей и только за около переписные годы (1978–1979, 1988–1989), поскольку именно тогда собиралась информация о возрастно-половом составе народов и велась разработка чисел умерших по полу, возрасту и национальности. Выявить различия в уровне смертности народов РСФСР позволяет также метод стандартизации демографических коэффициентов.

Рассмотрим уровень младенческой смертности у русских, украинцев, белорусов, казахов, татар, евреев и армян с 1958 по 1989 г. Показатель младенческой смертности у других титульных народов России был рассчитан по данным для соответствующих автономных образований (см. табл. 32). Сокращение коэффициента младенческой смертности у русского населения отражает этапы развития эпидемиологического перехода в эти годы в России в целом. Наиболее интенсивное снижение показателя пришлось на первое десятилетие периода — с конца 1950-х по конец 1960-х гг., когда уровень младенческой смертности сократился в 1,6 раза. В 1970-е гг. коэффициент изменился незначительно. В последующие годы снижение младенческой смертности продолжалось, но темпы его замедлились. К концу 1980-х гг. значение коэффициента младенческой смертности у русских составляло 17,7 ‰.

Уровень младенческий смертиости у украинцев, белорусов и евреев был заметно ниже, чем у русских. Однако если сверхнизкое значение этого показателя у евреев могло быть связано с низкой рождаемостью, относительно высоким образовательиым уровнем и высокой долей городских жителей, то у украинцев и белорусов данное обстоятельство, вероятно, в большей степеии объяснялось недоучетом смертей вследствие неправильной регистрации иациональности ребенка, умершего в возрасте до 1 года в этнически смешанных семьях (в соответствии с правилами младенцу приписывалась национальность матери). Вместе с тем в 1980-е гг. 80 % детей, рождеиных украинками, имели отца другой национальности, у белорусок эта доля составляла почти 90, у евреек — 60–70 %[6].

Относительно более позднее развитие процессов эпидемиологического перехода у бурятов, тувиицев, якутов, алтайцев, хакасов, коми и калмыков определило разрыв в показателях младенческой смертности этих народов и русского населения на протяжении всего периода. В то же время иекоторые иароды Поволжья и Урала по уровию младенческой смертности к концу 1980-х гг. приблизились к коэффициенту, рассчитанному для русских, при заметных различиях в значении показателя в начале периода. Коэффициеит младеической смертности у татар и чувашей в конце 1980-х гг. был иже, чем у русских и в среднем по стране.

Характер изменения показателя младенческой смертности у чеченцев, кабардинцев, черкесов, балкарцев, ингушей, адыгейцев предполагает иаличие недоучета смертей младенцев у этих народов. В конце 1950-х гг. ее уровень в этой группе народов был заметно иже, чем у русских, а в последующие годы произошел ее резкий подъем. К концу 1980-х гг. чеченцы, ингуши, народы Дагестана наряду с тувинцами, калмыками, хакасами, алтайцами и коми характеризовались наиболее высокими показателями младенческой смертности. Так, разрыв в значеиии коэффициента младенческой смертности чеченцев и русских составлял 22 пуикта. Зарегистрированный уровеиь младенческой смертности у других народов Северного Кавказа — карачаевцев, адыгейцев, балкарцев, кабардинцев, черкесов — в конце 1980-х гг. был значительио ниже. В то же время проводившиеся в 1980-е гг. ЦСУ СССР проверки полиоты учета случаев смерти на Северном Кавказе выявляли в этом регионе весьма значительиый недоучет случаев смерти, особенио в сельских местностях и, прежде всего, в ранних детских и старческих возрастах.

Таблица 32

Коэффициент младенческой смертности, определяемый по национальности матери (на 1000 родившихся живыми)*

Национальность матери	1958–1959	1968–1969	1978–1979	1988–1989
Все национальности	41,3	25	23	17,7
Русские	39,6	24,1	22,9	17,7
Украинцы	25,3	12,6	11	10,7
Белорусы	25,4	10,2	9,6	9,7
Татары**	51,8	25,1	19,3	16,2
Чуваши**	53,7***	31,7	24,8	16,8
Башкиры**	50,1	24,5	25,8	19,8
Мордва**	48,3	31,1	13,1	18,7
Марийцы**	63	30,4	22,2	20,1
Удмурты**	51	25,9	20,5	20,9
Коми**	61,5	37,8	30,1	29,4
Калмыки**	87	39,8	34,9	30,4
Чеченцы**	25,5	23,4	30	39,3
Аварцы**	54,1	39,2	34,8	22,6
Осетины**	17,3	30	21,9	15,5
Кабардинцы**	31,4	45,8	28,7	20,3
Даргинцы**	49,8	47	45,3	27,2
Кумыки**	53	40,6	44,2	29,2
Лезгины**	44,3	38,3	Н.д.	25
Ингуши**	21	20,1	24,3	29,2
Карачаевцы**	21,8	13,3	12,7	15,1
Адыгейцы**	24,9	11,4	9,4	10,6
Балкарцы**	18,9	16,8	21,6	19,4
Черкесы**	20,1	9,3	18	11
Буряты	54,8	34,2	33,1	23
Якуты**	82,4	46,1	34,6	24
Тувинцы**	61,9	43,4	60,4	38,5
Хакасы**	42,9**	28,1	25,8	30,3

Окончание таблицы 32

Национальность матери	1958–1959	1968–1969	1978–1979	1988–1989
Алтайцы**	33,1**	34,8	41,5	27,8
Прочие народы				
Немцы	Н. д.	Н. д.	Н. д.	11,6
Казахи	71,2	42	35,1	22,6
Евреи	21,6	17,6	17,5	11,7
Армяне	37,3	29,9	31,4	20
Карелы**	60,4	31,1	25,8	24,5

* *Рассчитано по:* Неравенство и смертность в России. М., 2000. С. 50–51.

** Народы, для которых показатели за 1958–1979 гг. рассчитывались по территории соответствующих автономных образований.

*** 1959–1960 гг.

Заметная этническая дифференциация обнаруживается при анализе показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В таблице 33 представлены данные о значении показателя для народов, по которым велась разработка чисел умерших по полу и возрасту. За период с 1978–1979 по 1988–1989 гг. в связи с проведением антиалкогольной кампании ожидаемая продолжнтельность жизни при рождении выросла у всех представленных народов. Одиако характер межнациональных различий не изменился, и по-прежнему вариабельность показателя в большей степени проявлялась у мужского населения. Наибольшая ожидаемая продолжительность жизни у мужчин зафиксирована у евреев (68,3 года в 1978–1979 гг. и 69,7 года в 1988–1989 гг.) и армян (67,7 года н 68 лет соответственно). За ннми следуют украинцы, татары и белорусы — 63–64 года в 1978–1979 гг. и 66–67 лет — в 1988–1989 гг. У русских мужчин ожидаемая продолжительность жизни при рождении в конце 1970-х гг. составляла лишь 61 год. К концу периода она возросла на 2,6 года. Близкими по значению были показателн продолжительности жизни у казахов — 59,7 года в 1978–1979 гг. и 63,4 года в 1988–1989 гг. У женщин дифференцнация показателя была не столь заметной. Его наибольшие значения в конце 1980-х гг. отмечались у татарок н армянок 75–76 лет, за которыми следовали украинки, русские, белоруски, казашки и еврейки — 73–74 года. Приращение ожидаемой продолжительности жизни за десятилетний период также было менее значительным, чем у мужчин.

Таблица 33

Ожидаемая ярродолжительиость жизии ири рождении*

Национальность	1978–1979 гг.		1988–1989 гг.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Русские	61,7	73,4	64,3	74,4
Татары	63,1	75,2	66,2	76,1
Украинцы	64,1	73	66,6	74,5
Белорусы	63	73,1	66,1	74,4
Казахи	59,7	72,8	63,4	74,4
Евреи	68,3	72,4	69,7	73,3
Армяне	67,7	75,1	68	74,9

* *Источник*: Неравенство и смертность в России.

Сравиительный анализ общего уровня смертности по более щирокому кругу национальностей возможеи с помощью стандартизированиых коэффициентов, вычисленных косвенным методом (см. табл. 34). Относительно иизкий уровень показателей смертиости иаблюдался у народов Севериого Кавказа. Как отмечалось выше, на Северном Кавказе в 1980-е гг. выявлен значительный иедоучет случаев смерти. Вместе с тем ученые предполагают, что уровень смертиостн народов Северного Кавказа был действительно иижe, чем у других народов России[7]. В республиках Северного Кавказа отмечалась более низкая смертность трудоспособного населения, а также самый низкий уровеиь смертности от несчастных случаев, отравлений и травм — причин смертности, которые регистрируются с большей точностью. Заметно выше средних значеиий были коэффициенты смертности у коми, карелов, калмыков, алтайцев и хакасов, а максимальное зиачение показателя зафиксировано у тувинцев.

Причины этнических разлнчий в смертности, по мнению исследователей, следует искать в сочетании экономических и культурных особенностей образа жизни и традиций народов, с одиой стороны, с особениостями и темпами их общей и демографической модериизации — с другой[8]. Примером такой связи является более низкий уровень смертности у народов с относительно высоким образовательным уровнем и высокой долей городских жителей. Так, согласно данным эпидемиологического обследования, проводившегося в Москве и Ленинграде в период с середины 1970-х по середину 1990-х гг., евреи, медианиая ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 50 лет у которых была на 5,6+1,1 года выше, чем у русских, отличались и на-

миого более высоким образовательным уровнем. Доли лиц с иизкиы и университетским образованием среди евреев составляли соответственно 9 и 72 % против 44 и 32 % среди русских[9].

Таблица 34

Стандартизированные коэффициенты смертиости по нациоиальностям России в 1988–1989 гг. (на 1000 чел.)*

Национальности	1988–1989		Националь-ности	1988–1989	
	мужчины	женщины		мужчины	женщины
Все национальности	10,9	10,6	Ингуши**	9,4	7,4
Русские	11,1	10,7	Карачаевцы**	6,6	5,3
Украинцы	10,1	11,2	Адыгейцы**	8,4	6,7
Белорусы	10,4	10,8	Балкарцы**	7,4	6,5
Татары**	10,0	9,1	Черкесы**	7,1	8,6
Чуваши**	10,4	10,3	Буряты	11,6	12,6
Башкиры**	10,1	9,7	Якуты**	12,8	14,6
Мордва**	10,6	9,4	Тувинцы**	17,8	23,4
Марийцы**	12,8	13,1	Хакасы**	15,0	12,8
Удмурты**	12,3	10,8	Алтайцы**	14,5	14,7
Коми**	13,5	12,4	Немцы	9,5	10,4
Калмыки**	14,4	14,1	Казахи	11,9	9,7
Чеченцы**	9,3	7,9	Евреи	8,9	12,1
Осетины**	9,1	7,9	Армяне	9,2	10,7
Кабардинцы**	9,9	7,7	Карелы**	13,7	12,9

* *Источник:* Неравенство и смертность в России. С. 53.

** Народы, расчет показателей для которых выполнен по территории соответствующих автономных образований.

Миграционные процессы

Существенное влияние на динамику численности, размещенне и процессы воспроизводства отдельных иародов оказывала миграция, в том числе межреспубликанские перемещения. К концу 1970-х гг. Россия имела положительиое значение миграционного прироста в обмене с другими республиками СССР, за исключением Эстонии,

Латвии и Литвы[10]. Последующие годы характеризовались дальнейшим ростом сальдо миграции, максимальная величина которого была достигнута в 1986 г. Сокращение его значения в 1987–1988 гг. вновь сменилось возрастанием на рубеже 1990-х гг.[11] Исследуемый период отмечен ростом участия в межреспубликанских перемещениях титульных народов союзных республик[12]. Интенсивность притока в Россию коренных народов Средней Азии, Закавказья, Молдавии устойчиво повышалась. До конца 1980-х гг. продолжалось и активное перемещение украинцев и белорусов. Отсутствие до 1988 г. данных о национальном составе мигрантов не позволяет с точностью оценить влияние миграции на изменение этнической структуры населения России. Косвенным показателем значимости миграционной составляющей могут стать показатели темпов прироста того или иного народа (см. табл. 24).

В материалах переписей 1979 и 1989 гг. содержится информация об этнических различиях в уровне миграционной подвижности в 1970–1980-е гг. Как видно из таблицы 15, к числу наиболее мобильных из представленных народов относились украинцы, белорусы и армяне. Для них характерны самые высокие доли лиц, которые проживали в месте постоянного жительства менее 4 лет, и наименьшие доли тех, кто проживал в месте постоянного жительства более 25 лет. Обращает на себя внимание быстрое увеличение доли армянского населения, проживавшего в месте постоянного жительства менее 4 лет – с 22 % в 1979 г. до 33 в 1989. Вклад в увеличение этого показателя внесли вынужденные переселенцы, появившиеся в России в большом количестве после начала конфликта в Нагорном Карабахе в 1987 г. и землетрясения в Спитаке в 1988.

Показатель продолжительности проживания отражает в том числе интенсивность развития процессов урбанизации. В частности, этим можно объяснить более высокий уровень и заметный рост показателей мобильности у осетин, татар и чеченцев по сравнению с русскими за период с 1979 по 1989 г. Наименьший уровень мобильности в 1980-е гг. зафиксирован переписью у евреев. Следует отметить, однако, что главным направлением миграций этого народа являлось дальнее зарубежье. С 1979 по 1988 г. в Израиль, по данным Госкомстата РСФСР, выехало порядка 25 тыс. чел. Изменения в политике СССР в конце 1980-х гг., открывшие возможность свободного выезда за рубеж, обусловили резкое увеличение эмиграции евреев. Интенсивный миграционный отток населения в дальнее зарубежье в конце 1980-х гг. наблюдался также у немцев. В итоге численность этих двух народов в России к середине 1990-х гг. сократилась почти на четверть.

Таблица 35

Продолжительность непрерывного проживания в месте постоянного жительства*

Национальность	1979 г.					
	0–4 лет	5–9 лет	10–14 лет	15–19 лет	20–24 лет	25 лет и более
Евреи	7,3	5,7	5,3	5,6	8,6	67,4
Чеченцы	15,4	7,1	5,7	17,5	35,5	18,6
Русские	15,7	10,1	7,4	7,6	11,9	47,2
Осетины	16,7	10,2	8,3	8,2	14	42,6
Татары	18	10,2	6,9	6,8	12,9	45,1
Армяне	21,7	10,5	7,3	7,3	12,8	40,4
Белорусы	23,7	14,2	11,7	12,9	12,9	24,6
Украинцы	25,7	13,9	9,9	9,6	10,6	30,3
	1989 г.					
Евреи	8,1	6,5	6,6	6,7	6,5	65,4
Чеченцы	24,1	15,2	11,8	9,9	8,5	30,3
Русские	19	13	11,6	9,7	7,2	38,7
Осетины	20,5	13,7	11,9	10,6	8,8	34,3
Татары	22,3	14,6	11,3	9	6,9	35,7
Армяне	33	15,9	10	8,2	5,9	26,8
Белорусы	24,1	13,5	10,5	10,2	9	32,7
Украинцы	26,9	15,3	11	9,5	7,2	30

* *Рассчитано по:* РГАЭ. Ф. 1562 б. Оп. 336 (Т. 3). Д. 7705–7706; Федеральная служба госстатистики. Неопубликованные материалы переписи 1989 г.

Возрастно-половой состав наиболее многочисленных народов России

Особенности эволюции режимов воспроизводства, миграции и ассимиляции на протяжении длительного исторического периода аккумулируются в возрастно-половой структуре населения. Ана-

лиз данных переписи 1989 г. позволяет выделить несколько типов возрастно-половых структур тех национальностей России, для которых разрабатывались соответствующие данные переписи населения. На рис. 1 изображены возрастно-половые пирамиды каждого из этих типов. В основе приведенной типологии лежит кластерный анализ данных о половозрастном составе наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации по методу Уорда (состав групп и средние показатели их возрастного распределения представлены в табл. 36).

Таблица 36

Средние показатели возрастного распределения групп национальностей РСФСР, 1989 г.*

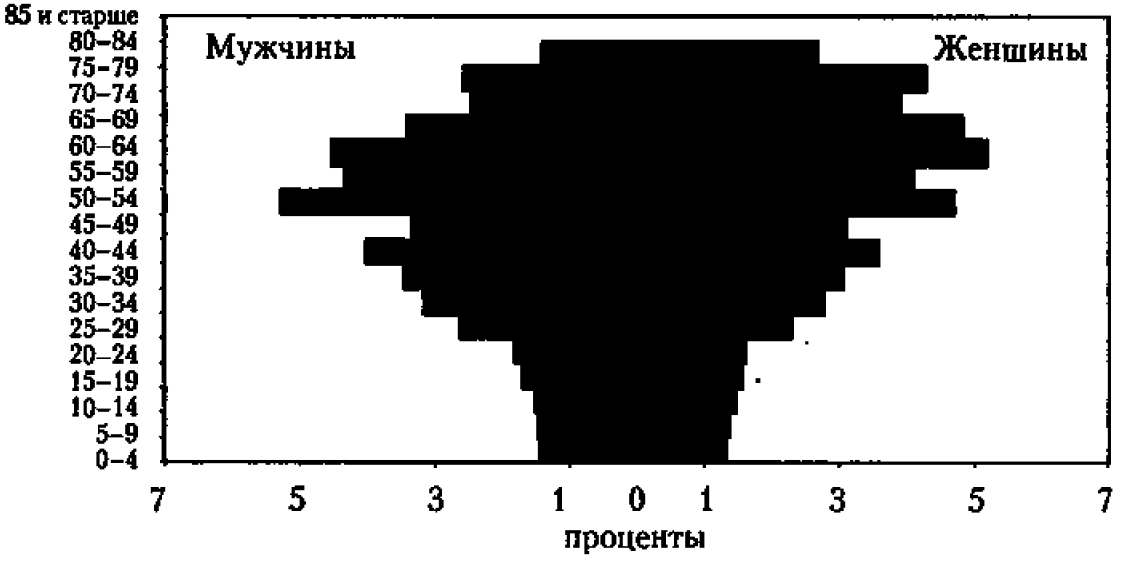
Группа	Состав групп	Доля детей, 0–14 лет (%)	Доля населения в возрасте 15–59 лет (%)	Доля лиц в возрасте от 60 лет и старше (%)	Численность женщин на 100 мужчин
Первая	Евреи	8,4	55,1	36,5	108
Вторая	Украинцы, белорусы, карелы, мордва	11,6	69,9	18,5	104
Третья	Русские, коми, татары, удмурты, чуваши, коми-пермяки	23,3	61,1	15,6	116
Четвертая	Армяне, балкарцы, башкиры, марийцы, кабардинцы, осетины, адыгейцы, карачаевцы, хакасы, черкесы	26,7	62,9	10,3	104
Пятая	Казахи, буряты, калмыки, якуты, алтайцы, манси, ханты	31,2	61,5	7,3	101
Шестая	Аварцы, даргинцы, ингуши, кумыки, лезгины, тувинцы, чеченцы, долганы, ненцы, чукчи, эвенки	35,8	57,4	6,8	103

* *Рассчитано по:* Федеральная служба госстатистики. Неопубликованные материалы переписи 1989 г.

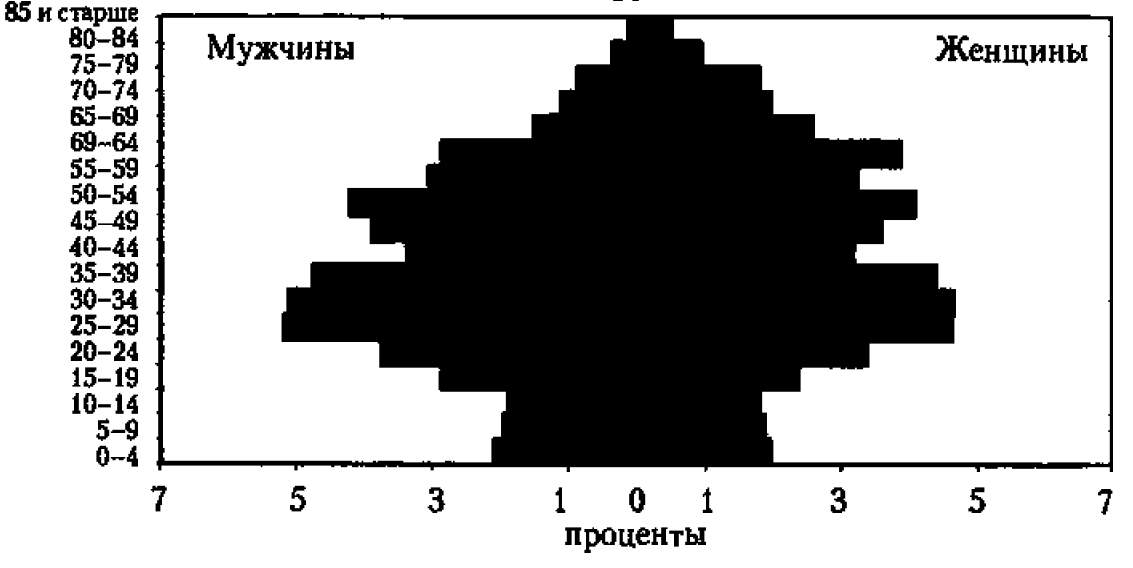
Рисунок 4

Возрастно-иоловые пирамиды для 6 групп народов РСФСР

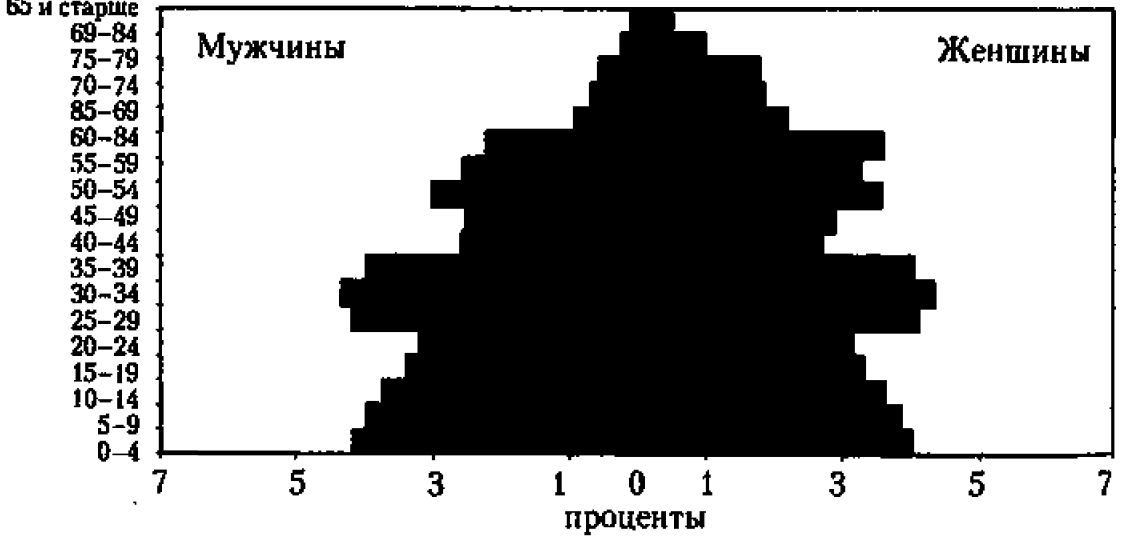
1-я группа



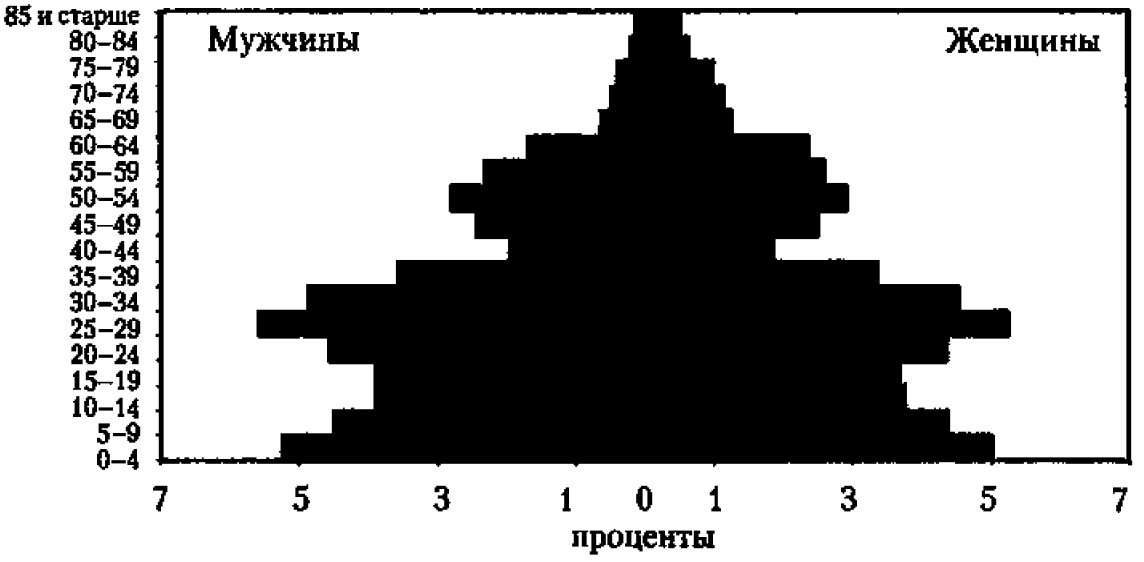
2-я группа



3-я группа

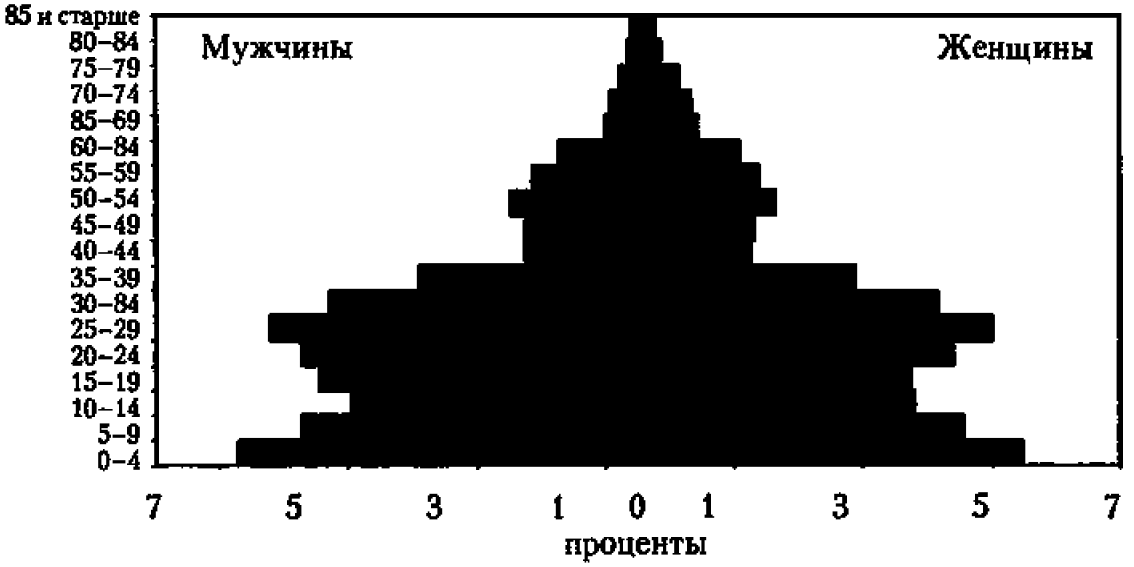


4-я группа



5-я группа

6-я группа



В качестве общей характеристики возрастно-половых пирамид народов РСФСР можно отметить волнообразные колебания численности отдельных возрастных групп, обусловленные резким спадом рождаемости и ростом смертности, сопровождавшими Первую и Вторую мировые войны, голодом 1930-х гг., а также подъемами рождаемости, носившими компенсаторный характер или вызванными мерами демографической политики конца 1930-х и начала 1980-х гг.

Самым старым в РСФСР было еврейское население (см. табл. 36). Раннее снижение рождаемости и интенсивная ассимиляция обусловили столь же раннее начало процесса демографического старения. За период с 1979 по 1989 г. у евреев наблюдалось заметное сокращение — с 60 до 55 % — доли лиц в трудоспособных возрастах и увеличение — с 32 до 37 % — удельного веса населения старших возрастов (табл. 17). Реализация мер демографической политики 1980-х гг., возможно, приостановила снижение доли детей в еврейском населении. Однако при наблюдавшемся режиме рождаемости и ассимиляционных установках численность еврейского народа в России в перспективе должна была значительно уменьшиться даже без влияния эмиграции.

Низкая доля детского населения (11,6 %) и доля пожилых (18,5), превышающая средние российские показатели, были характерны для возрастного распределения народов второй группы — украинцев, белорусов, мордвы и карелов (см. рис. 1, гр. 2). Возрастная структура украинцев и белорусов при этом отличалась чрезвычайно высокой долей лиц в трудоспособных возрастах — 70 и 74 % соответственно, против 61% в среднем по стране. Главным фактором формирования подобной структуры был приток мигрантов из союзных республик. Следует отметить, что значение доли детей в возрастном составе народов этой группы, существенно уступающее показателю, рассчитанному для населения страны в целом, явилось результатом не столько низкой рождаемости, которая была выше, чем у русских женщин, сколько интенсивной ассимиляции.

В состав третьей группы вошли русские, коми, татары, удмурты, чуваши, коми-пермяки (см. рис. 1, гр. 3). Распределение по возрасту и полу многочисленного русского населения определило средние показатели возрастно-половой структуры для всего населения России. Среди направлений изменения возрастного распределения народов этой группы за 1979–1989 гг. следует выделить увеличение удельного веса лиц в старших возрастах при сокращении доли трудоспособных. В составе русского населения возросла доля детской возрастной группы. У чувашей и удмуртов доля детей сократилась (см. табл. 17).

Группу народов с умеренной долей детей (26,7 %) и относительно небольшим (10,3 %) удельным весом лиц старших возрастов составили армяне, балкарцы, башкиры, кабардинцы, марийцы, осетины, адыгейцы, карачаевцы, хакасы, черкесы (см. рис. 1, гр. 4). Анализ динамики показателей возрастной структуры свидетельствует об уменьшении доли детского населения у большинства народов этой группы в исследуемый период. Доля лиц старше 60 лет уменьшилась в возрастном составе армян, кабардинцев и балкарцев при увеличении удельного веса лиц трудоспособных возрастов. У марийцев и осетин удельный вес лиц старших возрастов увеличился, причем осетины достигли 12-процентного рубежа демографического старения еще в 1959 г. Благодаря миграции и низким ассимиляционным установкам мигрантов, у армянского населения России в конце 1980-х гг. сохранялись высокие доли лиц в трудоспособных и детских возрастах.

Возрастная структура народов пятой группы, в состав которой вошли казахи, буряты, калмыки, якуты, алтайцы, манси и ханты, характеризовалась высокой долей детей (31,2 %) и низкой долей населения старших возрастов (7,3 %). В период с 1979 по 1989 г. в возрастном составе этих народов несколько сократился удельный вес лиц старше 60 лет. Разнонаправленные тенденции характеризовали динамику удельного веса детей. Так, у якутов она сократилась с 33,5 % до 31,8, а у бурят возросла с 31,9 до 33,4.

Шестая группа объединила самые молодые в демографическом смысле народы РСФСР, к которым в 1989 г. относились аварцы, даргинцы, ингуши, кумыки, лезгины, тувинцы, чеченцы, долганы, ненцы, чукчи и эвенки. Возрастное распределение народов данной группы отличалось самой высокой долей детского населения (35,8 %) и наименьшим удельным весом пожилых людей (6,8). Изменение показателей возрастной структуры этих народов в исследуемый период характеризовалось некоторым уменьшением удельного веса детских и пожилых возрастных групп и увеличением доли населения в возрастах 15–59 лет (табл. 37).

Таблица 37

Возрастной состав некоторых народов РСФСР (в процентах)*

Национальность	1979 г.			1989 г.		
	0–14	15–59	60+	0–14	15–59	60+
Все население	21,6	64,7	13,7	23,2	61,4	15,4
Русские	21,5	64,5	14	23,4	60,8	15,8
Татары	22,7	66	11,3	22,7	64	13,3
Украинцы	11	73,7	15,3	11,8	69,9	183

Окончание таблицы 37

Национальность	1979 г.			1989 г.		
	0–14	15–59	60+	0–14	15–59	60+
Чуваши	24,6	63,8	11,6	21,6	64,8	13,6
Башкиры	28,5	61,3	10,2	26,9	63	10,1
Белорусы	9,5	78,7	11,8	9,1	74,4	16,5
Мордва	16,8	65,9	17,3	13,5	65,5	21
Чеченцы	38,1	54,5	70,4	36,1	57,2	6,7
Удмурты	22,4	66,3	11,3	20,9	65,7	13,4
Марийцы	26,1	64,4	9,5	24,9	63,9	11,2
Аварцы	39,6	52	80,4	34,9	57,2	70,9
Армяне	20,4	67,6	11,9	25,5	63,7	10,8
Евреи	8,4	59,8	31,8	8,4	55,1	36,5
Казахи	33,4	59,5	70,1	29,5	64,2	60,3
Буряты	31,9	58,9	90,1	33,4	57,7	80,9
Кабардинцы	33,4	57,9	80,7	30,7	61,5	70,8
Калмыки	28,2	63,9	70,9	30,4	62,2	70,4
Карелы	10,9	68,8	20,2	11,5	63,6	24,9
Коми	21,7	66,5	11,8	21,9	64,6	13,5
Осетины	26,1	62,5	11,4	25	62,7	12,3
Якуты	33,5	59,3	70,1	31,8	61	70,2
Балкарцы	31,1	59,6	90,3	28,6	62,5	80,9
Даргинцы	40,8	50,9	80,2	36,5	55,9	70,6
Кумыки	37,5	55,2	70,3	35,2	57,7	70,1
Лезгины	...	...	...	34,5	58,7	60,8
Тувинцы	44	52,7	30,3	38,9	57,7	30,4
Ингуши	39,4	53,4	70,1	35,4	58,1	60,5

* *Рассчитано по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336 (Т. 3). Д. 7121, 7152–7154; Федеральная служба госстатистики. Неопубликованные материалы переписи 1989 г.

В целом возрастной состав большинства народов РСФСР в 1989 г. отличался повышенной долей детского населения и пониженной долей лиц в старших возрастах по сравнению со среднероссийскими показателями, т. е. показателями русского населения. Главным фактором, определявшим возрастной состав отдельных национальностей и их дифференцнацню, была рождаемость. Вместе с тем возрастная структура некоторых народов формировалась под сильным влиянием миграционных и ассимиляционных процессов. Различия в уровне смертности между народами были незначительнымн для того, чтобы оказывать заметное влияние на этническую дифференциацню возрастных структур.

Глава VI
Брачные отношения в 1980-е гг.

Мотивы и возраст вступления в брак

Вступление в брак и создание семьи в 1980-е гг., как и в предыдущие десятилетия, было основано на взаимной любви, а также свободном и добровольном выборе женихов и невест. Такая основа брачного выбора значительно увеличивала морально-психологические ценности брачно-семейных отношений, повышала роль взаимопонимания и поддержки в семье, ценности интимных сторон супружества. Об этом свидетельствовали, прежде всего, данные опросов населения крупных городов Урала, проведенных в 1982 г. Их изучение показало, что у молодых супругов в иерархии жизненных ценностей ведущее место (80 % от числа опрошенных) занимали взаимопонимание и доверие. Ценности супружеской любви у супругов Златоуста составляли 44,4 %, а Магнитогорска — 46,4. У молодоженов повысились представления о ценности собственного здоровья. За эти ценности высказались 60,2 % опрошенных в Златоусте и 57 в Магнитогорске. Важно отметить, что ценности материального благополучия, а у молодых специалистов — интересной и творческой работы были выше ценности детей. В Златоусте и Магнитогорске на значимость первенца как основной жизненной ценности указало всего 2,2 % опрошенных, в Свердловске — 5. Среди наиболее важных условий счастливого брака 68,1 % опрошенных назвали взаимоуважение и согласие супругов, 66,1 — взаимную любовь, 51 — верность супругов друг другу, 31 — материальное благополучие; 24,3 % — сексуальную гармонию в супружеских отношениях. На ценность детей указало 15,2 % молодых супругов[1].

Семейные ценности представлялись более важными женщинам, чем мужчинам. Женщины, несмотря на значительные изменения их роли в общественной, профессиональной и семейной жизни, все-таки меньше мужчин ориентировались на карьеру. Из данных опроса, проведенного в Москве в 1983–1984 гг., видно, что женщин, отдавших предпочтение семье, было около 50 %, мужчин — около 34.

Любопытно, что к этому времени за рубежом семейные ценности у молодежи изменились. Опрос 1982 г. в Западной Германии показал, что для девушек в возрасте от 15 до 19 лет в иерархии жизненных

ценностей ведущую роль играла профессиональная карьера, а затем семья и материнство. У молодежи в целом снижалось желание иметь семью и детей[2].

Данные опросов, проведенных в 1988 г. среди рабочих и интеллигенции Москвы и Львова, свидетельствовали о повышении среди опрошенных, особенно по сравнению с прошлыми годами, требований к брачному выбору, эмоциональному комфорту в браке, общности интересов супругов, удовлетворенности интимной жизнью. Эти требования сильнее проявлялись у женщин с высшим образованием и реже встречались у мужчин рабочих профессий. В то же время традиционные семейные ценности (муж обеспечивает семью материально, жена занимается домашним хозяйством и воспитанием детей) сохранялись. Такая иерархия ценностей была популярна в то время и среди городского, и среди сельского населения. Приверженность, с одной стороны, к традиционным, а с другой — к современным потребностям и требованиям супругов, родителей и взрослых детей порождала многочисленные противоречия и конфликты в семьях[3].

Материалы, собранные в 1980-е гг. социологами, свидетельствуют о зависимости семейных ценностей женщин и мужчин от их брачного состояния. Женщины, состоявшие в браке и разведенные, семейному благополучию, хорошим взаимоотношениям в семье, наличию детей, их воспитанию и становлению придавали большее значение, чем женщины, не состоявшие в браке. Однако женщины, никогда не вступавшие в брак, чаще замужних и разведенных называли в качестве жизненной ценности семью и «хорошего мужа». Кроме того, у незамужних женщин средних возрастов заметную роль в мотивации вступления в брак играла боязнь одиночества.

Социологи отмечали, что с увеличением возраста ценности счастливого супружества для женщин всех категорий брачного состояния снижались. Такая зависимость у женщин, не состоявших в браке, выражалась сильнее, чем у состоявших как в зарегистрированном, так и фактическом браках.

С повышением уровня образования понижалась ценность детей и их воспитания. Это явление особенно сильно проявлялось у никогда не состоявших в браке женщин. Они ориентировались, главным образом, на внесемейные ценности: овладение профессией и карьерный рост, развитие личности и общение с друзьями, отдых и развлечения и т. д.

Из собранных и проанализированных социологами данных видно, что женщины всех категорий брачного состояния серьезное значение придавали возможности иметь интересную и любимую рабо-

ту, а также реализовать свой творческий и трудовой потенциал. Это стремление замужних женщин нередко снижало в их жизни роль семейных ценностей. Однако для не состоявших в браке женщин профессиональный и карьерный рост был в жизни намного важнее, чем для замужних. Изменение брачного состояния женщины меняло ее отношение к этим проблемам. Так, у разведенных женщин значение традиционных ценностей семьи понижалось.

У не состоявших в браке мужчин молодых возрастов 18–19 лет семейные ценности были низкими. С увеличением возраста, особенно при вступлении в брак, ценности брака и семьи повышались. Из данных опросов, проведенных в 1970–1980-е гг., видно, что в Твери доля мужчин, считавших хорошую семью необходимым условием счастливой жизни, составляла 32 %, Саратове — 49,8. У замужних женщин аналогичные показатели были выше, чем у женатых мужчин — соответственно 40,7 % и 59,7. Вместе с тем мужчины в оценках качеств, наиболее ценных в мужчинах, на первое место ставили преданность делу и принципиальность, на второе — хозяйственность и домовитость, а на третье — привлекательность и веселый характер. Женщины, наоборот, считали более важными мужскими чертами хозяйственность и домовитость[4].

Увеличились ценности сексуальных отношений в супружестве. Проведенные в эти годы обследования выявили сближение сексуального поведения мужчин и женщин. Это явление уменьшало количество традиционных запретов и вело к ликвидации двойных стандартов в оценках сексуального поведения мужчин и женщин, формировало в обществе единую сексуальную мораль. Сексуальность супругов стала автономной и не сводилась к деторождению, что существенно изменяло репродуктивное поведение, снижало ценность детей в семье, способствовало распространению внебрачных контактов. Вместе с тем новые явления в брачно-семейных отношениях значительно больше затрагивали население крупных российских городов, чем провинциальных и особенно национальных. В селах эти явления также были менее распространены, чем в городах[5].

Изменение ценностных установок горожан на брак и семью, увеличение внесемейных потребностей, в том числе сексуального характера, сокращение количества широко распространенных ранее запретов и двойных стандартов в брачном поведении мужчин и женщин способствовали росту числа внебрачных сексуальных связей. Опросы научных работников и квалифицированных рабочих в 1988 г. в Москве и Львове свидетельствовали об отсутствии у большинства опрошенных огульной критики внебрачных контактов. Респонденты исходили из возникавших в жизни сложнейших ситуаций и оцени-

вали внебрачные сексуальные связи мужчин (69 % респондентов) и женщин (59) в зависимости от конкретной ситуации. Осуждали внебрачные контакты 20 % респондентов, если речь шла о мужчинах, и 31 %, если о женщинах[6].

Количество внебрачных сексуальных контактов в 1980-е гг. выросло не только у мужчин, но и у женщин. Проведенные в эти годы в Свердловске исследования свидетельствовали о том, что около половины замужних женщин имели внебрачные сексуальные отношения[7]. Хотя общественное мнение в оценке поведения мужчин и женщин сближалось, к женским внебрачным связям отношение все-таки было намного строже, чем к мужским.

Мотивы внебрачных сексуальных связей у мужчин и женщин были различными. У большинства мужчин внебрачное сексуальное поведение определялось случайными и не обремеиявшими их связями обычно компенсирующего характера (усталость от житейских проблем, неудовлетворенность супругой, поиск новых ощущений и т. д.). Одним из мотивов внебрачных сексуальных отношений было также стремление уйти от одиночества.

В мотивации внебрачного сексуального поведения женщин сильнее, чем у мужчин, проявлялись эмоционально-эротические устремления, в основном связанные с новым знакомством и новой любовью, неудовлетворенностью супругом и т. д. В отличие от мужчин, женщины больше тяготели к стабильным связям. Женщины имели заметно меньше, чем мужчины, мотивов внебрачных случайных контактов. Понижался у женщин и мотив ухода от одиночества[8]. Изучение внебрачных сексуальных контактов свидетельствует не только о существовании разной мотивации их у мужчин и женщин, но и о сближении их сексуального поведения.

В зарубежных странах, как и в Российской Федерации, повысились потребности населения в эмоционально-психологических сторонах брачно-семейных отношений. Тем не менее за рубежом заметнее, чем в РСФСР, было влияние социально-экономических и социально-психологических факторов на семейные ценности[9].

Таким образом, в 1980-е гг. по сравнению с прошлыми десятилетиями усилилось стремление российского населения к эмоциональной и духовной близости, взаимопониманию и поддержке в брачно-семейных отношениях, повысились также эмоционально-эротические потребности мужчин и женщин в брачном выборе и супружестве. Однако изменение брачно-семейных ценностей, а также ранее выработанных норм и стандартов брачного поведения не снизили у горожан и сельчан установок на семейную жизнь. Все это определяло специфику добрачного и брачного поведения российского населения.

Изменение семейных ценностей, снижение роли консервативных норм и запретов в браке и семье усиливали наблюдавшуюся в прошлые десятилетия трансформацию добрачного поведения молодежи. Этому в немалой степени способствовало стремление большинства юношей и девушек к получению высшего образования и его реализации в профессиональной деятельности и карьере, тем более что многие юноши и девушки, особенно в городах, проявляли неудовлетвореннность сохранявшимися консервативными брачно-семейными ценностями. Особенности добрачного поведения определялись также акселерацией юношей и девушек. У девушек наблюдалось снижение возраста вступления в первые сексуальные связи. Из данных специально проведенных обследований видно численное увеличение девушек, приобретших первый сексуальный опыт в 16–18 лет и даже в 14–16. Однако в этих возрастах юноши чаще девушек вступали в первые сексуальные контакты. Среди рабочих в возрастах до 16 лет начали сексуальную жизнь 17 % юношей и менее 2 % девушек. Более свободными становились добрачные отношения сельской молодежи. Исследователи отмечали, что в селах в молодежной среде добрачные сексуальные связи стали распространяться более широко, чем в прежнее десятилетие.

У юношей и девушек существовали различия в мотивах первых сексуальных контактов. Так, у юношей преобладали влечение и любопытство, а у девушек — любовь и любопытство. Раннее вступление молодежи в сексуальную жизнь обычно не было связано с вступлением в брак и деторождением. Однако низкая сексуальная культура, отсутствие сексуального опыта нередко приводили к внебрачным зачатиям. Вместе с тем в городах, особенно провинциальных, и селах в 1980-е гг. в значительной степени сохранялось традиционное негативное отношение к добрачным сексуальным отношениям, прежде всего, девушек. Более строгие требования предъявлялись к девушкам, а не к юношам, несмотря на выравнивание оценок их поведения.

Важно также отметить, что проведенные обследования показали, что у молодежи европейских стран позднее вступление в трудовую жизнь после получения продолжительного образования способствовало широкому распространению сексуальных отношений до вступления в брак[10].

В 1980-е гг. на возраст вступления в брак уже не влияла послевоенная диспропорция в соотношении полов.

В эти годы продолжалось снижение брачного возраста населения России, наметившееся еще с середины 1960-х гг. (см. табл. 38).

Таблица 38

Возраст вступления в первый брак мужчин и женщин в РСФСР*, 1970–1990 гг.

Годы	Средний возраст (лет) вступления в первый брак	
	мужчины	женщины
1970	25,7	24,2
1980	24,6	23,1
1985	24,7	23,2
1986	24,9	23,3
1987	25,0	23,3
1988	25,1	23,2
1989	24,9	22,9
1990	24,7	22,6

* *Составлено по:* О положении семей в Российской Федерации. М., 1994. С. 10–11.

Вступление в первый брак было достаточно ранним, возрастная разница вступающих в брак мужчин и женщин невелика: в 1990 г. — 2,1 года.

В 1980-е гг. в России традиционно сохранялось раннее вступление населения в первый брак, несмотря на тенденцию увеличения брачного возраста. Таким образом, брачный возраст населения России по-прежнему был заметно ниже, чем в большинстве стран Европы[11].

В городах России, особенно столичных, население вступало в брак позднее, чем в стране в целом. При вступлении в брак и создании семьи у городских жителей РСФСР в возрастах до 30 лет традиционно доминировали первые браки. Наибольшее число первых браков фиксировалось в возрастах 20–24 года и 25–29 лет. Число ранних первых браков в возрасте до 20 лет было в целом небольшим. Повторных браков у вдовых и разведенных горожан в этих возрастных группах также было численно немного. Однако в средних, пожилых и старческих возрастах регистрировались в основном повторные браки разведенных и вдовых[12].

Мужчины во всех городских поселениях вступали в первые браки в основном в возрастах 21–22 года. Ранних первых браков до 18 лет было численно немного. С увеличением возраста у мужчин снижалась численность вступлений в первый брак и увеличивалось число вступлений в повторные браки овдовевших и разведенных мужчин.

Разведенные мужчины повторно вступали в брак в основном в средних возрастных группах — 30–34 года. Повторные браки вдовцов численно превалировали в возрасте 60 лет и старше.

У городских женщин, как и у мужчин, первые браки численно преобладали. Женщины вступали в первые браки в основном в возрастах 19–20 лет. Брачных союзов в возрастных группах до 18 лет и 18 лет было численно немного, но все-таки больше, чем у мужчин. Повторные браки доминировали у разведенных женщин. Вдовы чаще вдовцов вступали в повторные браки. Разведенных женщин, повторно вступивших в брак, было численно меньше, чем разведенных мужчин. С увеличением возраста женщин снижалась численность вступлений в первый брак и повышались вступления в повторные браки овдовевших и разведенных женщин. Особенно много браков вдов отмечалось в возрасте 60 лет и старше. Разведенные женщины, как и мужчины, в большинстве случаев повторно вступали в брак в возрастных группах 30–34 года.

Средний возраст женихов, вступавших в первый брак, понизился с 29,2 года в 1965 г. до 25,1 года в 1985 г. У невест наблюдалась близкая ситуация: средний возраст невест, вступавших в первый брак, понизился с 28,6 до 24,2 года. Однако брачный возраст невест был ниже, чем у женихов. Повторные браки заключались москвичами в средних возрастах. Средний возраст женихов, вступавших в повторный брак, несколько повысился с 40,2 года в 1965 г. до 41,4 в 1985. Более существенное увеличение среднего возраста отмечалось у невест, вступавших в брак повторно — с 34,8 до 38,6 года.

В сельской местности большинство мужчин вступало в первый брак в возрасте 20–24 года. Активное вступление мужчин в брак также наблюдалось в возрасте 25–29 лет. Ранних браков у мужчин было немного. Женщины чаще стали вступать в ранние браки в возрасте до 20 лет. Однако большинство женщин по-прежнему вступало в первый брак в возрасте 20–24 года. В возрастных группах 25–29 лет и особенно 30 лет и старше женщины заметно реже выходили замуж.

Вместе с тем обследования, проведенные в 1980-е гг., показали, что городская молодежь вступала в брак позднее, чем сельская, а брачный возраст у интеллигенции был выше, чем у рабочих[13].

Мужчины активно вступали в брак в возрастах 20–24 года, 25–29 лет. Ранних браков (до 20 лет) было немного. В возрастах до 20 лет мужчины в основном вступали в брак со своими ровесницами или с женщинами на пять лет старше. В этом возрасте брачные союзы с большой возрастной разницей между мужчинами и женщинами встречались редко. В возрасте 20–24 года у мужчин наиболее распространенными были браки с ровесницами, с женщинами на пять лет моложе, а также на пять лет старше. С увеличением возрастной

разницы численность браков сокращалась. В возрастах 25–29 лет наибольшее число браков мужчины заключали с женщинами на пять лет моложе и ровесницами. Значительно меньше было браков с женщинами в возрастах до 20 лет, 30–34 года и старше. В возрасте 30–34 года мужчины активно вступали в брак с женщинами в возрастах 25–29 лет и 20–24 года, а также ровесницами. В последующих средних и пожилых возрастных группах у мужчины были распространены браки с женщинами на пять лет моложе и ровесницами.

Женщины чаще, чем мужчины, выходили замуж в наиболее молодых возрастах до 20 лет. Однако наибольшее число брачных союзов заключалось в возрасте 20–24 года. В последующих возрастах число браков у женщин сокращалось. Женщины активно вступали в брак со своими ровесниками и мужчинами на пять моложе. Распространение у женщин также получили брачные союзы с мужчинами на пять лет старше. Браки с большой возрастной разницей и у мужчин, и у женщин фиксировались редко[14].

Таким образом, в Российской Федерации сохранялось раннее вступление населения в брак. Это явление в большинстве случаев порождало зависимость молодых супругов от их родителей в решении финансовых и жилищных, а также многочисленных психологических проблем.

В городах мужчины в возрастах до 20 лет в основном вступали в брак со своими ровесницами или с женщинами на пять старше. В Свердловске, например, супруги, вступившие в брак в 1980 г., в половине случаев (50,2 %) были ровесниками. Вместе с тем фиксировались случаи, когда невесты были моложе женихов, а также женихи — моложе невест[15].

В молодых и средних возрастных группах наиболее распространенными у мужчин были браки с женщинами на пять лет моложе, а также с ровесницами. В пожилых возрастах наблюдались те же закономерности. Горожанки часто вступали в брак со своими ровесниками и с мужчинами на пять лет старше. Распространение среди женщин получили также брачные союзы с мужчинами на пять лет моложе. Брачные союзы с большей возрастной разницей и у мужчин, и у женщин фиксировались редко.

В селах, как и в городах, при вступлении в брак отсутствовала большая возрастная разница между женихом и невестой. Однако мужчины обычно женились на более молодых женщинах[16].

О возрастных предпочтениях при вступлении в брак молодежи свидетельствовали обследования 1985–1988 гг. старшеклассников средних школ, школ-интернатов, профессионально-технических училищ, а также техникумов Москвы. Полученные результаты пока-

зали, что большинство девушек собиралось создать семью в возрасте до 24 лет, большинство юношей — после 24 лет.

Данные этих обследований также свидетельствовали о взглядах молодежи на возможные возрастные соотношения между мужем и женой. Юноши полагали, что муж может быть старше жены на 6–7 лет, жена старше мужа — не более чем на 4 года. Девушки считали возможными брачные союзы со сверстниками, а также с мужчинами старше себя на 5–6 лет. Они допускали и такую возрастную разницу при вступлении в брак, когда жена старше мужа на 3 года[17].

Возраст вступления в брак, возрастные соотношения женихов и невест имели устойчивый характер, что оказывало влияние на брачно-семейные отношения, а также репродуктивное поведение населения.

Уровень брачности

Из данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. следует, что в СССР состояло в браке 136 млн чел. За межпереписной период с 1979 по 1989 г. удельный вес состоявшего в браке населения увеличился на 11 %. Изучение брачного состояния российского населения свидетельствовало о том, что больше половины его состояло в браке. Из данных переписи населения 1989 г. видно, что в РСФСР большинство мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке, а вдовцов, разведенных и разошедшихся было немного. В то же время число никогда не состоявших в браке мужчин преобладало над вдовцами, разведенными и разошедшимися. На 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке 718 чел., никогда не состояло в браке — 196, вдовцов было 25, разведенных и разошедшихся — 57, не указавших состояние в браке — 4. В брачной структуре женщин-вдов и разведенных было численно больше, чем у мужчин. Больше половины женщин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке. Однако число замужних женщин — намного меньше, чем женатых мужчин. Никогда не состоявших в браке женщин было численно меньше, чем мужчин этой категории брачного состояния. Вдов, разведенных и разошедшихся женщин — больше, чем вдовцов, разведенных и разошедшихся мужчин. На 1000 женщин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке 598 чел., никогда не состояло в браке — 132, вдов было 182, разведенных и разошедшихся — 84, не указавших состояние в браке — 4.

За межпереписной период с 1979 по 1989 г. у мужчин увеличилось число состоявших в браке и вдовцов, разведенных и разошедшихся, и сократилось — никогда не состоявших в браке. У женщин повысилось число состоявших в браке, разведенных и разошедшихся, понизилось — никогда не состоявших в браке и вдов[18].

В РСФСР мужчины, вступившие в брак в 1989 г., в основном были холостяками — 73,3 % (по отношению ко всем вступившим в брак), вдовцов было немного — 3,1 %. В то же время удельный вес разведенных был заметно выше, чем вдовцов — 23,5 % (не указавших состояния в браке — 0,1). При вступлении в брак у женщин, как и у мужчин, наблюдалось доминирование никогда не состоявших в браке — 73,6 % (по отношению ко всем вступившим в брак). Однако в брачном состоянии женщин возрастала доля вдов (4,6 %) и незначительно понижалась — доля разведенных (21,7), не указавшие состояния в браке составляли 0,1 %.

Мужчины наиболее молодых брачных возрастов до 18 лет и 18–19 лет при вступлении в брак обычно были холостяками. Вдовцы и разведенные мужчины в этих возрастах вступали в повторный брак редко. Холостяки вступали в брак в основном в возрасте 20–24 года. В этих возрастах фиксировалось также численное увеличение вступивших в брак разведенных мужчин. В средних трудоспособных возрастах от 30–34 до 55–59 лет вступали в брак в основном разведенные мужчины. Численно меньше вступали в брак в этих возрастных группах никогда не состоявшие в браке мужчины. Повышалось число вступивших в брак вдовцов. В возрастах 60 лет и старше доминировали повторные браки вдовцов и разведенных мужчин. Заметно сокращалось число вступивших в брак холостяков.

У женщин, как и у мужчин, в возрастах до 18 лет и 18–19 лет в основном вступали в брак женщины, никогда не состоявшие в браке. В этих возрастных группах вступивших в брак вдов и разведенных женщин было численно немного, но все-таки заметно больше, чем у мужчин. Никогда не состоявшие в браке женщины в основном вступали в брак в возрасте 20–24 года. Значительное число женщин этой брачной категории вступали в брак также в возрасте 25–29 лет. В этих возрастных группах повышалось число вступивших в брак разведенных женщин и вдов. В возрастах 30–34 и 55–59 лет сокращалось число вступивших в брак женщин, никогда не состоявших в браке, и увеличивалось число разведенных женщин и вдов. В возрастах 60 лет и старше вступали в брак, главным образом, вдовы, а число вступивших в брак женщин разведенных и никогда не состоявших в браке понижалось. Важно отметить, что в этих возрастных группах вступивших в брак вдовцов и разведенных мужчин было численно больше, чем вдов и разведенных женщин.

Особенностью брачности в 1980-е гг. при вступлении в брак горожан было заметное увеличение удельного веса разведенных мужчин и женщин активных брачных и репродуктивных возрастов и понижение удельного веса никогда не состоявших в браке. Среди мужчин, вступавших в брак, удельный вес никогда не состоявших в браке со-

ставлял 70,5 %, вдовцов — 3,1, разведенных — 26,3, не указавших состояния в браке — 0,1 %; у женщин — соответственно 71,6 %, 4,5, 23,8 и 0,1 %. Доля разведенных мужчин и женщин среди вступавших в брак наиболее особенно увеличилась в крупнейших российских городах. В Москве, например, средн вступавших в брак доминировали неженатые мужчины и незамужние женщины. Среди женихов в 1965 г. холостяков было 63,7 %, в 1975 — 60,3, в 1985 — 55,4. У невест незамужние женщины составляли соответственно 72,5 %, 65,4, 61,7. Одиако среди вступавших в брак доля холостяков и невест, ранее не состоявших в браке, сокращалась. В то же время данные статистнки показали увеличенне среди вступавших в брак удельного веса вдов и вдовцов, особенно по сравнению с 1960 г. Вступавшие в брак вдовцы в 1960 г. составляли 3,5 %, а в 1985 — 4,6, вдовы — 3,2 и 5,2 %. Доля разведенных женнхов среди вступавших в брак в 1965 г. была — 29,2 %, в 1975 — 34,6, в 1985 — 40, разведенных невест — соответственно 22 %, 28,9, 33,1. Из этих данных видно, что доля разведенных среди вступавшнх в брак женихов была заметно больше, чем среди невест.

Вступленне в брак горожан в нанболее активных брачных возрастах обусловило численное преобладание состоявших в браке мужчин и женщин. В городах РСФСР на 1000 чел. населения в 1989 г. вступило в брак — 719 мужчин и 571 женщниа. Изучение данных переписей населения свндетельствует о численном увеличении горожан, состоявших в браке, особенно мужчин: в 1959 г. на 1000 чел. населения вступило в брак — 687 мужчин и 520 женщин; в 1979 г. — соответственно 704 и 569. Наибольшее число женатых мужчин было в городах Центрального (718), Центрально-Черноземного (712), Уральского (711) районов. Самое большое число замужних женщин отмечалось в городах Дальнего Востока (648), Восточной (606) и Западной (585) Сибири.

По-иному складывалось чнсленное соотношение женатых мужчин и замужних женщин в возрастных группах городского населенння. В материалах Всесоюзной переписи населения 1989 г., как и предыдущих переписей населения (1959, 1970 и 1979 гг.), фиксировалось небольшое чнсло состоявших в браке мужчин в наиболее молодых возрастах 16–17 и 18–19 лет. Однако данные переписи населения 1989 г. свидетельствовали о численном увеличении женатых мужчин в этих возрастах. В возрасте 25–29 лет больше половины мужчнн состояло в браке. Максимальное чнсло состоявшнх в браке мужчин отмечалось в средних возрастах. В пожилых и старческих возрастиых группах число женатых мужчин снижалось.

Женщин, состоявших в браке, в возрастах 16–17 и 18–19 лет было численно иемного, но все же больше, чем мужчин. Кроме того, в материалах переписей населения 1979 и 1989 гг. видно увеличенне чис-

ленности замужних женщин в этих возрастных группах. В отличие от мужчин больше половины женщин в возрасте 20–24 года состояло в браке. Наибольшее их число приходилось на возраст 30–34 года. В средних возрастиых группах 35 лет и старше число замужних женшин понижалось. Особенно интенсивно понижение числа замужних жеищин происходило в пожилых и старческих возрастах. В этих возрастных группах число состоявших в браке женшин было меньше, чем число женатых мужчин[19].

В селах у мужчнн и женщнн, вступившнх в брак в 1989 г., отмечался высокий удельный вес ннкогда не состоявших в браке. Вместе с тем доля разведенных мужчнн и женщин в сельской местности была ниже, чем в РСФСР в целом и в городах. Среди сельских мужчин, вступивших в брак, удельный вес никогда не состоявших в браке составлял 81,7 %, вдовцов — 3,2, разведенных — 15, не указавших состояния в браке — 0,1 %; среди женшин — соответственно 79,7 %, 4,8, 15,4, 0,1.

Таким образом, мужчины позднее женщин вступали в брак, но их брачная жнзнь была продолжнтельнее, чем у женщин. Состоявших в браке женщин фиксировалось численно меньше, чем мужчии, а вдов, разведенных н разошедшихся женщин — больше, чем вдовцов, разведенных и разошедшихся мужчин.

Даиные Всесоюзной переписи населения 1989 г. свидетельствуют о том, что никогда не состоявшие в браке мужчины преимущественно вступали в брак с женщинами, ннкогда не состоявшими в браке, лнбо разведеннымн и заметно меньше — с вдовамн. Вдовцы в основном аступали в брак с разведенными женщинами, численно меньше было брачных союзов с вдовами и особенно — с никогда не состоявшими в браке женщинами. У разведенных мужчин широкое распространение получили браки с разведенными женшинами, менее популярны были браки с женщинами, никогда не состоявшими в браке, и в особенности — с вдовами.

В городах фиксировалась такая же ситуация. Никогда не состоявшие в браке мужчины в большинстве случаев вступали в брак с никогда не состоявшимн в браке женщинами. Мужчнны этой брачной категорни реже вступали в брак с разведенными женщинами н в особенности с вдовами. Вдовцы преимущественно вступали в повторный брак с разведенными женщинамн и вдовами. Брачные союзы между вдовцами и никогда не состоявшнми в браке женщинами наблюдались значительно реже. Разведенные мужчины повторно предпочитали жениться на разведенных, а также никогда не состоявших в браке женщинах. Повторные браки между разведенными мужчинами и вдовами были меньше распространены.

В Москве разведенные женихи все реже выбирали для повторного вступления в брак невест, ранее не состоявшнх в браке. Из данных статистики видно, что удельный вес этой категории невест понизился: в 1970 г. он составлял 46,1 %, в 1980 — 40,7, а в 1985 — 39,4 %. Сократилась доля невест-вдов с 8 % до 7,6 и затем до 6,1. Заметное распространение получили повторные браки между разведенными женихами и разведенными невестами. Их удельный вес значительно увеличился — с 45,9 % в 1970 г. до 51,7 в 1980 и 54,5 в 1985 г.

Доля холостяков, вступивших в брак с разведенными женщинами, составляла в 1970 г. 35,9 %, в 1980 — 35,6, а в 1985 — 28,1; доля вдовцов — соответственно 6,6 %, 6,1, 6,1; доля разведенных, напротив, возросла с 57,5 % до 58,3 и затем до 65,8. Таким образом, при повторных браках разведенных мужчин и женщин были частыми брачные союзы между разведенными женихами (невестами) и впервые вступавшими в брак невестамн (женихами). Значнтельно повысился удельный вес повторных браков между разведенными женихамн н невестами.

В селах, как и в городах, в первые браки обычно вступали никогда не состоявшие в браке мужчины с никогда не состоявшими в браке женщинами. Мужчины этой брачной категории также вступали в брак с разведенными женщинами и заметно реже — с вдовами. Вдовцы охотно женились и на разведенных женщинах, и на вдовах, и на жеищинах, никогда не состоявших в браке. Разведенные мужчины для повторного брака обычно выбиралн никогда не состоявшнх в браке, а также разведенных жснщнн. Браки разведенных мужчин с вдовами былн менее популярны.

Большинство россиян, вступивших в брак в 1989 г., не имело общих детей в возрасте до 18 лет. Это явление было зарегистрировано у городскнх и сельских жителей РСФСР. Из данных статистнки видно, что доля зарегистрированных браков, при которых супруги не имели общего несовершеннолетнего ребенка, составляла 92,8 % (ко всем зарегистрнрованным в 1989 г. бракам), нмели одного ребенка — 5,9 %, двух и более несовершеннолетних детей — 1,4; у городских жителей эта доля составляла соответственно 93,4 %, 5,4, 1,2; у сельских — 90,9 %, 7,3, 1,9. Однако у горожан удельный вес браков, при которых супруги не имели общих детей, был выше, чем у сельчан, а с детьми, особенно с одним общим несовершеннолетним ребеиком — ниже[20].

В РСФСР в 1980-е гг. у мужчин и женщин со среднм общим образованием чнсленно преобладали бракн в возрастах 20–24 года. Браков у мужчин и женшин со средним специальным и неполным средним образоваиием было зафикснровано численно меньше, чем со средним общим образованнем. Небольшое число браков у россиян с высшим и незаконченным высшим образованием. Наименьшее число

брачных союзов фиксировалось у мужчин и женщин с начальным образованием и не имевшим начального образования.

В городах РСФСР отмечалась близкая ситуация. В начале 1980-х гг. численно преобладали браки у мужчин и женщин со средним общим образованием в возрастах 20–24 года. Значительно меньше было число браков у мужчин и женщин со средним специальным и неполным средним образованием. У горожан с высшим и незаконченным высшим образованием фиксировалось численное понижение браков. Наименьшее число браков было у мужчин и женщин с начальным образованием и не имевших начального образования. В конце 1980-х гг. у городских жителей РСФСР доминировали браки мужчин и женщин со средним общим и средним специальным образованием. Существенно снижалось число вступивших в брак с высшим образованием и особенно с неполным средним, а также с незаконченным высшим. Численно мало было браков у мужчин и женщин с начальным образованием и ниже начального образования. Удельный вес мужчин, вступивших в брак со средним общим образованием, составлял 37,4 % (к общему числу вступивших в брак мужчин), средним специальным — 34,4, высшим — 11,4, неполным средним — 7,9, незаконченным высшим — 7,2, начальным и ниже — 1,6, не указавших образования — 0,1 %.

В отличие от городских у мужчин из сельской местности, вступивших в брак, была выше доля браков со средним общим образованием (43,9%), неполным средним (11,7), начальным и ниже (2,7). В то же время понижалась доля брачных союзов мужчин со средним специальным образованием (32,5 %), высшим (5,5) и незаконченным высшим (3,6). В селах мужчины, вступившие в брак, имели в целом образование ниже, чем в городах.

Такое же соотношение в уровне образования отмечалось у городских и сельских женщин, вступивших в брак. В городах доля женщин со средним общим образованием, вступивших в брак, составляла 43,3 % (к общему числу вступивших в брак женщин), средним специальным — 30,4, высшим — 11,1, неполным средним — 7,3, незаконченным высшим — 6,1, начальным и ниже — 1,7, не указавших образования — 0,1, а в селах — соответственно 56,9 %, 21,5, 4,3, 11,8, 2,6, 2,7, 0,2[21].

Брачный выбор был тесно связан с уровнем образования жениха и невесты. Так, женихи с высшим образованием выбирали главным образом невест с аналогичным уровнем образования. Распространены были также брачные союзы, в которых женихи имели высшее образование, а невесты — среднее общее и среднее специальное. Значительно меньше было число браков, заключенных между женихами с высшим образованием и невестами с незаконченным высшим, не-

полным средним, а также начальным образованием и ниже. Женихи с незаконченным высшим образованием в брачном выборе особенно тяготели к невестам с таким же уровнем образования. В то же время они также вступали в брак с женщинами со средним специальным и средним общим, высшим и неполным средним, начальным и ниже начального образованием. Вступавшие в брак мужчины со средним специальным образованием выбирали женщин, прежде всего, со средним специальным и средним общим, а также с высшим и незаконченным высшим, неполным средним, начальным и ниже начального образованием. Если жених имел среднее общее образования, то невеста — среднее общее или среднее специальное. Заметно меньше число невест с неполным средним, высшим и незаконченным высшим, начальным и ниже начального образованием. У женихов с неполным средним образованием невесты имели образование неполное среднее, среднее общее и среднее специальное, а также начальное и ниже начального.

Невест с наиболее высоким уровнем образования (высшим и в особенности незаконченным высшим) было численно немного. Женихи с начальным и ниже начального образованием в основном выбирали для вступления в брак и создания семьи невест с образованием начальным и ниже, а также неполным средним, средним общим и специальным. Численно мало было невест с высшим и незаконченным высшим образованием. Таким образом, вступление в брак и создание семьи предполагало соответствие образовательных уровней женихов и невест.

В Москве в 1980-е гг. наблюдалось увеличение удельного веса женихов и невест с высшим образованием, а также средним общим и средним специальным. В то же время понизилась доля женихов и невест с незаконченным высшим образованием, начальным и ниже начального. Женихи с высшим образованием в 1980 г. составляли 21,3 %, незаконченным высшим — 8,4, средним общим и средним специальным — 54,4, начальным — 13,3, ниже начального — 2,6; в 1985 г. — соответственно 25,2 %, 7, 58,8, 7,2, 1,8. Невест с высшим образованием, незаконченным высшим, средним общим и средним специальным, а также начальным было в 1980 г. соответственно 16,5 %, 9,3, 62,5, 8,9 %, а в 1985 — 19,1 %, 9, 63,9, 6,5 %.

Таким образом, невест с высшим образованием, а также начальным было меньше, чем женихов, а с незаконченным высшим, средним общим и средним специальным — больше.

В Москве стабильно сохранялись однородные браки по уровню образования. Тяготение к таким бракам было наиболее характерно для женихов и невест с высшим и средним специальным образованием. Смешанные брачные союзы по уровню образования получили

распространение в группах женихов и невест с образованием начальным и ниже начального[22].

Горожане тяготели не только к однородным по уровню образования бракам, но и к бракам, однородным по социально-профессиональному статусу жениха и невесты. В Москве, например, среди невест — работников высококвалифицированного труда количество социально-однородных браков увеличилось с 56,8 % в 1980 г. до 61,7 в 1985; работников сферы обслуживания — соответственно с 14,9 до 17,4 %; научных работников и преподавателей ВУЗов — с 31,3 % до 35; военнослужащих — с 62,5 до 69,1. Среди женихов — работников сферы обслуживания количество социально-однородных браков увеличилось с 37,7 % до 44,6; работников, должность которых требует среднего и среднего специального образования, — с 35,7 до 43,2; работников, должность которых требует высшего образования, — с 45,9 до 46,5; военнослужащих — с 3,8 до 4,6 %. Увеличилась доля студенческих браков: в 1970 г. они составили 6,6 % от общего числа браков, в 1980 — 14,3, 1985 — 14,5. Преобладание у городских жителей социально-однородных браков было обусловлено близкими интересами и установками в жизни жениха и невесты, общими семейными ценностями и стереотипами поведения женихов и невест с одинаковым уровнем образования и профессиональным статусом. Специалисты отмечали, что мужчины и женщины с высшим образованием вступали в брак позднее, чем мужчины и женщины со средним образованием[23].

При том, что браки все более теряли прочность, разводы учащались, росло число одиноких мужчин и женщин, лишь незначительная доля населения никогда на протяжении жизни не вступала в брак, то есть оставалась вне брака. Так, в РСФСР в 1979 г. к возрастам 45–49 лет никогда не состояло в браке 1,9 % мужчин и 4 % женщин, а в 1989 — 3,7 и 3,5 соответственно.

В 1980-е гг. в РСФСР у мужчин и женщин отмечалось повышение суммарных коэффициентов брачности (среднее число браков к возрасту 60 лет). Суммарный коэффициент брачности мужчин не был стабильным: в 1969–1970 гг. он понизился до 1,354, в 1978–1979 — до 1,268, в 1989 повысился до 1,305, а в 1990 г. вновь снизился до 1,260. Аналогичная тенденция была характерна для женщин, суммарный коэффициент брачности которых составил соответственно 1,288, 1,259, 1,333, 1,290. Однако у мужчин суммарный коэффициент брачности был выше, чем у женщин, за исключением 1989 и 1990 гг. Наиболее высокие показатели брачности у мужчин отмечены в конце 1950-х гг. и связаны с огромными потерями мужского населения в годы Великой Отечественной войны. Мужчины реже оставались вне брака и чаще, чем женщины, после развода вступали в новый брак. Из

приведенных данных видно, что россияне в 1980-е гг. вступали в брак в среднем 1,2–1,3 раза.

Суммарный коэффициент брачности не был стабильным и в городах. В 1969–1970 гг. среди мужчин среднее число браков к возрасту 60 лет составляло 1,353, в 1978–1979 – 1,217. Тем не менее в 1989 г. суммарный коэффицнент брачностн мужчнн повысился до 1,305, а в 1990 снизился до 1,260. У женщин, в отличие от мужчин, увеличение суммарного коэффициента брачности отмечалось в 1969–1970 и 1989 гг. и составил соответственно 1,353, 1,217, 1,284, 1,236.

В сельской местности в условиях острой диспропорции полов наиболее высокнй суммарный коэффициент брачности мужчин наблюдался в 1958–1959 гг. (1,410). В последующне годы он понижался за исключением небольшого увеличения в 1978–1979 гг.: в 1969–1970 гг. он составил 1,391, в 1978–1979 – 1,396, 1989 – 1,274, 1990 гг. – 1,262. У женщин суммарный коэффициент брачности при дефиците потенциальных женнхов был самым низким в 1958–1959 гг. (1,335). В 1969–1970 гг. он повысился до 1,358. Миграция из сел женшин активных брачных и репродуктивных возрастов сказывалась на возникновении в сельской местности такого явления, как «дефицит невест», и способствовала увеличеиию суммарного коэффициента брачности женщин до 1,565. Однако в самом конпе 1980-х гг. фиксировалось его поннжение: в 1989 до 1,524, в 1990 до 1,451[24].

В целом уровень брачности населения РСФСР в течение 1980-е гг. понижался: в 1980 г. – на 1000 чел. приходилось 10,6 браков, в 1985 – 9,7, в 1990 – 8,9[25].

В Московской н Ленннградской областях уровень брачности населения также понижался. Если в 1980 г. коэффициент брачности населения в Московской составлял 9,9 ‰, Ленинградской областях – 10,3, то в 1984 г. – 9 и 9,6 ‰.

Однако уровень брачности в РСФСР был выше, чем во многих развитых зарубежных странах (в ‰): в Канаде он составлял 7,3, Великобритании – 6,8, Францин – 4,9. Лишь в США показатель брачности был выше – 9,4 ‰.

Обследовання, проведенные в европейских странах, показалн снижение вероятности вступления молодыми людьми в брак. Специалнсты рассчитали, что в большинстве европейских стран вероятность вступления когда-либо в брак для молодого неженатого человека в 1965 г. составляла 90 %. За пернод с 1970 по 1980 г. она понизилась в Великобритании и Франции до 80 %, Австрии – до 70, в ФРГ, Швейцарии и Дании – до 60, в Швеции – до 50.

Понижение показателя брачности населения в эти годы происходило и в городах РСФСР, за исключением середнны 1980-х гг., когда он несколько возрос (см. табл. 40).

Таблица 39

Динамика уровня брачности городского населения РСФСР в 1980–1990 гг.*

Годы	На 1000 чел. населения браков
1980	10,6
1982	10,3
1984	9,5
1985	9,8
1990	9,1

* *Составлено по:* Российский статистический ежегодник, 1994. С. 45; Российский статистический ежегодник, 1996. С. 61; Российский статистический ежегодник, 2005. Стат. сб. М., 2006. С. 128.

Региональные различия в уровие брачиости

Наиболее высокие показатели брачности населения в 1980 г. отмечались (в ‰): в Северо-Западном — 10,7 и Уральском районах — 10,6, Западно-Сибирском — 11,7, Восточно-Сибирском — 11 и Дальневосточном краях — 11. Однако в целом в регионах РСФСР показатели брачиости снижались (см. табл. 40).

Таблица 40

Уровень брачности населения регионов РСФСР в 1980–1984 гг.*

Регионы	На 1000 чел. населения браков	
	1980	1984
Кабардино-Балкарская АССР	11,1	10,1
Курганская область	11,0	9,7
Оренбургская область	11,5	10,2
Алтайский край	12,0	9,6
Горно-Алтайский автономный округ	11,8	10,3
Кемеровская область	11,2	9,6
Новосибирская область	12,1	10,2
Омская область	12,0	10,4
Томская область	12,1	10,3
Хакасская автономная область	11,9	9,5
Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	12,2	10,4
Эвенкийский автономный округ	12,3	9,6
Корякский автономный округ	12,0	10,4

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20; Российский статистический ежегодник, 1994. Стат. сб. М., 1994. С. 45; Российский статистический ежегодник, 1996. Стат. сб. М., 1996. С. 61.

Показатели брачности городского населения сиижались в регионах РСФСР. Высокий уровень брачности в 1980 г. был в городах Ленинградской и Московской, Омской и Томской областей, а также в Кабардино-Балкарской АССР, Ачинского Бурятского и Эвенкийского, Таймырского, Усть-Ордынского и Корякского автономных округов. Показатель брачности в городах этих регионов был намного выше, чем в российских городах в целом (см. табл. 39). К 1984 г. происходит заметное снижение показателей брачности (см. табл. 41)

Таблица 41

Уровень брачности городского населения регионов РСФСР, 1980–1984 гг.*

Города	На 1000 чел. населения браков	
	1980	1984
Ленинградская область	11,2	10,3
Московская область	10,5	9,2
Омская область	12,2	11,0
Томская область	12,6	10,6
Кабардино-Балкарская АССР	13,3	8,4
Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	13,0	11,1
Эвенкийский автономный округ	13,3	9,8
Усть-Ордынский автономный округ	12,2	8,8
Агинский Бурятский автономный округ	15,1	11,6
Корякский автономный округ	12,4	10,3

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20.

Однако и в 1984 г. показатель брачности населения в городах Ленинградской, Омской и Томской областей, а также Таймырского и Эвенкийского, Агинского Бурятского и Корякского автономных округов оставался выше, чем в городах РСФСР в целом, где он составлял 9,5 ‰.

В столичных городах Москве и особенно Лениинграде уровень брачности был выше общероссийских показателей. Это было характерно и для областных городов, и для городских центров автономных округов. На 1000 населения приходилось браков (см. табл. 42)[26]:

Таблица 42

Уровень брочности в городах РСФСР, 1980–1984 гг.*

Города	На 1000 чел. населения браков	
	1980	1984
Москва	10,8	10,1
Ленинград	12,3	11,5
Барнаул	12,8	10,2
Новосибирск	12,1	10,7
Омск	12,3	11,1
Томск	12,8	10,7
Магадан	13,4	12,6
Дудинка (Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ)	13,0	11,5
Тура (Эвенкийский автономный округ)	13,3	9,8
Анадырь (Чукотский автономный округ)	12,4	12,3

* *Составлено по:* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20.

Приведеиные данные свидетельствуют о снижеиии уровня брачности населения в этих городах. В городах Урала самый высокий показатель брачности фиксировался в 1982 г. (9,9 ‰). В период с 1983 по 1985 г. он понизился с 9,8 ‰ до 9,3. После некоторого увеличения в 1986 и 1987 гг. (9,5 и 9,7 ‰) в 1988 и 1989 гг. он вновь заметно понизился (9,4 и 9 ‰)[27].

Тенденция к снижению уровня брачности прослеживается и у сельского населения. В 1980 г. ои не уступал показателям брачности городских жителей, однако в последующие годы иачал понижаться и в 1980 г. составил 10,5, 1985 – 9,4, 1990 – 8,3.

В Поволжье, на Урале и в Сибири уровеиь брачности сельского населения был выше, чем в Северо-Западном и Центральном регионах РСФСР[28].

В целом в РСФСР регистрация браков по месяцам была неравномерной. Число зарегистрироваиных браков увеличивалось в марте, снижалось в апреле и мае, повышалось в июне и июле. Наибольшее число браков регистрировалось в августе и сентябре. В октябре оно сиижалось, а в ноябре и декабре вновь увеличивалось. Аналогичный календарь регистрации браков был характерен для городского и сельского населения[29].

Дальнейшее распространение получили в 1980-е гг. межнациональные браки. Такие браки в 1959 г. составляли 10 % от всех браков

в СССР, а в 1989 — 17,5 %. Этнически смешанных браков в городах было больше, чем в селах. За период с 1959 по 1989 г. число межнациональных браков выросло в городах СССР с 3,7 до 10 млн (с 15 до 20 % от общей численности городских семей), в селах — с 1,5 до 2,8 млн (с 5,8 до 11,9 % от общего числа сельских семей).

Межнациональные браки были наиболее популярны среди молодежи. Проведенные исследования показали, что женщины охотнее мужчин вступали в национально-смешанные брачные союзы[30].

Разведенные мужчины и женщины, вдовцы и вдовы средних возрастных групп тяготели к вступлению в однонациональные брачные союзы, что, прежде всего, определялось трудностями адаптации[31].

Разводы

За межпереписной период с 1979 по 1989 г. в СССР наблюдалось численное увеличение разводов. Наиболее высокая доля разведенных и разошедшихся фиксировалась в Эстонии и Латвии (мужчины — 7 %, женщины — 10–11), а наиболее низкая — в республиках Закавказья, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане (мужчины — 1–2 %, женщины — 3–4).

Из данных статистики видно повышение уровня разводимости населения в РСФСР. Это явление особенно было заметно в конце 1970-х гг. В 1980-е гг. он немного понизился — на 1000 чел. населения в 1979 г. было 4,3 развода, в 1980 — 4,2, 1985 — 4, 1989 — 3,9, 1990 — 3,8, но уровень разводимости оставался высоким.

Уровень разводимости городского населения РСФСР в 1980-е гг., сохраняя на протяжении десятилетия стабильный характер, в 1990 г. понизился. В городах РСФСР на 1000 чел. населения в 1970 г. приходилось 4,2 развода, в 1980 — 5, 1982 — 4,7, 1984 — 4,7, 1985 — 4,7, 1990 — 4,4[32].

Наиболее высокий уровень разводимости населения фиксировался в городах Чукотского, Корякского, Таймырского автономных округов, Магаданской и Камчатской областях. Он заметно снизился в 1980 г., когда на 1000 чел. населения в городах Чукотского автономного округа приходилось 10,6 разводов, Корякского — 7,7, Таймырского (Долгано-Ненецкого) — 7,5, Магаданской области — 10, Камчатской — 9, а в 1984 г. уровень разводимости составил соответственно 8,0, 6,8, 6,8, 8,1, 6,7. Высокий уровень разводимости населения в 1980-е гг. был в таких городах, как Анадырь (Чукотский автономный округ), Магадан, Петропавловск-Камчатский, Полана и др. Но вместе с тем показатели разводимости населения и в этих городах к середине 1980-х гг. понизились, кроме городов Анадырь и Полана (Корякский автономный округ), где было

зафиксироваио увеличение разводимости горожан. На 1000 чел. населения в 1980 г. в Анадыре было 10,6 разводов, Магадане — 10, Петропавловске-Камчатском — 9,6, Полане — 7,3; а в 1984 г. — соответственно 11,2, 9,0, 6,9, 7,8.

Заметно иижe уровень разводимости населения был в столичных городах, особенно в Москве — на 1000 чел. населения здесь в 1980 г. приходилось 5,3 разводов, 1984 — 5,2; а в Ленинграде — соответственно 5,9 и 5,7. Эти показатели в городах Московской и Ленинградской областей были выше — соответственно 5,9 и 5,3; 6,7 и 6,3. Низкие показатели разводимости фиксировались в 1980 и 1984 гг. в городах Усть-Ордыиск — 2,5 и 2,2, Чебоксары — 3,3 и 3,1, Махачкала — 3,7 и 3,5. Исключением был город Ачинск, где уровень разводимости увеличился — соответственно до 2,8 и 4,6.

В селах уровень разводимости был заметно ниже, чем в городах — на 1000 чел. населения в 1980 г. здесь было 2,2 разводов, в 1985 — 2,2, 1990 — 2,1. Из данных статистики видно численное преобладание разводов сельских жителей в наиболее промышленно развитых регионах РСФСР: на Дальием Востоке, в Северо-Западном и Центральном регионах[33].

Суммарный коэффициент разводимости (среднее число разводов к возрасту 60 лет) у мужчин значительно увеличился с 1958–1959 по 1969–1970 гг., что объясиялось упрощением процедуры развода. Самый высокий показатель разводимости фиксировался в 1978–1979 гг. В последующие годы уровень суммарного коэффициента разводимости оставался высоким, но несколько понизился в 1980-е гг. Близкая ситуация отмечалась у женщин. Вместе с тем суммарный коэффициент разводимости в 1980-е гг. у женщин был иижe, чем у мужчии. Однако он быстро рос, и в 1990 г. уже превысил соответствующий показатель у мужчин. Суммарный коэффициент разводимости у мужчин составлял в 1958–1959 гг. 0,210, в 1969–1970 — 0,445, в 1978–1979 — 0,590, 1985 — 0,535, 1990 — 0,509; у жеищин — соответственно 0,160, 0,414, 0,558, 0,533, 0,512. Мужчины и женщины в 1980-е гг. к возрасту 60 лет разводились в среднем 0,5 раза.

Увеличение числа разводов наблюдалось в это время и в зарубежных странах — на 1000 чел. населения в Канаде приходилось 3,1 разводов, Великобритании — 2,9, Франции — 1,9[34]. Однако показатели разводимости населения в Российской Федерации были выше.

В РСФСР распадались, главным образом, браки продолжительностью 5–9 лет (26,6 % к итоговому числу разводов), а также 10–14 лет (15,7). Реже расторгались браки продолжительностью 20 лет и больше (12,1 %). Вместе с тем брачиые союзы с продолжительностью 15–19 лет расторгались заметно реже (3 %). Разводы с небольшой продолжительностью брака (до 1 года и от 1 года до 4 лет) в РСФСР не

были распространены. Одиако наиболее высокий удельный вес разводов с такой длительностью брачной жизни отмечался среди браков с продолжительностью 2 года (8,8 %).

В городах браки были менее продолжительны, чем в селах. В городах, как и в РСФСР в целом, наиболее широкое распространение получили разводы продолжительностью брака 5–9 лет. Их удельный вес в 1980 г. составлял 27,2 % (к итоговому чнслу разводов). Реже расторгались браки продолжительностью 10–14 лет (14,9 %), а также 20 лет и выше (12,7). Браки с продолжительиостью 15–19 лет расторгались еще реже (их доля — 9,1 %). Среди разводов после брачной жизни небольшой продолжительности наиболее широко были распространены браки продолжительиостью 2 и особенно 3 года: браки продолжительностью до 1 года составили 3,3 %, 1 год — 6,8, 2 года — 8,5, 3 года — 8,7, 4 года — 8,2. Данные статистики свидетельствуют о том, что эти браки фиксировались обычно в молодых возрастах до 20–24 лет.

У мужчин разводы в возрасте 20–24 года не были распространены. Их удельный вес составлял 11,5 %. Мужчиины активно разводились в возрастах 25–29 лет (25,2 %) и 30–34 года (20,4). Удельиый вес разводов повышался также в возрасте 40–44 лет (13,8 %). С увеличеиием возраста число разводов сокращалось. У женщин удельиый вес разводов повышался в возрастах 20–24 года (19,7 %) и особенно — 25–29 лет (25,2). В последуюших возрастах удельный вес разводов понижался: в возрасте 30–34 лет — до 17,9 %, 35–39 лет — до 9,2, 40–44 — до 12,3, 45–49 — 5,9, 50–54 — до 4,9, 55–59 лет — до 2,2 %. В пожилых возрастных группах 60 лет и старше доля разводов была небольшой — 1,5 %. В отличие от мужчин, среди женщин удельный вес разводов был выше в наиболее молодых возрастных группах 16–17 лет (0,02 %) и 18–19 лет (1,3). У мужчин в этом возрасте доля разводов составляла 0,2 %.

Из даниых статистики видио, что расторгались в большинстве случаев первые браки. Их доля у мужчин составляла 84,9 %, у женшин — 85,2. Повторные браки расторгались заметно реже — соответственно 14,7 % и 14,5.

В российских городах в 1984 г. увеличилась доля расторгиутых браков с продолжительностью 5–9 лет (30 % к итоговому числу разводов) и 10–14 лет (15,3) и сократилась доля расторгнутых браков с продолжительностью брачной жизни 20 лет и выше (11,4 %), а также 15–19 лет — до 7,9 %. Расторгнутые браки с небольшой продолжительностью, как и ранее, составляли небольшую долю: до 1 года — 3 %, 1 год — 6,7, 2 года — 8,4, 3 года — 8,8, 4 года — 8,3 %.

У мужчин выросло число разводов в возрастах 25–29 лет (26,2 %), 30–34 года (21,8) и 35–39 лет (13,4) и сократилось в молодом возрасте 20–24 года (11,1 %), а также в средних возрастах 40–44 года (8,3).

С увеличением возраста число разводов сокращалось. У женщин удельный вес разводов понизился в возрасте 20–24 года (19,2 %). В то же время наблюдалось повышение разводов в возрастах 25–29 лет (25,8 %). В последующих возрастах удельиый вес разводов увеличился в возрастных группах 30–34 года — на 19,3 %, 35–39 лет — на 11,7, 45–49 лет — на 7,2, 55–59 лет — на 2,6 %. Напротив, в возрастах 40–44 года число разводов сократилось до 7,4 %, 50–54 года — до 3,5. В пожилых возрастных группах 60 лет и старше удельный вес разводов был низким — 1,6 %. Удельный вес разводов в иаиболее молодом возрасте 16–17 лет не изменился и составлял 0,02 %. В возрастах 18–19 лет показатель разводимости снизился до 1,1 %. У мужчии в этом возрасте разводов было иемного — 0,1 %.

В 1984 г. было зафиксироваио снижение удельного веса расторгнутых первых браков и увеличеиие числа расторгнутых повторных. У мужчин первые расторгнутые браки составляли 79,1 %, повторные — 15,3, у женщин — соответственно 81,4 % и 15,5 %[35].

В РСФСР число разводов у мужчин в иаиболее молодых возрастах (до 20 лет) было незначительным. Мужчины разводились в основном в возрастах 25–29 лет и 30–34 года. С увеличением возраста число разводов снижалось. У женщин в возрастных группах до 20 лет разводов фиксировалось больше, чем у мужчин. Наибольшее число разводов у женщин наблюдалось в возрасте 25–29 лет. В последующих возрастах их число уменьшалось[36].

Из данных переписи населения 1989 г. видно, что показатель разводимости зависел от уровия образования. Так, в СССР разводы доминировали у женщин со средним общим (37,5 %) и средним специальным (25,7) образованием. Число разводов в этих группах повышалось с увеличением возраста женщин. Их максимальное число фиксировалось в возрасте 25–29 лет. В последующих возрастах иаблюдалось числеиное понижение разводов. Однако в возрастных группах 50 лет и старше число разводов у женщин вновь повышалось.

Заметно меньше было разводов у женщин с высшим и иезаконченным высшим образованием (14,4 %). Они в основном разводились в возрастах 25–29 лет и 30–34 года. Небольшое численное увеличение разводов также наблюдалось в возрастных группах 50 лет и старше.

Число разводов у женщин с неполным средним (7,7 %) и особенно начальным (2) образованием было небольшим (жеищины, не указавшие свой уровень образования, составили 12,8 %). Разводы у женщин с таким уровнем образования значительно увеличивались в возрастах 50 лет и старше[37].

Разводы доминировали, как отмечалось, в городах. В РСФСР численио преобладали разводы у городских жителей со средиим общим образованием в возрастах 25–29 лет. Значительно меньше было число разводов у мужчин и женщин со средним специальным и неполным

средним образованием. Численность разводов сокращалась у горожан с высшим и незаконченным высшим образованием. Наименьшее число разводов фиксировалось у мужчин и женщин с начальным образоваиием и ниже[38].

Мотивы разводов в целом были обусловлеиы заметным усложнением брачного выбора, а также брачно-семейных отношений. Изучение мотивации разводов городских жителей Москвы, Тулы и Воронежа в 1985 г. свидетельствовало о существенном повышении требований к браку. Вместе с тем возникали серьезные трудности с их реализацией в брачно-семейных отиошениях. Исследование мотивов разводов показало нестабильность браков, прежде всего, заключаемых по взаимному чувству. Так, средн таких браков неудачных было 43,5 %. В то же время доля неудачных браков по расчету составляла 35,2 %, а по стереотипу — 26,3[39].

Распространенными причинами разводов были несходство характеров и эмоциональное отчуждение супругов, а также невнимательное отиошение супругов друг к другу. Усилилась роль сексуальных отношеиий в супружестве. Крайне иегативно на брачно-семейных отношениях сказывалось пьянство одного из супругов, в большинстве случаев мужей[40].

Заметно повысилась в 1980-е гг. роль внесемейных установок супругов, связаниых с учебой и профессиональной деятельностью, личными иитересами и проведением досуга. Эти установки нередко вызывали противоречия между совмещеиием семейных и внесемейных ролей, обязанностями и личными интересами. Конфликтность между мужем и женой также возникала из-за неудовлетворенности материальным уровием жизни семьи. Особенно острые противоречия возиикали у молодых супружеских пар[41].

Аналогичная мотивация разводов была характерна и для населения европейских стран. Числеиное увеличение разводов в этих странах исследователи объясняли распространеиием браков по любви, в отличие от браков по расчету, которые преобладали прежде, стремлением найти в брачно-семейных отношениях психологическую близость и защищеиность, эмоциональные привязанности и счастье. Однако романтическая основа брака делала его меиее прочным и нестабильным. Повседневная жизнь молодой семьи с многочисленыыми материальными и психологическими проблемами часто не удовлетворяла супругов и вызывала обоюдное разочарование в ожиданиях. Ситуация осложнялась тем, что в обществе заметно увеличилось стремлеиие личности к независимости и свободе, реализации своих желаний и интересов.

Кроме того, общественное мнение намного либеральнее стало относиться к разошедшимся супругам[42]. Изменение в 1980-е гг.

брачно-семейных ценностей мало сказывалось на оценочных характеристиках, связаниых с репутацией разведенных мужчин и женщин. Из данных обследований населения Москвы и Львова, проведенных в 1988 г., видно снижение негативного отиошения к разведенным группам населения: 47 % опрошенных ответили, что развод не влияет на репутацию мужчин и 39, что он не влияет на репутацию женщин. Многие горожане рассматривали развод как сложное, индивидуальное и глубоко интимное явление.

Однако в 1980-е гг. сохраяялись разные оценки влияния разводов на репутацию мужчин и женщин. 50 % мужчин — участников опроса отрицали влияиие развода на мужскую репутацию. Вместе с тем лишь 32 % опрошенных мужчин считали, что развод не влияет на репутацию женщин. 42 % опрошеиных женщин полагали, что развод не влияет на репутацию мужчии, и 49 % отрицали влияиие развода на репутацию женщин.

В различных социальных группах городского населения разводы оценивались по-разному. Об этом свидетельствуют даниые опросов населения Москвы и Львова, проведениых в 1985 г. Среди интеллигенции респонденты, согласные с мнением, что развод — нормальное явлеиие для современиой жизни, составляли 41 %, не согласные — 39 %, не ответившие — 20. У рабочих оценка развода была консервативнее — соответственно 33 %, 45 и 22. Сельское население, особенио пожилых возрастов, в целом критичнее, чем городское, относилось к разводам и разводившимся.

Таким образом, мотивация разводов свидетельствовала о значительном усложиении требований населения к брачному выбору и в целом к брачно-семейным отношениям. Заметио сиизилось число негативных оценок разводов, а также разведенных мужчин и в особенности женщин. Возросло число мужчин и женщин, рассматривавших развод как иорму современной жизни. Однако в 1980-е гг. сохранялось консервативное отношение к разводам. Все это определяло динамику разводов, их численность, возрастно-половой состав разводившихся пар, продолжительность брака и т. д.

В российских городах разводов больше всего было среди русских. Число разводов зиачительно понижалось среди украинцев и особенно белорусов. Данные статистики свидетельствуют о том, что наиболее активное расторжение браков у этих этносов наблюдалось в активных брачных и репродуктивиых возрастах 25–29 лет[43].

Таким образом, дальнейшая трансформация взглядов российского иаселения на цеииости брака и семьи изменяла ранее принятые в обществе нормы и стандарты брачного поведения, что способствовало усилению нестабильности современных брачно-семейных отношений.

Глава VII
Российская семья

Динамика численности семей

Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала в РСФСР 40,2 млн семей. За период с 1959 по 1989 г. численность семей увеличилась в 1,5 раза. В условиях дальнейшей урбанизации РСФСР, а также миграции сельских жителей в города наблюдалось доминирование городских семей. Отметим, что семья переписью населения 1989 г. определялась как совокупность совместио проживающих лиц, связанных родством или свойством и общим бюджетом. Даниые Всесоюзной переписи населения 1989 г. зафиксировали 29,7 млн городских семей и 10,6 млн — сельских. Если принять численность семей в РСФСР за 100 %, то городские семьи составляли 73,7 %, а сельские — 26,3, в СССР — соответственно 67,9 и 32,1. Числеиное преобладаиие городских семей в РСФСР и СССР свидетельствовало о продолжавшемся в эти годы процессе убыли сельских семей. Прирост доли городских семей в РСФСР за период с 1959 по 1989 г. был равеи 20,7 %, в СССР — 19,5. Однако в республиках СССР этот процесс осуществлялся иеодинаково. Особеино низкими темпами он развивался в Туркменской и Таджикской ССР: прирост доли городских семей за 1959–1989 гг. в Туркменской ССР составил 2,2 %, а Таджикской — 4,0[1].

В 1980-е гг. в городах РСФСР подавляющее большиисство населения проживало в семьях. Доля членов семей в численности городских жителей составляла 93,2 %. Из даиных Всесоюзной переписи населения 1989 г. видно, что семья городских жителей в большинстве случаев состояла из совместно проживавших членов. Однако в составе городскнх семей были члены, жившие вне семьи, но связаниые с семьей общим бюджетом. В городах РСФСР удельный вес совместно проживавшнх членов семьи составлял 94,5 %, отдельно живших — 5,5 %; городах СССР — соответственно 94,4 и 5,6 %. Доля членов семей, проживавших отдельно от семьи, а также одиночек была относительно небольшой в республиках Средней Азии, Грузии и Азербайджаие (4–6 %), и более заметной — в РСФСР, Украине, Белоруссии, республиках Прибалтики (11–15 %).

Сельские семьи в РСФСР так же, как и городские, преимущественно состояли из совместно проживающих членов. В сельских семьях удельный вес совместно проживающих членов был выше, чем в городских семьях, а члеиов, живших отдельно, но связанных с семьей общим бюджетом — ниже: соответственно 96,3 % и 3,7[2].

Наличие в составе российских семей, и городских и сельских, членов, проживавших совместно с семьями, а также отдельно от них, но связаниых с ними общим бюджетом, оказывало влияние иа тип и величиiу семей.

Даниые Всесоюзной переписи иаселения 1989 г. свидетельствуют о том, что в Российской Федерации доминировали простые полные (нуклеарные) семьи с супружеской парой с детьми и без детей — таких семей было 66,9 %. Семьи переходного типа с супружеской парой с одним из родителей супругов и другими родственниками составляли 11,5 %. Высокий удельный вес имели иеполные семьи с одиим из родителей – их было 13,1 %. Доля сложных семей (две или более супружеские пары с детьми и без детей) была небольшой — 3,4 %. Это явление часто было связано с отделением молодых супругов, а также взрослых детей, ие состоявших в браке, от родителей, что соответствовало интенсивному процессу иуклеаризации семей. Прочие типы семей составляли 5,1 %.

Неполные семьи имели широкое распространение в западиоевропейских странах. Так, в ФРГ в 1985 г. 12 мли малолетних детей жили в полных семьях, а 1,3 млн — в неполных (в 1972 г. — 364 000)[3].

Проведенные обследования в городах РСФСР показали, что наиболее распространиеиным типом городской семьи оставалась, как и в предшествовавшие десятилетия, простая (нуклеарная) полиая семья с брачной парой, детьми или без иих. Распространеиие в городах такого типа семьи свидетельствовало о том, что процесс нуклеаризации семей в 1980-е гг. шел, прежде всего, за счет дробления родительских семей и отделения взрослых детей, состоявших в браке и имевшнх собственные семьи. Такое дробление сокращало число брачиых пар и поколений в семье. Данные специально проведенного в 1985 г. в Свердловске обследования показали преобладание семей с брачной парой и детьми или с брачной парой и без детей — 56,5. В конце 1980-х гг. в городах Западной Сибири удельиый вес таких семей составлял 68,8 %.

Семьи с одной брачной парой, с детьми и без детей, проживавшие с одним из родителей супругов или другими родственниками, были семьями переходиого типа от сложиых к простым. Число таких семей не было большим. Об этом свидетельствовал материал всесоюз-

иого выборочного обследоваиия иаселеиия промышленного райоиа Свердловска (конец 1980-х гг.).

Также широко были распространены простые неполные семьи с одним из родителей, обычно с матерью и детьми. Это были семьи, образовавшиеся в результате развода или овдовения одиого из супругов. В то же время к неполным семьям отиосились и материнские семьи, состоявшие из матери, не состоявшей в браке, и внебрачного ребенка. В 1985 г. в Свердловске фиксировалось 13,5 % иеполиых семей.

Малочисленны были сложные семьи с двумя и более брачными парами с детьми или без ннх, с одиим из родителей супругов, другими родствеиниками.

Сложных иеполиых семей (мать илн отец с детьми, одним из роднтелей матери или отца) также было немного[4].

Анализ демографических типов семей показал снижеиие числа полных семей и увеличеине неполных. Так, в Таганроге в 1968–1969 гг. полные семьи составлялн 83,8 %, в 1978–1979 – 87,6, в 1988–1989 – 83,2; неполные семьи — соответственно 16,2 %, 12,4, 16,8. В то же время наблюдалось сокращение доли простых ссмей и увеличеиие сложных. В 1968–1969 гг. удельный вес простых семей равнялся 78,1 %, в 1978–1979 – 77,7, в 1988–1989 – 73,9 %; сложных соответствеиио – 21,9, 22,3 и 26,1 %[5].

Аналогичные типы семей были зафиксированы в сельской местности. Наиболее широкое распространение в селах, как и в городах, получили полные семьи (два супруга и их дети). Данные статистики свидетельствуют о том, что в сельской местности по сравнению с городом возрастало число сложиых семей, а также семей переходного типа от сложиых к простым. В то же время наблюдалось умеиьшение количества неполиых семей.

В эти годы, особенно в крупных городах, фнксировались формы брачно-семейных отношений, отличавшихся от стандартов и норм, принятых в российском обществе. К их числу ученые относили фактические семьи, т. е. основаниые иа незарегистрированных в оргаиах ЗАГС браках, а также семьи с раздельиым проживанием супругов. Специалисты считали альтериативиой формой семьи также семью с неродными родителями[6].

Особенностью брака в 1980-е гг. было существованне его альтернативных форм, главным образом, в крупных городах. В рамках христианской культуры исторически сложилась традиция заключения моногамных браков. Альтернативой таким бракам, по мнеиию исследователей, в этот период стали полигамные брачные союзы или более распространеиные в России бигамные браки между одним мужчиной и двумя женщинами. Эти браки были связаны с длительными, но юридически не оформленными и существовавшими параллельно

с официальной семьей (супруга и дети) отношениями мужчины со второй женщиной. В таких браках появлялись внебрачные дети[7]. В эти годы в исламской культуре наряду с моногамными брачными союзами сохранялись, как правило, в скрытой форме, традиционные полигамные браки.

Альтернативные формы брака активно распространялись в европейских странах. Изучение брачно-семейных отношений этого периода показало нежелание молодежи вступать в зарегистрированный брак и иметь детей. Из данных опросов молодежи, проведенных в ФРГ в 1981 г., видно, что 13 % респондентов отрицательно относилось к вступлению в брак, 7 % опрошенных не хотело иметь детей. Молодое население, особенно в городах, тяготело к незарегистрированным (ряд исследователей называет их фактическими) бракам. В этих случаях брак уже не имел значение, узаконивавшее сексуальные отношения. Так, в Дании и Швеции в середине 1970-х гг. около 30 % незамужних женщин репродуктивных возрастов (20–24 года) состояли в незарегистрированных браках. В других европейских странах эта доля была намного ниже — 10–12 %. Незарегистрированные браки часто рассматривались и молодежью, и общественностью, как пробные, часть из них со временем регистрировалась. Однако существовали брачные союзы с длительным фактическим совместным проживанием. В этих браках рождались дети. В Дании, например, большинство незамужних женщин с одним ребенком перед рождением второго регистрировали брак. У женщин, состоявших в незарегистрированных браках, фиксировались внебрачные первые роды[8].

Наряду с членами семей в РСФСР были зафиксированы одинокие мужчины и женщины, т. е. не имевшие семьи или утратившие связь с ней. В РСФСР одиноких людей было 10,1 млн чел. (6,9 % от численности населения РСФСР), в городах — 7,3 млн (6,8 % от численности городского населения), селах — 2,8 млн (7,1 % численности сельского населения). Важно отметить, что одиноких людей в городах было численно больше, чем в селах.

В городах РСФСР численность одиноких людей заметно увеличилась за период с 1959 по 1970 г. За следующее десятилетие их число немного сократилось. Однако в 1989 г. существенных изменений в численности одиночек по сравнению с 1979 гг. не произошло. На 1000 чел. постоянного населения в 1979 г. было зафиксировано — 69 одиноких людей, в 1989 г. — 68. В городах Урала за период с 1979 по 1989 г. доля одиночек немного повысилась (с 7,2 до 7,4 %). В то же время в Екатеринбурге их удельный вес снизился с 8,8 до 7,2 %. Уменьшение в российских городах доли одиноких людей в 1970–

1980-е гг. определялось, прежде всего, уменьшением числа одиноких женщин. Например, в уральских городах, где доля одиноких женщин с 1979 по 1989 г. сократилась с 9,5 до 9,1 %. Сходные тенденции наблюдались в городах Западной Сибири.

Среди одиноких численно преобладали женщины пожилых возрастов. В городах РСФСР их удельный вес достигал 73 %. В основном это были вдовы, разведенные и никогда не состоявшие в браке женщины. Многие из них пережили Великую Отечественную войну. Одинокие мужчины в пожилых возрастных группах также состояли в основном из вдовцов, а также разведенных и никогда не состоявших в браке. Однако в молодых возрастах среди одиноких мужчин и женщин доминировали никогда не состоявшие в браке и разведенные. Эта категория городского населения способствовала расширению альтернативных форм брачно-семейных отношений, изменению репродуктивного поведения и понижению уровня рождаемости[9].

Изучение общественного мнения относительно одиноких мужчин и женщин трудоспособных возрастов, намеренно отказавшихся от вступления в брак и создания семьи из-за профессиональной деятельности, карьерного продвижения, особого психологического склада и т. д. показало в целом неодобрительное к ним отношение большинства населения. Важно отметить, что такое отношение в 1980-е гг. было все еще связано с ориентацией подавляющей части населения в основном на традиционные семейные ценности, а также на принятые в обществе нормы и стандарты брачно-семейного поведения, отказ от которых воспринимался критически. Однако интеллигенция активнее, чем, например, рабочие, воспринимала альтернативное поведение в брачно-семейных отношениях. Сельское население было настроено в целом критически к новым формам брака и семьи.

Таким образом, в 1980-е гг. в РСФСР доминировали семьи с брачной парой и детьми. В то же время увеличивалось число неполных, в том числе материнских семей. В конце 1980-х гг. наметилась тенденция к изменению соотношения полных и неполных семей, а также простых и сложных. Были зафиксированы альтернативные формы семьи, особенно в крупных городах. Все это определяло величину российских семей.

Величина и тип российской семьи

Величина российской семьи в 1980-е гг. продолжала снижаться. Кратковременное повышение рождаемости в 1980-е гг. способствовало лишь замедлению этого процесса (см. табл. 43).

Таблица 43

Величина российской семьи в 1959–1989 гг.*

Годы	Величина семьи (совместно проживавшие члены)
1959	3,7
1970	3,5
1979	3,3
1989	3,2

* *Составлено по:* Всесоюзная перепись населения 1959 года: РСФСР. М., 1962. С. 438; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Стат. сб. Т. 6. Ч. 2. М., 1990. С. 54–166; Семья в России. Стат. сб. М., 1996. С. 21.

За период с 1959 по 1989 г. наблюдалось увеличение доли семей из 2–4-х чел. и сокращение доли семей из 5-ти и более чел. Доля российских семей, состоящих из 2-х чел. в 1959 составляла 26,7 %, из 3-х – 26,6, из 4-х – 21,8, из 5-ти – 13,2, из 6-ти – 6,7, 7 и более чел. – 5 %; в 1989 г. она равнялась соответственно 34,2 %, 28, 25,2, 8,3, 2,8, 1,5 %. За эти годы особенно вырос удельный вес семей из 2-х чел. (7,5 %) и сократился удельный вес семей из 5-ти чел. (-4,9 %).

Из данных переписей населения видно, что в РСФСР средний размер городской семьи также постоянно понижался (см. табл. 44).

Таблица 44

Величина городской семьи РСФСР в 1926–1989 гг.*

Годы	Величина семьи (совместно проживавшие члены)
1959	3,5
1970	3,4
1979	3,2
1989	3,2

* *Составлено по:* Всесоюзная перепись населения 1959 года: РСФСР. С. 438–439, 446–447; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Стат. сб. Т. 6. Ч. 2. М., 1990. С. 54–166; Семья в России. С. 21.

Средняя величина семьи в Москве была меньше, чем в других российских городах. Однако это различие было незначительным: в 1959 г. ее размер составлял 3,3 чел., в 1970 – 3,2, в 1979 – 3,1, 1989 – 3,1.

В Ленинграде за межпереписной период с 1970 по 1979 г. увеличилась доля семей из 2-х чел., а также из 5-ти и более, т. е. наиболее малочисленных и наиболее многочисленных. В то же время сократилась доля семей из 3–4-х чел. В 1979 г. в Ленинграде доминировали малочисленные семьи из 2–3-х чел., а удельный вес семьей из 5-ти и более человек был низким: доля семей из 2-х чел. составляла 34,4 %,

из 3-х — 35,4, из 4-х — 20,8, из 5-тн — 6,9, 6-ти и более чел. — 2,5. Средиий размер семьи в Ленинграде, как и в Москве, в 1989 г. составлял 3,1 чел.

Особеиностью 1980-х гг. было сближение средиего размера городских и сельских семей. В селах средняя по величине семья в 1979 г. имела 3,4 чел., в 1989 г. — 3,3.

Сокращалась величина семей и в регионах РСФСР. Так, городская семья в Западной Сибири в 1959 г. состояла из 3,7 чел., в 1970 — из 3,5, в 1979 — из 3,2, в 1989 — 3,2. Средний размер сельской семьи составлял соответствеино 3,9, 3,9, 3,4, 3,3 чел. Из приведенных даниых видно, что с 1959 по 1970 г. в средних показателях городских и сельских семей в Западиой Сибири существовали различия, а с 1979 по 1989 г. отмечалось их сблнжение. Это сближеиие наблюдалось также между средним размером городских семей РСФСР и Западной Сибири[10].

Таким образом, если до 1970 г. средияя величина городской семьи сокращалась, то с 1979 по 1989 г. фиксировалась ее стабилизация. Одновременно шло сближение среднего размера городских и сельских семей, а также городских семей в РСФСР и ее регионах.

Союзные даниые свидетельствуют о том, что городские семьи были меньше сельских в Узбекской (средний размер городских семей — 4,7 чел., сельских — 6,2), Азербайджанской (соответственно 4,5 и 5,2), Армянской (4,6 и 4,9), Таджикской (4,7 и 7), Туркменской (4,7 и 6,5), Казахской (3,6 и 4,5), Киргизской (3,9 и 5,2) и Грузинской (4 и 4,2) ССР. Однако в РСФСР (3,2 и 3,3), Украине (3,2 и 3,2), Белоруссии (3,3 и 3,0), Латвии (3,1 и 3,2), Литве (3,2 и 3,2), Эстоиии (3,1 и 3,2), Молдавии (3,3 и 3,5) наблюдалось сближение величины городских и сельских семей[11].

Сокращеиие величины семьи фиксировалось и в зарубежных странах. Так, средняя величина семьи в ФРГ составляла в 1971 г. 2,7 чел., 1981 — 2,5, 1982 г. — 2,4. В Австрии величина семьи были больше, чем в ФРГ. Однако она также уменьшалась и в 1971 г. составила 2,9 чел., в 1981 г. — 2,7, 1982 — 2,76, 1984 — 2,69[12].

В РСФСР широкое распространеиие получили семьи из 2-х чел. Из данных переписи населения 1989 г. видно, что такие семьи составляли 34,2 % (от численности зафиксированных в материалах переписи населеиия семей), семьи из 3-х чел. — 28 %, из 4-х — 25,2, из 5-ти — 8,3, из 6-ти и более чел. — 4,3 %.

В российских городах также наиболее высокую долю имели семьи из 2-х чел. — 33,1 %. Их увеличение определялось численным ростом неполных семей, а также семей, состоявших из пожилых супругов, не имевших детей или проживавших отдельно от взрослых детей. Удельный вес семей из 3-х чел. (29,6 %) и особенно из 4-х (26,1) был заметно ниже. С увеличением состава семьи ее удельный вес в чис-

лениости городских семей РСФСР сокращался: семьи из 5-ти чел. составлялн 7,8 %, из 6-ти и более — 3,4.

В городах СССР семья состояла в среднем из 3,3 чел. Величина таких семей была меньше общесоюзных показателей (3,5 чел.). Однако в разных частях СССР городские семьи имели разную величину. Самые многочисленные семьи были у городского населения республик Средней Азии. Так, в Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР городская семья в среднем состояла из 4,7 чел. В Киргизской и особеино Казахской ССР величина семьи городских жителей была значительно меньше, чем в средиеазиатских республиках, — соответственно 3,9 и 3,6 чел. Средияя величина городских семей в республиках Закавказья по сравнению с республиками Средней Азии также сокращалась: в Армянской ССР оиа составляла 4,6 чел., в Азербайджанской ССР — 4,5, Грузинской ССР — 4. Существенно меньше был средний размер городской семьи в Украинской (3,2 чел.), Литовской (3,2), Белорусской (3,3) и Молдавской ССР (3,3). Наиболее малочисленными были семьи в городах Латвийской и Эстонской ССР — они состояли в среднем из 3,1 чел.

В столицах союзных республик средний размер семьи был ииже, чем на периферии. Это явление особенно сильно было заметно в Риге и Таллине. Чнсло членов семей было несколько большим в Киеве и Вильнюсе, а также Мннске и Кишиневе (см. табл. 45)[13].

Таблица 45

Величина семьи в столицах союзных республик в 1989 г.*

Города	Величина семей
Киев	3,2
Минск	3,3
Ташкент	4,2
Алма-Ата	3,5
Тбилиси	4,0
Баку	4,3
Вильнюс	3,2
Кишинев	3,3
Рига	3,1
Фрунзе	3,6
Душанбе	3,4
Ереван	4,6
Ашхабад	4,3
Таллин	3,1

* *Составлено по:* Население СССР. По ланным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 32; Семья в СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 6–13; Население Западной Сибири в XX веке. С. 64.

Увеличение числа семей из 2-х чел. было зафиксировано переписью населения 1989 г. и в селах. Доля сельских семей, состоящих из 2-х чел., была наиболее высокой (37,2 %). Это в основном были неполные и материнские семьи, а также семьи молодых или пожилых супружеских пар. Семьи из 3-х чел. составляли — 23,6 %, из 4-х чел. — 22,8, из 5-ти чел. — 9,9, из 6-ти и более чел. — 6,6 %[14].

Величина семьи зависела от ее типа. Большинство простых полных семей с супружеской парой, детьми и без детей состояли из 2–3-х чел. (64 %), из 4–6-ти — 35, из 7-ми и более чел. — 1. Семьи с супружеской парой с одним из родителей супругов и другими родственниками были многочисленнее. Из них семьи с 2–3-мя членами составляли 24 %, с 4–6-ю — 72 , с 7-ю и более членами — 4 %. Численно близки к ним были сложные семьи с двумя или более супружескими парами с детьми и без детей: семьи с 4–6-ю членами составляли 83 % семей, с 7-ю и более членами — 17 . Неполные семьи с одним из родителей имели, как правило, 2–3-х членов и составляли 96 % среди семей этого типа (с 4–6-ю членами составляли 4 %)[15].

Величина семей в значительной степени зависела от числа в них детей. Однако в 1980-е гг., как отмечалось, у населения РСФСР, особенно горожан, в брачно-семейных отношениях снижалась ценность детей как основной жизненной цели и возрастали ценности здоровья и психологического комфорта, материального благополучия и карьерных достижений и т. д. Специально проведенные обследования в городах Урала показали, что в Магнитогорске (1982 г.) меньше половины опрошенных (41,9 %) рассматривали наличие детей в семье как важнейшую ценность в жизни. В Свердловске (1986 г.) доля опрошенных с близкими ценностными установками была еще ниже — 39 %. Важно также отметить, что среди опрошенных горожан преобладали ценности малодетности (наличие в семье 2-х детей). Такое число детей в семье в Магнитогорске предпочитали иметь 31,5 % респондентов, в Свердловске — 28[16].

В условиях снижения уровня рождаемости и повышения младенческой и детской смертности (см. об этом главу III) городская семья как в РСФСР, так и в ее регионах, сохраняла малодетность. Это явление прежде всего отражалось на величине семьи городских жителей. Из данных переписи населения 1989 г. видно, что только 6,8 % городских семей РСФСР имели 3-х детей и больше в возрасте до 18 лет. В городах Западной Сибири удельный вес таких семей был больше, чем в городах РСФСР в целом (8 %). В сельских семьях также формировалась малодетность. Однако семьи с 3-мя и более детьми в селах получили более широкое распространение, чем в городах. Доля сельских семей в РСФСР с 3-мя и более детьми составляла 19,4 %.

В селах Западной Сибири удельиый вес таких семей повышался до 20,7 %.

В семьях городских жителей в основиом было по 1–2 ребенка в возрасте до 18 лет. Половина горожан Западной Сибири (50 %) имела 1 ребенка, чуть меиьше — 42 % — 2-х детей. В то же время фиксировалась высокая доля (36,9 %) бездетных семей. Однако в основиом это были семьи пожилых супругов с взрослыми отделившимися от родителей детьми[17].

Таким образом, в 1980-е гг., как и в предыдущие десятилетия, число детей снижалось, особенно в городских семьях, что отражалось на их величине.

Демографнческие показатели семьн (тип и величииа) были связаны с уровнем смертности населения (см. главу III). Однако в эти годы ведущее влияиие иа семью все-таки оказывала разводимость населения. Осиовной причиной прекращения брака у мужчии и женщин в наиболее активных брачных и репродуктивных возрастах в большинстве случаев был развод. Это явленне соответствовало тому, что среди мужчии и женщин средних возрастов, вступавших в повторный брак, численно преобладали разведенные.

Особенностью разводов в РСФСР 1980-е гг., по сравнению с предыдущими годами, было увеличение виимания разводившихся родителей к интересам ребенка. Проведениые в Москве и Львове обследования показали, что 83 % их участников считали иаиболее важиыми при разводе родителей интересы их ребенка[18].

В европейских странах население поддерживало решеиие о разводе конфликтовавших супругов, особенно молодых и не имевших детей. В Австрии, иапример, значительное число респондентов выступало против разводов брачных пар с детьми. Городское население относилось к разводам либеральнее, чем сельские жители. В результате проведенных обследований отмечалось также, что в большиистве случаев работавшие жеищины из средиих и высших слоев общества чаще мужчин не только одобряли разводы, но и выступали их ниипиаторами. Критическое отношенне к разводам было в группах населения с иизким уровнем образования, низкими доходами, а также среди неработавших женщин. Зарубежные исследователи также подчеркивали, что с увеличением разводов число повторных браков в большинстве европейских стран не повышалось.

Расторгались в основном браки с общими несовершеннолетними детьми. В РСФСР в 1989 г. иа 1000 разводов общие дети составляли 822 чел. (в СССР — 829). Количество таких разводов повышались в возрастах 25–29 лет, 30–34 года и 35–39 лет. С увеличением возраста разводившихся число разводов снижалось. Даиные статистики свидетельствуют также о том, что увеличеиие численности общих детей

в браке понижало его расторгаемость. В большинстве случаев разводились брачные пары с одиим ребенком (число разводов было наибольшим у жеищин в возрасте 25–29 лет). Удельный вес таких разводов составлял 43,5 %. Дальнейшее увеличение числа детей в брачном союзе понижало возможность его расторжеиия: разводы супругов с двумя общими детьми составлялн 16,2 % от общего числа разводов, с тремя — 2 %. Численное увеличеиие таких разводов отмечалось среди жеищин средних возрастов. Разводились и супруги без детей: разводы численио преобладали в молодых возрастных группах 20–24 года и 25–29 лет и особенио в возрастах 50 лет и старше[19].

Разводы измеияли тип семьи. Это явлеиие тесиым образом было связано с уровнем ее жизни. Проведениые в 1980-е гг. обследования показали, что иизкие доходы имели неполные семьи, а также семьи бабушек и дедушек с внуками. Однако наиболее низкие доходы были у одиноких пеисионеров. Благополучное материальное положение отмечалось в полных семьях без детей (молодые супруги без детей, а также супруги средиих и пожилых возрастов с взрослыми отделившимися детьми). В благополучном положенни находились одинокие мужчины и женщины молодых возрастных групп. В Таганроге, например, доля бедных среди простых неполных семей с детьми составляла 31 %, а средн сложных — 34; среди семей, состоящих из бабушек и дедушек с виукамн (с частичной материальной поддержкой со стороиы родителей ребенка или без нее), доля бедиых семей составляла 23 %; самыми низкодоходными были группы одиноких пенсионеров, среди иих доля бедных сосааляла 47 %. Низкий процент бедиых отмечался среди одиночек трудоспособиых возрастов — 3,2 и полных семей без детей — 8,5. Важио отметить, что в СССР доля пенсионеров (лица, для которых пенсия — главный источник средств существования) повышалась[20].

Внутрисемейные отношения

Изменение семейных цеиностей в 1980-е гг. способствовало усилеиию переоценки выработаниых в российском обществе норм в отношениях между мужем и женой, родителями и детьми. Из проведенных обследоваиий видно, что внутрисемейные отношения в целом стали демократичнее: главенство мужа существенно понизилось, а в некоторых, особенно молодых семьях, носило формальный характер.

В семье этого периода морально-психологическнй климат определялся степенью удовлетворения супругами наиболее важных потребностей и интересов. Реализация этих потребностей становилась

одним из главных условий успешного функционирования семьи. Данные обследования, проведениого в Московской городской консультации по вопросам семьи и брака, свидетельствовали о разных взглядах супругов на семейные роли и распределенне обязанностей в семье. Существование у супружеских пар подобных различий во взглядах не позволяло им удовлетворять семейные потребностн по ведению домашнего хозяйства, решению финансовых проблем, взращиванию детей, организации досуга и отдыха, а также полностью реализовать себя в качестве супругов, отца и матери, хозянна и хозяйки дома и т. д. Изучение результатов обследования показало, что отсутствие развития семейных отношений, семьи как целостного организма, а каждого из супругов — как самостоятельных личностей обостряло конфликтность в семье и иередко становилось фактором, ведущнм к распаду брака[21].

Закономерно, что супруги стремились к равноправному выполнению родительских функций. В российском обществе активно обсуждались вопросы предоставления отцу таких же трудовых льгот, что и матерн. Проведенное в 1989 г. в Таганроге обследование показало особую заинтересованность мужчии и женщин в предоставлении отцу пятидневного оплачиваемого отпуска в период нахожденння жены в роддоме, а также увеличения ежегодного отпуска при рожденнн ребенка. Положительно оценивалось респондентами предоставление возможности отцам работать неполное рабочее время, по гибкому графику и т. д. Такие льготы моглн повысить желание отцов заниматься семьей. Верховный Совет СССР 10 апреля 1990 г. принял постановление о праве отцов на отпуск для выполнения родительских обязанностей[22].

В 1980-е гг. в росснйских городах были распространены большей частью детоцентристские семьи. Для таких семей были характерны, прежде всего, общие ценностн, объединявшие мужа н жену, родителей н детей, равноправные отиошения супругов. Повышалась роль сексуальных отношений в супружестве, не связаниых с репродуктивным поведением. Закономерно, что в условиях дальнейшего разъединення брачного, сексуального и репродуктивного поведения супруги ограничивалнсь рожденнем 1–2 детей. Детн в таких семьях играли значимую роль, и родители проявляли о них всестороннюю заботу и внимание.

Появлялись также семьи, где супруги не подчиняли свон личностные интересы интересам детей. В этих семьях понижалась роль градицнй н обычаев. Вместе с тем возрастала ценность индивидуальных, нравственных и эстетическнх устремлений и нитересов.

Однако в эти годы в семьях, особенно сельских, сохранялись традиционные ценности и отношения. В таких семьях распределение ро-

лей оставалось также вполне традиционным: муж обеспечивал семью материально, жена вела домашнее хозяйство, занималась детьми и т. д. Такое распределение ролей нередко сохранялось, даже если жена зарабатывала больше мужа. Загруженность женщин профессиональными и семейными делами усиливала конфликтность в семье.

В национальных регионах РСФСР сильнее были выражены традиционные патриархальные отношения в семьях: главенство мужа и отца, авторитарная система воспитания детей, возрастно-половая субординация, отсутствие индивидуальной избирательности. Однако существовавшие условия жизни, особенно в городах, ограничивали влияние традиционных отношений в семье[23].

Проблема ролевых взаимоотношений в семье сохранялась в эти годы и в зарубежных странах. Тем более, что в 1980-е гг. значительно увеличилось число работающих женщин: в ФРГ доля женщин среди всех занятых составляла в 1978 г. 37,8 %, в 1980 — 38,2, 1983 — 38,8; во Франции — соответственно 37,7, 38, 39,2; в Великобритании — 41,2, 42, 41,6; Италии — 31,1, 32,1, 32,8; США — 41,2, 42,4, 43,7; Японии — 38,5, 38,7, 39,5. Работавшие женщины состояли в браке, имели семью и детей. Так, в ФРГ в 1981 г. работавшие замужние женщины с одним ребенком в возрасте до 3 лет составляли 31,3 % от общего числа женщин, до 6 лет — 32,5, до 15 лет — 42,5; двух детей — соответственно 18,3, 21,7, 32,8. Женщины занимались хозяйственно-бытовыми, культурно-воспитательными и психологическими проблемами семьи. Мужчины материально обеспечивали семью, осуществляли внесемейные контакты, решали наиболее важные хозяйственные вопросы[24].

В изучаемые годы родители в общении с детьми в основном решали вопросы бытового и хозяйственно-экономического характера, а этическим и морально-психологическим проблемам уделяли незначительное внимание. Из данных обследований молодых супружеских пар, специально проведенных в Москве, видно, что в 1980-е гг. 85 % невест и 80 % женихов никогда не обсуждали с отцами вопросы брака и семьи. Матери чаще отцов обговаривали с детьми эти вопросы — 35 % с невестами и 63 % с женихами.

Кроме того, обследования выявили преобладавшую роль матери в воспитании детей. Так, в 25 % семей воспитанием детей занималась только мать. Однако существовали также семьи, где воспитывали детей только отцы. Подобные семьи не были многочисленными. В данных обследований было зафиксировано только 3 % таких семей.

В 1980-е гг. в семье столичного города сохранялись различия в воспитании сыновей и дочерей. Проблемы морально-нравственного порядка матери обычно обсуждали с дочерьми, отцы затрагивали эти вопросы намного реже. Вопросы хозяйственного характера родители ставили перед сыновьями.

Из проведенных обследований в Западной Германии видна тесная зависимость воспитания детей от характера труда их родителей, в особенности матерей. Так, работавшие матери намного жестче, чем домашние хозяйки, вырабатывали у детей умение приспосабливаться, послушание и стремление к достижению высоких результатов в учебе и другой деятельности.

Таким образом, в 1980-е гг. в семье ощущался явный дефицит этического воспитания детей, что впоследствии отражалось на брачном поведении юношей и девушек.

Отношения между родителями и их взрослыми детьми, особенно имевшими свои семьи и детей, изменялись. У состоявших в браке детей возрастала потребность в помощи родителей. Из данных проведенных обследований видно, что на материальную помощь родителей рассчитывали 65,8 % женихов и 67 % невест; на помощь в ведении хозяйства — соответственно 59,4 и 56,4; в воспитании детей — 66, и 68,5. К тому же, молодые родители предпочитали воспитывать детей в семье. Такое предпочтение в 1980-е гг. могло реализоваться, как правило, при условии, что внуков воспитывали бабушки. Многие из них практически ежедневно, несмотря на необходимость преодолевать большие расстояния, ездили к своим внукам. Необходимость постоянной помощи в жизнеобеспечении большинства молодых семей способствовала сохранению стабильных контактов между родителями и взрослыми детьми. Вместе с тем повышалась зависимость молодых от родительской опеки, что нередко вело к усилению конфликтных ситуаций между поколениями, а также между молодыми супругами.

В 1980-е гг., особенно в наиболее крупных городах, нередко наблюдался разрыв родственных связей и замена их контактами с близкими знакомыми, коллегами по работе, соседями и т. д. Такое отчуждение происходило по самым разным причинам, например, по причине удаленного проживания, острых конфликтов между детьми и родителями и родственниками и т. д.

Близкие явления были характерны и для многих европейских семей. Взрослые дети и родители стремились жить отдельно друг от друга, но сохранять близкие отношения, помогать друг другу. Однако, как и в Российской Федерации, в отношениях между людьми часто доминировало тяготение к знакомым, а не к родственникам[25].

Таким образом, в 1980-е гг. в РСФСР наблюдалась дальнейшая трансформация семейных ценностей. Брачный выбор в эти годы оставался свободным, основанным на взаимных чувствах вступавших в брак. Вместе с тем заметно повысились морально-психологические требования населения к браку и семье. Удовлетворенность браком и стабильность семьи также определялись возможностью творчески и

профессионально реализоваться вне ее рамок. Эти явления обусловили дальнейшую трансформацию выработанных норм и стандартов брачно-семейных отношений, а также репродуктивного поведения населения. Однако в РСФСР сохранялось раннее вступление населения в первый брак, прежде всего сельского, а также относительно высокий уровень брачности.

В РСФСР доминировали простые полные семьи (брачная пара с детьми или без детей). Однако повысилось число неполных, в том числе материнских семей. Широкое распространение в городах и селах получили малодетные семьи.

Между супругами, родителями и детьми увеличилась потребность в психологически близких, доверительных контактах, уважительном отношении супругов друг к другу и к детям. Повышение потребности населения в морально-психологических ценностях брака и семьи увеличивало семейные конфликты. Росла нестабильность брачно-семейных отношений, что повышало число разводов. Вместе с тем в семьях, особенно в национальных регионах РСФСР, сохранялись авторитарные проявления по отношению к женам и детям.

В брачно-семейных отношениях заметно выросла активность и приоритет женщин. Однако женщина оставалась перегруженной профессиональными, общественными, семейными делами и обязанностями, что усиливало у нее стремление к партнерскому разделению семейных нагрузок и родительских обязанностей с мужем. Усложнялись проблемы воспитания детей в семье. Наблюдалось явно недостаточное внимание родителей к этическим вопросам воспитания. В семье практически отсутствовала подготовка детей к вступлению в брак и созданию семьи. Большинство молодых семей длительное время оставались зависимыми от родителей.

Дальнейшее развитие нового исторического типа семьи определялось новыми явлениями в браке и семье. Так, развивались альтернативные формы семьи (фактические семьи, брачные союзы с раздельным проживанием супругов и др.). Существовали также мужчины и женщины, осознанно отказавшиеся от вступления в брак и создания семьи. Общественное мнение стало либеральнее относиться к не состоящим в браке мужчинам и женщинам, бездетным супружеским парам, разводам, добрачным и внебрачным сексуальным контактам, внебрачной рождаемости, матерям-одиночкам и т. д., что свидетельствовало о переосмыслении ранее сложившихся норм и стандартов брачно-семейных отношений, в особенности у жителей крупных городов. Однако у российского населения, в том числе городского, потребность в семье оставалась значительной. Большинство населения воспринимало семейные ценности как наиболее важные в жизни человека.

Глава VIII
Демографическая политика в 1980-е гг.

Семейная политика

Лишь в начале 1970-х гг. о демографических проблемах и политике в области народонаселения заговорили на высоком партийно-государственном уровне, а демографическую политику в СССР начали трактовать как важную составную часть социально-экономической политики, управления развитием народонаселения. В правительственных документах в 1970–1980-е гг. неоднократно декларировалась озабоченность обострением проблем народонаселения и подчеркивалась необходимость проведения более активной демографической политики, учитывающей региональные особенности. Реализуемые меры были ориентированы на создание лучших условий для роста населения и воспитания подрастающих поколений, на усиление государственной помощи семьям с детьми, на сокращение смертности и заболеваемости, совершенствование охраны материнства и детства. Обращалось внимание на сдерживание роста крупнейших городов, на продолжающийся отток молодежи из села, на проблемы мобильности населения и необходимость большего участия населения трудоизбыточных регионов в решении народнохозяйственных задач (что выливалось в попытки осуществлять профессиональную подготовку средиазиатской молодежи в учебных заведениях регионов с дефицитом трудовых ресурсов).

Очень многие постулаты советской экономической теории и социальной практики зачастую механически переносились и на сферу демографической политики. Идеи единства, выравнивания, унификации заслоняли подчас понимание объективной необходимости разнообразия как важнейшего условия развития.

Вот и в концепции демографической политики доминирующей была точка зрения, что она должна быть единой для всей страны и формировать в перспективе единый тип воспроизводства населения — слегка расширенное. Предполагалось, что выравнивание уровней экономического и социального развития будет способствовать сокращению дифференциации в демографическом развитии, показателях прироста населения, рождаемости, смертности, возрастной структуры. При этом проблемы региональной демографической политики отодвигались на второй план. Если говорить о региона-

лнзации демографической политики и подразумевать общегосударственную полнтику, учнтывающую региональные особенности, то есть политику, которая проводится на уровне всего общества и за счет всего общества, но имеющую при этом какую-то региональную дифференциацию, то такая регионалнзация была представлена в этот период в самой минимальной степени.

Такой подход приводил не только к профессиональным научным ошнбкам, но и имел определениый этнокультурный, даже этнополнтический резонанс.

Этническая сторона демографических процессов, качественные сдвиги в этнодемографическом развитин, их причины и последствия были изучены и учитывались в социально-демографической политике явно недостаточно. Это негативио сказывалось на возможностях учета социального, национального и демографического факторов в планнрованни, выработке стратегин общественного развития.

Между тем темпы роста численности населения разных национальностей существенно различались. Уменьшался удельный вес национальностей европейской части СССР, увеличивалась доля народов Средней Азин и Закавказья. Сокрашалась доля русского населения как во всем населении страны, так и в населении большинства союзных республнк, включая РСФСР. В Прибалтике уменьшалась доля коренного населення. В республнках Средней Азии, Закавказья и в Казахстане доля коренных нацноналыюстей росла в основном в городах. В среднеазиатском регноне была самая низкая в стране доля населения коренных национальностей в составе рабочего класса. Эти и другие особенности этнодемографического развития иакладывали свой отпечаток на разрабатываемые проекты перехода к республиканскому суверенитету, регулированию миграции, введению платы за трудовые ресурсы и т. д.

Опасение, что существующие «большие различня в уровнях рождаемости у разлнчных нацнй и народностей» не нсчезнут самн собой, приводило некоторых авторов к мысли о необходимости ориентировать демографическую политнку на стирание большнх различий в рождаемости у разных народов. Если в регнонах с низкой рождаемостью о многодетности по-прежнему говорилось как о нужном для общества тнпе семьи и отмечались в основном положительные стороны многодетностн, то в республиках с высокой рождаемостью все чаще н чаще в демографической пропаганде начннали встречаться высказывания против многодетностн. Многодетность объявлялась чуть ли не основной причнной высокой детской смертности, низкой занятости женщин и, как следствие, их реального соцнального неравноправия. В миогодетности видели тормоз социального и экономического развития республик с трудонзбыточным населением. В республиках

с высокими темпами роста населения активно обсуждались проблемы планирования семьи. К сожалению, в ряде публикаций и устных выступлениях нередко искажалось главное в содержании этого термина. Планирование семьи — это добровольная деятельность по достижению семьей желаемого числа детей на основе сознательного материнства. Такое понимание этого термина отражено в официальных документах ООН и ее специализированных органов, под которыми стояла и подпись СССР.

Так, в «Рекомендациях для последующего осуществления Всемирного плана действий в области народонаселения» (Мехико, 1984) правительствам рекомендовалось поддерживать планирование семьи в рамках программ охраны здоровья матери и ребенка как один из методов сокращения родов в слишком раннем или позднем возрасте матери, увеличения интервалов между рождениями и уменьшения числа рождений более высокого порядка; выделять необходимые ресурсы на оказание услуг в области планирования семьи, улучшать качество и повышать эффективность услуг в области планировании семьи; обеспечить, чтобы все супружеские пары и отдельные лица пользовались основным правом человека свободно и ответственно решать вопрос о числе своих детей и частоте их рождения, а также иметь доступ к необходимой для этого информации, образованию и средствам.

Тем не менее планированию семьи зачастую приписывался смысл целенаправленной деятельности государства по снижению рождаемости и ограничению многодетности. С одной стороны, выдвигался и обсуждался тезис о необходимости осуществления «гибкой демографической политики, постепенного перехода от многодетной к среднедетной семье», а с другой стороны, осуждались «бездумные и провокационные наскоки на традиционно высокую многодетность в регионе».

Причиной противоречий между высоким приростом населения, трудовых ресурсов и низким уровнем эффективности общественного производства, между потребностями в социальных благах и реальными возможностями их удовлетворения нередко объявлялась высокая рождаемость, высокий прирост населения. Отсюда делался вывод о том, что надо регулировать рождаемость, и этот вывод подавался как бесспорный. Такая прямолинейная интерпретация концепции управления развитием народонаселения являлась не только упрощением, но и искажением уже наработанного советской демографической наукой.

Цель демографической политики в регионах с высоким уровнем рождаемости не следовало формулировать однозначно как снижение рождаемости (или как стимулирование снижения рождаемости,

ускорение этого движения). Такого рода выводы высказывались и в научной литературе, и в прессе.

Снижение рождаемости в упомянутых регионах уже шло, и этот очевидный факт признавался многими ученымн. Сокращалось чнсло матерей с шестью, семью и более детьми, снижалась рождаемость в возрастах старше 30 лет и особенно — старше 40. Чем старше был возраст, тем быстрее шло это сниженне. Та политика, которая проводилась, почти не тормозила этот процесс. Вот почему предлагаемые в печати дополнительные меры, призванные создать помехн в деторожденин, были по сути надуманными и неверными. Например, предлагалось запретнть детский труд при «семейном подряде», «ужесточить контроль», разрушить этим экономическую заинтересованность сельских работиков в увелнченин семьи. Высказывались опасения, что рост материального благосостояния создаст условия для содержання большого количества детей.

Среди других предлагавшихся в то время мер региональной политнки — введение обязательной отработки одного года трудового стажа после окончания отпуска по уходу за новорожденными (для увеличения интервала между рождениями). Это могло привести к росту абортов (со всемн вытекающими последствиями), создавало препятствня для семьи в самостоятельном решении вопроса о времени рождения ребенка без потери при этом основных социальных гарантий.

В печатн выступалн стороннпкн ужесточения мер, ограничивающих использование труда пенсионеров в общественном производстве республик с высокой рождаемостью, что якобы позволило бы шире привлечь женщин к общественно полезному труду. Рекомендовалось даже «...льготы н государственные пособия распространять лишь до третьего ребенка». Эти примеры, свндетельствующие о демографическнх, а порой и правовых ошибках авторов подобного рода предложений в области демографнческой политики, можно было бы продолжить. Реализация этих местных инициатив, ничего, кроме вреда, в том числе н межнациональным отиошениям, не прннесла бы. По счастью, большая часть таких предложений так н осталась нереалнзованной.

Прогнозные расчеты, сделанные в 1980-е гг., показали, что существенные различия в темпах роста населеиия разных национальностей будут существовать за пределами 2000 г. В этих условиях проведение демографической политнки с учетом этнического аспекта должно было стать важным принципом долгосрочной социально-экономической политики. При этом следовало учитывать, что любое ускорение темпов снижения рождаемости с помощью специальных мер трактовалось бы общественным мнением как покушение на национальные традиции. Поэтому необходимо было всячески нзбегать

администрирования, нажима на существующие демографические установкн как элемеит этнокультурных традиций.

Альтернативное понимание ситуации и возможной политнки исходило из того, что активизация демографической пропаганды, повышенне ее качества будут способствовать объектнвной оценке состояння н перспектнв развнтня демографнческих процессов в стране и регионе. Главным объектом внимаиия должна была стать молодая семья, причем как в регионах малодетности, так и в регнонах многодетности. Проводимая в тактичной и ненавязчнвой форме пропаганда должна была больше говорить о преимуществах среднедетной семьи, чем о недостатках малодетной или многодетной.

Вопросы укрепления семьи, повышения ответственности супругов за сохраненне семьи, воспнтание детей выдвнгалнсь в число самых актуальных в социальной и демографической политнке.

Однако еще в первой половине 1980-х гг. в научной литературе по социально-демографическим проблемам почтн не употреблялось такое понятне, как «семейная политика». Так, в «Демографическом энпнклопедическом словаре»[1], в статье «Семья», говорилось лишь о мерах демографической полнтики, направленных на укрепление семьи.

Не был представлен термин «семейная политика» и в «Многоязычном демографнческом словаре», подготовленном под эгидой Международного союза по изученню народонаселения (английская версия вышла в 1982 г.). В социологической литературе того времени семья рассматривалась как объект социальной политики, говорилось о «социальной полнтике в отношенни семьи».

Термин «семейная политика» стал активно входнть в научную н общественно-политическую лексику лишь в конце 1980-х гг. и использоваться наряду с более привычными терминами, такнмн, как «политика населения», «демографическая политика» и «планирование семьи». В научных статьях и сборниках, дискуссиях на конференциях и семинарах была сделана попытка определить содержание семейной политики, сформулнровать ее целн, принципы н направления, определить ее место в снстеме мер социальной политики, соотношенне с демографической политикой, планированнем семьн.

Понятие «семейиая политика» трактовали по-разиому, иногда акцент делался на ее демографическом значении, нногда — на ее общественной роли. В семейную политику включали: половое воспитаиие в семье н школе, подготовку молодоженов к семейной жнзни, материальную поддержку молодой семьи (жилье, кредиты, пособия, льготы, продолжительные оплачиваемые отпуска по беременности и родам, по уходу за ребенком), развитие многопрофнльной «Службы семьи» (диагностика отношений между супругамн, между родителя-

ми и детьми, профилактика семейных конфликтов, повышение уровня культуры семейных отношений в педагогических и сексуальных вопросах). В это понятие включали также содействие вступлению в брак одиноких и разведенных, развитие служб планирования семьи (подбор доступной и надежной контрацепции, медико-генетическое консультирование, прерывание беременности современными, наименее вредными способами, лечение бесплодия и т. п.). К семейной политике относили и массовые издания популярной литературы по вопросам семьи и брака, пропаганду семейных ценностей средствами массовой информации, культуры, искусства.

На государственном уровне в подходах к решению демографических проблем преобладал прагматизм. Тон задавали экономисты, специалисты по проблемам труда и занятости. Достаточно распространенной в 1970-е и 1980-е гг. была позиция, связывающая цели демографической политики в основном с проблемами формирования трудовых ресурсов. Типичный пример таких взглядов представлен в правительственном постановлении о социальном развитии села (1988 г.), где, в частности, в цели демографической политики было включено «стимулирование рождаемости в трудонедостаточных районах».

Экстенсивный и трудозатратный характер нашей экономики обусловливал и адекватный взгляд на население и на семью как источник будущих работников. Поэтому дефицит трудовых ресурсов, обозначившийся в 1980-е гг., заставил директивные органы обратить больше внимания на проблемы демографии и семьи, согласиться с предложениями демографов об усилении внимания к демографической политике и семье.

До 1981 г. меры демографической политики сводились, по сути дела, к ее экономической и моральной поддержке и даже поощрению многодетности (начиная с мер, введенных в 1936 г. и усиленных в 1944 г.) и к экономической поддержке малообеспеченных семей (с 1974 г.). В той форме и в тех размерах, в которых эта помощь осуществлялась, она не давала ни социального, ни демографического эффекта.

Обострение демографической ситуации в стране обусловило включение в планы экономического и социального развития на 1981–1985 гг. и на последующий период комплекса мер по усилению государственной помощи всем семьям с детьми.

Одной из главных целей принятых мер было провозглашено создание лучших условий для роста населения и воспитания подрастающих поколений. Комплекс мер демографической политики, введенных в СССР в 1981–1983, а в РСФСР – в 1981–1982 гг. (поэтапно, по регионам страны), содержал принципиально новые меры поддержки семьи.

Эти принципы были заложены уже в постановлении от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»[2]. Как видно из самой формулировки этого постановления, речь идет здесь о поощрении и поддержке всех семей, имеющих детей, а не только многодетных и малоимущих.

В соответствии с заявленной позицией о необходимости усиления государственной помощи семьям с детьми поддержка семей единовременными пособиями начиналась с рождения первого ребенка, а не третьего, как было ранее. Для работающих или обучающихся матерей были введены единовременные пособия на первого ребенка — 50 руб., на второго — 100, на третьего — увеличены в пять раз (с 20 до 100 руб.). При рождении четвертого и последующих детей в соответствии с принятыми ранее постановлениями от 25 ноября 1947 г. и от 12 августа 1970 г. выделялись как единовременное, так и ежемесячные пособия. Единовременное выплачивалось при рождении ребенка, а ежемесячные — со второго года его жизни до достижения им 5 лет. Размер государственного пособия был определен Указом 1947 г. и в 1981 г. не был изменен. Так, при рождении четвертого ребенка размер единовременного пособия равнялся 65 руб., а пятого — 85, шестого — 100 и т. д.[3] (см. табл. 46).

Таблица 46

Пособия на рожденне ребенка*

Дата	Размер пособия (в рублях)
До 1981г.	20 — при рождении 3-го ребенка 65 — при рождении 4-го « 85 — при рождении 5-го « 100 — при рождении 6-го « 125 — при рождении 7-го и 8-го « 175 — при рождении 9-го « 175 — при рождении 10-го « 250 — при рождении 11-го и последующих детей
С 1 ноября С 1981 по 1982 г. включительно	50 — при рождении 1-го ребенка 100 — при рождении 2-го « 100 — при рождении 3-го « с 4-го и более детей сохранялись прежние размеры пособий

* *Население мира:* демографический справочник. М., 1989. С. 125.

Как видно из вышесказанного, в демографической политике 1980-х гг. осуществлялась ориентация на среднедетную семью, поскольку единовременные пособия на рождение второго и третьего

ребенка были выше, чем пособия на последующих — четвертого и пятого, хотя государство не лишало своей поддержки и многодетные семьи.

В целях создания более благоприятных возможностей для материнского ухода за новорожденными и малолетними детьми был введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 1 года в размере 35 р. (50 р. в районах Сибири, Севера и Дальнего Востока) и отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребенком возраста 1,5 лет. При этом мать сохраняла непрерывный трудовой стаж и стаж работы по специальности. По разным районам это положение вводилось поэтапно, вплоть до 1983 г. Отпуск оплачивался одинаково, независимо от очередности рождения ребенка, доходов и других характеристик семьи.

До 20 руб. в месяц был повышен размер государственного пособия одиноким (не состоящим в браке) матерям на содержание и воспитание детей. Это пособие выплачивалось на ребенка до достижения им возраста 16 лет, а на учащихся, не получающих стипендии, — до 18 лет. С 1 января 1986 г. пособие получали и вдовы, имевшие детей и потерявшие кормильца.

Особое внимание в постановлении было уделено укреплению и развитию молодых семей. Нуждающимся в жилье молодоженам предоставлялось преимущественное право на получение государственной жилой площади, а также на индивидуальное кооперативное строительство.

По постановлению от 22 января 1981 г. предприятиям, учреждениям и колхозам было предоставлено право выдавать одному из молодых супругов в семье, имеющей хотя бы одного ребенка (при условии, что это первый брак, а возраст супругов не превышает 30 лет), беспроцентные кредиты на 8 лет в размере до 1,5 тыс. руб. При этом после рождения второго ребенка погашалось 200 руб., а после рождения третьего — 300 руб. от остатка невыплаченной суммы. Если в молодой семье рождался ребенок в первые три года совместной жизни, то они имели право на однокомнатную квартиру. При вступлении в ЖСК молодой семье снижалась доля первоначального взноса, которая составляла 20 % от стоимости квартиры в районах Дальнего Востока, Сибири, европейского Севера, Нечерноземья и 30 % в остальных районах страны.

В том же постановлении было признано целесообразным в течение первого года с момента регистрации брака отменить взимание с молодой семьи налога за бездетность.

Были установлены новые льготы работающим женщинам-матерям. Работающим женщинам, имеющим двух и более детей в возрасте до 12 лет, предоставлялся дополнительный трехдневный

оплачиваемый отпуск в летнее или другое удобное для них время. Им предоставлялось право на дополнительный отпуск по уходу за детьми без сохранения заработной платы продолжительностью до двух недель по согласованию с администрацией в период, когда позволяют пронзводственные условия.

Постановлением от 22 января 1981 г. была предусмотрена, а с 1 января 1984 г. введена выплата пособий на детей малообеспеченным семьям, имеющим средний совокупный доход на члена семьи не более 75 руб. в месяц в райоиах Дальнего Востока и Сибири, в Карельской и Коми АССР, Архангельской и Мурманской областях, а также в Вологодской, Новгородской и Псковской. Для остальных регионов страны критерием был средний совокупиый доход на члена семьи не более 50 руб. Пособие выплачивалось малообеспечениой семье при наличии в ней детей до 8 лет.

В мае 1985 г. было принято постановление правительства и ВЦСПС «О первоочередных мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей, усилению заботы об одиноких престарелых гражданах»[4], в котором с 8 до 12 лет был увеличен возраст детей, на которых выплачивались пособия малообеспеченным семьям. До 14 дней была увеличена продолжительность оплачнваемого отпуска по уходу за больным ребенком.

20 октября 1987 г. было принято специальное постановление правительства и ВЦСПС «Об увеличении продолжительиости оплачиваемого периода по уходу за больным ребенком»[5], согласио которому больничный лнсток по уходу должен был выдаваться на период, в течение которого ребенок нуждается в уходе. Если ребенок болел более 14 дней, то выдавалась справка о временном освобождении от работы.

2 сентября 1987 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, направленный на дальнейшее улучшение условий работы для беременных женщин и матерей[6]: неполный рабочий день, неполное рабочее время по просьбе беременной женщины или работницы с ребенком в возрасте до 8 лет. Молодая мать ребенка в возрасте до 1 года получила право работать на дому с сохранением пособия по уходу за ребенком. Оплата производилась по выработке или по отработанному времени.

В постановлении от 22 января 1981 г. был поставлеи вопрос о повышении действенности пропаганды среди населения знаиий о семье, усилении престижа материнства и укреплении брачно-семейных отношений, создании атмосферы повышенной заботы и уважения к семьям, имеющим детей. В этом постановленни было обращено внимание на развитне научных знаиий и выпуск литературы по вопросам демографии, семьи, гигиены брака, воспитания де-

тей, укрепления здоровья населения т. д. Предусматривался выпуск учебной и массово-пропагандистской литературы по этой проблематике. В учебные планы старших классов средних общеобразовательных школ, профессионально-технических и средних специальных учебных заведений вводились обязательные занятия по психологии и этике семейной жизни, гигиеническому и половому воспитанию юношей и девушек.

Реализация всех этих мер в сочетании с крайне благоприятной для роста рождаемости возрастной структурой, сложившейся в первой половине 1980-х гг. (в этот период через возраст наибольшей интенсивности деторождения — 20–24 года — проходило многочисленное поколение родившихся в конце 1950-х — начале 1960-х гг.), явно способствовала росту общего числа рождений, продолжавшемуся вплоть до 1987 г., и некоторому увеличению числа и доли рождения вторых и третьих детей.

Немалую положительную роль сыграла в этом плане и антиалкогольная кампания 1985–1987 гг., способствовавшая понижению смертности от экзогенных причин и рождению более здорового потомства[7].

Структурные факторы, обусловившие рост рождаемости в середине 1980-х гг., достаточно быстро исчерпали себя, и с 1988 г. начался новый этап снижения рождаемости. Чтобы затормозить снижение рождаемости, а также улучшить охрану здоровья матери и ребенка, в 1989–1990 гг. был поэтапно увеличен частично оплачиваемый отпуск по уходу за новорожденными детьми до 1,5 (с сохранением прежнего размера оплаты) и до 3-х лет (без сохранения содержания).

Эти меры не смогли остановить развитие негативных тенденций в демографических процессах и ожидаемого эффекта не дали. С особой остротой встал вопрос о необходимости научного прогнозирования демографических процессов, о разработке научно-обоснованных концепций программы демографической политики.

Однако уровень научных разработок в этой области в 1970-е – 1980-е гг. был еще явно недостаточен для решения столь сложных задач. Это отражалось в структуре научных институтов, исследовательских центров, планах научной работы и финансировании исследований по проблемам населения, семьи и демографической политики.

Усилия немногочисленных групп специалистов и отдельных ученых (демографов, социологов, историков, экономистов, географов, психологов, юристов, медиков, педагогов и т. д.) были распылены, не обеспечивалась необходимая координация исследований, крайне редки были конференции и научные семинары по проблемам демографической политики.

Лишь в конце 1980-х гг. явно обозначившиеся структурные предпосылки к новому обострению демографической ситуации вызвали рост интереса к программам демографической политики и семейной политике как ее структурному элементу.

Социально-демографические проблемы были учтены в Постановлении Правительства СССР «Об усилении работы по реализации активной социальной политики и повышении роли Госкомтруда СССР» (№ 825 от 17 июля 1987 г.), где на Госкомтруд возлагалась ответственность за формирование политики народонаселения и, в частности, предусматривалось «организовать подготовку региональных программ по народонаселению с учетом демографических особенностей районов».

В 1988–1989 гг. Госкомтруд СССР, НИИ труда Госкомтруда СССР и Центр по изучению проблем народонаселения МГУ подготовили методические материалы по разработке республиканских программ в области народонаселения. Такие программы, рассчитанные на срок до 2000 г. и более длительный период, должны были учитывать специфику демографического поведения в районах с разным типом воспроизводства населения, теснее увязывать региональные цели и средства для их достижения. В числе приоритетных подпрограмм предлагалась и подпрограмма «Молодая семья», апробированная к тому времени в условиях Москвы, где она была принята к реализации в 1988 г.

В большинстве республик СССР в 1989–1990 гг. были разработаны региональные программы развития населения на период до 2000 г., включающие меры помощи семьям с детьми, меры по снижению смертности, охране материнства и детства, регулированию миграции и т. д. Республики самостоятельно определяли приоритеты в целях своей политики с учетом своих ресурсных возможностей, а также подключали к реализации политики средства местных советов и предприятий.

В 1990 г. в связи с переходом к рыночной экономике Госкомтрудом СССР была разработана Концепция социальной защиты населения. В ней был сформулирован ряд основных принципов, в частности, принцип всеобщности в гарантировании прямой поддержки всем нетрудоспособным членам общества. Были намечены два возможных подхода к соотношению роли Центра и регионов:

1) каждый уровень обеспечивает социальные гарантии из своего бюджета: союзный — из своего, республиканский — из своего, местный — из своего;

2) сочетание и взаимное дополнение мер и бюджетных средств разного уровня и создание союзно-республиканских программ.

В 1990 г. с 56 до 70 дней был увеличен дородовой отпуск.

В правительственном постановлении «О дополнительных мерах по социальной защите семей с детьми в связи с переходом к рынку» (1990 г.) было введено единовременное пособие в размере трехкратной минимальной заработной платы (210 р.).

Госкомтрудом СССР в 1990 г. были подготовлены «Основы государственной политики по улучшению положения женщин, семьи, охраны материнства и детства». В частности, было намечено ввести систему государственных пособий семьям с детьми с учетом типа семьи, дохода и индекса стоимости жизни.

Провозглашение Россией суверенитета (1990 г.) и распад СССР (1991 г.) поставили вопрос о выработке в России демографической политики, учитывающей новые экономические, социальные и политические условия. Демографическая политика в РФ до 1991 г. была составной частью общесоюзной, единой для всего СССР политики. Собственную политику (на уровне Федерации) Россия не формулировала и не проводила. В конце 1980-х гг. была начата разработка долгосрочной целевой программы развития населения РСФСР. После провозглашения РФ суверенитета официальных заявлений по поводу целей демографической политики не делалось.

Социальное обеспечение людей пожилого возраста

Численность пенсионеров в 1980-е гг. росла. Если в 1980 г. их было 28,3 млн человек, то к середине 1980-х гг. их стало 31,8 млн, а в 1989 г. их число выросло до 33,2 млн, в том числе пенсионеров по возрасту в 1980 г. было 19,5, к середине 1980-х гг. — 23,2 и в 1989 г. — 25,2 млн[8].

Пенсионное законодательство 1960–1970-х гг., несмотря на неоднократные повышения размера пенсий, так и не достигло к началу 1980-х гг. всеобщего и равного пенсионного обеспечения пожилых людей. По-прежнему в среднем размер пенсии колхозников был значительно ниже, чем у рабочих и служащих.

Напомним, что в начале 1970-х гг. минимальный размер пенсий колхозников составлял 20 руб. в месяц (в два раза меньше, чем у рабочих и служащих), а максимальный — 120 (как у рабочих и служащих)[9]. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1973 г. уточнил порядок начисления пенсий колхозникам: пенсионерам, постоянно проживавшим в сельской местности и связанным с сельским хозяйством, пенсии назначались в размере 85 % установленных норм[10].

В период с 1965 по 1975 г. был расширен перечень категорий колхозников, имеющих право на пенсионное обеспечение. В него

были включены бывшие члены колхозов, земли которых были переданы совхозам и другим предприятиям[11], члены колхозов, занятые в культурно-бытовых учреждениях, заведующие детскими садами и яслями, воспитатели и др.[12] Обеспечение государственными пенсиями работников культурно-бытовых учреждений колхозов имело особое значение, так как способствовало некоторому улучшению социального развития деревни.

С 1 января 1980 г. до 28 руб. в месяц была повышена минимальная пенсия членам колхоза и предоставлен ряд других льгот[13]. Тем не менее она была ниже, чем минимальная пенсия рабочих и служащих (45 руб.).

На рубеже 1970–1980-х гг. в условиях снижения темпов экономического развития страны наметилось и другое противоречие, вызванное тем, что темпы роста заработной платы в эти годы значительно превышали темпы роста среднего размера пенсий. В результате разница между уровнями этих величин к началу 1980-х гг. составила 70 руб. Кроме того, сохранялась существенная разница между минимальным и максимальным размерами пенсии: 45 и 120 руб. у рабочих и служащих и 28 и 120 руб. у колхозников.

Обследование семейных бюджетов в 1980-е гг. свидетельствовало о преобладании у рабочих и служащих среднедушевого совокупного дохода в размере 75–100 руб. и 100–125 руб. в месяц соответственно. Причем оплата труда в этом доходе составляла основную часть — 80 %[14]. У пожилых людей эту основу составляла пенсия, которая по размерам далеко отставала от зарплаты.

Учитывая сложившееся положение, правительство сделало попытку улучшить пенсионное обеспечение, в том числе путем повышения минимальных размеров пенсий. В 1985 г. минимальная пенсия колхозникам была поднята до 40 руб. в месяц[15]. Одновременно до 50 руб. в месяц была повышена минимальная пенсия рабочим и служащим. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дальнейшем улучшении пенсионного обеспечения членов колхозов и их семей» (1987 г.), подтвердив минимальный размер пенсии колхозникам, предусмотрел увеличение его до 50 руб. в случае, если пенсия выплачивается не менее 10 лет. Кроме того, размер пенсии увеличивался в зависимости от количества нетрудоспособных членов в семье[16].

С 1983 г. стала начисляться 20-процентная надбавка за непрерывный стаж работы на одном предприятии (не менее 20 лет), что дало возможность повысить некоторым рабочим и служащим максимальные размеры пенсии до 132, 154 и 176 руб.[17] Эта надбавка помогала закреплению кадров на предприятии и сокращала текучесть рабочей силы.

Была проявлена забота об одиноких пожилых людях. В 1985 г. было принято правительственное постановление «О первоочередных мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенснонеров и семей, усилению заботы об одиноких престарелых гражданах»[18], вводилась надбавка к пенсин из местного бюджета тем из них, кто был не в состоянии себя обслуживать. Кроме того, одиноким лицам, не имеющим пенсии, было дано право на ее получение в размере до 30 руб. в месяц.

Усилилось внимание и к социальному обеспечению ветеранов войны. В канун 40-летия Победы над фашизмом, в апреле 1985 г., был принят ряд постановленнй, которымн предусмагривалось право участников Великой Отечественной войны на 20-процентную надбавку к пенсии по старости, за нецрерывный стаж работы на одном предприятни, в учреждении, организации при наличии необходимого непрерывного стажа работы, независимо от того, работали лн онн на 1 января 1983 г. или позднее. Инвалиды Великой Отечественной войны получилн право на надбавку от 20 до 50 руб., а также ряд льгот при оплате квартир, коммуиальных услуг, лекарств, проезда на транспорте и т. д.[19]

На улучшение пенсионного обеспечения было направлено постановленне Совета Миннстров СССР и ВЦСПС «О введении добровольного страхования дополнительной пенсин для рабочих, служащих и колхознков» (1987 г.)[20] (начало действовать с 1 января 1988 г.). Источнпком для выплаты дополнительной пенсии являлся страховой фонд, создаваемый в равных долях за счет личных взносов работников и средств Государственного бюджета. Дополнительиая пенсия устанавливалась в размере 10, 20, 30, 40 илн 50 руб. в месяц. Граждане имели право в любое время прекратить страхование и получить уплаченные взносы, передать их по наследству.

Расходы на пенсионное обеспеченне нз госбюджета выросли с 24,4 млрд руб. в 1975 г. до 33,3 — в 1980[21].

Численность пенсионеров в СССР постоянно увеличивалась, вместе с тем менялся их состав. В 1971 г. их общее число составляло 41,3 млн чел., а в 1981 г. их стало 50,2 млн. К 1976 г. средн общего количества пенсионеров пенсионеры по возрасту состааляли 29,4 млн (в том числе колхозиков было10,4 млн), в 1981 г. — соответственно 34 и 9,8 мли. Уменьшение количества колхозников-пенсионеров объяснялось сокращеннем абсолютной численностн крестьянства и его удельного веса в занятом населении страны.

Краткнй анализ развнтия пенсионного обеспечення пожилых людей в 1980-е гг. показывает, что, хотя эта проблема постоянно находилась в поле зрения государства, миогие вопросы, связанные с пенсионным обеспечением населения, так и не былн решены.

Во-первых, по-прежнему оставалось существенным противоречие между темпами роста заработной платы и среднего размера пенсии. В 1987 г. соотношеиие между ними равнялось 3:1. Во-вторых, продолжало сохраняться различне в уровне пенснонного обеспечения между рабочими и служащими, с одной стороны, и колхозниками — с другой. Конечно, пенсионер-колхозник имел возможность повысить уровень своего материального обеспечения за счет личного приусадебного хозяйства. Однако нельзя ие считаться с тем, что не все люди пожилого возраста, особенно одиiокие, были в состоянии вести такое хозяйство. В-третьих, по-прежнему оставался слишком низким размер минимальной пенсии у рабочих, служащих и особенно у колхозников.

До 1990 г. законодательство о социальном обеспечении было единым для всего СССР. На уровне союзных республик, в том числе и РСФСР, самостоятельно регулировались лишь некоторые второстепенные вопросы этой сферы.

Принципиально новым этапом в пенсионном законодательстве стал Закон о пенснонном обеспеченни граждан в СССР, принятый 15 мая 1990 г.

Закон подтверждал гарантированное право всех нетрудоспособных гражданам СССР на материальное обеспеченне за счет общественных фондов потребления путем предоставления трудовых и социальных пенсий.

Закон устанавливал единство условий и иорм пенсионного обеспечения рабочих, служащнх, членов колхозов и других категорий трудящихся, тем самым ликвидируя систему особых условий назначения пенсий отдельным группам граждан, прежде всего, номенклатурным работникам.

Закон вводил следующие виды государственных пенсий:

а) трудовые пенсии:

— по возрасту (по старости) по достиженни возраста: мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет;

— по инвалидности;

— по случаю потери кормильца;

— за выслугу лет;

б) социальные пенсии.

Социальные пенсии назначалнсь и выплачивались неработающим гражданам (кроме инвалидов с детства) при отсутствин права на трудовую пенсию, по достижении возраста для мужчии — 65 лет, для женщин — 60 лет, независимо от социальной принадлежности.

Выплата пенсий осуществлялась из Пенснонного фонда СССР.

Постановленнем Совмина СССР н ВЦСПС от 15.08.90 № 818 был создан Пенсионный фонд СССР как самостоятельная фиансово-

банковская система, которая не входит в состав Государственного бюджета СССР.

Закон вводил индексацию пенсий путем регулярного пересмотра размеров пенсий по мере изменения стоимости жизни и повышения эффективности экономики страны.

20 ноября 1990 г. был принят Закон «О государственных пенсиях в РСФСР», одновременно Закон РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-I «О государственных пенсиях в Российской Федерации»[22].

Этим законом вводилась кардинально новая система пенсионного обеспечения на основе обязательного пенсионного страхования наемных работников.

Первая основополагающая идея российского пенсионного Закона 1990 г. состояла в том, что в стране укоренилась система обязательного пенсионного страхования. Эта система практически воплощена во всех развитых странах и приемлема в период становления и развития многоукладных экономических отношений на основе различных форм собственности.

Социальный критерий обязательного пенсионного страхования реализуется через систему соответствующих страховых платежей, которые в обязательном порядке уплачиваются работодателями (независимо от формы собственности) и наемными работниками, независимо от их желания. Другими словами, эта система имеет принудительный характер[23].

Поскольку принуждение осуществляется государством, то подобная система считается государственной.

Страховые взносы поступают в централизованный фонд, который в России называется Пенсионным фоном РФ. Пенсионный фонд не должен сливаться с государственным бюджетом. Пенсионный фонд предназначен только на пенсионное обеспечение и не может расходоваться на другие цели. Управление и контроль над его средствами осуществляет государство.

Размер уплаты страховых пенсионных взносов и уровень пенсий определяются законом.

Уровень страхового пенсионного обеспечения в конечном счете определяется трудовым стажем работника, иначе говоря, количеством лет, в течение которых им и его работодателями уплачивались страховые взносы.

Пенсионное обеспечение имеет абсолютный и относительный уровни.

Абсолютный уровень пенсионного обеспечения показывает, в каком объеме пенсионер может приобрести необходимые ему потребительские товары и услуги. Относительный уровень — это отношение

пенсии работника к его среднемесячному заработку, из которого она исчислеиа. Оба эти уровня — абсолютиый и относительный — являются общепризнаниыми в мире.

Как уже отмечалось выше, в 1980-е гг. в СССР и соответственно в РСФСР существенно снизились и относительный, и абсолютный уровни пенсионного обеспечения. Это было связано со следующим противоречием: происходил рост номинальной оплаты труда и консервировался уровень максимального размера пенсии. К тому же в систему пеисионного обеспечения в советское время были заложены уравиительные прииципы. Расходы на выплату пеисий производились в основном за счет государствеиной дотации, а, следовательно, осуществлялись по «остаточному принципу». Преимущества в пенсиоиием обеспечении были даиы лишь тем, кто был занят в структурах власти либо относился к номенклатуре советских, партийиых, комсомольских и профсоюзных органов. Кроме того, в прошлом отсутствовала иидексация пенсий с учетом роста цен и заработка.

На устранение этих противоречий и был направлен Закои от 20 ноября 1990 г. «О государственных пеисиях в Российской Федерации», который закрепил единую пеисиониую систему в стране, охватившую все население России. В связи с его принятием были ликвидированы привилегированиые пеисионные системы — система персоиальных пеисий, система пенсионного обеспечеиия колхозников. В связи с этим законом бмл создан Пенсионный фонд РФ как самостоятельиая внебюджетная кредитио-финансовая система.

Право на получение трудовой пенсии в полной сумме в период работы, закреплеиное в законе, нмело свое концептуальное обосиование, суть которого заключалась в том, что право иа данную пенсию заработано многолетним трудом, уплатой страховых платежей в Пенсионный фоид и потому оно ие может быть отчуждаемо.

По этому закону снижался пенсионный стаж для иекоторых групп работиików, занятых на подземиых и открытых гориых работах, лиц, работавших в районах Крайнего Севера, инвалидов Великой Отечествеиной войны, жеищин, родивших 5 и более детей и воспитавших их до 8-летиего возраста.

Для ряда профессий был установлен порядок выплаты пенсий работающим пеисионерам, при котором получаемый ими заработок ие учитывался: для рабочих и мастеров, учителей школ и педагогических работников дошкольных, внешкольных и других детских учреждений, медициискиx работников, колхозников и работников других кооперативов, всех работающих пенсионеров — участников войны. Впоследствии эта часть закона была дополиена, и перечень таких профессий значительно расширен.

В 1990 г. в связи с принятием Закоиа средний размер месячной пенсии пеисионеров, состоящих на учете в органах социальиого обеспечения, увеличился до 77 руб. в 1985 г. и до 102 в 1992.

По важнейшим видам продовольственных товаров в 1,6–1,8 раза возросла покупательиая способность средней пенсии[24]. Однако пенсия все равно оставалась недостаточной. Например, потребление мяса пенсионером в 1990 г. составляло 75 кг в год в расчете иа душу населения. Для сравиения отметим, что в США оио составляло около 120 кг.

Медицинское обслуживание пенсионеров оставалось бесплатным по месту их жительства. Была введеиа система медициискиx страховых полисов. Однако качество медициискиx услуг, снижавшееся все 1980-е гг., и к концу десятилетия ие улучшилось. К тому же на протяжении этого периода постоянно происходило удорожание медицинских препаратов. В 1980-е гг. было проведено специальное обследование качества медицинского обслуживання. Выяснилось, что в период с 1986 до 1989 г. ухудшилось лекарственное снабжеиие населеиия. Об этом заявили 70 % опрошеиных горожан и 50 % сельских жителей. Половина опрошенных горожан и 40 % жителей села считали необходимым улучшение медицинского обслуживания[25].

В 1980-е гг., как и в прежнее десятилетие, продолжалась и даже усилилась политика привлечения пенсионеров к труду. Указом Президиума Верховиого Совета СССР и постановлением Совмина СССР (1979 г.)[26] с 1 иоября 1980 г. была введеиа система надбавок к пенсии за работу по достижении пенсионного возраста в размере 10 руб. в месяц за каждый год работы с тем, чтобы надбавки ие превышали 40 руб., а сама пеисия с надбавкой — 150 руб. в месяц. Это право вводилось для младшего обслуживающего персонала, рабочих, независимо от места работы, мастеров и бригадиров в растеииеводстве, животноводстве, на государственных предприятнях сельского хозяйства. Такое право распространялось и иа некоторые другие категории работников. Кроме того, был расширен перечень категорий работников, имеющих право на получение во время работы 50, 75 и 100 % иазначеиной пенсии с тем, чтобы общая сумма заработка не превышала 300 руб. в месяц, а для отдельных работников — без каких-либо ограничеиий.

Этот указ повышал материальиую заинтересоваиность пеисиоиеров в продолжении их трудовой деятельности, расширял их выбор, улучшал материальное благосостояние. Но вместе с тем, в отличие от законодательных мер начала 1970-х гг., это был шаг иазад, так как ие касался таких насущных для пожилых людей проблем, как условия их труда, нормы выработки, формы их трудовой деятельности, ее ор-

ганизация (неполная рабочая иеделя, неполный рабочий день, работа иа дому и т. д.).

Кроме того, этот закоиодательный акт направлял трудовую деятельность пенсионеров прежде всего в сферу материального производства, а между тем эффективность труда пенсиоиеров, иапример, в промышленном производстве, была изучеиа слабо. Имелись лишь отдельиые региональиые исследоваиия. По ним трудно бмло сделать широкие обобщения. Однако обращает на себя внимание тот факт, что выводы этих исследований ие всегда были положительными. Так, исследование эффективности труда пенсиоиеров, работающих на предприятиях Татарии, проведенное В. Г. Блуфардом[27], показывает, что после оформления пеисии работник часто оставался на прежнем рабочем месте (таких людей, согласно его обследованию, оказалось 50,7 %). В этом случае из основиого источника дохода зарплата превращалась в дополиительиый, ее значение как материальиого стимула труда падало. Поскольку зарплата вместе с пенсией не должиы были превышать 300 рублей, пенсионер снижал производительность своего труда, чтобы ие уменьшался размер пенсии — гарантированной части дохода. Иными словами, стимулирующая роль пенсии работающего пенсиоиера превращалась в свою противоположиость[28].

Помимо этого возможиость получеиия пенсии и зарплаты заставляла многих пенсионеров оставаться работать на прежнем месте даже в условиях вредного производства. По обследованию В. Г. Блуфарда, таких пенсионеров было около 54,5 %[29]. Это приносит вред здоровью самого пенсионера, повышает заболеваемость с времеииой утратой трудоспособности, что иегативиым образом сказывается на производительности труда и эффективиости его работы.

К этому следует добавить, что сеть специализированных предпрнятий, где были созданы условия для труда пенсионеров, была невелика, 99 % пенсионеров продолжали трудиться полный рабочий день и полную рабочую иеделю[30], а работа на дому использовалась очеиь огранниенно.

Однако это совсем не означает, что труд пенсионера вовсе ие рациоиален на производстве. Положительиый опыт по использованию их труда был иакоплеи заводом «Серп и молот», объедииением «Кировский завод» и др., где после оформления пенсии продолжали трудиться до 80–90 % рабочих и служащих[31]. Этот опыт, а также данные социологических исследований свидетельствуют о том, что производство испытывало большую потребность в различного рода вспомогательных рабочих, мастерах производственного обучения и др. При условии неполного рабочего дия пенсионеры могли выполнять эти виды работ в соответствии со своей квалификацией. Согласно проведенному в Москве опросу, около трети ушедших иа пенсию

выражали согласие вериуться на работу, но 40 % из иих — при условии неполиого рабочего дня или иеполной недели. Что касается колхозников, то, по даиным опроса 1984 г., почти 60 % из них хотели бы продолжать работу при неполиой рабочей неделе, а около 40 % — при иеполном рабочем дне. В 1985 г. только 25 % колхозиików трудились при неполиой рабочей неделе и 3 % — в иадомиом производстве[32].

В печати высказывались предложеиия по использованию труда пеисиоиеров на сезониых работах в сельском хозяйстве с выплатой натурой доли собраииого урожая. Одиако местиые органы власти недостаточно использовали эти возможности.

В результате принятых мер по материальному стимулированию число занятых пеисиоиеров к 1987 г. составило 12 млн чел. Одиако количество работающих пенсионеров росло медлениее, чем их общая численность. В результате удельиый вес работающих пеисионеров сократился и по сравиеиию с концом 1970-х гг. составил 21,4 %. В организации досуга пенсионеров в 1980-е гг. по сравнению с 1970 гг. существениых измеиений не произошло. По-прежнему преобладали четыре основных вида занятий: просмотр телепередач, чтение, общение и пассивиый отдых. Самое большое число часов в день тратилось иа просмотр телепередач — от 1,5 до 3 часов, то есть от 38 до 42 % всего свободного времени. На остальные занятия пенсионеры расходовали очень мало времени. Довольно большое число неработающих пеисионеров посещало кинотеатры — 44,5 %. Реже посещались театры, выставки и т. д. Это было связаио, прежде всего, с материальиым положением и отчасти — состояиием здоровья пожилых людей. Проблема одиночества, как и в 1970-е гг., не была решеиной. Общеиие особенио в условиях больших городов было затрудиеио.

Оцеиивая в целом демографическую политику в 1980-е гг., нельзя не отметить, что она имела прагматический характер, ориентировалась прежде всего на решеиие сиюминутиых задач общественного производства. Коицепция демографической политики не сложилась, а научное прогиозирование демографического развития находилось у своих истоков. Нельзя ие отметить вместе с тем, что поощрительные меры по повышеиию рождаемости имели положительный эффект. В материальном обеспечении и повышеии жизненного уровня лиц пожилого возраста оставалось много нерешенных проблем.

Глава IX
Миграционный обмен России с республиками СССР в 1979–1988 гг.

1980-е гг. в миграционном обмеие на так иазываемом внутрисоветском миграционном пространстве — годы во многом переломиые. До распада СССР оставалось еще несколько лет, но год за годом, очень небыстрыми темпами, миграция становится все более однонаправлеииой — в сторону России. При этом вплоть до 1988–1989 гг. наблюдается постепенный рост миграционной мобильности коренного населеиия республик в сторону России. Этот процесс, однако, уже в 1990 г. резко меияется, «сворачиваясь» в границах республик — мигранты титульиых нацноиальиостей предпочитают внутриреспубликанские («свои») перемещения внутрисоюзным или вовсе сиижают свою миграционную активность. Тем самым измеиеиия миграционного поведения населения, выразившиеся в траисформации направлеиности, объемов и динамики миграционных процессов, становятся едва ли ие первыми призиаками грядущих больших геополитических трансформаций. Впечатляет динамизм процессов: «застойные» годы иачала 1980-х сменяются буриыми, и даже порой коифликтиыми годами конца этого десятилетия. Имеино в это время иаселение СССР впервые за долгие годы услышало о иациональных конфликтах и столкнулось с ними — «прозвенели» Сумгант, Баку, Ош, Нагорный Карабах. Это были уже не призиаки меняющейся ситуации, а реальная смена приоритетов и траекторий развития и одиовременно миграций.

Правда и то, что, быстро меняясь во времени, миграциоиные связи иа союзном простраистве иаследовали некоторые предыдущие черты и зачастую становились откликом на случившиеся много ранее исторические события.

Динамика объемов миграционного обмена

В первой половине 1970-х гг. Россия постепенно из иетто-экспортера мигрантов на внутрисоюзиом пространстве превратилась в нетто-импортера. Сначала положительиый для России знак миграционного сальдо формируют республики Закавказья и Казахстаи,

затем к ним присоединяется средиеазиатский регион. Это был качественный перелом в направлениях межреспубликанской миграции по сравнению с 1960-ми гг., которые дали значительные по объему перемещения населения в южные республики и районы СССР, и без того имевшие избыточный трудовой потенциал. В то же время из Сибири, особенно из Западной, вопреки усилиям государства по заселению этих территорий, происходил отток.

К началу 1980-х гг. Россия имела нетто-прирост в обмене со всеми республиками СССР, кроме прибалтийских. Вплоть до 1986 г. прирост России в обмене с бывшими союзными республиками нарастал; два последующих года, по сути ознаменовавшихся началом разворачивания на союзном пространстве межнациональных конфликтов, дали резкое снижение нетто-прироста. Начиная с 1989 г. тенденции роста миграционного прироста России возобновились, прирост стал стремительно нарастать (табл. 47). Неустойчивость нетто-миграции второй половины 1980-х гг. — одна из ярких примет времени, она отражает неспокойную ситуацию тревожного «выжидания», царившую в эти годы на территории Советского Союза. Итог межпереписного десятилетия — более чем 1,5-миллионный чистый механический прирост России в межреспубликанских передвижениях, ставший серьезным подспорьем год от года снижающемуся естественному приросту населения.

Причины волнообразности тренда нетто-миграции в 1980-е гг. объясняются разными, нередко противоположными траекториями прибытий в Россию и выбытий из нее.

Вплоть до 1985 г. прибытия были относительно стабильны — 877–898 тыс. чел./год, что примерно соответствует ситуации второй половины 1970-х гг. Нестабильность общественно-политической обстановки в 1986–1988 гг. вызвала временный всплеск миграций в Россию, затем их кратковременное сворачивание, наконец, небывалый подъем вплоть до середины 1990-х гг., произошедший из-за масштабных переселений русскоязычного населения в Россию, начавшихся много раньше, но серьезно подогреваемых в начале 1990-х гг. распадом СССР и серией этнических конфликтов в бывших союзных республиках.

Картина выбытий в течение рассматриваемого десятилетия тоже менялась — вплоть до 1985 г. выбытия из России в республики постоянно понемногу снижались. В снижении выезда из России в республики (кроме прибалтийских) свою роль сыграли и «внешние причины», вытекающие из реалий жизни и социально-экономического развития республик, и «внутрироссийские факторы»: во второй

Таблица 47

Миграционный прирост России в результате обмена с республиками бывшего СССР в 1979–1988 гг., чел.*

Республика	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988
Украина	−8842	10713	57505	55212	44378	44442	26104	64631	16810	2011
Белоруссия	3751	5712	6425	7954	7660	5645	1728	16480	7771	−6128
Узбекистан	17633	11290	6139	6585	10881	16004	16397	19718	13391	12256
Казахстан	45033	34407	32754	41563	56736	85440	70008	63674	43036	39970
Грузия	11367	0859	7219	0810	10541	10913	12977	13217	10871	8710
Азербайджан	11938	12247	12418	16354	18542	19463	19612	22869	18713	24666
Литва	−1711	−1207	79	−656	−1656	−1359	−1473	−1080	−2289	−1538
Молдавия	807	2679	5863	5351	4019	5462	3447	10236	3400	3580
Латвия	−1707	−954	−1408	−1478	−1626	−2370	−2345	−3416	−4073	−3524
Киргизия	8272	8930	4262	5503	8377	8604	8559	8942	5478	3237
Таджикистан	5413	4087	4416	4215	5838	6748	6641	8198	5370	3788
Армения	5543	5374	5084	5949	8259	8997	9325	8982	8217	10915
Туркмения	4820	3708	2442	4119	5163	6453	6035	6011	4380	5634
Эстония	−2121	−3148	−2789	−2846	−2042	−2340	−2108	−2395	−1541	−800
Всего	100276	102497	140359	156835	174564	192122	174817	238087	129534	102777

* Составлено автором по данным Госкомстата РФ.

половиие 1970-х гг. российские трудовые ресурсы росли медленно, в трудоспособный возраст стало вступать малолюдное поколение, рождеиное в период «демографического провала» 1960-х гг.; российское село к тому времени было демографически истощено и уже не могло давать прежнего числа мигрантов в города России. В это же время происходило ускореиное заселение районов хозяйственного освоения на севере России и Дальнем Востоке. Особенно больших трудовых ресурсов потребовала разворачивающаяся нефтегазодобыча в Западной Сибири.

Плавный ниспадающий тренд выбытий был прерван в 1986–1988 гг. — Ж. А. Зайоичковская впоследствии назвала эти события «разъездом по национальным квартирам» — жители Украины, Белоруссии, Узбекистана, боясь непредсказуемых последствий, уезжали в «родиые» республики[1]. После 1988 г. выезд из России в республики стал иметь резкую иисходящую иаправлеиность. Более того, наметившийся к концу 1980-х гг. спад выбытий из России в республики был зиачительно более сильным, чем повышеиие прибытий в нее. Межреспубликанское движение постепеино становилось все более одионаправлеиным — в сторону России, однако происходило это не столько благодаря увеличению прибытий в нее, сколько из-за зиачительиого сиижения масштабов выбытий в другие республики.

Обмен с отдельнымн республнкамн СССР

Самый значительный нетто-прирост за 1979–1988 гг. Россия приобрела в обмене с Казахстаиом, который при среднегодовой числеииости иаселения, равной 15,5 млн чел., потерял в пользу России почти 493 тыс. чел. (3,2 % своего населения). Специфику миграциоиного обмена между Россией и Казахстаиом и усиленный выезд переселеицев из Казахстаиа в 1980-е гг. предопределил комплекс причин: на протяжении нескольких предыдущих десятилетий приток переселенцев в Казахстан был в основном связан с реализацией каких-либо крупных проектов (начиная с «Прибалхашстроя» в 1931–1932 гг. и заканчивая освоением целины в 1954–1955)[2], отсутствие «громких» проектов вело к снижению массы прибывающих; соотношение темпов прироста численности иаселения и рабочих мест складывалось в пользу первых (к концу 1970-х гг. Казахстан наряду со Средиеазиатскими и Закавказскими республиками перешел в группу трудоизбыточных райопов); рост социальной мобильности коренного населения в сочетании с повышением его заиятости в промышленности и управле-

ии также способствовал постепенному вытеснению русскоязычного населения.

В 1983–1986 гг. размеры положительного для России сальдо миграции в обмене с Казахстаном были самыми значительными, особенно с северными районами целинного освоения и восточными частями Казахстана. В Россию выезжали не только русские и татары, но и украинцы, белорусы, отчасти немцы. Местом своего жительства в России они выбирали и приграничные российские регионы (наиболее интенсивные связи были с Курганской, Омской областями, Алтайским краем), и привлекательные для мигрантов существовавшими на тот момент зарплатами и льготами российские «севера» (в первую очередь Томская область, Тюменская область с округами, Красноярский край, Иркутская область). Предыдущий «целинный опыт» способствовал проявлению новой мобильности, помогал переселяющимся быстрее адаптироваться на новом месте.

Весомы и миграционные потери Украины, которая в обмене с Россией «лишилась» за межпереписной период более 310 тыс. чел. В 1980-е гг., как и в предыдущее десятилетие, жители Украины активно осваивали российский европейский север и Дальний Восток. Исторически Украина в силу этноязыковой близости великороссов (с начала 1920-х гг. — русских), малороссов (украинцев) и белорусов и условности проведенных в 1918 г. границ в течение всего XX в. была основным миграционным партнером России. На протяжении длительного времени украинцы составляли существенную долю среди мигрантов в города всех союзных республик, образуя вместе с русскими и белорусами группу с наиболее высокими показателями миграционной подвижности и приживаемости в местах вселения. Считалось, что украинцы хорошо «поддаются» оргнабору рабочей силы, мобилизации на работу по комсомольским путевкам и т. п. Так называемая восточная украинская диаспора на территории бывшего СССР к 1979 г. составляла 5,9 млн, в 1989 г. — 6,8 млн чел. Темпы роста численности украинцев, живущих в России, за это время были еще выше — она увеличилась с 3,6 до 4,4 млн чел., ежегодный объем прибытий из Украины в Россию составлял 350–400 тыс. чел., в обратном направлении переселялось 330–380 тыс. чел. В конце 1980-х гг. наметилась новая тенденция: при более высоких, чем раньше, выбытиях из России стал стремительно сокращаться и поток с Украины. В результате сальдо миграции в 1988–1989 гг. оставалось положительным для России, но чрезвычайно незначительным, а в 1990–1993 гг. стало и вовсе отрицательным. Одним из главных побудительных мотивов усиления выезда из России, в первую очередь с европейского

севера и Дальнего Востока, явилась неопределенность в отношении забронированного на родине жилья и сохранения заработанного в России льготного северного стажа для получения пенсий.

Если в конце 1970-х гг. в России существовало две зоны активного вселения переселяющихся из Украины — западная приграничная (Белгородская, Курская, Брянская и др. области), куда приезжали из близлежащих восточно-украинских областей, и «североиая» — от Вологодской до Тюменской областей в европейской части страны и весь Дальний Восток, то к 1989 г. значимость приграничных миграций на постоянное место жительство резко снизилась (довольно быстро они видоизменились во временную трудовую миграцию), сохранились только интенсивные связи с «северами». Но в это время еще более интенсивной была миграция в обратном направлении.

Суммарный нетто-прирост России в обмене со Среднеазиатскими республиками составил 302 тыс. чел. — немного относительно их весьма значительной численности населения. Однако в условиях того, что положительный знак нетто-миграции в обмене со Среднеазиатскими республиками Россия приобрела сравнительно незадолго до рассматриваемого периода (большей частью возвратная миграция из Киргизии началась в 1972–1973 гг., из других республик региона — в 1974–1975), нарастание потоков в Россию шло высокими темпами. Усилению оттока населения из России в Среднюю Азию способствовал комплекс причин:

– в целом прирост населения в трудоспособном возрасте в Среднеазиатских республиках обгонял прирост рабочих мест, при этом сдерживалось возможное высвобождение занятых в сельском хозяйстве[3] (табл. 48);

– рост интенсивности внутренней миграции коренного населения из сельской местности в города. Так, на новых предприятиях, обследованных в Узбекистане в 1976 и 1979 гг., около половины работников было сформировано за счет приезжего населения. Но если в 1976 г. на долю межреспубликанской миграции приходилось 26,1 %, а на миграцию из сел Узбекистана лишь 17,1 %, то всего тремя годами спустя — 6,3 и 35,3 % соответственно[4];

– специфические условия местной жизни, которые выступали как привлекательные в голодные 1950–1960-е гг., в 1970–1980-е перестали таковыми быть. Уровень жизни, бытового и социального обслуживания населения, даже в городах Средней Азии, оставался крайне низким[5]. На рубеже 1980-х гг. наиболее активно покидали Среднюю Азию неприжившиеся новоселы, которые прожили здесь менее двух лет[6], позже этот процесс «захватил» и старожилов.

Таблица 48

Прирост населения в трудоспособном возрасте (числитель) и занятых (без сельского хозяйства) (знаменатель) в республиках Средней Азии, тыс. чел.*

	1959–1969 гг.	1970–1979 гг.	1980–1989 гг.
Узбекистан	990 / 1007	2366 / 1120	2374 / 736
Киргизия	295 / 301	449 / 248	369 / 107
Таджикистан	230 / 230	545 / 240	642 /190
Туркмения	178 / 160	383 / 186	421 /128

* *Источник: Зайончковская Ж. А.* Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. Науч. доклад Московского центра Карнеги. Вып. 11. М., 1996. С. 41–64.

При отсутствии общей с Россией границы ареал интенсивного миграционного тяготения Среднеазиатских республик в 1980-е гг. формируется вдоль и между двумя ветками железной дороги Ташкент–Оренбург–Москва через Саратовскую и Куйбышевскую области. Вне этого района есть еще несколько иных ареалов связанности: этнически детерминированная выездом татар зона Татарстана и Башкирии, отдельные области российского Нечерноземья — Ивановская, Новгородская, Владимирская, связанные с Узбекистаном и Таджикистаном по линии отраслевой (хлопчатобумажной) специализации хозяйства.

В отличие от Средней Азии, выезд русских и представителей других титульных народов из Закавказья начался существенно раньше. В 1980-е гг. потоки мигрантов из этого региона и районы их вселения в России были уже сложившимися. За счет трех закавказских республик за период с 1979 по 1988 г. Россия, по официальным данным, приобрела почти 360 тыс. чел. Если первые открытые межнациональные столкиовения произошли в перенаселенной Средней Азии (Новый Узень, Казахстан, 1986 г.), то Закавказье дало союзному пространству первых вынужденных переселенцев. Страшное Спитакское землетрясение 1988 г., война в Нагорном Карабахе и Бакинский конфликт спровоцировали вынужденную миграцию армян, русских, украинцев, представителей других национальных групп.

В 1980-е гг. интенсивные миграционные взаимоотношения связывали закавказские республики в первую очередь с регионами Северного Кавказа, его республиками, а также равнинным Предкавказьем и южным Поволжьем (Астраханская, Волгоградская, Саратовская области), а также — столичными городами.

Белоруссия в советский период всегда отличалась высоким миграционным оборотом, особенно с Россней и Прибалтикой. До 1970-х гг. в условиях избыточного сельского населения и недостаточного развития городов миграционные потоки сельского населения были направлены в другие союзные республики. Начиная с 1970-х гг. и в последнее советское десятилетие (1979–1988 гг.) в Белоруссии, наряду с Латвией и Молдавией, наблюдалась высокая интенсивность миграционного роста городов. Она обеспечивалась и динамичным оттоком из «своего» села, и не менее высоким притоком из городов других республик. Например, из общего числа мигрантов, прибывших из-за пределов республики, выходцами из городских поселений в 1974 г. были 81,4 % н 74,1 % в 1979 г. Это былн квалифицироваиные спепиалисты — шахтопроходчики, химики, маркшейдеры из украинских и российских городов, принявшие участие в освоении Старобинского месторождения калийных и каменных солей, российские и азербайджанские геологи и нефтяники, работавшие в Речицком нефтяном районе, метростроители, прибывшие из Москвы, Киева и Тбилиси на строительстао Минского метрополитена[7]. За пределы республикн выезжало в основном сельское население, преимущественно молодые мужчины или семьи, направлявшиеся в районы нового промышленного освоения Западной Сибири и Дальнего Востока.

Авария на ЧАЭС, произошедшая в апреле 1986 г., в результате которой 23 % территории Белоруссии оказались заражены цезием-137, на объемы межреспубликанской миграции повлияла не так заметно, как этого можно было бы ожидать: прибытия из Белоруссии в Россию в 1988–1988 гг. выросли, но выбытия из России в Белоруссию падали только в 1986 г., в дальнейшем тренды быстро восстановились. А уже в первой половине 1990-х гг., когда в Белоруссию начали прибывать беженцы из Закавказья, Таджикистана, Молдавии, сложилась и вовсе непрогнозируемая ситуация: наибольший приток беженцев пришелся на едиистенную незагрязненную радионуклидами Витебскую область, но на втором и третьем местах оказались Гомельская и Могилевская области — наиболее загрязненные, но со свободным жильем[8].

В 1980-е гг. ареалом интенсивного миграционного тяготения в России стали области вдоль белорусско-российской границы и северо-запада, а также Читинская и Амурская области. К 1989 г. расширился ареал активного присутствия мигрантов на севере европейской России. Существование же восточного белорусского ареала отражает традиционное и постоянное направление миграций из Белоруссии, известное еще с конца XIX в. и приведшее даже к возникиовению

там поселков, названия которых созвучны с названиями населенных пунктов, находящихся в Белоруссии (например, в Амурской области есть Могилевка, Гомелевка[9]).

В течение всего послевоениого периода межреспубликанская миграция в Молдавии, занимая относительно важное место в динамике численности и состава населения республики, не играла заметной роли в территориальном перераспределении населения в СССР (0,9–1,8 % в межрайонном обороте миграции по СССР, что почти пропорционально доле республики в населении Союза – она составляла 1,5 %). В миграционном обмене с Россией начиная с 1975–1976 гг. наблюдалась миграционная убыль. Наряду с Украиной и Белоруссией в 1980-е гг. в качестве места жительства в России граждане Молдавии активно выбирали европейский север, а также Якутию, Амурскую область и Хабаровский край на Дальнем Востоке.

Во все три республики Прибалтики постоянно и более или менее равномерно шел приток населения. Небольшой в абсолютных цифрах, он был очень велик относительно населения Эстонии и Латаии. За 30 лет миграция дала здесь больше половины общего прироста населения – 16 из 31 % в Эстонии и 15 из 28 в Латвии. Кроме того, значительным было косвенное влияние миграции. Мигрирует главным образом молодежь, дающая в местах притока естественный прирост населения. Все это привело к сильному снижению доли титульных наций в населении Эстонии и Латвии.

При этом ввод новых рабочих мест был несоразмерен демографической ситуации в регионе. В Эстонии и Латвии воспроизводство населения давно уже было суженным, то есть рождающихся детей не хватало для количественного замещения родительского поколения. В демографическом смысле республики Прибалтики являлись прямой противоположностью Средней Азии. Дефицитность трудового балаиса, активная политика Центра, направленная на создание в республиках не свойственной им ранее инфраструктуры (в том числе трубопроводной) и крупных союзных комплексов (нефтехимии, сланцедобычи и сланцехимии, олимпийских объектов в Эстонии, Игналинской АЭС в Литве), способствовали массовому притоку населения из различных регионов бывшего Советского Союза, особенно из Украины, России и Белоруссии. Возникли целые отрасли промышлениости, на которых работало в основном русскоязычное население. Например, в машиностроении Эстонии русскоязычные рабочие и служащие составляли 60–65 %, на транспорте – 65–70[10]. Другим фактором активной миграции в эти республики был традиционно более высокий и «западный» уровень жизни и социального

обслуживания в Прибалтике, которая всегда была наименее советской из всех районов Союза.

За счет межреспубликанской миграции увеличивалась в основном численность городского населения, особенно населения крупнейших городов. Сравнение данных переписей 1935 и 1989 гг. в Латвии показывает, что доля русских в республике возросла в 3,8 раза, белорусов — в 3,2, украинцев — в 3,5. В то же время удельный вес евреев сократился в 5,4 раза, немцев — в 33, латышей — в 1,5. Постепенно доля латышей в Латвии и эстонцев в Эстонии сократилась не только в абсолютных размерах, но и в приросте численности. За 1979–1988 гг. латыши в Латвии составили лишь 27 % прироста общей численности населения, эстонцы в Эстонии еще меньше — 15 %. По данным переписей населения, и в 1979 и 1989 гг. удельный вес неместных уроженцев в Латвии и Эстонии был самым высоким среди всех союзных республик.

В результате активных миграционных процессов и боязни «стирания национальных черт» еще до объявления независимости Латвии в феврале 1989 г. было принято постановление Совмина Латвийской ССР «О мерах по прекращению необоснованного механического прироста населения и регулирования процессов миграции в Латвийской ССР» (14 февраля 1989 г.). «Миграционные пакеты», принятые в Латвии и Эстонии в начале 1990-х гг., вводили политику противодействия иммиграции еще более жесткую, однако к активному выезду некоренного населения не привели.

Для Литвы в силу ряда объективных причин (относительно невысокой доли русских — 8,9 % в 1979 г. и 9,4 — в 1989); исторически сложившегося городского расселения русскоязычных (60 % из них проживали в городах уже в 1897 г.); более высокого естественного прироста литовцев по сравнению с латышами и эстонцами; высокой доли нетитульного населения, владеющего литовским языком, (38 % русских в 1989 г. назвали литовский своим родным языком или показали свободное владение им) была характерна несколько меньшая интенсивность притока мигрантов, что впоследствии отразилось в принятии менее жесткого миграционного и гражданского законодательства.

Неверно было бы утверждать, что кризисные явления в миграции, ярко проявившиеся в 1990-е гг., были вызваны только распадом СССР и являлись совершенно новым явлением. В более слабом виде они уже отмечались в 1980-е гг., а в некоторых случаях и ранее.

Россия постепенно становилась все более привлекательной в межреспубликанском обмене. В 1980-е гг. она имела положительное сальдо миграции в обмене со всеми республиками, кроме прибалтий-

ских. Получалось, что в целом миграционный вектор был направлен от менее развитых и урбанизированных к более развитым и урбанизированиым республикам. Только начало строительства каких-либо крупиых «союзных» промышленных объектов было способно сместить миграционные акценты.

В целом такая направленность миграционных потоков тогда приветствовалась, так как считалось, что она способствует перераспределению населения между перенаселенными и иедонаселениыми («трудоизбыточными» и «трудонедостаточными») районами СССР. На деле, однако, ситуация была более сложной. Из «трудоизбыточных» районов Центральной Азии и отчасти Закавказья в основном выезжали не представители коренных народов, переживавших в это время демографический взрыв, а русские, украинцы, белорусы и др., относительно высокообразованные и занятые в наиболее современных секторах экономики. Подобная миграция, не внося особого вклада в ослабление демографического дисбаланса между «югом» и «севером» СССР, затрудняла процессы социально-экономического развития, в котором нуждались многие южные регионы страны.

Российские регионы: карта межреспубликанских миграций

К концу 1980-х — началу 1990-х гг. миграционный прирост, получаемый Россией за счет межреспубликанского обмена, позволил вначале полностью, а затем частично компенснровать естественную убыль российского населения — ее предпосылкн были заложены много раньше, но окончательное оформление почти совпало со временем распада СССР.

1,5 млн чел., полученные Россией за 1979–1988 гг. в качестве нетто-прироста, не изменили и не могли изменить пространстаенную картину распределения населения, не повысили плотность населения в Сибири и на окраинах страны н не сгладили населенческую диспропорцию между ее севером и югом, западом и востоком. Распределение нетто-прироста между отдельными частями страны подтвердило несколько ключевых детерминант: постепенно нарастающие демографические проблемы (переход от расширенного воспроизводства к суженному и сопровождающее его старение иаселения) в экономически относительно благополучном европейском центре могли решаться только за счет миграции, в том числе межреспубликанской, потенциал внутреннего роста крупнейших городских агломераций тоже мог реализовываться только с ее помощью.

За межпереписной период (1979–1988 гг.) положительное сальдо миграционного обмена с союзными республиками формально имели 36 из 73 российских регионов. Значительная часть регионов, имеющих небольшой суммарный нетто-прирост или нетто-убыль, имели разнонаправленные внутрипериодные трейды: например, в Астраханской области, Бурятии, Омской области и некоторых других регионах годы, характеризующиеся приростом населения, сменялись отточными периодами, затем все менялось и т. д., что явно свидетельствовало о неустойчивости региональных позиций в межреспубликанском обмене.

Значительный миграционный прирост в межреспубликанских миграциях имело не более 10 регионов: Тюменская область, на севере которой в это время активно разворачивался нефте- и газодобывающий комплекс, Москва и область, Ленинград, Ставропольский, Краснодарский и Приморский края. Таким образом, география действительно привлекательных для межреспубликанских мигрантов регионов в последнее советское десятилетие оказалась определена емкостью рынка труда (несмотря на формальное отсутствие такого понятия при социализме) столичных агломераций, ресурсным потенциалом и выгодами географического положения юга и Дальнего Востока, влекущими за собой иные преференции (рис. 5).

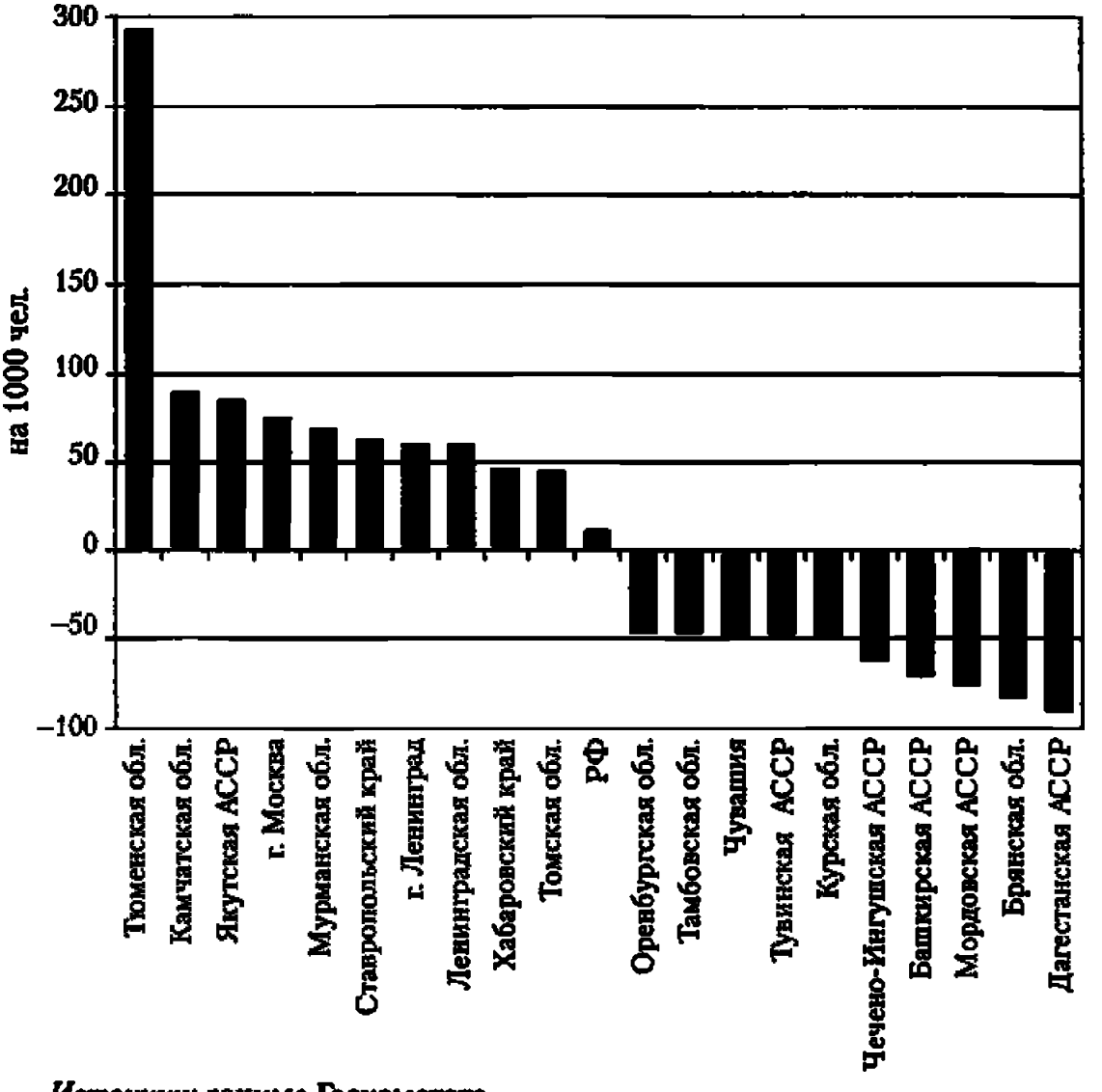
География нетто-отточных регионов более широка — северокавказские и поволжские республики, области центральной России, бывшие традиционными регионами исхода мигрантов и не ставшие привлекательными для них и в период возврата.

Наибольшей привлекательностью для межреспубликанских мигрантов обладали Центральный район и Западная Сибирь.

Начиная со второй половины 1960-х гг. приток в Центральный район стремительно возрастал. Переписи населения 1979 и затем 1989 гг. показали, что притягательность Центра продолжала усиливаться. В 1979–1988 гг. этот район, сосредоточивший 10,6 % населения СССР, принял 32 % всех союзных мигрантов. Устойчивым являлся и приток в Северо-Западный район (табл. 49). И в Центре, и на Северо-Западе сложилась одинаковая картина — практически весь приток приезжих поглощался Москвой, Ленинградом и их областями. Остальные области этих районов были слабо привлекательны для межреспубликанских мигрантов и даже теряли собственное население во внутрироссийских миграциях в пользу «своих» столичных городов и их областей. Таким образом, центростремительность миграций, объявленная как их ключевая характеристика в 1990–2000-е гг., на самом деле была характерна и для миграционного обмена в последнее советское десятилетие.

Рисунок 5

Коэффициент миграционного прироста (убыли)* в межреспубликанских миграциях за 1979–1988 гг., на 1000 чел.**



Источник: данные Госкомстата.

* Коэффициент миграционного прироста (убыли) — разность числа прибывших и выбывших, отнесенная к среднегодовой численности населения.

** Регионы распределены в соответствии с ранговыми местами по значению коэффициента.

Таблица 49

Нетто-прирост (убыль) в межреспубликанской миграции в 1979–1988 гг. по экономическим районам России, тыс. чел.*

Ранг	Экономический район	Абсолютные размеры нетто-миграции
1	Центральный	+851
2	Западно-Сибирский	+845
3	Северо-Западный	+436

Окончание таблицы 49

Ранг	Экономический район	Абсолютные размеры нетто-миграции
4	Дальневосточный	+308
5	Северо-Кавказский	+90
6	Северный	+35
7	Восточно-Сибирский	+19
8	Поволжский	−57
9	Центрально-Черноземный	−159
10	Волго-Вятский	−246
11	Уральский	−596

* *Источник:* данные Госкомстата.

Западная Сибирь, благодаря нефтегазодобывающим округам Тюменской области, в 1980-е гг. по общей привлекательности для мигрантов была вполне сопоставима с Центром. И так же, как и в Центральном, в Западно-Сибирском районе по-настоящему притягательными были только два региона (Тюменская область с округами и Томская область, на северо-западе которой стремительно разворачивался нефтяной комплекс), все прочие были оттоочными. В отличие от Центра, Западная Сибирь пользовалась большей популярностью у межреспубликанских мигрантов, чем у внутрироссийских (хотя и во внутрироссийском обмене Тюменская область имела нетто-прирост).

Весомым приростом в межреспубликанских миграциях в 1980-е гг. отличался и Дальний Восток. Другие «севера» — европейской части страны — тоже были довольно притягательными, в обоих случаях эффект достигался благодаря действующей системе коэффициентов и льгот для мигрантов. Спустя всего несколько лет, после того как распался СССР и административно-распределительная система дала трещину, нарушилось льготное снабжение северных городов и поселков. Кроме того, установленные государством льготы и надбавки в условиях инфляции перестали играть какую бы то ни было роль, Дальний Восток потерял всякую привлекательность для мигрантов — и внутренних, и межреспубликанских.

Большинство районов европейской части России, за исключением Центра и Северо-Запада и отчасти Севера, как и в 1960–1970-е гг., демонстрировали нетто-убыль в межреспубликанском миграционном обмене. Черноземье, Верхнее и Среднее Поволжье и Урал, кроме нескольких южных регионов, оставались непривлекательными для переселенцев из других союзных республик, и сами активно «отдавали» мигрантов другим территориям страны. Уже в начале 1990-х гг.,

благодаря своему географическому положению, климатическим и земельным ресурсам, Центрально-Черноземный и Поволжский районы очень быстро сменили свой статус самых непривлекательных на прямо противоположный.

Таким образом, в 1980-е гг. внутри России в общих чертах сохранились те пространственные миграционные ареалы выезда и вселения, которые были характерны ранее, росла притягательность столиц и их ближнего окружения, прикавказского юга, Западной Сибири; наблюдались последние проявления оттока из Черноземья, Поволжья и Урала; «миграционный провал» Восточной Сибири, расположенной между пока еще притягательным Дальним Востоком и нефтяной Западной Сибирью.

Передвижение населения и его распределение по продолжительности проживания

Перепись населения 1979 г. по отношению к предыдущей переписи 1970 г. отразила значительное повышение подвижности населения СССР: за девять лет доля новоселов увеличилась на $^1/_3$, составив 7,7 % (проживавшие в месте постоянного жительства менее двух лет). Рост подвижности населения СССР за следующее десятилетие — с 1979 по 1988 г. — происходил уже меньшими темпами. Основной вклад в послевоенную мобильность вносили переселения из сельской местности в города, прирост интенсивности же этого вида миграций в этот период замедлился: на селе, особенно в староосвоенной европейской части России, на Украине, в Белоруссии начинали сказываться негативные проявления естественных демографических процессов.

Данные переписи населения 1979 г. свидетельствовали, что 54 % жителей России хотя бы один раз меняли место постоянного жительства[11]. К 1989 г. эта величина снизилась до 51 %. Основную часть этих переселений составляли переселения внутри границ областей, краев, АССР (как правило, переселение из села в город).

Перепись населения 1989 г. показала, что в населении СССР насчитывалось почти 28 млн чел., которые родились не на территории той союзной республики, в которой они находились на момент проведения переписи, то есть 9,8 % населения СССР к моменту переписи хотя бы единожды имели опыт межреспубликанских перемещений. Так, из 147,2 млн жителей РСФСР 11,6 млн назвали местом своего рождения другие республики. По сравнению с другими республиками СССР, РСФСР имела средний показатель уроженцев своей республики, проживающих в ней к моменту переписи.

Данные, представленные в табл. 50, показывают разнообразие российских регионов по параметрам географической «перемешанности» их жителей.

Выделяются «регионы-собственники», уроженцы которых предпочитали оставаться в своих регионах[12]. В их числе Дагестан, Мордовия, Чувашия, Башкирия, Тамбовская, Курская, Пензенская области — более 85 % уроженцев этих регионов оставались там жить (или сменив место жительство, возвращались на родину). На другом полюсе находились несколько регионов, как правило, северных ресурсодобывающих, дальневосточных, где доля уроженцев этих регионов в составе населения была чрезвычайно низкой. Таковы Мурманская, Камчатская, Магадаиская, Сахалинская, Тюменская области. В этой группе находились также Москва, Ленинград и Леиинградская область, Калининградская область.

Доля местных уроженцев была низка в тех регионах РСФСР, где в послевоенный период отсутствовали масштабные («союзного значения») проекты, которые привлекали республиканских мигрантов — области Центрального Нечерноземья, Поволжья и Волго-Вятского района. Непривлекательными для мигрантов из республик СССР были и большинство автономных республик РСФСР. Исключений имелось всего несколько — северные Карелия, Коми и Якутия, традиционно задействовавшие в лесозаготовках, угледобыче и цветной металлургии жителей Украины и Белоруссии. Так, в Коми и Карелии среди всех уроженцев союзных республик (кроме РСФСР) рожденные на Украине и в Белоруссин составляли от 72 до 78 %. В Якутии более выраженным, чем на севере европейской части России, стало присутствие выходцев из Казахстана (17 % против 6–8 % в Карелии и Коми). Другим исключением являлись Чечено-Ингушская и Северо-Осетинская АССР, в составе населения которых важную роль занимают потомки депортированных в Казахстаи, Узбекистан и Киргизию чеченцев и ингушей (для Чечено-Ингушской АССР) и уроженцы Юго-Осетинской АССР Грузии (для Северо-Осетинской АССР).

Высокой долей уроженцев республик СССР отличались все северные и дальневосточные российские регионы, которые в послевоенный период в значительной степени «создавали свое население» за счет самостоятельных и организованных (оргнабор) переселений. Дополнительным стимулом для миграции в районы нового освоения в 1970-е гг. стала система мер по повышенню зарплаты (козффицненты к базовому окладу) для переселяющихся в Сибирь и на Дальний Восток. В результате за 1970–1989 гг. население Ямало-Ненецкого автономного округа увеличнлось более чем в 6 раз, Ханты-Мансийского — почти в 5 раз; в 1,6 раза возросло население Камчатской и Магаданской областей. Быстро росло население в зоне

Байкало-Амурской магистрали. Такие успехи были возможны благодаря миграции иаселения не только из староосвоенных районов РСФСР, но и из союзных республик.

Таблица 50

Генетическая структура населения регионов РСФСР (по данным переписи населения 1989 г.)*

Регионы	Удельный вес (%):		
	уроженцев региона	неместных уроженцев	в том числе уроженцев республик СССР (кроме РСФСР)
РСФСР	92,2	7,8	7,8
Центральный экономический район			
Брянская область	84,6	15,4	5,0
Владимирская область	74,6	25,4	4,4
Ивановская область	76,8	23,2	4,7
Калининская (ныне Тверская) область	75,6	24,4	6,4
Калужская область	69,5	30,5	7,9
Костромская область	79,5	20,5	4,0
Московская область	57,4	42,6	8,7
Орловская область	82,8	17,2	5,1
Рязанская область	80,3	19,7	7,8
Смоленская область	77,4	22,6	7,5
Тульская область	72,4	27,6	5,3
Ярославская область	77,3	22,7	4,7
г. Москва	53,0	47,0	9,4
Северо-Западный экономический район			
Калининградская область	41,2	58,8	21,5
Ленинградская область	46,5	53,5	10,4
Новгородская область	73,4	26,6	6,8
Псковская область	75,6	24,4	8,0
г. Ленинград	50,1	49,9	12,0
Северный экономический район			
Архангельская область	72,2	27,8	7,2
Вологодская область	82,1	17,9	4,2
Мурманская область	37,5	62,5	18,6
Карельская АССР	63,7	36,3	10,9
Коми АССР	54,3	45,7	13,0

Продолжение таблицы 50

Регионы	Удельный вес (%):		
	уроженцев региона	неместных уроженцев	в том числе уроженцев республик СССР (кроме РСФСР)
Центрально-Черноземный экономический район			
Белгородская область	74,7	25,3	8,8
Воронежская область	81,8	18,2	4,7
Курская область	85,0	15,0	4,8
Липецкая область	80,2	19,8	3,9
Тамбовская область	85,5	14,5	4,0
Волго-Вятский экономический район			
Горьковская область	83,2	16,8	3,7
Кировская область	81,7	18,3	3,7
Марийская АССР	79,0	21,0	2,3
Мордовская АССР	88,3	11,7	2,1
Чувашская АССР	86,2	13,8	1,7
Поволжский экономический район			
Астраханская область	72,2	27,8	8,0
Волгоградская область	68,4	31,6	8,0
Куйбышевская область	84,2	35,8	7,0
Пензенская область	86,4	13,6	3,6
Саратовская область	72,7	27,3	7,8
Ульяновская область	73,6	26,4	4,2
Калмыцкая АССР	61,3	38,7	5,2
Татарская АССР	82,7	17,3	3,5
Северо-Кавказский экономический район			
Краснодарский край	64,6	35,4	12,4
Ставропольский край	69,4	30,6	10,1
Ростовская область	68,1	31,9	10,8
Дагестанская АССР	93,2	6,8	2,4
Кабардино-Балкарская АССР	75,8	24,2	7,5
Северо-Осетинская АССР	73,9	26,1	11,3
Чечено-Ингушская АССР	76,6	23,4	13,5

Окончание таблицы 50

Регионы	Удельный вес (%):		
	уроженцев региона	неместных уроженцев	в том числе уроженцев республик СССР (кроме РСФСР)
Уральский экономический район			
Курганская область	79,2	20,8	5,6
Оренбургская область	77,2	22,8	6,6
Пермская область	75,1	24,9	5,0
Свердловская область	67,2	32,8	5,8
Челябинская область	67,0	33,0	6,4
Башкирская АССР	88,4	11,6	3,2
Удмуртская АССР	81,9	18,1	2,8
Западно-Сибирский экономический район			
Алтайский край	80,1	19,9	5,8
Кемеровская область	84,1	35,9	6,2
Новосибирская область	70,8	29,2	6,1
Омская область	69,7	30,3	7,0
Томская область	62,4	37,6	9,5
Тюменская область	46,0	54,0	17,5
Восточно-Сибирский экономический район			
Иркутская область	65,2	34,8	7,9
Красноярский край	66,8	33,2	8,8
Читинская область	70,5	29,5	7,7
Бурятская АССР	73,6	26,4	5,7
Тувинская АССР	81,7	18,3	2,5
Дальневосточный экономический район			
Амурская область	57,3	42,7	13,6
Камчатская область	37,6	62,4	17,8
Магаданская область	28,5	71,5	27,1
Приморский край	56,3	43,7	12,6
Сахалинская область	48,9	51,1	13,4
Хабаровский край	51,4	48,6	12,1
Якутская АССР	56,6	43,4	14,0

* *Источник:* данные Госкомстата.

Этническая компонента миграций

В течение 1960–1970-х гг. этническую компоненту миграций в СССР характеризовали два сюжета: движение русских, белорусов и украинцев по всей союзной территории (то есть их рассеивание) и стягивание титульных народов республик на свою этническую территорию. Такой характер миграций определялся разным уровнем мобильности населения.

Русские, движимые низким уровнем жизни в селах центральных районов РСФСР (в первую очередь в Нечерноземье и Верхнем Поволжье), активно переселялись в растущие города Закавказья (1950-е гг.), республик Средней Азии, Казахстана, Белоруссии, Молдавии и Украины (в 1960-е гг.). В 1960–1970-е гг. отток из сельской местности РСФСР обеспечил не только миграционный прирост городов Федерации, но и 20 % прироста городов в других республиках[13]. Однако в середине 1970-х гг. интенсивность выбытия сельчан из Центра России стала ослабевать, и в 1980-е гг. отток русских из сел РСФСР почти прекратился.

Несколько раньше — со второй половины 1960-х гг. — из Закавказья, потом из Средней Азии и Казахстана начался отток русских. Интенсивный выезд русских из России в союзные республики, составлявший главное звено межреспубликанских миграций до 1980-х гг., в 1979–1988 гг. сменился их стягиванием в Россию. Общая направленность явления позволяет утверждать, что, даже не случись распада СССР, тенденции оттока русского населения сохранились бы, но выезд происходил бы более спокойно. По мнению Ж. А. Зайончковской[14], распад СССР лишь усилил миграционные потоки из бывших союзных республик в Россию. Качественные и количественные изменения структуры населения в Закавказских, а затем Среднеазиатских республиках на фоне роста общей численности населения в них, повышения доли титульного населения и при отставании темпов ввода новых рабочих мест по отношению к приросту работников, постепенно изменили положение значительной части русскоязычного населения в этих республиках и стимулировали его возврат в исторические районы проживания.

Отток русских начался с Грузии, затем затронул Азербайджан, потом — Армению и Киргизию, наконец, в середине 1970-х гг. наступил черед других среднеазиатских республик и Казахстана. При этом выбытия русских из прибалтийских республик не наблюдалось, более того, и в 1980-е гг. сохранялся их приток в эти республики, особенно Литву и Эстонию. Что касается Украины, Белоруссии и Молдавии,

то выездное движение русских в эти республики продолжалось, но не отличалось высокой интенсивностью (табл. 51).

Таблица 51

Индекс роста численности русских в союзных республиках СССР (СССР = 1)*

Республики	1959–1970	1970–1979	1979–1989
РСФСР	0,97	0,99	1,00
Украина	1,14	1,08	1,02
Белоруссия	1,26	1,14	1,02
Молдавия	1,25	1,15	1,05
Литва	1,03	1,06	1,07
Латвия	1,12	1,09	1,04
Эстония	1,23	1,15	1,10
Грузия	0,86	0,88	0,86
Азербайджан	0,90	0,88	0,78
Армения	1,04	1	0,69
Узбекистан	1,19	1,06	0,94
Киргизия	1,21	1,00	0,95
Таджикистан	1,16	1,08	0,93
Туркмения	1,05	1,05	0,91
Казахстан	1,23	1,02	0,98

* *Источник:* Население России. Ежегодный демографический доклад. М., 1993. С. 59.

Данных о национальном составе мигрантов до 1988 г. нет. Поэтому анализировать этнический состав миграционных потоков можно, только сравнивая данные национального состава населения союзных республик по материалам переписей населения, при этом делая поправки на неодинаковый характер ключевых демографических процессов и соответственно естественный прирост у различных этносов, а также на разную скорость ассимиляции.

За 1979–1988 гг. национальный состав населения союзных республик изменился значительно (табл. 52). В частности, в шести республиках доля титульной национальности в приросте была ниже, чем в его общей численности (РСФСР, Украина, Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония), в остальных — выше.

Таблица 52

Доля русских и лиц коренной национальности в численности постоянного населения и его общем приросте по союзным республикам, 1979–1989 гг., проценты*

Республики	Национальные группы	Доля в численности населения		Доля в общем приросте численности населения за 1979–1989 гг.
		1979 г.	1989 г.	
РСФСР	Русские	82,6	81,5	66
Украина	Русские	21,1	22,1	48
	Украинцы	73,6	72,7	50,5
Белоруссия	Русские	11,9	13,2	33,6
	Белорусы	79,4	77,9	54,4
Молдавия	Русские	12,8	13	14,6
	Молдаване	63,9	64,5	69,6
Азербайджан	Русские	7,9	5,6	8,3
	Азербайджанцы	78,1	82,7	110,2
Армения	Русские	2,3	1,6	–7
	Армяне	89,7	93,3	134,1
Грузия	Русские	7,4	6,3	–7,5
	Грузины	68,7	69,8	82
Казахстан	Русские	40,8	37,8	13,3
	Казахи	36	39,7	70
Узбекистан	Русские	10,8	8,3	–0,3
	Узбаки	68,7	71,4	80,8
Киргизия	Русские	25,9	21,5	0,7
	Киргизы	47,9	52,4	73,8
Таджикистан	Русские	10,4	7,6	–0,5
	Таджики	58,8	62,3	72,7
Туркмения	Русские	12,6	9,5	–2
	Туркмены	68,4	72,0	85,1
Латвия	Русские	32,8	34,0	51,3
	Латыши	53,7	52,0	26,7
Литва	Русские	8,9	9,4	14,5
	Литовцы	80,0	79,6	74,9
Эстония	Русские	27,9	30,3	65,2
	Эстонцы	64,7	61,5	15,3

* *Источник:* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Ч. I. М., 1991. С. 6–7, 50–63.

В России основиую роль в снижении доли русских в приросте населения сыграло более быстрое падение естественного прироста русских по сравнеиию с некоторыми другими народами, проживающими в ней. Определенную, но, видимо, меньшую роль сыграла и миграция в РСФСР представителей разных национальностей из других республик. Произошло изменение численности представителей титульных народов различных республик в России (табл. 53). В частиости, понизилась доля прибалтов, и резко возросла доля азербайджанцев и армян. Темпы роста численности азербайджанцев, таджиков и киргизов измерялись «разами». Этому содействовал закономериый рост мобильности титульиого населения в условиях латентной сельской безработицы и наличие проблем на рынках труда, а также естественно-исторического развития урбанизационно-индустриализационных процессов и накапливания миграционного опыта и потенциала[15]. Межнациональные конфликты конца 1980-х гг. (Карабахский конфликт между Азербайджаном и Армеиией, отчасти Ошский конфликт в Киргизии) также способствовали выезду в РСФСР из зон напряженности ие только русских, но и прадставителей воюющих сторон (в частности, армян и азербайджанцев).

Таблица 53

Доля русских и лиц коренных национальностей союзных республик в численности постоянного населения и его общем приросте в РСФСР, 1979–1989 гг., проценты*

Национальные группы	Доля в численности населения		Темпы роста численности населения
	1979 г.	1989 г.	
Русские	82,62	81,53	105,6
Украинцы	2,66	2,97	119,3
Белорусы	0,76	0,82	114,7
Молдаване	0,07	0,12	162,1
Азербайджанцы	0,11	0,23	220,4
Армяне	0,26	0,36	146,0
Грузины	0,06	0,09	146,2
Казахи	0,38	0,43	122,7
Узбеки	0,05	0,09	175,3
Киргизы	0,01	0,03	280

Национальные группы	Доля в численности населения		Темпы роста численности населения
	1979 г.	1989 г.	
Таджики	0,01	0,03	214,6
Туркмены	0,02	0,03	172,9
Латыши	0,05	0,03	69,6
Литовцы	0,05	0,05	105,5
Эстонцы	0,04	0,03	83,5

* *Источник:* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Ч. I. С. 6–7, 50–63.

Перепись 1989 г. зафиксировала, что за пределами России в четырнадцати союзных республиках проживало 25 289,5 тыс. русских (17,4 % от их общей численности в СССР). По абсолютным масштабам присутствия русских к 1989 г. особенно выделялись Украина, Казахстан, Узбекистан и Белоруссия. В каждой из этих республик проживало более чем по миллиону русских. Этноязыковая и культурная схожесть русских с украинцами и белорусами благоприятствовала относительно спокойному течению миграционных потоков в эти республики даже в условиях роста национального самосознания, начавшего проявляться здесь во второй половине 1980-х гг. и дальнейшего распада СССР. Ситуация в Казахстане и Узбекистане, наоборот, способствовала усилению оттока русских. В Казахстане, отличавшемся самой низкой из всех республик долей представителей титульной национальности в населении, рост численности казахов за межпереписной период был самым высоким. Доля казахов в приросте населения была почти вдвое выше, чем в его численности. Весомое влияние на смещение структуры населения в Казахстане и Средней Азии в сторону мононационального строения оказала миграция русских и других народов, населявших РСФСР, в первую очередь татар.

Таким образом, период с 1979 по 1988 г. характеризуют два ярких сюжета — усиление репатриации русских из республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана в Россию при одновременном сворачивании миграций русских из России и рост мобильности и миграций титульного населения республик, направленный в сторону России. Но если первый процесс впоследствии продолжился и даже (под воздей-

ствием усиления национальной суверенизации и открытых межнациональных столкновений) усилился, то второй отреагировал на распад СССР прямо противоположно — резким сокращением миграций коренного населения в Россию. Впрочем, как показали последующие события, рост мобильности коренного населения республик на годы прервался, но не исчез вовсе, трансформировавшись затем в другие вариаиты реализации вынужденной (из-за проблем на рынках труда и общей социально-экоиомической ситуации в бывших республиках СССР) миграциониой мобильности, в первую очередь, в форме временной трудовой миграции.

Глава X
Образовательный уровень населения России

В конце 1970-х — 1980-е гг. тенденция на повышение образовательного уровня населения страны сохранилась. Всесоюзная перепись населения 1979 г. зафиксировала следующие показатели: на 1000 чел. населения Российской Федерации 647 чел. имели высшее и среднее (специальное, общее и неполное) образование. В городской местности этот показатель составил 731 чел., а в сельской местности он был несколько ниже — 625 чел. на 1000 жителей[1].

Итогом развития системы образования в 1960-х — начале 1980-х гг. стала реформа в области образования, провозглашенная в 1984 г. «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» предусматривали введение одиннадцатилетнего срока обучения детей с шестилетнего возраста. Одной из основных задач реформы являлось повышение качества образования и воспитания, пересмотр программ с целью повышения научного уровня преподавания каждого предмета, укрепление материально-технической базы учебных заведений, повышение престижа и улучшение материально-бытового положения педагогических работников. Впервые государственной задачей в области образования объявлялось обучение школьников компьютерной грамотности. Вместе с тем намечался и возврат к неоднократно дискредитировавшей себя практике получения учащимися профессии в стенах общеобразовательной школы[2].

Реформа не сыграла той роли, которая ей отводилась. Причина этого заключалась как в политических изменениях, проходивших в стране во второй половине 1980-х гг., так и в том, что многие задачи реформы оказались утопичными, так как «не учитывали реального положения дел не только в народном образовании, но и в стране, особенно возможностей финансирования образования»[3].

В последнее десятилетие существования СССР, как и в предыдущие годы, происходило наращивание финансирования образования из государственного бюджета. Если в 1980 г. расходы на образование составили 16 млд рублей, то в 1985 г. они выросли до 19,6 млд, а в 1989 г. — до 24,3, что составило 7,9 % национального бюджета страны[4]. Отмечая тот факт, что реформа не достигла возложенных на нее задач, следует обратить внимание на то, что деятельность по претворению в жизнь ее основных задач во многом принесла поло-

жительные результаты. Одним из них стало повышение компьютерной грамотности учащихся. В школьную программу был введен курс «Основы информатики и вычислительной техники», что привело к повышению оснащенности школ вычислительной техникой. Если в 1986/87 уч. году кабинеты информатики и вычислительной техники имели 11,5 % школ России, то в 1989/90 уч. г. этот показатель повысился до 21,9 %. С одной стороны, прогресс очевиден. Однако техническое оснащение школ намного отставало от потребностей времени. В 1989 г. только 32 % городских и 13 % сельских средних школ имели кабинеты, оборудованные компьютерами[5].

Повышению уровня образования во второй половине 1980-х гг. способствовало постоянное введение в действие новых учебных заведений. Так, за период с 1985 по 1989 г. во вновь открытых общеобразовательных школах РСФСР было введено в действие 3061 ученическое место[6]. Все это, как уже отмечалось, содействовало росту образовательного уровня населения.

Рассмотрим изменения, произошедшие в показателях образовательного уровня населения РСФСР за десятилетие с 1979 по 1989 г. (см. табл. 54).

Таблица 54

Уровень образования населения в возрасте 15 лет и старше в 1979 г. и 1989 г. (на 1000 чел.)*

Уровень образования	1979 г.	1989 г.	1989 г. в % к 1979 г.
Высшее и среднее (специальное, полное и неполное образование), в том числе:	697	806	115,6
Высшее законченное	77	113	146,7
Высшее незаконченное	17	17	100
Среднее специальное	127	192	151,2
Среднее общее	204	274	134,3
Неполное среднее	272	210	77,2
Начальное	167	129	77,2
Лица, не окончившие школу, в том числе неграмотные	136	65	47,8

* *Таблица составлена по:* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 2. М., 1982. С. 78–79; Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1989. С. 16–17.

Материалы таблицы свидетельствуют, что уровень образования населения РСФСР за десятилетний период между двумя переписями повысился. Эта тенденция отмечена во всех образовательных катего-

риях, за исключением неполного среднего и начального образования. Удельный вес лиц с данным образованием в образовательной структуре населения сократился за исследуемый период почти на треть. Более чем в два раза уменьшилась доля лиц, не окончивших школу, в том числе и не овладевших грамотностью. Этот процесс в основном был связан с естественной убылью лиц старшего возраста, являвшихся носителями низкого уровня образования и безграмотности.

В целом за этот период удельный вес лиц, имевших высшее и среднее (специальное, полное и неполное) образование, увеличился на 15,6 %. Особенно быстро рос удельный вес лиц, имевших среднее специальное и высшее образование, — за 10 лет этот показатель увеличился на 51,2 и 46,7 % соответственно. Несколько меньшим был рост удельного веса лиц со средним общим образованием. За десятилетие он составил 34,3 %, хотя, как видно, и здесь доля лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование, повысилась более чем на треть.

Повышение образовательного уровня отмечено как у мужского, так и у женского населения страны. Однако этот процесс имел некоторые особенности (см. табл. 55).

Таблица 55

Уровень образования мужского и женского населения РСФСР по итогам переписей 1979 и 1989 гг. (на 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше)*

	С высшим и средним (специальным, полным и неполным) образованием	В том числе с				
		высшим	незаконченным высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним
Мужчины и женщины						
1979 г.	697	77	17	127	204	272
1989 г.	806	113	17	192	274	210
Мужчины						
1979 г.	755	84	18	113	222	318
1989 г.	854	117	17	166	323	231
Женщины						
1979 г.	650	71	16	138	190	235
1989 г.	766	110	17	214	233	192

* *Таблица составлена по:* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 78–79; Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 16–17.

За период между переписями 1979 и 1989 гг. образовательный уровень населения значительно вырос. Удельный вес населения с высшим и средним (специальным, полным и неполным образованием) увеличился с 697 до 806 чел. на 1000 жителей. Особо большой рост отмечен в группе лиц с высшим образованием, удельный вес которой увеличился на 46,7 % и составил 113 чел. на 1000 жителей. Но наибольшее увеличение удельного веса произошло в группе лиц, имевших среднее профессиональное образование, где оно составило 51,8 %. Этот процесс был напрямую связан с наращиванием промышленного потенциала, происходившим в основном экстенсивным путем и требовавшим постоянного увеличения численности инженерно-технических работников, что привело к резкому росту удельного веса лиц с высшим и средним профессиональным образованием.

Рост удельного веса, хотя и не столь значительный, отмечен и в группе лиц со средним полным (общим) образованием, где он составил 34,3 %. В связи с общим ростом образовательного уровня населения на 29,5 % уменьшился удельный вес образовательной группы с неполным средним образованием.

Рассмотрим изменения уровня образования отдельно у мужского и женского населения страны. Общие тенденции в развитии образования проявлялись в обеих группах. Удельный вес лиц с высшим и средним (специальным, полным и неполным) образованием на 1000 чел., как среди мужчин, так и среди женщин увеличился: с 755 до 854 у мужчин и с 566 до 650 — у женщин. Как и в предыдущие периоды, удельный вес мужчин с высшим и средним образованием превышал данный показатель у женщин. Однако рост удельного веса женщин с высшим и средним образованием шел более быстрыми темпами: у мужчин он увеличился на 13 %, в то время как у женщин — на 17,8.

Удельный вес мужчин с высшим образованием по-прежнему превышал соответствующие показатели у женщин. Однако и в этой образовательной группе прослеживается более быстрый рост удельного веса женщин с высшим образованием по сравнению с мужчинами. Если в 1979 г. женщины с высшим образованием составляли 84,5 % от численности мужчин с данным видом образования, то в 1989 г. этот разрыв сократился, и доля женщин составила 94 %.

Среди лиц, имевших среднее специальное образование, перепись 1989 г., как и предыдущая перепись 1979 г., выявила преобладание доли женщин. Причем этот разрыв оставался достаточно стабильным, показав небольшую тенденцию к увеличению. Если в 1979 г. удельный вес женщин со средним специальным образованием превышал соответствующий показатель у мужчин в 1,4, то в 1979 г. он вырос до 1,5.

Удельный вес лиц со средним общим образованием так же, как и в период предыдущей переписи, был выше среди мужчин, чем среди

женщин, причем у мужчин рост этого показателя происходил более быстрыми темпами, чем у женщин. За период с 1979 по 1989 г. удельный вес мужчин со средним общим образованием возрос на 45,5 %, в то время как у женщин этот показатель увеличился на 22,6 %. Отставание доли женщин в этой образовательной группе объясняется не столько более низким уровнем образования, сколько тем, что после получения неполного среднего образования большое количество девушек продолжало образование в средних профессиональных учебных заведениях.

Рост образовательного уровня населения страны сказался и на сокращении удельного веса лиц с неполным средним образованием. Этот показатель у мужчин сократился с 318 до 231 чел., а у женщин — с 235 до 192 чел. на 1000 жителей. Как видно из данных, приведенных в таблице, удельный вес женщин с данным видом образования был ниже, чем удельный вес мужчин. Доля мужчин с неполным средним образованием сократилась за этот период в 1,4 раза, а женщин — в 1,2. Это показывает, что тенденция сокращения лиц с неполным средним образованием была выражена сильнее у мужчин, чем у женщин.

Значительно сократилась доля лиц, имевших начальное образование. Если перепись 1979 г. зафиксировала 303 чел. с начальным образованием на 1000 жителей (245 — у мужчин и 350 — у женщин), то в 1989 г. их насчитывалось 194 из 1000 жителей: 146 — среди мужчин и 234 — среди женщин. Таким образом, удельный вес лиц с данным уровнем образования сократился в 1,5 раза в целом по РСФСР; в 1,6 раз у мужчин и 1,5 раза у женщин. Причиной такого сокращения послужило как повышение образовательного уровня населения молодых возрастов, так и естественная убыль лиц старшего возраста, имевших низкий уровень образования.

Рассмотрим тенденции изменения образовательного уровня мужчин и женщин в зависимости от места проживания — в городской или сельской местности РСФСР (см. табл. 56).

Таблица 56

Уровень образования городского и сельского населения РСФСР по итогам переписей 1979 и 1989 г. (на 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше)*

	С высшим и средним (специальным, полным и неполным) образованием	В том числе с				
		высшим	незаконченным высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним
Городское население						
Мужчины и женщины						
1979 г.	770	98	21	147	236	268
1989 г.	854	136	21	212	287	198

Окончание таблицы 56

	С высшим и средним (специальным, полным и неполным) образованием	В том числе с				
		высшим	незаконченным высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним
Мужчины						
1979 г.	816	106	23	131	248	308
1989 г.	893	141	21	185	332	214
Женщины						
1979 г.	733	91	20	180	226	236
1989 г.	823	132	20	236	250	185
Сельское население						
Мужчины и женщины						
1979 г.	525	28	6	79	130	282
1989 г.	668	47	7	134	237	243
Мужчины						
1979 г.	640	32	5	69	160	344
1989 г.	744	48	7	112	298	279
Женщины						
1979 г.	457	25	6	88	106	232
1989 г.	603	45	7	153	185	213

* *Таблица составлена по:* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 78–79; Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 16–17.

Представленные в таблице материалы показывают, что к 1989 г. 854 жителя городской местности из 1000 имели высшее и среднее (специальное, полное и неполное) образование. В сельской местности этот показатель был несколько ниже и составлял 668 чел. на 1000 жителей. Говоря о росте образовательного уровня населения, нельзя ие отметить и тот факт, что этот процесс шел более высокими темпами в сельской местности. В городах доля населения с высшим и средиим (специальным, полным и неполным) образованнем по сравнению с 1979 г. выросла на 10,9 %, в то время как в сельской местности — на 27,2 %, то есть в 2,5 раза больше. Это свидетельствовало о более быстрых темпах повышения образовательного уровня сельских жителей.

По удельному весу лиц, имевшнх высшее и среднее (специальное, полное и неполное) образование, мужчины превосходили женщин как в городе, так и в сельской местности. Прн анализе изменения

образовательного уровня населения, достигнутого в 1989 г. по сравнению с результатами переписи 1979 г., прослеживается следующая закономерность: чем ниже образовательный уровень той или иной группы населения зафиксировала перепись 1979 г., тем выше был рост ее образовательного уровня к 1989 г. Сравним рост удельного веса лиц, имевших высшее и среднее (полное и неполное) образование. Мужчины, проживавшие в городской местности — 9,4 %, горожанки — 11,2, мужчины, проживавшие в сельской местности — 21,9, сельчанки — 31,9. Таким образом, самые высокие темпы роста образовательного уровня были отмечены у сельских жителей и особенно у женщин, проживавших в сельской местности. Таким образом, процесс сглаживания разрыва в образовательном уровне мужчин и женщин, жителей городской и сельской местности продолжался. Как свидетельствуют материалы переписей, проходивших в стране, преодоление разницы в уровнях образования между полами шло достаточно успешно, в то время как уровень образованности сельчан продолжал значительно отставать от городских жителей.

Как уже отмечалось, за десятилетний период между переписями повысился удельный вес лиц с высшим образованием. В городской местности в 1989 г. высшее образование имели 136 чел. из 1000, а в сельской — 47. Безусловно, разрыв был довольно значительный — лица с высшим образованием в сельской местности составляли только треть (34,5 %) горожан с высшим образованием. Таким образом, среди лиц с высшим образованием на одного жителя села приходилось 2,9 горожанина. В то же время перепись, как уже отмечалось, зафиксировала и сокращение этого разрыва. В 1979 г. сельские жители с высшим образованием составили 28,6 % от горожан этой образовательной категории, а в 1989 г. этот показатель увеличился до 34,5 %. Мужчины с высшим образованием имели более высокий удельный вес, чем женщины как в городе, так и в сельской местности. Следует отметить, что рост удельного веса лиц с высшим образованием более быстрыми темпами происходил в сельской местности. У городских жителей он составил 33 % у мужчин и 45 — у женщин, у сельчан данные показатели были более высокими — 50 и 80 % соответственно.

В группе лиц со средним специальным образованием тенденции развития, отмеченные предыдущей переписью, сохранились. Удельный вес этой образовательной категории повысился и к 1989 г. составил 212 чел. на 1000 населения в городе и 134 — в селе. Помимо превышения доли горожан среди лиц, имевших среднее специальное образование, сохранялось и превышение доли женщин этой категории. Оно было отмечено как в городской, так и в сельской местности.

Вырос и удельный вес лиц, имевших среднее полное (общее) образование. При этом среди имевших среднее общее образование значи-

тельно сократился разрыв в показателях удельного веса лиц, проживающих в городской и сельской местности. В 1979 г. на 1000 жителей среднее общее образованне имели 236 чел. в городе и 130 — в селе. Перепись 1989 г. зафиксировала следующие показателн: на 1000 чел. в городах среднее общее образование имели 287 чел., а в сельской местности — 237. Особенно быстро рос удельный вес группы с общим средним образованием в селе. За десять лет между переписями ее доля выросла на 82,3 % (!), в то время как в городе — на 21,6. Это свидетельствует о быстрых темпах сокращения разрыва в уровне общего образования между городским и сельским населением РСФСР. Перепись 1989 г., как и предыдущая, зафиксировала преобладание доли мужского населения среди имевших общее среднее образование как в городе, так и в сельской местности.

Повышенне образовательного уровня населенння выразилось в сокращеиии удельного веса лиц с неполным среднм образованием как в городской (с 266 до 198 чел. на 1000 жителей), так и в сельской местности, где эти показатели были несколько ннже — там удельный вес лиц с неполным средним образованием сократился с 282 до 243 чел. на 1000 жителей. Доля лнц с неполным средним образованием и в 1979, и в 1989 г. у мужчин была выше. Это было характерно как для городской, так н для сельской местности. Наиболее высокая доля лиц с неполиым средним образованием зафиксирована у мужчин, проживавших в селе, где она составила 298 чел. на 1000 жителей.

Повышение образовательного уровня населения привело к снижению удельиого веса лиц, имевших начальное образование и ие имевшнх никакого образования. В городской местности удельный вес лиц с низким уровнем образования сократился с 230 до 146 чел. на 1000 жителей, а в сельской — с 475 до 332 чел. на 1000 жителей. В отличие от изменений в других образовательных категориях, это сокращение более быстрымн темпами проходило в городской местности: в городах удельный вес лиц, имевших начальное образование и не имевших никакого образования, сократился на 36,6 % (в 1,5 раза), а в сельской местности — на 30,2 (в 1,4). Таким образом, в 1989 г. на одного горожанина приходнлось 2,2 жителя сельской местности, не имевших среднего (общего и неполного) образования.

И в городской, н в сельской местности доля женщин с начальным образованием и без него превышала соответствующие показатели у мужчнн. Это объясняется тем, что в старших возрастах, являвшихся основными носителями данного образовательного уровня, уровень образования жеищин был значительно ниже мужского. Наибольшая доля женщин данного образовательного уровня была зафиксирована в сельской местности — 397 чел. на 1000 жителей. Это отразилось и на соотношеиии лиц с данным вндом образования в городской н сель-

ской местности: на 1 горожанина с начальным образованием приходилось 1,5 сельчанина, в то время как среди женского населения это соотношение выглядело как 1:2,4.

Таким образом, при повышении общего образовательного уровня населения страны сохранилось преимущество городских жителей во всех образовательных категориях, за исключением категории «среднее специальное образование». Более высокий удельный вес мужского населения зафиксирован во всех образовательных категориях, за исключением категорий «среднее специальное образование» и среди лиц, окончивших начальную школу и не имевших образования.

Рассмотрим изменения уровня образования населения России по возрастным группам (см. табл. 57).

Таблица 57

Образование населения РСФСР по возрастным группам в 1989 г. (в процентах от численности лиц соответствующего возраста)*

	Имели высшее и среднее (специальное, полное и неполное) образование	В том числе				
		высшее	высшее незаконченное	среднее специальное	среднее общее	неполное среднее
Все население в возрасте 15 лет и старше, из него лиц в возрасте лет:	80,6	11,3	1,7	19,2	27,4	21,0
15–19	95,4	—	1,0	4,9	36,4	53,1
20–24	99,0	6,4	7,8	27,7	49,1	8,0
25–29	99,0	15,3	2,8	28,3	45,2	7,4
30–34	98,6	16,5	1,4	27,1	42,3	11,3
35–39	97,9	17,0	1,1	26,5	35,9	17,4
40–44	95,9	19,9	1,2	25,4	28,4	21,0
45–49	86,4	15,4	0,7	20,2	20,7	29,4
50–54	76,1	13,4	0,6	18,5	14,1	29,5
55–59	54,0	8,8	0,5	11,8	7,5	25,4
60–64	56,0	7,1	0,6	11,7	7,6	29,0
65–69	53,0	7,5	1,1	12,4	8,8	23,2
70 лет и старше	23,1	3,9	0,6	5,5	4,3	8,8

* Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 6.

Политика в области образования, проводимая в стране, привела к росту образовательного уровня населения, особеино в молодых возрастах. Так, в возрастной группе 20–29 лет 99 % населения имели высшее и средиее (полное и неполное) образование. Таким образом, только 10 чел. из 1000 жителей страны в данной возрастной группе имели образование ниже неполного среднего. Это очень высокий образовательный уровень. Вполне закономерно, что с увеличением возраста уровень образования уменьшался с 98,6 % в возрастной группе 30–34 года до 23,1 % в возрасте 70 лет и старше. Но во всех возрастных категориях, за исключением последней (70 лет и старше), удельный вес лиц с высшим н средним (полным и неполным) образованием составлял более половины населения, входящего в данную возрастную группу. Резкое сиижение образовательного уровня отмечается в возрастиой группе от 55 до 64 лет. В возрастах 50–54 года 141 чел. на 1000 жителей имел среднее общее образование, в 55–59 лет — 75 чел. (в 1,8 раза меньше), 60–64 года — 76, а в следующей возрастной группе 65–69 лет отмечено некоторое повышение числа лиц со средним общим образованием — 124 чел. на 1000 жителей. Эту ситуацию можно объяснить своеобразным эхом войны: юность лиц, находившихся в возрасте от 55 до 64 лет, пришлась на военные годы и первое послевоенное пятилетие. Тяжелые условия жизни не позволили им продолжить учиться.

Тенденция в развитии уровня высшего образования проявилась не столь прямолинейно, как в динамике общего образования. Наибольший удельный вес лиц с высшим образованием отмечен в возрастной группе 40–44 года, в которой их доля составила 19,9 %. Юность лиц данной возрастиой группы пришлась на середину 1960-х гг., когда престиж высшего образования и востребованность его носителей была велика, а развитие различных форм высшего образования позволяло учиться в дневное и вечернее время, а также заочио. Доля лиц с высшим образованием несколько снижается в возрастных категориях 35–39 лет, 30–34 года, 25–29 лет. Возможно, это связано с отставанием роста приема в вузы от роста численности молодого населения страны. Это отставание привело к чнсленному росту лиц с высшим образованием, но и одиовременному сокращению их долн в данных возрастных категориях. Наименьший удельный вес лиц с высшим образованием был зафиксирован в старших возрастных категориях. Как и в ситуации с высшим и средним образованием, более резкое понижение удельного веса лиц с высшим образованием отмечено в возрастной категории 55–59 лет, где он сократился по сравнению с возрастной категорией 50–54 года на 46 %. Наиболее низкая доля лиц с высшим образованием (23,1 %) отмечалась в возрастной категории 70 лет и старше.

В образовательной категории «незаконченное высшее образование» выделяются две возрастные категории — 20–24 года, в которой удельный вес лиц с незаконченным высшим образованием составил 78 чел. на 1000 жителей, и лица 25–29 лет, среди которых их доля составила 28 чел. на 1000. Это вполне объяснимо тем, что на эти возрастные категории, особенно первую, приходится основной возраст студенчества.

Среднее специальное образование, как уже отмечалось, имели 192 чел. из 1000 жителей страны. Наибольший удельный вес лица со средним специальным образованием имели в возрасте 25–29 лет — 283 чел. на 1000 жителей. В возрастных группах 20–24 года и 30–49 лет удельный вес лиц со среднм профессиональным образованием составлял более 20 %. Наименьший удельный вес лиц со средним профессиональным образованием, как и в предыдущей образовательной группе, отмечен в самом старшем возрасте — 70 лет и старше, где он составил 5,5 %.

Среднее общее образованне имели 274 чел. из 1000 жителей. Более высок удельный вес лиц с данным образованием в молодых возрастах. Так, наибольший удельный вес лиц со средним общим образованием зафиксирован в возрасте 20–24 года — 491 чел. на 1000 жнтелей. Более 40 % составляла доля лиц со средним общим образованием в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года. С повышением возраста доля лиц со средним общим образованием снижалась. Как и в предыдущих возрастных группах, наиболее резкое снижение приходилось на возрастную группу 55–59 лет.

Неполное среднее образованне имели 210 чел. из 1000 жителей. Наибольший удельный вес лиц с данным видом образования зафиксирован в возрасте 15–19 лет — 53,1 %, так как в эту возрастную группу вошли продолжавшие образование в средней школе. 29 % и выше — доля лиц с неполным среднм образованием, она зафиксирована в возрастных категориях 45–54 и 60–64 года. Наименьший удельный вес — в молодых (20–29 лет) н старших возрастах. Напомним, что молодые люди имели высокий уровень образованння, и лица с неполным средним образованием составили их незначительную часть. Лица в возрасте 70 лет и старше имели низкий образовательный уровень, и лишь иезначительная их часть имела неполное средиее образование.

В возрастных категориях старших возрастов выделяется возрастная группа 65–69 лет, уровень образования которой был выше, чем у рядом находящихся возрастных групп. Можно предположить, что юность лнц, находящнхся в данной возрастной группе, пришлась на предвоенные и военные годы, многие из них воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Более высокий образовательный уро-

вень имеино этой группы населения, очевидно, объясняется страстным желанием фронтовиков получить образование.

Удельный вес лиц, имевших образование в объеме начальиой школы, был весьма незначителен. В целом по стране он составлял 129 чел. на 1000 жителей. В возрастных категориях 20–24 года и 25–29 лет лица с образованием в объеме начальной школы составляли всего 10 чел. на 1000 жителей. В основном это были умственно и физически неполноценные лица, не имеющие возможности освоить курс неполной срадней школы. С увеличением возраста доля лиц, имеющих образование ниже неполного среднего, увеличивалось с 14 чел. на 1000 жителей в возрастной группе 30–34 года до 769 чел. в возрастной группе 70 лет и старше. До названной возрастной группы доля лиц с начальным образованием и ниже составляла менее половины. Как и в предыдущих образовательиых группах, иаиболее резкое повышение числа лиц с низким уровнем образоваиия отмечено в возрастиой группе 55–59 лет. В возрастной группе 50–54 года его доля составила 76,1 %, а в возрасте 55–59 лет – 54 % (снижение составило более 20 %).

Приведенные данные свидетельствуют о постоянном росте образовательного уровня населения страны, особенно в юиых и молодых возрастах.

Проанализируем уровень образования женского и мужского населения РСФСР, зафиксированиый Всесоюзной переписью 1989 г. (см. табл. 58).

Всесоюзная перепись населения страны 1989 г. отметила, что высшее образование имели 12 739 тыс. чел., или 113 чел. из 1000 чел. населения. Мужчин с высшим образованием в стране насчитывалось 6000 тыс., а жеищин – 6738 тыс. чел.[7] Таким образом, женщины имели высшее образование чаще, чем мужчины. Однако в относительных показателях, вследствие меньшей численности мужского населения, доля мужчин, имевших высшее образование, как уже было сказано, была выше, чем доля женщин: 117 и 109 соответственно на 1000 чел. населения.

Среднее специальное образование имели 21 713 тыс. чел., что составило около пятой части всего населения РСФСР старше 15 лет. В данной образовательной категории женщины лидировали как в абсолютных, так и в относительных показателях: в страие насчитывалось 8514 тыс. мужчин и 13 199 тыс. женщин[8] со средним специальным образованием, или 166 и 214 на 1000 чел. населения страны соответственно.

Средиее общее образование имели 27,4 % населения РСФСР, что составило 30 986 тыс. чел. И в численном выражении, и в относительных цифрах в данной образовательной категории лидерство при-

Таблица 58

Уровень образования населения РСФСР в 1989 г. (на 1000 лиц в возрасте от 15 лет и старше)*

	С высшим образованием	С незаконченным высшим образованием	Со средним специальным образованием	Со средним общим образованием		С неполным средним образованием		С начальным образованием	
				всего	из них окончило ПТУ	всего	из них окончило ПТУ	всего	из них окончило ПТУ
Все население	113	17	192	274	95	210	35	129	7
Мужчины	117	17	166	323	125	231	52	119	12
Женщины	109	17	214	233	70	192	20	137	3

* *Источник:* Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1989. С. 6.

иадлежало мужскому населению, среди которого данную категорию образования имели 16 628 тыс., в то время как среди женщин насчитывалось 14 358 тыс. лиц с общим средним образованием[9].

Неполное средиее образование было зафиксировано у 23 744 тыс. чел., что составило 210 чел. на 1000 жителей. Как и в предыдущей образовательной категории, здесь лидировали мужчины. Однако в абсолютных цифрах численность мужчин и женщин с даиым видом образования была примерно одинакова — 11 899 тыс. мужчин и 11 844 тыс. женщин[10]. В относительных цифрах преимущество мужчин было более выражено — 231 мужчина и 192 женщины из 1000 жителей имели иеполное среднее образование.

На территории РСФСР проживало 14 574 тыс. жителей, имевших образование в объеме начальной школы. Напомним, что в основном это были представители старших возрастиых групп с наиболее иизким образовательным уровнем. 53,5 % граждан, имевших начальное образование, приходилось иа лиц старше 55 лет. В возрастной группе 70 лет и старше начальное образование имели 76,9 % лиц данного возраста[11]. Данный вид образования был характерен преимущественно для женского населеиия. Так, мужчин с начальным образованием насчитывалось 6115 тыс., а женщин — 8 458 тыс. чел.[12], что составило 119 и 137 чел. соответственио на 1000 жителей.

Перепись 1989 г. определила численность и удельный вес лиц, окончивших профессионально-технические училища, т. е. имевших низшее профессиональное образование. Всего в стране иасчитывалось 15 466 тыс. чел., окончивших ПТУ, среди них лиц со средиим общим образованием — 10 729 тыс., с полным средним образованием — 3955 тыс. и с образованием в объеме начальной школы — 782 тыс. чел. Из них мужчин было 9714 тыс. чел., а женщин — 5752 тыс.[13] Всего закончили профессионально-технические училища 137 чел. из 1000 жителей РСФСР. Перепись зафиксировала высокий образовательный уровень рабочих страны. 69,4 % от их общего количества имели среднее общее образование, 25,5 — иеполное среднее, 5,1 — начальное образование[14]. Как показывают материалы переписи, ПТУ в основном оканчивали мужчины, что было связано с ориентацией начального профессионального образования на отрасли промышленного производства. На 1000 чел. населения приходилось 189 мужчин и 93 женщины, окончивших ПТУ. Особенно большой разрыв в этих показателях зафиксирован в образовательной категории «начальное образование», в которой удельный вес мужчин в 4 раза превысил соответствующий показатель у женщин.

Рассмотрим образовательный уровень мужского и женского населения страны, проживавшего как в городской, так и в сельской местности (см. табл. 59).

Таблица 59

Уровень образования мужского и женского населения, проживающего в городской и сельской местности РСФСР в 1989 г. (на 1000 лиц в возрасте от 15 лет и старше)*

	С высшим образованием	С незаконченным высшим образованием	Со средним специальным образованием	Со средним общим образованием		С неполным средним образованием		С начальным образованием	
				всего	из них окончило ПТУ	всего	из них окончило ПТУ	всего	из них окончило ПТУ
Городское население									
Все население	136	21	212	287	98	198	32	100	6
Мужчины	141	21	184	332	127	214	45	89	8
Женщины	132	20	236	250	74	185	20	108	3
Сельское население									
Все население	47	7	134	237	86	243	44	213	11
Мужчины	48	7	112	298	119	279	72	203	20
Женщины	45	7	152	185	57	213	20	221	3

* *Таблица составлена по материалам:* Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 16–17.

Как уже отмечалась, образовательный уровень горожан был выше, чем образовательный уровеиь сельского населения. Особенно явственно эта разница прослеживалась среди лиц с высшим образованием. В городах проживало 11 373 тыс. чел. с высшим образованием, а в сельской местностн — 1365 тыс.[15] Таким образом, на 1000 горожан приходилось 136 лиц с высшим образованием, в то время как на 1000 сельчан их было 47 чел., т. е. удельный вес последних был в 2,8 раза меньше.

И в городской, и в сельской местности доля мужчин с высшим образованием была выше доли женщин с аналогичным образованием. Следует отметить, что соотношение между мужчинами и женщинами, имевшими высшее образование, в городской и сельской местностях было одииаковым.

Среди лиц, имевших среднее профессиональное образование, также отмечено преобладание городского иаселения: 212 чел. на 1000 жителей имели среднее профессиональное образование в городе и 134 чел. — на селе, или 17 795 тыс. — в городской местности и 3918 тыс. — в сельской[16]. Напомним еще одну закономерность — удельный вес женщин со средним профессиональным образованием как в городе, так и на селе превышал соответствующие показатели у мужчин.

Мужчины преобладали среди лиц со средним общим образованием: на 1000 жителей в городе приходилось 332 мужчины и 250 женщин, на селе — 298 мужчин и 185 женщин. Причем этот разрыв был более явственен в сельской местности, где доля мужчин в категории лиц со средним общим образованием превышала долю женщин в 1,6 раза, в то время как в городской местности этот показатель составлял 1,3 раза.

Более высокий уровень образования городского населения проявился и в том, что его удельный вес в образовательных категориях «неполное среднее» и «начальное образование» был ниже, чем у населения, проживающего в сельской местности. Естественно, в количественном отношении в городе проживало больше лиц, имевших такой уровень образования. Так, численность населеиия с неполным средним образованием в городской местности исчислялось 16 617 тыс. чел., а в сельской — 7 127 тыс.[17] В то же время в городах на 1000 жителей лиц с данным видом образования приходилось 198 чел., а в сельской местности — 243. Перепись также зафиксировала большую долю мужчин с даиным видом образования, что было характерно как для городской, так и для сельской местности.

Подобная ситуация была и среди лиц с начальным образованием. В городах проживало 8344 тыс., а в сельской местиости — 6229 тыс. чел., имевших такой уровень образования[18]. Доля лиц с начальным

образоваиием была почти в 2 раза выше среди сельского населения: в городах на 1000 жителей их приходилось 100 чел., а в сельской местности — 213. Данный уровень образования преобладал среди женского населения.

Обратимся к сравнительной характеристике лиц, окончивших профессиоиально-технические учебные заведеиия. В городской местности их было 11 348 тыс. чел. (6873 тыс. мужчин и 4474 тыс. женщин), а в сельской местности — 4119 тыс. чел. (2841 тыс. мужчин и 1277 тыс. женщии)[19]. Удельный вес лиц, окончивших профтехучилища в сельской местности, был выше, чем в городах: 141 и 136 чел. на 1000 жителей соответственно. Это можно объяснить тем, что в сельской местности возможности для выбора специальности были более ограниченными, чем в городе. Широкое распространение и популярность там имели такие специальности, как механизатор, шофер, слесарь, которые молодые люди получали в сельских профтехучилищах. Это предположение подтверждается и соотношением между мужчинами и женщинами, окончившими профтехучилища на селе. Напомним, что преобладание доли мужчин, окончивших ПТУ, отмечено как в городе, так и в деревне. Но в городе эта разница не была столь заметна, здесь профессиоиально-технические учебные заведения окончили — 180 мужчин и 97 женщин иа 1000 чел. населения (доля мужчин превышала долю женщин в 1,8 раза). Хотя уровень профтехобразования в сельской местности был несколько ниже, чем в городе, он был достаточно высоким. Так, на селе на 1000 жителей профессионально-технические учебные заведения окончили 211 мужчии и 80 женщин (доля мужчин превысила долю женщин в 2,6 раза). Как уже отмечалось, лица, имевшие начальное профессиональное образование, имели высокий уровень общего образования. Так, в городской местности среди лиц с начальным профессиональным образованием 72 % имели среднее общее, 23,6 — неполное среднее, 4,4 — начальное образование. В сельской местности среднее общее образование имели 61 %, неполное среднее — 31,2, начальное образование — 7,8.

Таким образом, сравнение образовательного уровня мужчин и женщин, проживавших в городской и сельской местности, подтвердило тенденции, выявленные в предыдуший период. Городское население было образованнее, чем сельское, почти во всех образовательных категориях образовательный уровень мужчин был выше, чем у женщин. Исключение из этого составила образовательная категория «среднее специальное образование», где удельный вес женщин превысил соответствующий показатель у мужчин.

Как уже отмечалось, быстрыми темпами в РСФСР увеличивалась численность специалистов с высшим и средним специальным образованием. Их распределение по специальностям выглядело следующим образом.

Таблица 60

Численность и удельный вес специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в экономике по специальностям в 1989 г. (в тыс. чел.)*

	Уровень образования			
	высшее		среднее специальное	
	численность	доля в %	численность	доля в %
Всего специалистов в том числе:	8685	100	11898	100
Инженеры	4022	46,3	—	—
Техники	—	—	5762	48,4
Агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи	364	4,2	532	4,5
Экономисты	862	9,9	—	—
Плановики и статистики	—	—	1474	12,4
Товароведы	—	—	585	4,9
Юристы	95	1	34	0,3
Педагоги и работающие в области культуры и просвещения	2226	25,6	1283	10,8
Медицинские и социальные работники	96	1	1605	13,5
Научные работники	1020	12	623	5,2

* *Таблица составлена и рассчитана по:* Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 115–117.

Как видно из представленных материалов, около половины лиц, имевших высшее образование, окончили технические учебные заведения. Сама структура высшего образования страны была иаправлена, прежде всего, на подготовку технических специалистов. Четверть всех лиц, имевших высшее образование, имели педагогическое образование или окончили факультеты, готовящие работников культуры. Третье место по удельному весу среди лиц с высшим образоваиием (12 %) имели научные работники. Таким образом, каждый 12-й из 100 лиц, имевших высшее образование, работал в научных учреждениях, что было наиболее высоким мировым показателем. Незначительный удельный вес имели лица с медицинским и юридическим образованием.

Среди лиц со средним специальным образованием наибольший удельный вес, как и в группе высшего образования, имели техники, чей удельный вес составлял 48,4 %. Второе место по удельному весу занимали медицинские работники, иенамного отставали от них плановики и статистики. А педагогические работники по уровню среднего специального образования занимали лишь четвертое место. Удельный вес лиц, занятых в сельском хозяйстве, был практически одинаковым для лиц с высшим и средним специальным образованием и, несомненно, низким. Наиболее низкий удельный вес среди специалистов со средним специальным образованием заиимали юристы.

Уровень образования населения страны зависел и от места его проживаиия. Проанализируем уровень образования населения, проживавшего в различных экономических районах РСФСР.

Таблица 61

Уровень образования населения по экономическим районам РСФСР в 1989 г. (на 1000 лиц в возрасте от 15 лет и старше)*

Экономические районы	С высшим и средним (специальным, полным и неполным) образованием	В том числе с				
		высшим	незаконченным высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним
РСФСР	806	113	17	192	274	210
Северный	836	97	12	209	289	229
Северо-Западный	853	165	27	213	264	184
Центральный	824	155	21	195	251	202
Волго-Вятский	768	89	14	170	283	212
Центрально-Черноземный	734	89	14	170	268	193
Поволжский	794	100	17	188	282	207
Северо-Кавказский	781	97	16	184	272	212
Уральский	795	84	13	180	289	229
Западно-Сибирский	802	96	16	201	279	210
Восточно-Сибирский	816	100	17	197	276	226
Дальневосточный	877	125	17	225	300	210

* *Таблица составлена по:* Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 46–53.

Материалы таблицы свидетельствуют о том, что уровень образоваиия иаселеиия, живущего в разных экономических райоиах, неодинаков. Наиболее высокий уровень высшего, среднего специальиого и среднего (общего и неполного) образования был зафиксирован в Дальиевосточным экономическом районе, где он составил 877 чел. на 1000 жителей. Это можно объяснить рядом факторов: небольшим удельным весом сельского населения, которое традиционно является носителем более низкого уровня образования, широким развитием горнодобывающей и мореперерабатывающей промышленности, требующей работников, имеющих профессиональное образование. Более высокий удельный вес лиц, имевших высшее, среднее специальное и среднее (общее и неполиое) образование, по сравнению со средними показателями по РСФСР, зафиксирован в Северном, Северо-Западном и Центральном экономических районах. Высокие показатели уровня образования населения Северо-Западного района, включавшего три области (Ленинградскую, Новгородскую и Псковскую), во многом сложился за счет жителей г. Ленинграда. В этом городе был отмечен самый высокий удельный вес населения с высшим и средним (специальиым, общим и неполным) образованием в стране — 904 чел. на 1000 жителей[20]. Высокие показатели образованности населения Северного экономического района сложились благодаря высокому удельному весу городского иаселения, а жителей Центрального района, где был высокий удельный вес сельского населения, — за счет высокого образовательного уровня жителей г. Москвы. Столица страны занимала второе место в РСФСР по удельному весу лиц с высшим, средним специальным и средним (общим и неполным) образованием: 902 чел. на 1000 населения[21].

Наименьший удельный вес лиц с данным уровнем образования перепись зафиксировала в Центрально-Черноземном районе — 734 чел. на 1000 жителей. Даиный экономический район образовали области с высоким удельным весом сельского населения и сельскохозяйственного производства (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская), что и отразилось на уровне образованности населения. Выше общероссийского показателя образовательный уровеиь населения был зафиксирован в Северном и Восточно-Сибирском экономических районах.

Несколько иная картина отмечена среди лиц, имевших высшее образование. Бесспорными лидерами по этому показателю выступали Северо-Западный экономический район, где на 1000 жителей приходилось 165 чел. с высшим образованием, и Центральный экономический район, где этот показатель составил 155 чел. на 1000 жи-

телей. Как уже отмечалось, столь высокие показатели в основном были достигнуты благодаря высокому числу лиц с высшим образованием в столичных городах (Москве и Ленинграде). Лидерство по этому показателю принадлежало Москве — в столице высшее образование имели 264 чел. из 1000 жителей. Население Ленинграда несколько уступало по этому показателю Москве, но и тут группа лиц с высшим образованием составила внушительную цифру — 213 чел. на 1000 жителей. Дальневосточный экономический район по этому показателю занял третье место (125 чел. на 1000 жителей). Удельный вес лиц с высшим образованием в остальных экономических районах страны был ниже общероссийского. Наиболее низким он был в Волго-Вятском, Центральио-Черноземном (в обоих 89 чел. на 1000 жителей) и Уральском (84 чел.) экономических районах. Низкие показатели удельного веса лиц с высшим образованием в Уральском экономическом районе с развитой тяжелой промышленностью можно объяснить тем, что в его состав входили административные образования, где удельиый вес лиц с высшим образованием был иизок — Курганская область, Удмуртская АССР, и Коми-Пермяцкий автономиый округ. В Коми-Пермяцком автоиомном округе был зафиксирован самый низкий в РСФСР удельный вес лиц с высшим образованием — 43 чел. на 1000 жителей[22].

Подобную ситуацию перепись зафиксировала и в категории лиц, имевших среднее профессиональное образование. В среднем по РСФСР его имели 192 чел. из 1000 жителей. Наиболее высокая доля лиц с данным видом образования была зафиксирована в Дальневосточном экономическом районе — 225 чел. на 1000 населения. Выше общероссийских показателей доля лиц со средиим профессиональным образованием была отмечена в Северо-Западном, Северном, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Центральным экономических районах. Все эти районы имели большое количество крупных промышленных предприятий, развитую систему средних профессиональных учебных заведений, что и объясняло столь высокие показатели. Самая низкая доля лиц с данным уровнем образования была зафиксирована в Волго-Вятском и Цептрально-Черноземном экономических районах (170 чел. на 1000 населения).

Обратимся к анализу ситуации со средним (общим и неполным) образованием. Напомним, что средиее общее образование имели 274 чел. из 1000 жителей РСФСР. Более высокий уровень лиц со средним общим образованием, по сравиению с республиканским, был зафиксирован в Северном, Волго-Вятском, Поволжском, Уральском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Дальневосточном эко-

номических районах. Как свидетельствуют материалы, представленные в таблице, в данном списке оказались регионы как с высокими, так и низкими показателями уровня профессионального образования. В то же время анализ удельного веса лиц с неполным средним образованием свидетельствует, что высокий уровень профессионального образования привел к уменьшению показателей числа лиц со средним (общим и неполным) образованием. Наиболее низкие показатели их удельного веса были зафиксированы в Северо-Западном (184 чел. на 1000 жителей), Центрально-Черноземном (193), Центральном (202) и Поволжском (207 чел.) экономических районах. Низкая доля лиц с неполным средним образованием в Северо-Западном и Центральном районах РСФСР объясняется высоким уровнем профессионального образования, а также высоким уровнем образования в столичных городах (в Москве и Ленинграде перепись зафиксировала самые низкие в стране показатели лиц с неполным средним образованием — 156 и 162 чел. на 1000 чел. населения соответственно). Центрально-Черноземный и Поволжский регионы имели высокую долю населения со средним общим образованием, что и обусловило снижение показателей числа лиц с неполным средним образованием. В остальных экономических районах данные показатели находились на уровне среднем для республики или превосходили его.

Таким образом, материалы, представленные в таблице, выявили определенные различия в образовательном уровне населения, в них проживающего.

Рассмотрим уровень образования населения РСФСР по сравнению с другими союзными республиками СССР, выявленный по материалам Всесоюзных переписей населения 1979 г. и 1989 г.[23]

Образовательный уровень населения РСФСР в 1979 г. был несколько ниже, чем в целом по СССР. Данное положение было зафиксировано и переписью 1979 г.: на 1000 жителей СССР приходилось 439 чел. с высшим и полным средним образованием, в то время, как в РСФСР этот показатель составлял 425 чел. на 1000 жителей. В 1989 г. в Советском Союзе высшее и среднее полное образование имели 612 чел. на 1000 жителей, а в РСФСР этот показатель составил 596 чел. В то же время в период с 1979 по 1989 г. темпы роста образовательного уровня населения РСФСР несколько превосходили общесоюзные показатели. Если в целом по Советскому Союзу рост уровня образованности за десятилетие составил 28,3 %, то в РСФСР — 28,7 %. Это позволило несколько сократить отставание уровня образования в РСФСР от его общесоюзных показателей. Если в 1979 г. жители РСФСР с высшим и средним полным образо-

ванием составили 96,8 % от соответствующего показателя в СССР, то в 1989 г. этот показатель повысился до 97,3 %.

Материалы Всесоюзной переписи населеиия 1989 г. показали рост образованности населения РСФСР. Его образовательный уровень повысился как у мужского, так и у женского населения, как в городской, так и в сельской местиости. Особо явственно просматривается рост образовательного уровня молодежи. Материалы переписи подтвердили более высокую образоваиность городского населения по сравнению с сельским, и более высокий образовательный уровень мужчин. Самой образованной категорией иаселеиия оставались мужчины, проживающие в городах. В то же время перепись зафиксировала более интеисивный рост образователъиого уровия сельских жителей и жеиского населения.

Глава XI
Население и территория СССР и РСФСР в конце 1980-х гг.

Численность и размещение населения

СССР в 1989 г. занимал территорию 22,4 млн кв. км и включал 15 союзных республик: РСФСР, Украинскую ССР, Белорусскую ССР, Литовскую ССР, Латвийскую ССР, Эстонскую ССР, Молдавскую ССР, Грузинскую ССР, Азербайджанскую ССР, Армянскую ССР, Узбекскую ССР, Туркменскую ССР, Таджикскую ССР, Казахскую ССР, Киргизскую ССР.

Население СССР в 1989 г. составляло 286,7 млн чел.[1] Это десятилетие было отмечено трагическими событиями — во время войны в Афганистане погибло свыше 15 тыс. чел. Из них общие безвозвратные людские потери (убито, умерло от ран и болезней, погибло в катастрофах, в результате происшествий и несчастных случаев) советских Вооруженных Сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 15,1 тыс. чел. При этом органы управления, соединения и части Советской армии потеряли 14,4 тыс. чел., подразделения КГБ — 0,6 тыс., формирования МВД СССР — 28 чел., другие министерства и ведомства (Госкино, Гостелерадио, Министерство строительства и др.) — 20 чел. (данные приводятся за период с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. За этот же период пропало без вести и попало в плен 417 военнослужащих, из которых 130 чел. были освобождены из плена, а 287 оставались на 1 января 1990 г. не вернувшимися из плена и не разысканными[2].

РСФСР занимала площадь в 17,1 млн кв. км, или 76 % от всей территории СССР, население же ее насчитывало 147,4 млн чел., или 51,4 % от всего населения СССР[3].

В городах на 1989 г. проживало 108,4 млн чел., а в сельской местности — 39 млн, то есть городское население составляло 73,5 % и значительно превышало сельское.

Процесс урбанизации в силу своей интенсивности даже на протяжении небольшого хронологического периода отчетливо заметен: произошел рост городского и уменьшение сельского населения и в абсолютных, и в относительных величинах. При этом городское население почти во всех регионах увеличивалось и за счет естественного, и за счет интенсивного механического прироста населения. Сельское

иаселение убывало как за счет механического отрицательиого прироста населения, так и за счет снижения показателей его естественного прироста. Последнее было вызвано быстро развивающимся процессом старения села в связи с оттоком в города молодежи обоего пола, а также с растущей смертностью в селе лиц трудоспособного возраста, прежде всего, мужчин, по причине алкоголизма, травм, иизкого качества медицинского обслужнвания.

Северный район (выделен в 1982 г.) с числом жителей 6,1 млн и плотностью населения 4,2 чел. на 1 кв. км включал Архангельскую область, в ее числе Ненецкий национальный округ, Вологодскую и Мурманскую области, а также две автономные республики: Коми и Карельскую. Число жителей в районе колебалось от 1,6 млн чел. в Архангельской области до 0,8 млн в Карельской АССР. Наименьшее число жителей приходилось на Ненепкий автономный округ — 55 тыс. чел. Соответствеино низкой была и плотность населения в Ненецком автономном округе — 0,3 чел. на 1 кв. км. Незначительно превышали этот показатель Коми АССР — 3 чел. иа 1 кв. км при населении в 1,3 млн чел. и Архангельская область — 2,7 чел. на 1 кв. км при населении в 1,6 млн чел. Самая большая плотность населения была зафиксирована в Вологодской области — 9,3 млн чел. на 1 кв. км[4].

Северо-Западный район насчитывал 8,3 млн чел. Плотность населения здесь была высокой и составляла 42,1 чел. на 1 кв. км. В состав района входило 3 области — Ленинградская, Новгородская, Псковская.

Ленинградская область вместе с Ленинградом превосходила все остальные по численности населения — в ней проживало 6,7 млн чел. Здесь была самая высокая плотность населеиия — 77,8 чел. на 1 кв. км.

Новгородская и Псковская области имели относительно невысокую плотность населения — 13,6 и 15,3 чел. на 1 кв. км соответственно[5].

Цеитральный район концеитрировал значительную часть населения России и насчитывал 30,4 млн жителей. В этом районе была высокой и плотность населения — 62,6 чел. на 1 кв. км при том, что район заиимал обширную территорию.

В администрativиом отношении в Центральный район входили 12 областей — Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская с Москвой, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская и Ярославская.

Население Московской области с Москвой насчитывало 15,6 млн чел. Большое число жителей приходилось и на другие области — Калининскую — 1,7 млн, Тульскую — 1,9 мли, Рязанскую — 1,4 млн, Брянскую — 1,5 млн. Слабее были населены Ко-

стромская и Калужская области — в них проживало 0,9 и 1 млн чел. соответственно.

Плотность населения Московской области, включая Москву, была самой высокой — 333 чел. на 1 кв. км. В других областях этот показатель, хотя и был ииже, чем в Московской, достигал высокого уровня : в Тульской — 72,7 чел. на 1 кв. км, Ивановской — 55,1, Владимирской — 57 и т. д. Наиболее низкой была плотность населения в Костромской области — 13,5 чел. на кв. км[6].

Волго-Вятский район по занимаемой территории и численности населения заметно уступал Центральному району, его жители составляли 8,5 млн. В район входили Горьковская и Кировская области и три автономиые республики — Марийская, Мордовская, Чувашская. Показатель плотности населения района была значительно выше среднего по РСФСР в целом — 32,1 чел. иа 1 кв. км. Самой крупиой областью по числу жителей была Горьковская — 3,7 млн чел. Довольно значительную численность населения имела Кировская область — 1,7 мли. В Чувашской АССР проживало более 1,3 млн. чел., Мордовской — 1 мли. Этот показатель был ниже в Марийской АССР — 0,8 млн чел. При этом Кировская область, охватывавшая обширную территорию, имела минимальную для данного райоиа плотность населения — 14 чел. на 1 кв. км, а максимальную — Чувашская АССР, где на сравнительио иебольшой площади плотность населения равиялась 73 чел. иа 1 кв. км. Несколько уступала ей Горьковская область — 49,6 чел. на 1 кв. км. Выше средией по району была плотность населения в Мордовской АССР — 38,3 чел. на 1 кв. км. Несколько меньшим был этот показатель в Марийской АССР, где он равнялся 32,3 чел. на 1 кв. км[7].

Центрально-Черноземный район отличался «густой» заселенностью: хотя этот район был не слишком велик по территории, здесь было 7,7 млн жителей, а плотность иаселения составляла 46,2 чел. на 1 кв. км. На его территории находились пять областей: Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская. Самая большая численность жителей приходилась на Воронежскую область — 2,5 мли чел.

Значительиое количество населеиия было сосредоточено и в других областях Центрально-Черноземного района: в Тамбовской — 1,3 млн, Курской — 1,4 млн, Белгородской — 1,4 и т. д. Минимальное число жителей фиксировалось в Липецкой области —1,2 млн.

Плотность населения во всех областях ЦЧР была почти одинакова и довольно высока — от 51, 1 чел. на 1 кв. км в Липецкой до 44,9 чел. на 1 кв. км — в Курской. Несколько ниже показатель плотности населения был лишь в Тамбовской области — 38,5 чел. на 1 кв. км[8].

Поволжский район был довольно сильно населен — 16,4 мли чел. Однако плотность населения здесь была ниже, чем в большинстве

районов Европейской части РСФСР — 30,6 чел. на 1 кв. км. В составе Поволжского района находились Астраханская, Волгоградская, Куйбышевская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская области, Калмыцкая и Татарская АССР. Наиболее крупными по территории были в составе Поволжского района Волгоградская и Саратовская области. Плотность населения в этих областях была ниже средней по региону: 22,8 и 26,8 чел. на 1 кв. км. Столь же невысок этот показатель был в сравнительно небольшой по территории Астраханской области — 22,6 чел. на 1 кв. км. Число ее жителей составляло всего 1 млн чел.

Самым многочисленным в районе было население Татарской АССР — 3,6 млн и Куйбышевской области — 3,3 млн чел. Здесь же наблюдались самые высокие показатели плотности населения: соответственно 53,5 и 60,9 чел. на 1 кв. км[9]. Наименьшая численность населения была зафиксирована в Калмыцкой АССР — 0,3 млн, где плотность составляла 4,2 чел. на 1 кв. км.

В Северо-Кавказском районе население насчитывало 16,7 млн чел. В среднем здесь, как и в ЦЧР, — на 1 кв. км приходилось 47,1 чел. В состав района входили следующие административно-территориальные единицы: Красиодарский край с Адыгейской автономной областью; Ставропольский край с Карачаево-Черкесской автономиой областью; Ростовская область, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская АССР.

Самыми многочисленными по числу жителей были Краснодарский край — 5,1 млн чел., в том числе 0,4 млн жителей Адыгейской автономной области, Ростовская область — 4,3 млн, Ставропольский край — 2,9 млн, в том числе 0,4 мли жителей Карачаево-Черкесской автономной области. Свыше 1,7 млн жителей иасчитывала Дагестанская, 1,3 млн — Чечено-Ингушская, 0,6 — Северо-Осетинская, 0,8 млн — Кабардино-Балкарская АССР.

Самая высокая плотность населения была в Северо-Осетинской — 79,2 чел. на 1 кв. км и Чечено-Ингушская АССР — 66,2 чел. В Краснодарском крае в целом наблюдалась высокая плотность населения — 61,2 чел. на 1 кв. км, при этом в Адыгейской автономной области — 56,9 чел. Высокой была плотность населения и в Кабардино-Балкарской АССР — 60,8 чел. иа 1 кв. км.

Ниже показатель плотности населения был в Ростовской области и Ставропольском крае — 42,7 и 35,4 чел. на 1 кв. км соответственно.

Уральский район, достаточно крупный по занимаемой территории, был населен 20,3 млн жителей. Плотность населения здесь была довольно высока — 24,6 чел. на 1 кв. км. Этот показатель превосходил средний по РСФСР.

В Уральском районе находились: Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Челябинская области, Башкирская и Уд-

муртская АССР, а также Коми-Пермяцкий национальный округ (в составе Пермской области).

Уральский район в целом отличался неравномерным расселением населения. Высокая плотиость населения наблюдалась в Челябинской области — 41,3 чел. на 1 кв. км, в Удмуртской АССР — 38,2 чел., в Башкирской АССР — 27,5, в Свердловской области — 24,2. Зато в Оренбургской области этот показатель был значительно ниже — 17,5 чел. на 1 кв. км, в Курганской — примерно на том же уровне — 15,6 чел. Среднее положение между самыми высокими показателями в районе и более низкими занимает Пермская область — 19,3 чел. на 1 кв. км, но при этом во входящем в нее Коми-Пермяцком автономном округе на 1 кв. км приходилось всего 4,9 чел.

Более других была населена Свердловская область, в ней проживало 4,7 млн чел. В Башкирской АССР насчитывалось 4 млн жителей, в Челябинской — 3,6 млн, Пермской — 3,1 мли, при этом в Коми-Пермяцком национальном округе проживало всего 0,2 млн чел. В Оренбургской области жило 2,2 млн чел., в Удмуртской АССР — 1,6 млн, в Курганской области — 1,1[10].

В Западно-Сибирском районе проживало 15 млн чел. Плотность иаселения здесь была ниже средней по РСФСР и составляла 6,2 чел. на 1 кв. км. Район включал Алтайский край и в его составе Горно-Алтайскую автономную область, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа в ее составе. По обширности территории выделялась Тюменская область. Ее территория была очень слабо населена. Так, в целом в Тюменской области проживало 3,1 млн чел., а плотиость населения здесь составляла 2,1 чел. на 1 кв. км. Население Ханты-Мансийского округа составляло 1,2 млн, плотность — 2,4 чел. на 1 кв. км, Ямало-Ненецкого — 0,5 млн чел., а плотность — 0,6 чел. на 1 кв. км.

Обширной по территории была и Томская область. Она отличалась низкой плотностью населения — всего 3,2 чел. на 1 кв. км. На территории этой области проживало всего 1 млн чел. Наибольшее число жителей было сосредоточено в Кемеровской области — 3,2 млн и Алтайском крае — 2,8 млн. В Кемеровской области была самая высокая плотность населения — 33,2 чел. на 1 кв. км. В Алтайском крае этот показатель был близок к среднему по району — 10,8 чел. на 1 кв. км. При этом Горно-Алтайская автономная область имела низкую плотность — 2,1 чел. на 1 кв. км и очень малое по численности население — 192 тыс. чел. Обширные по площади Новосибирская и Омская области, сосредотачивали довольно значительное число жителей — 2,8 и 2,1 млн чел. соответственно. Но плотность населения иа их территориях была не особенно велика — 15,6 и 15,3 чел. на 1 кв. км[11].

Восточно-Сибирский район занимал огромную территорию. Населеиие насчитывало всего 9,2 мли чел. В силу величины территории плотность населения здесь была очень низкой — 2,2 чел на 1 кв. км. В Восточно-Сибирский район входили Красноярский край, Иркутская и Читинская области, Бурятская и Тувинская АССР.

В Красноярском крае проживало 3,6 млн чел. при плотности заселения в 1,5 чел. на 1 кв. км. Исключение составляла Хакасская автономная область, находившаяся в составе края. На ее относительно небольшой территории показатель плотности населения был близок к среднему показателю по РСФСР — 9,2 чел. на 1 кв. км. В Хакасской АО иасчитывалось 0,6 млн жителей. Красноярский край включал также Таймырский (Долгано-Неиецкий) и Эвенкийский национальные округа с населением 55 тыс. и 24 тыс. чел., и очень низкой плотностью населения — 0,1 и 0,03 чел. на 1 кв. км.

Население в 2,8 млн чел. и выше среднего по району показатель плотности населения — 3,7 чел. на 1 кв. км. имела Иркутская область. Входивший в ее состав Усть-Ордынский Бурятский автономный округ насчитывал 136 тыс. жителей, но в связи с относительно небольшой территорией плотность населения здесь была довольио высокой для данного региона — 6,1 чел. на 1 кв. км.

Читинская область была меньше Иркутской по площади. Численность населеиия в ией не превышала 1,4 млн чел., плотность была выше средней по району, но ниже, чем в Иркутской области — 3,2 чел. на 1 кв. км. Читинская область включала Агинский Бурятский автоиомный округ с 77 тыс. жителей и плотностью населения 4,1 чел. на 1 кв. км.

Среди автономных республик, входивших в Восточно-Сибирский район, наибольшую численность населения имела Бурятская АССР — 1 млн чел. с соответствующей плотностью населения — 3 чел. на 1 кв. км. В Тувинской АССР с населеиием в 309 тыс. чел. плотность населения была иижe среднего показателя по райоиу — 1,8 чел. на 1 кв. км[12].

В Дальневосточном районе, обширном по территории, проживало 7,9 млн чел. при плотности населения 1,3 чел. на 1 кв. км, что было значительно ниже среднего показателя по РСФСР. В Дальневосточный район входили Приморский и Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области, а также Якутская АССР.

Самым многонаселенным в Дальневосточном районе был Приморский край, где проживало 2,3 млн чел. Довольио высокой для данных мест была здесь и плотиость населения — 13,6 чел. на 1 кв. км, то есть выше среднего показателя по РСФСР.

Выше среднего показателя по району была плотность населения в Амурской и в Сахалинской областях. В Амурской области было зафиксировано 1,1 млн чел. и плотность населения 2,9 чел. на 1 кв. км. Сахалинская область имела численность жителей в 0,7 млн чел. на сравнительно небольшой территории, соответственно и плотность населения здесь была выше — 8,1 чел. на 1 кв. км.

Довольно значительное число жителей Дальневосточного района было сосредоточено в Хабаровском крае — 1,8 млн чел., однако плотность населения была ниже, чем в вышеназванных областях (2,2 чел. на 1 кв. км). Еврейская автономная область (в составе Хабаровского края) насчитывала 216 тыс. чел. при плотности населения 6 чел. на 1 кв. км.

Камчатская область была слабо населена — в ней было всего 0,4 млн жителей при плотности 1 чел. на 1 кв. км. В Корякском автономном округе, входившем в Камчатскую область, население насчитывало 39 тыс. чел., а показатель плотности равнялся 0,1 чел. на 1 кв. км. Население Магаданской области, в составе которой был Чукотский автономный округ, составляло 0,5 млн чел., в т. ч. в Чукотском национальном округе — 158 тыс. чел. Показатели плотности населения здесь были низкими: на 1 кв. км приходилось 0,5 чел., а в округе — 0,2[13]. На территории Якутской АССР было зафиксировано всего 1,1 млн чел. с очень низкой плотностью населения — 0,3 чел. на 1 кв. км.

Особо выделялась Калининградская область. В 1989 г. в ней было зафиксировано 0,9 млн жителей при плотности населения 57,7 чел. на 1 кв. км.

Возрастно-половой состав населения

Динамика половой структуры населения РСФСР в 1980-е гг. оставалась положительной. Из данных переписи населения 1989 г. видно продолжавшееся сближение в численном соотношении мужчин и женщин. Вместе с тем в эти годы сохранялось численное преобладание женщин над мужчинами — на 1000 мужчин 1989 г. в РСФСР было 1140 женщин, при этом в городах — 1145, селах — 1125. Это явление объяснялось высоким уровнем смертности мужского населения, в том числе значительными потерями мужчин активных репродуктивных возрастов во время войны в Афганистане в 1980–1989 гг., где было убито 14,5 тыс. чел.

В эти годы все еще сказывались огромные потери среди мужского населения в годы Великой Отечественной войны[14].

Из данных переписи населения 1989 г. видно, что, как и в 1979 г., в РСФСР мальчики численно преобладали в возрастах 0–4, 5–9, 10–14 лет. Превалирование числа мужчин над женщинами отмечалось также в средних возрастах 40–44 года (в городах — 30–34, а в селах — 45–49 лет). Важно также отметить, что в возрасте 35–39 лет соотношение числа мужчин и женщин было практически равным. В городах это соотношение ярче проявилось в молодых возрастах 25–29 лет. Численное преобладание женщин усиливалось в пожилых и старческих возрастных группах. Это были поколения, пережившие Первую мировую и Гражданскую войны, голод 1921 и 1932–1933 гг., массовые репрессии, Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Оказывала также влияние более низкая, чем у женщин, продолжительность жизни мужчин (см. табл. 62).

Таблица 62

Соотношение численности мужчин и женщин по возрастам, 1989 г.*

Возраст	Все население	Городское население
0–4	963	961
5–9	969	967
10–14	972	971
15–19	947	985
20–24	968	988
25–29	970	1001
30–34	987	1026
35–39	1007	1044
40–44	1029	1054
45–49	1112	1123
50–54	1154	1179
55–59	1258	1293
60–64	1581	1559
65–69	2298	2278
70 и старше	3125	2971
Всего	1140	1145

* *Составлено по:* Российский статистический ежегодник, 2001. С. 89.

Возрастная структура российского населения в 1980-е гг. характеризовалась демографическим старением. Средний возраст населения

повышался. Особенно заметно старение проявлялось в изменении среднего возраста женщин. Так, средний возраст у мужчин в 1959 г. был 26 лет, 1979 — 29, 1989 — 33, 1990 — 32 года; у женщин — соответственно 32 года, 37, 38 и 37 лет[15].

Данные переписей населения свидетельствовали о численном росте в РСФСР населения старше трудоспособного возраста: в 1959 г. его было 11,8 % (от общей численности населения), в 1970 — 15,4, в 1979 — 16,3, 1989 — 18,5, 1990 — 18,7 %. Однако в 1989 г. по сравнению с 1979 г. численно увеличилась группа моложе трудоспособного возраста, в 1959 г. она составляла 29,9 %, в 1970 — 28,6, 1979 — 23,3, 1989 — 24,5, 1990 — 24,4, и сократилась группа трудоспособного возраста, в 1959 г. она составляла 58,4 %, в 1970 — 56, 1979 — 60,4, 1989 — 57, 1990 — 56,8 %).

Те же тенденции прослеживались в возрастной структуре городского населения РСФСР. Данные переписей населения 1959 г., 1979 и 1989 гг. свидетельствуют о сокращеиии доли горожан моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов, а также увеличении доли горожан старше трудоспособного возраста. Удельный вес горожан моложе трудоспособного возраста сократился с 27,1 % в 1959 г. до 22 % в 1979. Однако в 1989 г. он повысился до 23,9 %, а в 1990 несколько снизился (на 0,2 %). Сокращалась доля лиц трудоспособных возрастов — в 1959 г. их было 62,7 %, в 1979 — 63,3, 1989 — 58,9, 1990 — 58,9 %. Удельный вес городских жителей старше трудоспособного возраста увеличился и составил в 1959 г. 10,2 %, в 1979 — 14,7, 1989 — 17,2, 1990 — 17,4. В этих возрастах диспропорция полов была наиболее сильно выражена.

В сельском населении доля группы старше трудоспособного возраста также повышалась: в 1959 г. она составила 13,5 %, 1979 — 20,1, 1989 — 22,1, 1990– 22,3. Удельный вес сельских жителей моложе трудоспособного возраста в 1989 и 1990 гг. повышался по сравнению с 1979 г.: в 1959 г. он составил 32,9 %, 1979 — 26,2, 1989 — 26,4, 1990 — 26,5 %, а трудоспособного снижался: в 1959 г. он составил 53,6 %, 1979 — 53,8, 1989 — 51,5, 1990 — 51,2 %[16].

Таким образом, возрастная структура населения РСФСР в 1980-е гг. характеризовалась сокращением доли трудоспособных возрастных групп и повышением удельного веса групп старше трудоспособных возрастов.

В связи с повышением рождаемости в 1980-е гг. возрастной состав населения РСФСР в 1989 г. характеризовался высоким удельным весом младенческих и детских возрастов (0–4 года и 5–9 лет) особенно в селах (см. табл. 63).

Демографические показатели когорт 1960–1964, 1965–1969, 1970–1974 и 1975–1979 гг. рождения были наиболее благополучными. В 1979 г. населенне 1975–1979 гг. рождения находилось в возрасте 0–4 года, 1970–1974 гг. рождения — в возрасте 5–9 лет, 1965–1969 гг. рождения — 10–14 лет, 1960–1964 гг. рождения — 15–19. Эти когорты в 1989 г. вступили в возраста соответственно 10–14 лет, 15–19 лет, 20–24 года, 25–29 лет. Понизился удельный вес подростковых и молодых возрастных групп населения (10–14 лет, 15–19 лет), что особенно заметно проявилось в сельском населении. Снижалась (в сельском населении наблюдалось ее небольшое увеличение) доля возрастов 20–24 года. Отмечалось увеличение удельного веса возрастных групп 20–29 лет, особенно в селах. Однако сопоставление данных переписей населения 1979 и 1989 гг. показало понижение в возрастном составе РСФСР доли наиболее репродуктивных возрастных групп. Так, в 1979 г. возрастная группа 20–24 года составляла в РСФСР в целом 9,5 %, в городах — 10,2, селах — 7,7; в 1989 г. — соответственно 6,6 %, 6,8 и 6,1. Возрастная группа 25–29 лет в 1979 г. составляла в РСФСР в целом 8,7 %, в городах — 9,5, селах — 6,7; 1989 г. — соответственно 8,5, 8,7, 8, то есть понижение удельного веса этой группы произошло именно средн сельского населения.

Население РСФСР 1955–1959 и 1950–1954 гг. рождения в 1959 г. было в возрасте 0–4 года и 5–9 лет, в 1979 г. — 20–24 года и 25–29 лет, в 1989 — 30–34 года и 35–39 лет. Удельный вес этих возрастных групп составил в РСФСР соответственно 11,4 и 10,6 %, 9,5 и 8,7 %, 8,7 и 7,9 %; в городах — 9,9 и 9,5 %, 10,2 и 9,5 %, 9,1 и 8,5 %, селах — 13 и 11,7 %, 7,7 и 6,7 %, 7,8 и 6,5 % (см. табл. 62 н 63).

В младенческих и детских возрастах численно преобладали мальчики. В наиболее активных брачных н ренродуктивных возрастных группах видно численное преобладание женщин. Вместе с тем в целом соотношение числа мужчин и женщин выравнивалось.

В возрастной структуре населеиия РСФСР в 1989 г. наиболее высокий процент (в городах — самый высокий) имели возрастные группы 30–34 года (1955–1959 гг. рождения). Удельный вес старших возрастов 35–39 лет, рожденных в 1950–1954 гг., понижался значительнее всего в селах. Дальнейшее его снижение видно в малочисленных послевоенных возрастах (40–44 года, годы рождения — 1945–1949). Доля населения, рожденного в годы войны (45–49 лет, годы рождения — 1940–1944), также была небольшой, но немного выше (кроме городского населения) послевоенных возрастных групп. В этих группах усиливалась диспропорпия полов. Довоенные воз-

раста 50–54 года (годы рождения — 1935–1939) благополучнее. В возрастном составе российского населения (1989 г.) их удельный вес выше, чем военных и послевоенных поколений.

Меньший удельиый вес имело иаселение старших возрастов 55–59 лет (годы рождения — 1930–1934), переживших голод 1932–1933 гг., а также Великую Отечественную войну. В этих возрастах отмечалось значительное численное преобладание женщин. Из данных переписей иаселения видио сокращение удельного веса этого поколения в общем составе населения: в 1959 г., когда людям этого поколения было 25–29 лет, они составляли 9 %, в 1979 г. — 45–49 лет (6,8 %), в 1989 — 55–59 лет (5,7 %); среди городского иаселения — соответственно 9,7, 6,6 и 5,3 %; среди сельского — 8,3, 7,3 и 6,8 %.

По своему удельному весу в составе населения к этим возрастам близки возрастные группы 60–64 года (годы рождения — 1925–1929). Заметно меньше в возрастной сгруктуре иаселения РСФСР процент пожилых возрастов 65–69 лет (годы рождеиия — 1920–1924), наиболее пострадавших в годы Великой Отечественной войны. В 1941 г. этим поколениям был 18–21 год, в 1959 — 35–39, 1979 — 55–59, 1989 — 65–69 лет. К огромным потерям в военные годы, особенно мужского населения, присоединились трудности послевоенных лет и подорвали здоровье людей этого поколения. Из данных переписей иаселения видно снижение удельного веса данных возрастов в общем составе населения. В 1959 г. удельный вес возрастных групп 35–39 лет был 5,5 %, в 1979, когда этим людям стало 55–59 лет, он понизился до 4,1 %, а в 1989, когда они достигли возраста 65–69 лет — до 3,1 (в городах — соответствеиио 6%, 3,9, 2,9, селах — 4,9, 4,5, 3,5). В этих возрастах существовала сильная диспропорния полов.

Малочисленным было население, рожденное в 1919 г. и раньше. Эти поколения также пострадали в годы Великой Отечественной войиы. В 1941 г. их представителям было 22–26, 27–31 и 32–36 лет, в 1959 г. — соответствеиио 40–44, 45–49, 50–54 года; в 1979 — 60–64, 65–69, 70–74 года; в 1989 г. — 70–74, 75–79, 80–84 года и особенно 70 лет и старше (год рождения — 1919). Эти поколения были затронуты и Первой мировой, и Гражданской войнами, революционными событиями, голодом, репрессиями, трудностями послевоенных лет. Населеиие пожилых возрастных групп характеризовалось высокими показателями заболеваемости и смертности. В этих возрастах существенно увеличилось число одиноких женщин (см. табл. 62, 63). Таким образом, в возрастном составе населения РСФСР в 1980-е гг. сохранялись последствия войн и социальных катаклизмов.

Таблица 63

Распределение населеиня РСФСР ио возрасту, 1989 г. (в процентах)*

Возраст	Год рождения	Все население 100	Городское население 100	Сельское население 100
0–4	1985–1989	8,2	7,9	9,0
5–9	1980–1984	7,7	7,5	8,3
10–14	1975–1979	7,2	7,0	7,7
15–19	1970–1974	6,8	7,2	5,7
20–24	1965–1969	6,6	6,8	6,1
25–29	1960–1964	8,5	8,7	8,0
30–34	1955–1959	8,7	9,1	7,8
35–39	1950–1954	7,9	8,5	6,5
40–44	1945–1949	5,2	5,7	3,9
45–49	1940–1944	5,4	5,5	5,1
50–54	1935–1939	6,5	6,5	6,7
55–59	1930–1934	5,7	5,3	6,8
60–64	1925–1929	5,7	5,4	6,5
65–69	1920–1924	3,1	2,9	3,5
70 и старше	1919	6,6	6,0	8,3

* *Составлено по:* Демографический ежегодник России, 2001. С. 88.

К концу 1980-х гг. в демографической характеристике иаселения Россни произошли значительные изменения.

В межпереписной период, особенно в 1986–1987 гг., выросли показатели рождаемости. В результате суммарный коэффициент рождаемости достиг 2,2. Затем он начал сиижаться и в 1989 г. был равен 2.

Повышение рождаемости на фоне застойных явлений в экономике было связано с активизацией демографической политики (см. главу VII).

Кроме того, положительное влияние на рождаемость оказывало и сглаживание деформаций в возрастно-половой пирамиде.

Показатель смертности иесколько понизился (до 10 ‰) в период антиалкогольной кампании. В 1986–1987 гг. сократилась смертность от отраалений алкоголем, дорожно-транспортных происшествий и травматизма, особенно производственного. Однако с 1988 г. уровень смертности, как и рождаемости, изменился. К этому времени он на-

чал расти в связи с общим ухудшением социально-экономической обстановки в стране, инфляцией, дороговизной, резким понижением качества медицинских услуг, дефицитом лекарственных препаратов.

В 1981–1984 гг. ожидаемая продолжительность жизни мужчин была равна 61,8 лет, а женщин — 73,2 годам. В 1985–1986 гг. она повысилась до 69 лет и достигла у мужчин 64, женщин — 74 лет. К 1987 г. этот показатель вырос до 70 лет (соответственно мужчин до 65, а женщин — 75). Но уже с конца 1980-х гг. было зафиксировано понижение ожидаемой продолжительности жизни российского населения. В 1989 г. этот показатель составил 69,6 лет, а к 1990 г. понизился до 69,2 лет, при этом ожидаемая продолжительность мужской и женской жизни составила соответственно 64,2 и 74,5; 63,8 и 74,3 года.

Итак, в 1980-е гг. в возрастно-половом составе населения РСФСР наблюдалось сближение численного соотношения мужчин и женщин. Вместе с тем в эти годы сохранялась диспропорция полов в средних и особенно в пожилых и старческих возрастах. Продолжалось демографическое старение населения: сокращалась доля трудоспособных и повышалась доля старше трудоспособных возрастных групп. В возрастной структуре населения сохранялись последствия войн и социальных катаклизмов. Понизился удельный вес наиболее активных брачных и репродуктивных возрастов (20–24 года, 25–29 лет), что уменьшало в целом демографический потенциал страны и в последующие годы сказывалось на репродуктивном поведении и уровне рождаемости.

В 1980-е гг. в России продолжалось развертывание демографической модернизации, хотя этот процесс находится на значительно более раннем этапе своего развития, чем в западноевропейских странах. Как и важнейшая ее составная часть — демографический переход, — демографическая модернизация теоретически не ведет ни к демографическому кризису, ни тем более к депопуляции. Однако в ходе ее развития могут возникнуть кризисные ситуации, причем весьма острые. В преодолении или углублении кризисных явлений велика роль социально-экономических, политических, идеологических факторов. Отставание России в ряде важнейших показателей технологической революции, в том числе в области медицины и фармакологии, оказало отрицательное воздействие на темпы и характер модернизационных процессов. В числе основных причин глубокого демографического кризиса в России — искусственное торможение демографической модернизации, недостаточное развитие науки и экономики, оторванность совершаемых научных открытий от их реализации в повседневной практике регулирования семьи, сохранения здоровья, продления полноценной жизни, сохранения российским населением

трудоспособности до глубокой старостн. Кризис и замедление темпов демографической модернизации (взаимосопряженные вещи) были связаны со стагнацией в политике и идеологии, продолжавших упорно ориентироваться лишь на традицнонные ценности и неграмотно и прямолинейно навязывать их в отрыве от реалий. Демографический фактор, нерешенные демографические проблемы пронизывали всю жизнь страны: экономику, политнку, национальные отношения, идеологню и культуру. Хотя во многом ситуация в областн демографического развития еще оставалась благополучной (а временами только казалась благополучной), нерешенность проблем демографической модернизации проявлялась все более остро. Пути к их решению в той или иной степени существовали, но реализованы не были. Этим объясияется масштабность и глубина разразившегося в 1990-е гг. демографического кризиса в России.

Таким образом, относительная стабилизация демографических показателей в первой половнне и середине 1980-х гг. была явлением временным и нестабильным. К концу десятилетия в демографическом развитии населения появились негативные тенденции, которые предвещали кризисную ситуацию. Концепция демографической политики тогда еще не сложилась, а иаучное прогнозирование демографического развития находилось у своих истоков.

Примечания

Глава I

[1] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. М., 1972. Т. 1. С. 7.

[2] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1980. С. 7.

[3] Там же. С. 33–34; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10–11.

[4] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. С. 6–7.

[5] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10–11; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. С. 7.

[6] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 7.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10–11; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. С. 8. Подсчеты автора.

[10] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 12.

[11] Там же.

[12] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 8.

[13] Там же; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 12.

[14] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 12.

[15] См.: Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10–11; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. С. 7–8.

[16] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С.10–11.

[17] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. С. 35.

[18] Там же.

[19] Там же; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 12.

[20] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 7–8.

[21] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10–11.

[22] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 7–9.

[23] Там же.

[24] Там же. С. 36; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10–11.

[25] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 10–11; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 8.

[26] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году.

[27] Там же.

[28] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 14; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 9.

[29] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 12–14.

[30] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 9.

[31] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году.

[32] Там же.

[33] Там же. С. 10; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 12.

[34] Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 12–13; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 9.

[35] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 12–13; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 9.

[36] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году.

[37] Там же.

[38] Там же.

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 12–13.

[42] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 6–9.

[43] Там же.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Там же; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 16.

[47] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. С. 6–8.

[48] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году.

[49] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 14–15.

[50] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. С. 8.

[51] Там же.

[52] Там же.

[53] Там же. С. 34–35; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1. С. 14–15.

[54] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. С. 8.

[55] Там же.

[56] Численность и состав населения СССР. С. 15, 19.

[57] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. С. 6–8.

[58] Население России за 100 лет. Стат. сб. М., 1998. С. 93–94.

[59] Регионы России. Стат. сб. М., 1999. Т. 1. С. 29, 311, 319, 413; Т. 2. С. 50, 51, 100–101; *Акопян А. С, Харченко В. И., Мишиев В. Г.* Состояние здоровья и смертность детей и взрослых репродуктивного возраста в современной России. М., 1999. С. 63, 64, 76, 78, 90, 91.

[60] Российский статистический ежегодник, 2001. Стат. сб. М., 2001. С. 81, 105, 107, 108, 110, 111, 115, 116, 117, 121; *Крутько В. Н., Смирнова Т. М.* Анализ тенденций смертности и продолжительности жизни населения России в конце XX века. М., 2002. С. 46.

[61] Демографический ежегодник России, 2002. Стат. сб. М., 2002. С. 384–387.

[62] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 999. Л. 4; Д. 1017. Л. 76–76 об., 84–84 об.; Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20; Демографический ежегодник Российской Федерации, 1993. Стат. сб. М., 1994. С. 65; Демографический ежегодник России, 1998. Стат. сб. М., 1998. С. 51; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 81, 105, 107, 108, 110, 111, 115, 116, 117, 121.

[63] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 1910. Л. 28–36; Оп. 67. Д. 1800. Л. 28–36; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 125; Население России, 1996. М., 1997. С. 166; *Крутько В. Н., Смирнова Т. М.* Указ. соч. С. 13.

[64] Демографический ежегодник России, 1998. С. 101–110, 392–393; Демографический ежегодник России, 2001. Стат. сб. М., 2002. С. 105–106; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 125; *Городецкий А. П.* Региональные особенности смертности в России. М., 2002. С. 3.

[65] *Акопян А. С., Харченко В. И., Мишиев В. Г.* Указ. соч. С. 96.

[66] Там же. Л. 1, 22, 64, 106, 85, 127, 141, 162; Д. 6129. Л. 1. Подсчеты автора.

[67] Там же; Итоги Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 2. М., 1989. С. 38–39; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 4. Д. 6129. Л. 4–6.

[68] Там же. Д. 6128. Л. 110; Д. 6129. Л. 5.

[69] Российский статистический ежегодник, 2001. С. 125; Демографический ежегодник России, 1998. С. 185–187; Демографический ежегодник России, 2002. С. 166–168; Население России, 1996. С. 166.

[70] Российский статистический ежегодник, 2001. С. 126; Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 274.

[71] Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 448–449, 491.

Глава II

[1] *Глезер О. Б.* Динамика населения России в первой половине 1990-х годов и смена факторов расселения // Проблемы расселения: история и современность. Сб. статей в честь Г. М. Лаппо. М., 1997. С. 38–42.

[2] *Зайончковская Ж. А.* Россия: миграция в разном масштабе времени. М., 1999. С. 11.

[3] Данные по Чечне и Ингушетии за 1990-е гг. носят приблизительный характер. Однако не вызывает сомнения, что совокупная доля городского населения этих республик существенно упала и осталась ниже 50 % (не достигнутых и в конце 1980-х гг.).

[4] Под большими понимаются города с населением свыше 100 тыс. чел. Употребление в том же смысле термина «крупногородское население» некорректно, поскольку под крупными городами понимаются города с населением более 250 тыс. чел. (то есть города – потенциальные ядра ГА).

[5] В 1989 г. население Грозного составляло около 400 тыс. чел., но в годы первой Чеченской войны оно сократилось в разы. Учета не было, но эксперты сходятся на том, что тогда в Грозном не было и 100 тыс. чел.

[6] Город и деревня Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 175.

[7] С населением более 250 тыс. чел.

[8] См.: *Полян П. М.* Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. М., 1988.

[9] «Истинными» — по терминологии В. П. Семенова-Тян-Шанского («Город и деревня Европейской России: сто лет перемен», М., 2001).

[10] До 1970-х гг. существовала только одна двухъядерная ГА — Новокузнецк-Прокопьевская.

Глава III

[1] Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 9.

[2] Демографический ежегодник России, 2001. Стат. сб. М., 2002. С. 19–21; О положении семей в Российской Федерации. М., 1994. С. 35–36.

[3] Там же. С. 27–28.

[4] Демографический ежегодник России, 1998. Стат. сб. М., 1998. С. 20; Демографический ежегодник России, 2001. С. 19–21; Российский статистический ежегодник, 2001. Стат. сб. М., 2001. С. 85; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 8, 10–14; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2005. Т. 14. С. 35–36. См. также: Город и деревня в Европейской России. Сто лет перемен. М., 2001. С. 156.

[5] О положении семей в Российской Федерации. М., 1992. С. 17; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 81.

[6] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 1920. Л. 13–20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 9, 13, 14.

[7] Демографический ежегодник СССР, 1990: Стат. сб. М., 1990. С. 30–32 (подсчеты автора); Семья в России: Стат. сб. М., 1990. С. 14.

[8] Демографический ежегодник Российской Федерации, 1993. Стат. сб. М., 1994. С. 81; Демографический ежегодник России, 2002. Стат. сб. М., 2002. С. 56; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 104; Численность, состав и движение населения РСФСР. М., 1990. С. 92–97.

[9] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1981. № 36. Ст. 1032. С. 863–864.

[10] См.: Там же. М., 1985. № 21. Ст. 369. С. 320–322.

[11] *Антонов А. И., Сорокин С. А.* Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000. С. 107, 108–109; О положении семей в Российской Федерации. С. 19.

[12] Демографический ежегодник России, 2001. С. 148; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 19.

[13] Демографический ежегодник России, 1998. С. 165; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1974. Л. 4–4 об.; Д. 1976. Л. 4–4 об.; Оп. 65. Д. 1929. Л. 4–4 об.; Д. 1932. Л. 4–4 об.; Оп. 67. Д. 1819. Л. 13.; Д. 1822. Л. 4–4 об.

[14] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1981. Л. 4 об.; Д. 1985. Л. 4 об.; Демографический ежегодник России, 2001. С. 136–138; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 24–25.

[15] Демографический ежеголник России, 2001. С. 136–138.

[16] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1978. Л. 4 об.; Оп. 65. Д. 1935. Л. 4 об.; Оп. 67. Д. 1825. Л. 4 об.

[17] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 67. Д. 1796. Л. 4–5; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 14. М., 2005. С. 270; Демографический ежегодник России, 1998. С. 154; Демографический ежегодник России, 2002. С. 94; О положении семей в Российской Федерации. С. 18, 20; Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 477; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 259–260.

[18] Демографический ежегодник России, 1998. С. 356–357. (Подсчеты автора); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1980. Л. 2 об.

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1987. Л. 4 об.; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 22.

[20] Демографический ежегодник России, 2001. С. 149 (подсчеты автора); Демографический ежегодник России, 1998. С. 166; Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 330; О положении семей в Российской Федерации. С. 20; *Голод С. И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи. М., 2008. С. 56.

[21] Демографические перспективы России. М., 1993. С 19.

[22] Демографический ежегодник России, 1998. С. 359–380. (Подсчеты автора); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Оп. 65. Д. 1920. Л. 4–20а; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–17.

[23] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Оп. 65. Д. 1920. Л. 4–20а; Д. 2002. Л. 10–10 об.; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–17. (Подсчеты автора).

[24] Российский статистический ежегодник, 2001. С. 104; Демографический ежегодник, 2001. С. 55.

[25] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20; Демографический ежегодник России, 1998. С. 51; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 79; Население Ленинграда. М., 1981. С. 38.

[26] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1991. Л. 4 об.; Оп. 67. Д. 1828. Л. 6 об.

[27] Демографический ежегодник России, 2001. С. 56–57; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 104.

[28] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 1910. Л. 28–36; Оп. 67. Д. 1800. Л. 28–36; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 125; Население России, 1996. М., 1997. С. 166.

[29] О положении семей в Российской Федерации. С. 22–23; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 125.

[30] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2001. Л. 4–4 об.; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 126; Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 363.

[31] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1994. Л. 10–12; Оп. 65. Д. 1941. Л. 2а–2а об. (подсчеты автора).

[32] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 67. Д. 1799. Л. 7–8; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 126; Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 274.

[33] Демографический ежегодник, 2001. С. 171.

[34] Демографические перспективы России. С. 25.

[35] Свод законов СССР. М., 1980. Т. 4. С. 320, 323, 464–465, 483.

[36] Там же. Т. 3. С. 130.

[37] Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1985. № 21. Ст. 369. С. 320–321.

[38] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2007. Л. 31–35 об; Оп. 65. Д. 1952. Л. 26–30 об.; Оп. 67. Д. 1847. Л. 26–30 об.; Российский статистический ежегодник, 2001. С. 126; *Бойко И. Б.* Введение в суицидологию: пенитенциарный аспект. Рязань, 1995. С. 38, 41, 42, 43; *Кузьмин А. И.* Семья на Урале. Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993. С. 28; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 82, 94; О положении семей в Российской Федерации. С. 26.

[39] Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 507.

[40] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2003. Л. 4а–4а об.; Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 445–447; Население России, 1993. М., 1993. С. 34–40; Население России, 1994. М., 1994. С. 98–100; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 82, 83.

[41] Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 84.

[42] Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 445–447.

[43] О положении семей в Российской Федерации. С. 27; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 87, 88–89, 90.

[44] Демографический ежегодник России, 2001. С. 184.

[45] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20; Оп. 65. Д. 1920. Л. 4; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4; Демографический ежегодник России, 1998. С. 190; Демографический ежегодник России, 2001. С. 184–185; Демографические перспективы России. С. 22; О положении семей в Российской Федерации. С. 23.

[46] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 81.

[47] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–21; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20.

[48] О положении семей в Российской Федерации. С. 23–24.

[49] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1994. Л. 10; Оп. 65. Д. 1941. Л. 2а–2а об.; Оп. 67. Д. 1799. Л. 7–8.

[50] Демографический ежегодник России, 2001. С. 172.

[51] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1991. Л. 4 об.; Оп. 67. Д. 1828. Л. 6 об.

[52] Там же. Оп. 63. Д. 2020. Л. 4; Оп. 65. Д. 2002. Л. 11–11 об.; Д. 2003. Л. 4а–4а об.; Д. 2045. Л. 11–13; Оп. 67. Д. 1881. Л. 13; Население России, 1994. С. 84–85, 96–98; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 85, 86.

Глава IV

[1] Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 годы. М., 2000. С. 95.

[2] *Жиромская В. Б.* После революционных бурь. Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 7.

[3] Там же.

[4] *Новосельский С. А.* Влияние войны на естественное движение населения // Тр. Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. 1914–1920 гг. Вып.1. М.; Пг., 1923. С. 115, 137.

[5] *Дробижев В. З.* У истоков советской демографии. М., 1987. С. 69.

[6] *Жиромская В. Б.* Указ. соч. С. 9.

[7] *Adametz S., Blum A., Zakharov S.* Disparites et variabilites des catastrophes demographiques en URSS. Paris, 1994. P. 62.

[8] Население России в XX веке. С. 135.

[9] Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М.,1924. С. 12–29, 42.

[10] Там же. С. 40–42.

[11] *Adametz S., Blum A., Zakharov S.* Op. cit. P. 73.

[12] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17. М., 1929. С. 7–9.; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 44, 46; *Андреев Е., Дарений Л., Харькова Т.* Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 35; Социологические исследования. 1990. № 6. С. 24.

[13] Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 24.

[14] *Жиромская В. Б.* Указ. соч. С. 12–13.

[15] Там же.

[16] *Жиромская В. Б.* Новые подходы к изучению истории российского населения в 1990-е годы // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Краснодар, 2006. С. 6; *она же.* Демографические проблемы в России в XX — начале XXI века // Очерки российской истории. Современный взгляд. М., 2008. С. 381; в эти данные автором внесены некоторые уточнения на базе разработки коллекции архивных материалов РГАЭ (Ф. 1562. Оп. 329).

[17] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 77–77 об., 137–137 об., 143–143 об., 140–140 об., 134–134 об. (Подсчеты аэтора.)

[18] Там же.

[19] Там же. Л. 75–75 об., 76–76 об., 135–135 об., 136–136 об., 141–141 об., 142–142 об., 138–138 об., 139–139 об. (Подсчеты автора.)

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же. Л. 141–142 об. (Подсчеты автора.)

[23] Там же. Л. 75–75 об., 76–76 об., 135–135 об., 136–136 об., 138–138 об., 139–139 об. (Подсчеты автора.)

[24] Там же.

[25] См.: *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. С. 46, 218; Население России в XX веке. С. 354.

[26] *Жиромская В. Б.* Указ. соч. С. 94–95, 97.

[27] Там же.

[28] *Зима В. Ф.* Голод в СССР, 1946–1947. М., 1997. С. 188.

[29] См.: *Андреев А., Дарский Л., Харькова Т.* Демографическая история России: 1926–1959 гг. С. 157–160.

[30] Население Советского Союза. 1922–1921. М., 1992. С. 74–75.

[31] Там же. С. 37–39; «Народное хозяйство РСФСР в 1960 году». Сб. стат. сведений. М., 1960. С. 7–8.

[32] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 60–61.

[33] Население России за 100 лет (1897–1997). Стат. сб. М., 1998. С. 38.

[34] Демографическая модернизация России. 1900–2000 гг. М., 2006. С. 185.

[35] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 3. (Подсчеты автора); *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Демографическая история России. С. 165.

[36] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 3–5.

[37] Там же. Л. 127, 114, 156, 175, 189, 111. (Подсчеты автора.)

[38] Там же. Л. 111, 114, 239. (Подсчеты автора.)

[39] Там же. Л. 54, 87, 84, 69, 127, 145, 156, 230, 236, 111, 239, 189, 242, 248, 254, 182, 153, 149, 60. (Подсчеты автора.)

[40] Там же. Л. 72–157. (Подсчеты автора.)

[41] Там же. Л. 91, 131, 139. (Подсчеты автора.)

[42] Там же.

[43] Там же. Л. 1. (Подсчеты автора.)

[44] Там же. Л. 12, 14, 16, 28, 36, 38, 44, 52, 64, 76, 88, 101, 111, 151, 154. (Подсчеты автора.)

[45] Там же. Д. 701. Л. 11, 16, 22, 39, 44. (Подсчеты автора.)

[46] Там же. Оп. 18. Д. 412. Л. 1 об.–2; Д. 444. Л. 1 об.–2.

[47] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 72–157.

[48] Там же. Оп. 18. Д. 362. Л. 3, 78–84. (Подсчеты автора.)

[49] Там же. Л. 3–4, 78–84. (Подсчеты автора.)

[50] Там же. (Подсчеты автора.)

[51] Там же. Л. 3–4. (Подсчеты автора.)

[52] Подробнее см.: *Жиромская В. Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. Историко-демографический аспект. 1946–1960. М., 2009.

[53] Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги. Сб. документов и материалов. М., 2007. С. 81–44; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 60–61. (Подсчеты автора).

[54] *Медков В. М.* Демография. М., 2008. С. 200.

Глава V

[1] *Богоявленский Д.* Этнический состав населения России // Население и общество. 1999. № 41.

[2] *Козлов В. И.* Национальности СССР. М., 1975.

[3] *Tolts M.* Jews in Russia. A case study of population decline. Paper presented at the Conference «Population of Russia in the 20th Century». Moscow, December 21–22, 1998.

[4] *Дарский Л. Е., Ильина И. П.* Брачность в России. Анализ таблиц брачности. М., 2000.

[5] См.: *Добровольская В. М.* Этническая дифференциация смертности // Демографические процессы в СССР. М., 1990; *Богоявленский Д. Д., Школьников В. М., Андреев Е. М.* Этнические различия // Неравенство перед лицом смерти. М., 2000.

[6] *Богоявленский Д. Д., Школьников В. М., Андреев Е. М.* Этнические различия // Неравенство перед лицом смерти. М., 2000.

[7] Демографическая модернизация России, 1900–2000 гг. М., 2006. С. 307.

[8] Там же. С. 308.

[9] См.: Неравенство и смертность в России. М., 2000.

[10] *Денисенко М. Б.* Динамика и территориальные особенности современных миграционных процессов в РФ // Население и кризисы. Вып. 2. М., 1996. С. 5.

[11] Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1997. С. 504–506.

[12] См. гл. VIII.

Глава VI

[1] *Зуськова О. Э.* Становление семьи и развитие личности // Становление брачно-семейных отношений. М., 1989. С. 71; *Мокеров И. П., Кузьмин А. И.* Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С. 73–74.

[2] Русские. (Этносоциологические очерки). М., 1992. С. 160; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 248.

[3] *Фотеева Е. В.* Развод в представлениях рабочих и интеллигенции // Становление брачно-семейных отношений. С. 84.

[4] Русские. С. 162, 170.

[5] *Чистякова Т. Ю.* Жизненные ценности и планы незамужних женщин // Становление брачно-семейных отношений. М., 1989. С. 28, 31, 33, 36; *Голод С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 54–55; *он же.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 94–95.

[6] *Заикина Г. А.* Либерализация половой морали и семья // Становление брачно-семейных отношений. С. 56–57.

[7] *Мокеров И. П., Кузьмин А. И.* Указ. соч. С. 56.

[8] *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С. 94–95.

[9] *Зидер Р.* Указ. соч. С. 249–250.

[10] *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С. 78–81; *Заикина Г. А.* Указ. соч. С. 53–55; *Зидер Р.* Указ. соч. С. 251.

[11] О положении семей в Российской Федерации. М., 1994. С. 10–11.

[12] Демографический ежегодник СССР, 1990. Стат. сб. М., 1990. С. 238–239; Демографические перспективы России. Доклад. М., 1993. С. 28.

[13] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2027. Л. 3–4; Д. 2029. Л. 5–6; Демографический ежегодник России, 1998. Стат. сб. М., 1998. С. 126–127; Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. М., 1992. С. 34; Русские. С. 158.

[14] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2028. Л. 64 об.; Оп. 67. Д. 1900. Л. 6 об.

[15] См.: *Мокеров И. П., Кузьмин А. И.* Указ. соч. С. 57.

[16] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2028. Л. 4 об.; Оп. 65. Д. 2008. Л. 4 об.; Оп. 67. Д. 1900. Л. 4 об.; Демографический ежегодник России, 1990. С. 230–231.

[17] *Аристова Н. Г.* Образ будущей семьи: внутренние противоречия // Становление брачно-семейных отношений. С. 45–46.

[18] Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 191. (Подсчеты автора.)

[19] Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 31; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. М., 1972. С. 263; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2. Ч. 2. М., 1989. С. 718; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 14. М.,

2005. С. 199; Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 238–239. (Подсчеты автора); О положении семей в Российской Федерации. С. 11–12.

[20] Демографический ежегодник СССР, 1990: Стат. сб. М., 1990. С. 269, 301. (Подсчеты автора); Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 32, 33.

[21] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2031. Л. 6–6 об.; Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 285.

[22] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2031. Л. 4–4 об.; Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 285. (Подсчеты автора); Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 37–40.

[23] Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее. С. 42, 44–45.

[24] Демографические перспективы России. С. 29; О положении семей в Российской Федерации. С. 13.

[25] Российский статистический ежегодник, 1994. Стат. сб. М., 1994. С. 45; Российский статистический ежегодник, 1996. Стат. сб. М., 1996. С. 61.

[26] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20. В опубликованных данных статистики отразились показатели брачности населения Москвы и Санкт-Петербурга. В Москве на 1000 чел. населения браки состааляли: в 1980 г. – 10,5, 1987 – 10,5, 1990– 9,4. В Санкт-Петербурге – соответственно 12,0, 11,9, 10,3; см.: Семья в России. Стат. сб. М., 1996. С. 70–72.

[27] Насслеиие Урала, XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 177–179.

[28] Семья в России. С. 69.

[29] Демографический ежгодник СССР, 1990. С. 232–233.

[30] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2029. Л. 6–6 об.; Д. 2030. Л. 6–6 об.; Русские. С. 192; О положении семей в Российской Федерации. С. 13; *Кузьмин А. И.* Семья на Урале: Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993. С. 85.

[31] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2029. Л. 4–4 об.; Д. 2030. Л. 4–4 об.; *Кузьмин А. И.* Указ. соч. С. 80, 82; О положении семей в Российской Федерации. С. 14.

[32] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4; Оп. 65. Д. 1920. Л. 4; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4; Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 220; О положении семей в Российской Федерации. С. 15–16.

[33] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 1968. Л. 4–20; Оп. 67. Д. 1812. Л. 4–20. В опубликованных данных были зафиксированы общие коэффициенты разводимости населения столичных городов (в ‰). В Москве в 1980 г. – 5,2, в 1987 – 4,6, в 1990 – 4,8; в Санкт-Петербурге – соответственно 5,9, 5,3, 5,5; см.: Семья в России. С. 69, 73–76.

[34] О положении семей в Российской Федерации. С. 15–16.

[35] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2032. Л. 4–4 об.; Оп. 67. Д. 1903. Л. 4–4 об. (Подсчеты автора); Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 306–307.

[36] Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 305.

[37] Там же. С. 305. (Подсчеты автора.)

[38] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2035. Л. 4.

[39] Русские. С. 183.

[40] *Киселева Г. П., Синельников А. Б.* Эволюция брачно-семейной структуры населения СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 44; *Фотеева Е. В.* Указ. соч. С. 66.

[41] *Солодовников В. В.* Условия и причины нестабильности молодых городских семей // Становление брачно-семейных отношений. С. 95.

[42] *Зидер Р.* Указ. соч. С. 264–285.

[43] Там же. Д. 2033. Л. 3–5 об.

Глава VII

[1] Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 32, 45 (подсчеты автора); О положении семей в Российской Федерации. С. 7; Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992. С. 6–7.

[2] Семья в СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 14–15. (Подсчеты автора); Демографические перспективы России. Доклад. М., 1993. С. 30.

[3] Демографические перспективы России. С. 32; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 261.

[4] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 2710. Табл. 38; О положении семей в Российской Федерации. М., 1994. С. 8–9; *Мокеров И. П., Кузьмин А. И.* Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С. 25; *Кузьмин А. И.* Семья на Урале: Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993. С. 65; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 65.

[5] Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. М., 2001. С. 52.

[6] *Мацковский М. С.* Изменение положения женщин и будущее семьи // Социологические исследования. 1979. № 1. С. 85–91.

[7] *Голод С. И., Клецин А. А.* Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. СПб., 1994. С. 33–34.

[8] *Зидер Р.* Указ. соч. С. 270–274.

[9] Всесоюзная перепись населения 1959 года: РСФСР. М., 1962. С. 450; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 6. Ч. 1. М., 1983. С. 48; Семья в СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. С. 14–15. (Подсчеты автора); *Кузьмин А. И.* Указ. соч. С. 61–62; Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. С. 51–52.

[10] Всесоюзная перепись населения 1959 года: РСФСР. С. 438–439, 446–447; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Стат. сб. Т. 6. Ч. 2. М., 1990. С. 54–166; Семья в России. Стат. сб. М., 1996. С. 21; Население Западной Сибири в XX веке. С. 65; Москва в цифрах: с начала века до наших дней. М., 1997. С. 24; Население Ленинграда. М., 1981. С. 9–10.

[11] Семья в СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 4–5.

[12] *Зидер Р.* Указ. соч. С. 255.

[13] Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 32; Семья в СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 6–13; Население Западной Сибири в XX веке. С. 64.

[14] Семья в СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 4. (Подсчеты автора.)

[15] Рассчитано по: О положении семей в Российской Федерации. С. 8.

[16] *Кузьмин А. И.* Указ. соч. С. 106.

[17] Население Западной Сибири в XX веке. С. 65.

[18] *Фотеева Е. В.* Указ. соч. С. 63, 85, 67, 70; *Солодовников В. В.* Указ. соч. С. 86; *Зидер Р.* Указ. соч. С. 266, 268, 269.

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2034. Л. 4; Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 304 (подсчеты автора).

[20] Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 41; Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. С. 53–54.

[21] *Зуськова О. Э.* Указ. соч. С. 75, 82.

[22] Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. С. 296–298.

[23] *Зуськова О. Э.* Указ. соч. С. 75, 82; *Волод С. И., Клецин А. А.* Указ. соч. С. 6–8.

[24] Там же. С. 10, 11, 18–20; *Зидер Р.* Указ. соч. С. 243, 244, 246, 247.

[25] *Сысенко В. А.* Отцы и дети // Социологические исследования. 1986. № 2. С. 99; Население Ленинграда. С. 77; *Зидер Р.* Указ. соч. С. 252, 255.

Глава VIII

[1] Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

[2] СЗ СССР. Т. 2. М., 1984. Ст. 678–884.

[3] Население мира: демографический справочник. М., 1989. С. 125.

[4] Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 22. Ст. 391; Правда. 1985. 21 мая.

[5] Правда. 1987. 22 окт.

[6] Там же. 21 окт.

[7] См.: Постановление Совета министров СССР от 7 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» // СЗ СССР. Т. 10. М., 1985. С. 269–270; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 г. «Об усилении борьбы с пьянством» // СЗ СССР. Т. 10. М., 1985. С. 487–489.

[8] Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 140.

[9] Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 23. Ст. 239.

[10] СП СССР. 1973. № 25. Ст. 143.

[11] Там же. 1985. № 8–9. Ст. 68.

[12] Там же. 1973. № 8. Ст. 34.

[13] Там же. 1978. № 28. Ст. 445.

[14] Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 145.

[15] СП СССР. 1985. № 22. Ст. 391.

[16] Там же. 1987. № 2. Ст. 34.

[17] Там же. 1983. № 27. Ст. 413.

[18] Там же. 1985. № 22. Ст. 391; Правда. 1985. 21 мая.

[19] Правда. 1985. 2 апр.

[20] См.: Советская Россия. 1987. 6 сент.

[21] Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. С. 488; Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982. С. 417, 419.

[22] Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. № 27. 1990. 6 дек. Ст. 351.

[23] См.: *Бабич А. М., Егоров Е. Н., Жильцов А. П.* Экономика социального страхования. М., 1998.

[24] Российский статистический ежегодник. 2001. М., 2001. С. 197.

[25] Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 214.

[26] СП СССР. 1979. № 24. Ст. 154; Правда. 1979. 2 окт.

[27] *Блуфард В. Г.* К вопросу об эффективности труда пенсионеров // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 168–170.

[28] Там же. С. 168–169.

[29] Там же. С. 169.

[30] *Новицкий А. Г., Миль Г. В.* Занятость пенсионеров: социально-демографический аспект. М., 1981. С. 63.

[31] См.: Правда. 1987. 25 февр.

[32] См.: Население и формы занятости. М., 1985. С. 251.

Глава IX

[1] *Зайончковская Ж. А.* Миграционные связи России после распада СССР // Миграционные процессы после распада СССР. Программа по исследованию миграции. Вып. 5. М., 1994. С. 23–48.

[2] *Голиков Н. Ф., Седловский А. И.* Социально-экономические аспекты сельского расселения в Казахстане. Кайнар, 1981; *Исканов У. М.* Этапы формирования городского населения республики // Население и трудовые ресурсы Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 95–104.

[3] *Данилова И. А.* Тенденции межрайонного перераспределения населения в СССР. Дис. ... канд. экон. наук. М., 1985.

[4] *Максакова Л., Дворяджина А.* Формирование рабочего класса в республиках Средней Азии // Население Средней Азии. М., 1985. С. 55–61.

[5] Душевой объем дотаций из союзного бюджета в республиках Средней Азии был низким, даже в сравнении с соседним Казахстаном, для которого он составлял 163 руб., тогда как для Киргизии – 119, Туркмении 114, Узбекистана – 98,5, Таджикистана – 63. Рассчитано по извлечениям из Закона СССР о Госбюджете СССР на 1989 г. (Коммунист. 1989. № 14. С. 27).

[6] *Алджанов М.* Приживаемость новоселов в городах Узбекской ССР // Развитие и размещение производительных сил и использование трудовых ресурсов. Ташкент, 1977. С. 48–53.

[7] *Касперович Г. И.* Миграция населения в города и этнические процессы (на материалах исследования городского населения БССР). Минск, 1985.

[8] *Тихонова Л.* Современные миграционные процессы в Беларуси // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество. М., 1997. С. 91–100.

[9] Амурская область: опыт энциклопедического словаря. Хабаровск, 1989. С. 137, 255.

[10] *Марксоо А.* Причинная структура миграционных потоков в системе расселения Эстонской ССР // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1974. С. 39–55.

[11] Имеется в виду переезд на постоянное место жительство, который мог быть осуществлен в границах административно-территориальных единиц СССР, исключая внутригородские перемещения.

[12] Подробнее об этом см.: *Скатерщикова Е. Е.* Жизненные миграции как фактор территориальной сплоченности России // География. Приложение к газете «Первое сентября». 1998. № 32.

[13] *Зайончковская Ж. А.* Демографическая ситуация как фактор эмиграции из СССР // Миграция населения. М., 1992. С. 6–31.

[14] *Зайончковская Ж. А.* Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. Научный доклад Московского центра Карнеги. Вып. 11. М., 1996. С. 41–64; *она же.* Демографическая ситуация как фактор эмиграции из СССР // Миграция населения. М., 1992. С. 6–31.

[15] Например, на долю межреспубликанской миграции в Узбекистане в 1976 г. приходилось 26,1 %, а на миграцию из сел Узбекистана в города — 17,1 %. Всего несколькими годами позднее, в 1980 г. пропорции были уже другими — соответственно 6,3 и 32,3 %, что ярко иллюстрирует стремительный рост мобильности титульного населения республики; см.: *Максакова Л., Дворядкина А.* Формирование рабочего класса в республиках Средней Азии. С. 55–61.

Глава X

[1] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 3. Ч. 1. М., 1982. С. 24.

[2] О реформировании образовательной и профессиональной школы. Сб. документов и материалов. М., 1984.

[3] *Анайкина Л. И.* Становление системы народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.). М., 2000.

[4] Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. М., 1990. С. 25.

[5] Там же. С. 257.

[6] Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 234.

[7] Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1989. С. 6–7.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Подсчитано по материалам: Уровень образования населения СССР: по данным переписи 1989 г. М., 1991. С. 6.

[12] Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 6–7.

[13] Там же.

[14] Подсчитано по материалам: Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Табл. 6.

[15] Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 6–7.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Подсчитано по материалам: Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 6–7.

[20] Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 46.

[21] Там же.

[22] Там же. С. 48.

[23] Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 36.

Глава XI

[1] Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1989. С. 17–18.

[2] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 536.

[3] Там же. С. 18.

[4] Там же. С. 19.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 20.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 21.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 21.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. М., 2001. С. 132; *Эрлихман В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004. С. 20–22.

[15] Демографические перспективы России. М.. 1993. С. 25.

[16] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 40–41; Демографический ежегодник России. 2001. М., 2001; С. 88; Демографический ежегодник России. 2002. Госкомстат России. М., 2002. С. 34–35.

Список принятых сокращений

АССР — автономная советская социалистическая республика
АО — автономная область
а. о. — автономный округ
г. — город
губ. — губерния
млн — миллион
млрд — миллиард
н. о. — национальный округ
о. — область
р-н — район
ССР — советская социалистическая республика
тыс. — тысяча
чел. — человек